ЦКАЯ КНИГА РЕДКАЯ КНИ
НИГА • РЕДКАЯ КНИГА • РЕДК
КАЯ КНИГА РЕДКАЯ КНИ

Ф.И. ЕВСЕЕВ

КАЗАКИ НА КАВКАЗСКОМ ФРОНТЕ 1914 — 1917

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Это записки о боевых делах казачьих соединений и частей на Кавказском фронте в годы Первой мировой войны. О подвигах командиров и рядовых бойцов, их судьбах, казачьих традициях и обычаях, укладе жизни, особенностях боевой службы. Казаки прошли с боями пол-Турции, воевали в Персии, поили своих лошадей в Тигре и Евфрате…

Записки Ф. И. Елисеева впервые публикуются в нашей стране.

- Федор Елисеев
  - От составителя
  - Тетрадь первая
    -
    - Казачьи части на кавказском фронте и их командиры
    - Наш полк. Выступление на войну
    - На Джульфу. Гора Арарат
    - В Персию. Макинский отряд
    - Наши полки — 1-й Таманский и 1-й Кавказский
    - На разведке
    - Первый бой с турками
    - После боя. Подхорунжий Илья Дубина
    - Второй день войны. Гибель хорунжего Семеняки с разъездом
    - Генералы Абациев и Гулыга. Среди своих пластунов
    - Четвертый день войны. Встреча с 1-м Лабинским полком
    - Пятый день войны. Черноморцы
    - Назад в Баязет
    - Перед Тапаризским перевалом
  - Тетрадь вторая
    - Пояснения. Кубанское и Терское войска в мирное время
    - Кубанское войско в дни мобилизации 1914 года
    - 1-я Кавказская казачья дивизия генерала Баратова
    - 1-я Кубанская пластунская бригада генерала Пржевальского
    - Казаки на других направлениях Кавказского фронта
    - 1-й Лабинский генерала Засса полк

- Лабинцы в боях против курдов и турок
- Переход 2-й Кубанской пластунской бригады генерала Гулыги
- Кубанские казаки в Сарыкамышской операции
- Конная атака Сибирской казачьей бригады под Ардаганом
- Перемены в высшем командном составе Кавказской армии

○ Тетрадь третья
- На Баязет!
- Трагедия под Дутахом
- 1-й Лабинский полк и сотник Бабибв
- Второе появление сотника Бабиева
- Ллашкертское казачье войско
- Даярский проход
- Перегруппировка Кавказской армии и казачьих частей
- Добавочные силы Кубанского войска
- Казачьи силы на Кавказском фронте к весне 1915 года
- В Персии. В отряде генерала Чернозубова
- Имена и судьбы

○ Тетрадь четвертая
- Ванская операция. Корпуса и отдельные отряды
- Араратский отряд и армянские добровольческие дружины
- Переход через Тапаризский перевал. Конная атака
- Фуражировка
- В долине Аббага
- Встреча с Забайкальскими казаками
- Татарская сотня Али-хана
- Бегри-Калинское ущелье. Монастырь
- На Ван!
- Банкет с вождями армянских дружин
- В следующие дни
- Что происходило в Персии
- Из Вана на юг, в Месопотамию

○ Тетрадь пятая
- Сдача племени курдов Мансур-бека
- Гибель Мансур-бека
- В горной стране Несториан
- Разоружение курдов Мансур-бека. В гостях у его сына

- Встреча с 1-м Хоперским полком
- Офицеры 1-го Хоперского полка перед войной и их судьбы
- Рейд конного отряда генерала Шарпантье
- Живая связь через озеро Ван
- Есаул Ламанов и его судьба

○ Тетрадь шестая
- Казачьи силы в 4-м Кавказском корпусе
- Отступление
- Наш полк
- Исход из Вана
- Фланговый удар генерала Баратова
- Печальная история на склонах Большого Арарата
- Наши подхорунжие
- Под Мелязгертом
- Необыкновенный случай для казаков
- Там, где родился Кубанский войсковой гимн

○ Тетрадь седьмая
- Оглянемся назад… Курды
- Полковой обоз
- Казачий вьюк
- «Три брата Кабарды…»
- Полковой адъютант
- Появление лабинцев. Сотник Бабиев
- В Аракской долине
- Кагызман. Прапорщик Сорокин
- На отдыхе. Мерденекский перевал
- Воинские традиции и полковник Мигузов
- Генерал Пржевальский
- Распределение казачьих сил перед Эрзерумской операцией
- Под стенами Эрзерума

○ Тетрадь восьмая
- Казачьи части на Кавказском фронте в начале 1916 года
- Земский союз городов
- Конная атака полка «не по уставу»
- Конный наскок
- В день взятия Мемахатуна. Обстрел
- Жуткая казачья действительность
- Представление офицеров в следующие чины
- Первые отпуска в армии
- В отпуску, на берегах Кубани…

- Тетрадь девятая
  - Появление полковника Мистулова
  - Мистулов в боях и на биваке
  - Доблестная конная атака 1-го Таманского полка
  - Конная атака Мемахатуна 1-м Кавказским полком
  - Город Мемахатун
- Тетрадь десятая
  - Эрзинджанская операция
  - «Три командира»
  - Полковник Вербицкий
  - Безумная конная атака
  - Хорунжий Абашкин
  - Перед атакой
  - Атака
  - В следующие дни
  - В Эрзинджане…
- Тетрадь одиннадцатая
  - В Эрзинджане. Генерал Калитин и полковник Мистулов
  - О боевых наградах офицерам и казакам
  - Об офицерских чинах
  - Мистулов и его боевые награды
  - Новое перемещение казачьих частей
  - Пикник со штабом корпуса
  - Производство в подъесаулы
  - Деве-бойнские позиции…
  - На отдых, в Россию. Незабываемые встречи
  - На отдыхе под Карсом
  - Прибытие походного атамана
  - Мистулов
- Тетрадь двенадцатая
  - Казачьи лошади
  - Войсковой праздник
  - Новые штаб-офицеры полка
  - Полковая учебная сотня
  - Концерт Походному атаману
  - Чистота полка
  - Полковая офицерская молодежь
  - Женитьба подъесаула Некрасова
  - Встреча с полковником Мигузовым
  - В Александрополе
  - Отъезд полковника Мистулова
- Тетрадь тринадцатая

        - Казачьи силы на 1 января 1917 года
        - Офицеры-казаки — георгиевские кавалеры Кавказской армии
        - О статутных офицерских орденах
        - Казачий полк
        - О казачьей силе и переживаниях на фронте
        - Перемещение Кубанских казачьих полков в 1917 году
        - Генерал от кавалерии Петр Петрович Калитин
        - Генерал-майор Эльмурза Мистулов
        - Приложение
    -
    -
    - Фотографии
- notes
    - 1
    - 2
    - 3
    - 4
    - 5
    - 6
    - 7
    - 8
    - 9

Федор Елисеев
Казаки на Кавказском фронте 1914–1917
Записки полковника Кубанского казачьего войска в тринадцати брошюрах-тетрадях

От составителя

Более 80 лет отделяет нас от Первой мировой войны — *Великой,* как называли ее в России. Как и в других войнах, в ней отличались казачьи войска, особенно на Кавказском театре военных действий.

В ряде блестящих операций в необычайно сложных горных условиях казаки победно прошли по таким кручам, «где не только не было дорог в европейском понятии, но и было мало троп и где расстояния… определялись не верстами, а часами…». Так шли пружинным шагом или ползли на локтях пластуны: двадцать часов перехода — четыре часа отдыха. А снег по пояс. Жестокие морозы. И на каждом шагу «чертовы мосты». Подходили без выстрела, а потом — в штыки. «Тактика, — говорили пластуны, — у нас простая: в нас стреляют — мы идем вперед; подошли — враг отступает…» Турки называли их «шайтанами в юбках» (черкесках). Знаменитый генерал Гулыга приказывал врачам: «Раненого пластуна не переворачивать без толку — входных пулевых ран в спину у пластуна не может быть!»

Трудно представить, что такое был Кавказский фронт. Обстановка, в которой просто *существовал* русский воин здесь, не шла ни в какое сравнение с другими фронтами. Зимой — дикая стужа, снег в три сажени высотой, каменные норы курдов без окон и дверей, топить нечем. Обозы стоят где-то, занесенные снегом. Тропа — в один конь. Лошади отгрызали хвосты друг другу. Весной, когда в долинах уже цвели абрикосы, казачьи полки рубили просеки в снежных заносах и с боями занимали перевалы. От бескормицы конский состав полков погибал на глазах. Летом — раскаленная жара: ни деревца, ни воды. Все это — на высоте 3000 метров. И казаки побеждали…

Федор Иванович Елисеев родился 24 ноября 1892 года в станице Кавказской на Кубани в многодетной казачьей семье. Окончив в 1913 году Оренбургское казачье военное училище, вышел хорунжим в 1-й Кавказский генерал-фельдмаршала князя Потемкина-Таврического полк. В Русской армии считалось: «Полку носить шефство великого человека означает это оправдывать и чаще всех бывать в боях». Незадолго до войны в 1-й Кавказский полк перевелся мой дед, Владимир Кулабухов, такой же молодой хорунжий. Он и Елисеев стали друзьями, каждый награжден шестью боевыми орденами, Елисеев в своих воспоминаниях называет Владимира Кулабухова «лучшим и испытанным долгими годами войны другом».

Молодые кадровые офицеры императорской армии, их

прекрасная дружба, отношение друг к другу и казакам, к своим полкам, традициям — главное в этой книге. За всю войну в полку никто из офицеров не снял своих серебряных погон и не заменил их на погоны защитного цвета. Легендарный командир 1-го Кавказского полка полковник Мистулов, георгиевский кавалер и храбрец, шагом шел на своем коне вдоль цепи спешенных казаков под свистящими пулями. «Богом войны» называли его кавказцы. С первого же дня в полку он запомнил имена и отчества всех офицеров и обращался к ним, называя их только по имени-отчеству.

В августе 1916-го молодые хорунжие, сотники по высочайшему приказу стали подъесаулами. В 24 года они заслужили «самый красивый погон офицера с четырьмя золотыми звездочками», которые в мирное время можно получить только к 30–35 годам! В полку шло сплошное веселье, затянувшееся глубоко за полночь. Решили поздравить своих сверстников-таманцев. За десять верст молодые подъесаулы с полковым хором трубачей наметом скакали к Эрзеруму. Все бесшабашны, всегда веселы и дружны между собой. Таманцы спали. Как вдруг, в полной темноте, раздались марши Таманского и Кавказского полков, а потом сигнал «Намет». Заспанные офицеры пробудились, недоумевая, — в их полк производство еще не дошло. Просили только «потише», да куда там тише, когда скакали к ним, чтобы сделать именно «громче»!

Под стенами исторического Эрзерума после падения этой первоклассной турецкой крепости, в августе 1916 года, у друга и однополчанина моего деда, Федора Ивановича Елисеева, зародилась мысль написать о боевых действиях 1-го Кавказского полка и других казачьих частей в той войне.

Казаки прошли с боями пол-Турции. Елисеев с разъездом дошел до самой южной точки — до истока Тигра, а дед в составе своей сотни до самой западной — до Кемаха. Это был последний, и самый дальний, пункт, где были русские войска в Турции. Об этом до сегодняшнего дня не написал никто…

На Кавказском фронте во многих боевых операциях рядом действовал 1-й Лабинский генерала Засса полк, которым тогда командовал мой прадед — П. С. Абашкин, а сотней — Н. Г. Бабиев, также родственник. И, наконец, в одной бригаде с кавказцами — в 1-м Таманском генерала Безкровного полку, служил мой двоюродный дед Б. Н. Абашкин. Его гибель в конной атаке бригады на турок, когда от ураганного артиллерийского, пулеметного и ружейного огня все «мигом заклокотало, словно сало, брошенное на раскаленную сковородку», ярко описывает Ф. И. Елисеев…

Уезжал храбрый и чуткий командир полковник Мистулов, за столом все офицеры полка в парадной форме — в своих черных черкесках и алого цвета бешметах, расшитых кавказским галуном, при дорогом оружии в серебре, в эполетах. Красота кубанской парадной формы была исключительная: на черном и красном фоне сплошное блестящее серебро. Поперек груди «резала» все это тесьма. За столом царило уныние. Командир встал: «Я терский казак… Не скрою… что я предпочел бы любой полк своего войска любому Кубанскому… Прошу меня простить и не осудить за это… И вот теперь, после командования 1-м Кавказским полком, уезжая от вас, должен подчеркнуть, что /по, что я нашел среди вас, мои дорогие соратники, я редко где встречал в других полках. Такой чистоты жизни, такой дружной и честной офицерской семьи трудно где сыскать. Я полюбил 1-й Кавказский полк так, как не любил еще ни один полк в своей жизни. Я вас никогда не забуду, мои дорогие кавказцы…»

Память Елисеева поражает. Мы воочию видим библейские Арарат и Евфрат, озеро Ван и Баязет, его боевых друзей-офицеров.

В 1917 году 1-й Кавказский полк был переброшен на Западный фронт, в Финляндию. Молодые подъесаулы Елисеев и Калабухов[1] поочередно командовали сотней и были полковыми адъютантами. «Полковой адъютант — это начальник штаба полка», — пишет Ф. И. Елисеев.

В начале 1918 года казачьи полки возвращаются с фронта на Кубань. После неудачного восстания, гибели отца объявленный вне закона Елисеев тайно встречается с видным членом Кубанского правительства и Рады А. И. Кулабуховым, который производит на него глубокое впечатление. Узнав о Ледяном походе и получив поддержку, Елисеев отправляется на фронт. В годы Гражданской войны он командует Корниловским конным, 2-м Хоперским, 1-м Лабинским полками, несколько раз ранен. В 1920 году со 2-й Кубанской казачьей дивизией оказывается под Адлером. Плен, побег через Финляндию, эмиграция.

С командой джигитов он через Красное и Аравийское моря отправляется в Индию, Юго-Восточную Азию и Индокитай, служит во Французском Легионе, попадает в японский плен в конце Второй мировой войны.

В Америке Елисеев написал и распространил ротаторным способом более 90 брошюр-тетрадей (так называл их сам Федор Иванович) о *казачестве,* участии казаков в Первой мировой и Гражданской войнах… Они издавались небольшими тиражами и распространялись по подписке. Ф. И. Елисеев умер на 95-м году жизни, в 1987 году. В 90 лет, говорят, он еще танцевал лезгинку.

От Елисеева исходила какая-то жизненная сила — это видно по написанному им. Таких людей мало. Он часто сетовал, что почти никто не пишет о своих казачьих полках, друзьях-офицерах и никто не узнает историю его родного 1-го Кавказского полка и других казачьих частей. Воспоминания Ф. И. Елисеева никогда не издавались отдельной книгой. Мой дед был другом Елисеева, поэтому я и составил эту книгу из воспоминаний Федора Ивановича, предпослав ей заголовок «Казаки на Кавказском фронте. 1914–1917».

В ней рассказано об участии частей Кубанского, Терского, Донского, Забайкальского, Сибирского и Оренбургского казачьих войск в боевых действиях на Кавказе. На мой взгляд, это будет единственный печатный труд, из которого историки и читатели узнают о фронтовом кубанском офицерстве и казачестве — «как и что тогда было». Сотни и тысячи имен офицеров и казаков, лично ему известных, с указанием их судеб сохранил Елисеев в своих брошюрах-тетрадях. Он сделал это просто и трогательно — и оставил потомкам и для истории.

Может быть, кто-то найдет среди них своих дедов и прадедов, и его пронзит *их необъяснимое присутствие с нами.* Книга включает тринадцать отдельных брошюр Ф. И. Елисеева, размноженных на ротаторе в 1956–1960 годах, текст приведен в соответствие с современной орфографией и пунктуацией.

П. Стрелянов (Кулабухов).

Тетрадь первая
Вступление и пояснение

Книга бывшего генерал-квартирмейстера штаба Кавказской армии, Генерального штаба генерала Е. М. Масловского под заглавием «Мировая война на Кавказском фронте 1914–1917 гг.», изданная в Париже в 1933 г., может служить лучшей настольной книгой каждого офицера, который провел там войну в строю, в походах, в боях. Русские войска Кавказской армии вели борьбу не только с храброй турецкой пехотой и неспокойными курдами, но и с суровой природой и климатом полудикой Турции, не имеющей даже дорог.

В составе своей Закаспийской отдельной казачьей бригады (1-й Таманский, 1-й Кавказский полки и 4-я Кубанская конная батарея) я прошел с боями из Персии (Макинское ханство) через Баязет, Алашкертскую долину, Ванский вилайет (округ) в Месопотамию, а потом обратно через те же пункты к городу Мелязгерт, затем через Каре, Мерденекский перевал, урочище Ольты, турецкий город Ид, участвовал в Эрзерумской, Мемахатунской операциях. Далее последовало какое-то новое маневренное движение нашего 1-го Кавказского полка через Эрзерум, Хасан-калу, Кара-урган в Сарыкамыш, там двухнедельный отдых — и вновь по тому же маршруту обратно… Вторая Мемахатунекая операция и как продолжение победного движения русских войск в глубь Турции — активное участие в Эрзинджанской операции и финал — разгром турецких армий, занятие обширной площади территории Турции и сладостное ощущение воинской славы.

Много пройдено дорог, дорожек и козьих троп храбрыми казачьими полками по турецкому бездорожью, и пройдено не только в седле, но и пешком, порою в суровые зимние стужи, бураны и гололедицу. Держались за стремя своего коня или даже за хвост, когда полки шли на крутые подъемы, растянувшись колонной в один конь на многие версты.

> «Общий характер местности театра военных действий — сильно гористый, безлесый, суровый, необыкновенно дикий, с глубокими мрачными ущельями, крутыми спусками и подъемами».
>
> *(Масловский. С. 22).*

А вот каков был враг:

«Курды — народ примитивный, дикий, стоящий на очень низкой ступени культуры. Они кочевники, хищники и не обладают рыцарскими чертами. Упорного боя не принимают, действуют в конном и пешем строю. Если они в большинстве — то делаются смелыми. Пленных не берут и раненых добивают, предварительно изуродовав».

(Масловский. С. 27).

«Турки-османлисты, как боевой материал, были высокого качества: смелые, храбрые, чрезвычайно выносливые, нетребовательные и скромные и в то же время — дисциплинированные. По своей природе они были настоящими воинами, обладая и отличающим истинного воина благородством. Они храбро дрались, почти всегда принимали штыковой удар, хорошо применялись к местности, хорошо шли в атаку, отлично оборонялись».

(Масловский. С. 44).

А о том, каковы были стужи-морозы, прочтем следующее:

«Во время штурма крепости Эрзерум один из батальонов донских пластунов, застигнутый снежной вьюгой, в одну ночь потерял около 500 казаков замерзшими и обмороженными. При взятии Эрзерума общие наши потери достигли 14 450 человек убитыми, ранеными и пропавшими без вести, из коих более 6000 — обмороженными.

Зимой у соседей-пластунов произошло следующее: полусотня в 45 человек, сменившаяся с передовых позиций и возвращавшаяся по пробитой в снегу тропе — вся провалилась в ущелье и была засыпана снегом».

Один из офицеров 4-й Кубанской пластунской бригады, бывшей по соседству с 4-й Кавказской стрелковой дивизией на хребте Шайтан-даг (Чертова гора), пишет:

«В конце ноября 1916 года дожди сменились снегом; казаки, размещенные в юртах и палатках, терпели страшную стужу, т. к. сильный наверху ветер постоянно переворачивал эти жидкие жилища, гасил печи. Были случаи, когда ночью бешеным порывом ветра палатки

уносились куда-то и бесследно засыпались снегом. Ежедневно часовые и под-часки в лучшем случае возвращались с поста с обмороженными конечностями и больными. Потом зачастую стали совсем засыпаться снегом полевые караулы. Выстрелы, которыми замерзшие пластуны хотели дать весть своим станичникам о постигшем их несчастье на посту, таяли в свисте и заунывной песне метели и бесследно, никем не услышанные, разносились в воздухе.

Бывали случаи, когда целые сотни пластунов ночью заносились метелью, а утром отрывались полузамерзшими».

Офицеры и солдаты 6-й Кавказской стрелковой дивизии, сменившей пластунов на этой позиции в конце декабря 1916 года, рассказывали, что находили с весенним талым снегом отдельных казаков и группы при боевом снаряжении, завернутых в бурки, занесенных ранее снегом на своем сторожевом посту.

У одного пластуна-линейца ими была найдена записка в стволе винтовки следующего содержания:

«Долго стрелял и никто меня не услышал. Погибаю за Родину, как часовой…»

Эти свои цитаты генерал Масловский заканчивает такой фразой:

«Трудно представить, что все это можно было переносить. И не было случая ропота».

(Масловский. С. 406).

Казачьи части на кавказском фронте и их командиры

Во всех войнах России *казачество* принимало самое активное участие. На Кавказском же фронте в 1914–1917 гг. оно являлось видной и многочисленной силой. Генерал Масловский приложил подробный перечень всех тех казачьих частей.

По мобилизации все второочередные (льготные) полки Кубанского и Терского казачьих войск были предназначены для Западного фронта, а третьеочередные — для Кавказского, поскольку война против Турции началась ровно на три месяца позже начала боевых действий против Германии и Австрии.

С объявлением войны против Германии и Австро-Венгрии 19 июля 1914 года 1-й и 2-й Кавказские армейские корпуса были

немедленно отправлены на Западный фронт. На случай же войны с Турцией в Закавказье остались только 1-й Кавказский казачий корпус и 2-я Кавказская казачья дивизия 2-го корпуса, вот почему и началась немедленная же переброска к ним мобилизованных частей 2-го Туркестанского армейского корпуса. Далее указываются только *казачьи* полки, бригады, дивизии, которые успели прибыть на Кавказ ко дню объявления войны против Турции. Позднее, по мере прибытия других казачьих частей, будут указаны и они, как и перемещение их по дивизиям и корпусам в связи с ходом военных операций.

1. В Приморском отряде (у Батума) генерала Елыпина: 1-й Кубанский отдельный пластунский батальон (из 1-й Кубанской пластунской бригады). Командир батальона полковник Расторгуев.

2. В 1-м Кавказском армейском корпусе генерала от инфантерии Берхмана, в Ольтинском отряде генерал-лейтенанта Истомина: 3-й Горско-Моздокский полк Терского казачьего войска — 6 сотен. Командир полка войсковой старшина Лепилкин.

3. В Сарыкамышском отряде 1-го корпуса генерала Берхмана (39-я пехотная дивизия и бригада 20-й пехотной дивизии), г. Сарыкамыш: 1-я Кубанская пластунская бригада (5 отдельных батальонов). Командир бригады Генерального штаба генерал-майор Пржевальский; 1-я Кавказская казачья дивизия Генерального штаба генерал-лейтенанта Баратова, включавшая 1-й Запорожский полковника Кравченко, 1-й Уманский полковника Фесенко, 1-й Кубанский полковника Федюшкина, 1-й Горско-Моздокский.

Терского войска полковника Кулебякина полки, 2-ю Кубанскую казачью батарею (6 полевых орудий) и 1-ю Терскую казачью батарею (6 полевых орудий).

Это были основные полки и батареи дивизии мирного времени. К самому началу войны в дивизию влили мобилизованный в третью очередь 3-й Кавказский полк Кубанского войска (5 сотен) под командой войскового старшины Ефремова. Одна сотня полка была при 2-й Кубанской пластунской бригаде генерала Гулыги в Эриванском отряде.

4. В Эриванском отряде генерала Абациева (66-я пехотная дивизия): 2-я Кубанская пластунская бригада (5 батальонов). Начальник бригады Генерального штаба генерал-майор Гулыга. Начальник штаба бригады Генерального штаба полковник Букретов (будущий генерал и выборный атаман Кубанского войска конца 1919 — начала 1920 годов); 2-я Кавказская казачья дивизия генерал-лейтенанта Абациева, включавшая 1-й

Лабинский полковника Рафаловича, 1-й Черноморский полковника Филиппова полки, 1-ю и 5-ю Кубанские казачьи батареи (по 6 полевых орудий). В эту дивизию были влиты мобилизованные третьеочередные полки: Кубанского войска 3-й Черноморский войскового старшины Кравченко и Терского войска 3-й Волгский полк полковника Тускаева.

5. Макинский отряд генерала Николаева в Персии, г. Маку: Закаспийская отдельная казачья бригада, начальник Генерального штаба генерал-лейтенант Николаев, начальник штаба бригады и отряда Генерального штаба капитан Степан Сычев. В нее входили: 1-й Таманский полк полковника Перепеловского, 1-й Кавказский полк полковника Мигузова, 4-я Кубанская казачья батарея (6 полевых орудий), командир войсковой старшина Яновский, 12-й Кубанский отдельный пластунский батальон 2-й пластунской бригады генерала Гулыги.

О Макинском отряде в книге генерала Масловского ничего не сказано, словно его и не существовало, почему мною и восполняется этот пробел. Кроме того, мною указываются немногие фамилии старших начальников, пропущенные или неправильно названные генералом Масловским.

6. Азербайджанский отряд (2-я Кавказская стр. бригада генерала Чернозубова): 4-я Кавказская казачья дивизия Генерального штаба генерал-майора Чернозубова, в которую входили основные полки 2-й Кавказской казачьей дивизии, переброшенные в Персию перед войной. Это 1-й Полтавский Кубанского войска полковника Нальгиева, 1-й Сунженско-Владикавказский Терского войска Генерального штаба полковника Земцева полки. По мобилизации в нее вошли два третьеочередных полка Кубанского войска: 3-й Кубанский полковника Захарова и 3-й Таманский полковника Ширая полки. Собственно образовалась совершенно новая казачья дивизия, не существовавшая в мирное время.

7. Черноморское побережье: 3-я Кубанская пластунская бригада генерал-майора Геника, мобилизованная из третьеочередных казаков (6 батальонов) и раскинутая для охраны Черноморского побережья на случай десанта. Она занимала города: Анапу, Новороссийск, Туапсе, Сочи, Гагры и Поти.

8. Прибывший на Кавказ из Туркестана 2-й Туркестанский армейский корпус в количестве 21 батальона, 40 орудий и 5 инженерных рот был расквартирован в Тифлисе и его окрестностях как армейский резерв.

9. Отдельная Сибирская казачья бригада генерал-майора Кали-тина, прибывшая из Юго-Восточного Туркестана в начале сентября в район Тифлиса и предназначенная в армейский

резерв. Бригаду составляли: 1-й Сибирский атамана Ермака Тимофеевича полковника Раддаца, 2-й Сибирский казачий (командир не указан) полки (оба по 6 сотен), 2-я Оренбургская казачья батарея (6 полевых орудий).

2-й Туркестанский корпус, Сибирская казачья и 3-я Кубанская пластунская бригады в первых боях против турок не участвовали.

> «49 особых конных сотен выставило Кубанское казачье войско на Турецкий фронт. Из них 24 сотни были сведены в четыре казачьих полка и образовали Кубанскую сводную казачью дивизию. Остальные сотни были распределены — и при штабах корпусов для ординарческой службы, и на постах летучей почты, и по ополченским бригадам. Кубанская сводная казачья дивизия первоначально была использована на охране порядка в тылу, а впоследствии была включена в состав Персидского экспедиционного корпуса».
>
> *(Масловский. С.42).*

В книге генерала Масловского не упомянуты следующие третьеочередные полки, которые прибыли на Кавказский фронт, но в первых боях, видимо, не участвовали.

Кубанского казачьего войска: 3-й Запорожский (командир полка не указан), 3-й Екатеринодарский войскового старшины Миргородского, 3-й Лабинский полковника Щолокова, 3-й Линейный полковника Кучерова полки.

Терского казачьего войска: 3-й Кизляро-Гребенской полковника Урчукина, 3-й Сунженско-Владикавказский полковника Гладилина полки.

Из 11 третьеочередных полков Кубанского войска только 3-й Хоперский был отправлен на Западный фронт, где находился 3-й Уманский полк — справок не имеется.

Кубанское войско выставило на Кавказский фронт к началу войны 8 первоочередных и 10 третьеочередных полков.

Терское войско — 2 первоочередных и 4 третьеочередных полка.

Сибирское войско — 2 первоочередных полка.

Всего 26 конных полков шестисотенного состава, то есть 156 сотен. Кроме того, Кубанское войско выставило еще 45 особых конных сотен. Значит, всего 201 конная сотня. Боевая сила сотни военного времени исчислялась в 135 шашек в строю.

6-сотенный полк с обозами 1-го и 2-го разряда и разными

командами доходил до 900 казаков и свыше 1000 лошадей.

Три Кубанские пластунские бригады имели 18 батальонов по 1000 штыков в каждом по штату военного времени.

Казачьи силы на Кавказском фронте составляли ровно *половину* всей Кавказской армии.

Русский план войны с Турцией на Кавказском фронте предусматривал три варианта обстановки. Вариант № 3 был самый тяжелый, отмечал генерал Масловский, так как по этому варианту 2-й и 3-й Кавказские армейские корпуса перебрасывались на Западный фронт и вся защита государственной границы на Кавказе ложилась на единственный 1-й Кавказский армейский корпус и на те части, которые могли быть мобилизованы на всем Кавказе и направлены на фронт к началу военных действий. По варианту № 3: «Кавказской армии ставилась задача прикрывать, насколько возможно, нашу границу, но в случае превосходства сил турок и невозможности удерживаться в приграничной полосе — постепенно отходить на линию Главного Кавказского хребта, используя его малодоступность, и удерживать на крайне левом фланге важный экономический центр — Баку с его нефтяными богатствами, а в центре — Военно-Грузинскую дорогу, как кратчайшую связь центра России с Закавказьем… Вот по 3-му варианту, при его невыгоднейших условиях и его оборонительной задаче, началась война на Кавказском фронте».

(Масловский. С. 31).

Дав общий обзор турецкой природы, климата, описав характеристику храброго и выносливого турецкого солдата и ватаг дикой курдской конницы, указав распределение *казачьих сил* среди немногочисленных русских войск Кавказского фронта и пояснив все те неблагоприятные условия (вариант № 3), при которых началась война против Турции, далее предлагаю описание боевых и походных действий своего 1-го Кавказского полка на этом фронте и тех казачьих строевых частей, с которыми наш полк сражался бок о бок, терпел нужду, голод, холод и все тяготы турецкого фронта, где не только не было дорог в европейском понятии, но и было мало троп и где расстояния по извилистым тропам-дорожкам определялись не верстами, а часами (временем).

Курд никогда не скажет вам, сколько верст до следующего села, и обязательно ответит, допустим, так: «ялды саат» (четыре часа), то есть будете идти четыре часа, тогда как расстояние по карте показывает, может быть, десять верст.

Мои повествования являются фотографическими снимками того, чему я сам живой свидетель и участник, рассказом о

переживаниях молодого офицера, обо всем увиденном.

Читатель, в особенности кубанский и терский казак, он легко найдет здесь те боевые картинки, ту среду, те условия и те переживания, которые были в нашем полку.

Наш полк. Выступление на войну

По мобилизационному плану, который хранился в секретном пакете в полковом денежном ящике под охраной часового и содержание которого мы узнали в день объявления войны Германии и Австро-Венгрии 19 июля 1914 года, весь наш 2-й Туркестанский армейский корпус должен был оставаться на своих постоянных стоянках до особого распоряжения, в том числе и наша Закаспийская отдельная казачья бригада, состоявшая из 1-го Таманского, 1-го Кавказского полков, 4-й Кубанской казачьей батареи и Туркменского конного дивизиона из добровольцев — текинских всадников на собственных лошадях, со своим холодным оружием и своим национальным костюмом: полосатый халат, длинный кушак-шарф, кривая сабля (клыч), нож за кушаком, высокая космато-курчавая черная папаха без верха, совершенно прямая, без казачьего залома для щегольства, чуть расширяющаяся кверху и заканчивающаяся как бы куполом того же курпея. Эта форма одежды была повседневная и в их быту, и на работе, и в строю, то есть как у кубанских и терских казаков и народов нашего красочного Кавказа — бешмет, черкеска, папаха, кинжал на поясе. Все всадники были только на жеребцах, строгих, злых и строптивых, как требовал их гордый племенной обычай. Кобылиц они держали только для приплода, но под седло их ставить, быть верхом на кобылице считалось позором. Это была очень нарядная и оригинальная часть Русской армии. Скоро этот Туркменский конный дивизион перебросили на Кавказ, он развернулся в полк и вошел в состав формируемой Кавказской туземной (Дикой) дивизии и с нею был послан на Западный фронт. Это и был тот полк, который до конца остался верен Верховному Главнокомандующему всех русских армий генералу Корнилову, с ним последний выступил из Быховской тюрьмы в неизвестность… вместе со своим полком и погиб.

Мы не только недоумевали, но и были опечалены, что наш славный корпус туркестанских стрелков оставлен на месте своих стоянок, а когда наши главные туркестанские начальники — командующий войсками Туркестанского военного округа генерал от кавалерии Самсонов, командир корпуса генерал-лейтенант Леш и командир 4-й Туркестанской стрелковой бригады генерал-майор Редько, все трое герои русско-японской войны, были

немедленно вызваны в Ставку и получили назначения в действующие армии — нам казалось, что война будет непродолжительная, закончится без нашего участия, и нам стало просто досадно.

Так думали офицеры-туркестанцы, наши добрые кунаки Мервского гарнизона, и все мы, кавказцы, в особенности офицерская молодежь. Но мы, к нашему полному удовлетворению, ошиблись: с дальних постов на персидской и афганской границах в средних числах августа в город Мерв, в штаб полка, неожиданно прибыли наши четыре сотни казаков, а 25 августа пришло распоряжение — спешно грузиться на поезда и следовать в Красноводск, что на восточном берегу Каспийского моря. Мы все радовались, *совершенно и не предполагая жестокого и несправедливого конца этой войны, революции, потом Гражданской войны и гибели правового нашего Государства Российского, а с ним и нашего доблестного казачества, то есть погибло все то, что было дорого каждому здравомыслящему русскому человеку.*

1-й Кавказский полк пробыл в Закаспийской области ровно 30 лет, то есть со дня завоевания этого края, Мервского оазиса и крепости Кушка. Все сотни попеременно охраняли государственную границу с Персией и Афганистаном в пунктах: Пуль-и-Хатун, Кушка, Тахта-базар. При нас этот край еще оставался пустынным и безлюдным. Русского населения, кроме семейств офицеров и железнодорожников, никого не было даже и в самом городе Мерв. Казаки сами, полковыми и сотенными средствами, построили себе саманные (глина, мешенная с мелкой соломой) казармы и конюшни и в них проводили свою долгую государственную военную службу свыше четырех лет, никогда не имея отпуска на родину. Кругом же — пустыня с сыпучими песчаными бурунами, редкие письма из дома… и погоня за контрабандистами, какие-то экспедиции в Персию по политическим соображениям да почетный поход в Хиву, к хивинскому хану, ежегодный поход по пустыне полковой учебной команды — только это давало утеху отдельным сотням в их монотонной военной службе-жизни в этом пустынном азиатском крае. Все это, вместе взятое, как и патриотическое чувство казака защищать свое Отечество, вселяло в души казаков нескрываемую радость при погрузке в вагоны, что означало возвращение в Россию (все, служившие на окраинах, так говорили), нахождение на фронте, возможность отличиться в боях, получить боевые награды и, может быть, повидаться с семьями по пути, отцом и любимой женушкой. И только заплаканные лица жен офицеров вносили ненужный диссонанс в настроение казаков и нас —

молодых веселых холостых офицеров.

Под бравурный марш полкового хора трубачей, под ликующие клики «ура» наш второй эшелон полка, 3-я сотня подъесаула Маневского с полковым штабом, на длинном составе поезда отбыл из станции Мерв — *навсегда…*

Мы в Красноводске. Погрузка на пароход. Лошадей поднимали на лебедках. Строптивые кабардинские кони сопротивлялись, но казаки деловито, умеючи грузили их.

Мы в море. Качка началась немедленно же. На утро следующего дня, когда Маневский и я, дежурный по полку офицер, вышли на палубу, картина «бивака сотни» на ней была совершенно не воинская и не строевая: все казаки беспомощно валялись где попало и стонали. Бедные наши кабардинцы, до двухсот лошадей, широко расставив ноги, уныло повесив головы, балансировали в противовес бортовой качке. За ними никто из казаков не ухаживал, и только вахмистр сотни Дубина, которого качка совершенно не коснулась, только он один подкладывал им сено, доглядывая за коновязью.

Скоро и мы свалились от качки.

Мы в Баку. Выгрузились. Разбили палатки на какой-то песчаной и неуютной площади. Поднялся ветер. Взметнулся песок. Потом хватил проливной дождь и… жалкий был вид у казаков и в особенности у лошадей — полубольных после качки, немытых, нечищеных, мокрых, согнувшихся от непогоды. Все лошади вытерли свои хвосты о борта, о доски «догола», и они у них торчали, словно кочерыжки, — грязные, неприятные на вид, как после коросты. И уже никто на это не обращал внимания — ни сам хозяин лошади, ни взводный урядник, ни вахмистр сотни, ни сам ее командир. Смотреть за этим сейчас оказалось ненужным, лишним, да и некогда было, а главное — теперь уже ничего не исправишь.

Боже, Боже!.. Пропали все труды мирного времени, думалось тогда, и мы сразу же почувствовали «первую неприятность войны».

В Баку мы узнали, что наша бригада должна следовать в Тифлис, на могущий быть Кавказский фронт против Турции. Это нас разочаровало.

В Тифлисе выгрузка сотен. Чистка лошадей. Проездка по городу. Везде масса народа. Все веселы, в особенности военные. Много женщин и на вокзале, и на улицах, от чего наш полк отвык на своих далеких азиатских границах. Забыта морская качка, вытертые хвосты наших лошадей и невзгоды в Баку, и на душе так радостно и приятно: мы идем на войну.

На Джульфу. Гора Арарат

Все распоряжения мы получаем по этапам. В Тифлисе получили: «Закаспийской бригаде двигаться в направлении Персии, к Джульфе и на станции Шах-тахты выгрузиться и ждать распоряжения».

Наш эшелон движется туда. Железная дорога как змея извивается по ущельям. Много мостов и туннелей. Их охраняют пластуны 1-й Кубанской бригады. Они братски приветливо машут нам своими папахами, и мы отвечаем им тем же. На некоторых постах, к нашему удивлению, видны их жены — прибыли ненаглядные подруженьки, чтобы перед войной повидаться с мужьями и, может быть, распроститься навеки…

Наша третья сотня теперь идет без штаба полка, и это всем очень приятно. Двери всех вагонов открыты. Большинство казаков находятся со своими лошадьми, где запах сена и конюшни им милее казарменного вагона. Они, свесив ноги, сидят группами в дверях, рассматривают незнакомые места, весело шутят и поют без умолка песни, словно идут не на войну, а домой, в родимую сторонку. Мы с хорунжим Леурдой все время находимся среди казаков в их вагонах, отвечаем на многие вопросы по географии и истории сих мест, но больше поем с ними песни.

На утро следующего дня через окна офицерского вагона в юго-восточном направлении увидели громаднейшую конусообразную гору. Черная, таинственная, наполовину покрытая снегом, с круглою вершиною, она привлекла к себе внимание всех. Рядом с нею, восточнее, отделенная глубоким провалом, возвышалась такая же гора, с еще более выраженным острым конусом, но ниже первой и вся черная, словно осыпанная истлевшим пеплом.

— Што это? — спрашивают казаки недоуменно. Мы же сразу определили, что это и есть библейские Большой и Малый Арарат.

Так вот они какие, так хорошо нам знакомые по Ветхому Завету еще со школьной скамьи! И вспомнился сам Ной, виноградные лозы, охмелевший отец и его второй сын, по имени Хам. Казаки просят нас в свои вагоны, чтобы от своих офицеров выслушать более подробно о ветхозаветной истории, что мы охотно и делаем, сами с волнением любуясь величественной и таинственной панорамой. Они так близко от нас. Мы определяем расстояние в 3–5 верст до них, но каково же было наше удивление, когда на первой остановке железнодорожные служащие ответили — до них 25 верст!

Мы долго, часа два, двигаемся на юго-восток, но эти «две сахарные головы» все так же близко остаются от нас и наконец —

остались позади.

Вот и Шах-тахты. Одинокая станция и возле нее несколько казенных построек. Кругом голые холмы, мелкий кустарник. Полная дичь и неуютность. Рядом, к югу, историческая «казачья» река Араке. А на той стороне — уже Персия, чужая, басурманская земля. Здесь стоит биваком 1-й Горско-Моздокский полк Терского войска. Им командует полковник Кулебякин — плотный, осанистый, похожий и лицом и одеждой на горца. Наш командир полка полковник Мигузов, по рождению терский казак, здоровается с ним как старый приятель, мило улыбается, отчего лицо его делается добрым, хорошим, чего мы никогда не видели: нас, господ офицеров и казаков своего же полка, врученного ему в командование самим императором, он цукал, прижимал, придирался ко всякой мелочи. Мы никогда не видели доброй улыбки на его сухом умном лице. И мне тогда подумалось, что принадлежность к одному войску стоит выше, сердечнее и откровеннее, чей общее братство.

При встречах с другими частями войск многие из нас, военных, внимательно рассматривают их и сравнивают со своей частью. И мне показалось, что в 1-м Горско-Моздокском полку (у «моздо-горцев», как их дружески называли) конный состав слабее, мельче нашего и сотенные командиры моложе.

В Персию. Макинский отряд

Закаспийская казачья бригада, сосредоточившись у Шах-тахты (кроме 2-й сотни 1-го Таманского полка есаула Закрепы, временно оставшейся в Туркестане около Асхабата), 2 сентября перешла вброд Араке и вошла в Персию. За время столь продолжительного передвижения бригады по железной дороге через Баку, Елисаветполь, Тифлис и Александрополь не было ни одного «отсталого» от своего эшелона казака. Мы этому обстоятельству и не удивились. Вернее сказать, мы удивились бы тому, что казак умышленно отстал от своего полка, от своей сотни, от своего собственного коня. Это было бы что-то ненормальное и позорное.

Бригаде приказано в два перехода достигнуть города Маку, центра Макинского ханства, и там расположиться, ожидая дальнейших указаний. Маку был пограничный город перед персидско-турецкой границей на подступах к Баязету с востока.

Бригада двинулась, приняв сразу же боевой порядок, как изучали его по уставу в мирное время, то есть впереди авангард, по бокам дозоры от каждой сотни. Дорога первобытная, на ней каменья в обхват человека. Наши полевые пушки, ежесекундно

переваливаясь с бока на бок, производят громкий и беспрерывный лязг железа всей своей снасти. Боковые дозоры не успевают идти параллельно нашему движению, так как натыкаются на непроходимые гряды, овраги, провалы. Они часто меняются, и новые дозоры, быстро выскочив далеко вперед и в стороны, так же скоро «застревают» в своем движении, и их снова надо сменять. На вершинах, на грядах бесконечных, голых, черных, мрачных гор без единого деревца и растительности наши молодецкие головные дозоры флажками, как их учили, показывают нам, что «противника впереди не обнаружено». Все это очень интересно наблюдать из рядов колонны около 3000 всадников. Такая походная тактика потом уже не применялась в действительной войне, как не соответствующая действительности.

На ночлег остановились биваком в селении Диза. Оно очень бедно. Ни в селе, ни в окружности — ни деревца, ни травы. Домики, если их так можно назвать, из необтесанного булыжника. Вместо крыш — глиняный настил по хворосту и соломе. Мы за все, что брали у жителей, платили русскими деньгами. Персы брали их с удовольствием. До русской границы всего лишь 40 верст. Утром двинулись дальше, в Маку. Весь путь был скучный и нудный, но вот колонна вошла в узкое ущелье, повернула направо и сразу же попала в тенистый город, расположенный между двумя высоко стоящими плато… Черные, загорелые, в обтрепанной одежде, персы сидели на крышах своих жилищ, они молча созерцали вход русских в их город. Какой-то перс при прохождении нашей батареи вслух считает число наших орудий: «Вир… зки… ючь… ялды… сакиз…»

— Это шпион! — говорю быстро своему командиру сотни подъесаулу Маневскому. — Его надо арестовать!

Маневский улыбается моей прыти и отвечает:

— Да нет… Это он считает для собственного интереса.

По очень узким и кривым улочкам бригада миновала город и расположилась биваком на прекрасном лугу, окаймленном высокими вербами. По обеим сторонам — высокие плато. На запад — выход в сторону Турции. До границы 20 верст.

Здесь мы неожиданно для себя встретили батальон кавказских стрелков и одну сотню 3-го Таманского полка. Как это было приятно встретить в басурманской стране своих русских солдат, которые показались нам такими близкими и родными, не говоря уже о казаках-таманцах третьей очереди!

Вместе с ними наша бригада образовала Макинский отряд под начальством нашего бригадного генерала Николаева. На второй же день началась охрана персидско-турецкой границы в сторону Баязета и разведка сильными офицерскими разъездами.

Наши полки — 1-й Таманский и 1-й Кавказский

В Шах-тахты мы впервые встретились с однобригадниками — 1-м Таманским полком и 4-й Кубанской казачьей батареей. 4 сентября 1914 года бригада прибыла в Маку, и с этого дня, всю войну, ровно до конца декабря 1917 года, оба полка и батарея совершенно не разлучались во всех боях и походах. Кучно расположившись биваком, бок о бок, в походных палатках, мы присматривались и друг к другу* и к полкам. Что ярко бросилось в глаза у таманцев, это то, что сотни у них были составлены не постанично, как у нас и в других казачьих полках, а по масти лошадей. От этого строй очень выигрывал, был однообразен и наряден. Конский состав почти одинаков у обоих полков, но у офицеров-таманцев лошади получше. Все их господа офицеры сидели на полукровных английских или чистокровных текинских лошадях. Причина тому — их полк стоял под самым Асхабатом (Ашхабад), губернским городом Закаспийской области, где имелось скаковое поле и государственное отделение местного коневодства, коим руководил офицер-кубанец подъесаул Мазан. У них была возможность иметь отличных верховых лошадей. У нас же, в городе Мерв, таких возможностей совершенно не было, да это и не поощрялось.

Конский состав 4-й батареи был лучше, чем в полках. Сама батарея укомплектована отличным офицерским составом, влюбленным в свой род оружия — артиллерию.

На первой же вечерней заре сразу же почувствовалось у таманцев превосходство в сыгранности и музыкальности полкового хора трубачей; он и своим составом был больше нашего. После вечерней зари, когда запели песни казаки-таманцы и батарейцы, проявилась и их врожденная музыкальность. Разные «выкрутасы» в гопаке у таманцев были артистические, но зато в лезгинке кавказцы — вне конкуренции. Лезгинка черноморским казакам просто не давалась. Этот танец надо любить и понимать психологически, чего у них не было. Наш полк, как полк линейных казаков, всегда был с уклоном на шик горцев Кавказа, а таманцы говорили так:

«Мы таманьци… запорожци… Украина наша маты».

Вот отсюда и вытекала разность психологии и быта этих двух полков одной бригады. Интересно, что подобная психология у таманцев исходила от многих старших господ офицеров, которые не только что с казаками, но и в жизни говорили на своем языке черноморского (запорожского) казачества.

Мы стоим на окраине Маку. Чтобы пойти казаку-кавказцу в город за покупками, он спрашивает разрешения командира сотни, идет в черкеске и при шашке, а у таманцев в город отпускает вахмистр сотни и казак идет туда в бешмете и только при кинжале. Командиры сотен у таманцев считали, что по таким пустякам нечего их тревожить, да еще одеваться казаку в черкеску и быть при шашке.

Эта разность понимания ярко сказалась на войсковом празднике 5 октября.

Молебен и парад всей бригады — в пешем строю тут же на биваке. Головным полком проходили таманцы. В хороших, новых темно-серых черкесках разного оттенка и в черных высоких папахах. Вид отличный. За ними проходят кавказцы. Все сотни в абсолютно одинаковых светло-серых черкесках, в небольших, одинакового размера светло-серых папахах и с красными башлыками за плечами. Картина была, безусловно, выигрышная. Казаков угостили улучшенным обедом с вином. Господа офицеры бригады, числом до 80 человек, справляли праздник за общим столом, заняв места по старшинству чинов. Много тостов — коротких, патриотических. Много выпито. В разгар веселья кто-то выбросил громко предложение — сделать общую джигитовку. Наш командир полка кивнул в мою сторону. Хорунжие Кулабухов, Некрасов, Леурда, Винников бросились со мной в полк, и через пять минут человек 30 джигитов-кавказцев в черкесках и красных башлыках немедленно же появились на плацу и открыли джигитовку. Мы, пять хорунжих, выступили первыми перед своими казаками. Появились и таманцы, но — ни одного не было в черкеске. Из господ офицеров-таманцев выступил только хорунжий Пахомов и тоже без черкески.

Картина и сама джигитовка кавказцев оказались несравнимо лучше, чем могли тогда показать таманцы.

— Почему вы так одеты? — спрашивали мы потом казаков-таманцев.

— Та щоб лэхче було джыгытувать… — отвечали они.

1-й Таманский полк, как и всякий первоочередной полк Кубанского войска, был отличный и очень интересный по своему внутреннему укладу жизни, где воинский устав занимал как бы второе место. У них в полку — многое от Запорожской Сечи. Мы же, кавказцы, были «служаки», как острили над нами офицеры-таманцы. Поэтому неудивительно, что штаб бригады считал наш полк более дисциплинированным, что так и было. Командиры сотен обоих полков не имели между собой большой дружбы, но зато мы, многочисленные хорунжие полков и часть сотников, исключительно дружны между собой, составляя всегда как бы

одну семью.

Для истории даю полный список офицеров обоих полков, выступивших на войну.

1-й Таманский генерала Безкровного полк

Вр. командир полка войсковой старшина Титус.

Командиры сотен: 1-й — сотник Обухов. 4-й — есаул Братухин.

2-й — есаул Закрепа. 5-й — сотник Бабаев.

3-й — подъесаул Каменский (старший). 6-й — подъесаул Соколов.

Младшие офицеры:

1. Сотник Козинец. 7. Хорунжий Василев.
2. Сотник Крыжановский. 8. Хорунжий Семеняка.
3. Сотник Горпищенко. 9. Хорунжий Пахомов.
4. Хорунжий Скрябин. 10. Хорунжий Лопатин.
5. Хорунжий Зекрач. 11. Хорунжий Абашкин.
6. Хорунжий Демяник. 12. Хорунжий Просвирин.

Начальник бригадной пулеметной команды подъесаул Каменский (младший).

Полковой адъютант сотник Науменко (младший брат генерала Науменко).

1-й Кавказский наместника Екатеринославского генерал-фельдмаршала князя Потемкина-Таврического полк.

Командир полка полковник Мигузов (терский казак). Помощник командира полка есаул Ерыгин.

Командиры сотен: 1-й — подъесаул Алферов. 4-й — есаул Калугин.

2-й — подъесаул Пучков. 5-й — есаул Успенский.

3-й — подъесаул Маневский. 6-й — есаул Флейшер.

Младшие офицеры:

1. Подъесаул Беляевский. 7. Хорунжий Некрасов.
2. Подъесаул Зеленский. 8. Хорунжий Маглиновский.
3. Подъесаул Доморацкий. 9. Хорунжий Леурда.
4. Сотник Дьячевский. 10. Хорунжий Винников.
5. Хорунжий Кулабухов. 11. Хорунжий Поволоцкий.

6. Хорунжий Елисеев. 12. Хорунжий Мацак. Полковой адъютант сотник Гридин. Командир обоза 2-го разряда подъесаул Ламанов.

Начальник команды службы связи подъесаул Бабаев. Полковой казначей подъесаул Авильцев.

4-я Кубанская казачья батарея.

Командир батареи войсковой старшина Яновский.

Старший офицер батареи есаул Белый.

Подъесаул Мраморов. Сотник Миронов.

Сотник Макаров (терец). Хорунжий Миронов (братья).

Штаб бригады:

Начальник бригады Генерального штаба генерал-лейтенант Николаев (оренбургский казак).

Начальник штаба бригады Генерального штаба капитан Сычев (донской казак).

Старший адъютант подъесаул Удовенко (1-го Кавказского полка).

Начальник конно-саперной команды сотник Пенчуков (1-го Кавказского полка).

На разведке

Разведочная служба началась на второй день от нашего полка. Одна сотня выступала на сутки к самой персидско-турецкой границе, и от нее на 12 часов высылался поочередно офицерский разъезд силою в один взвод казаков безостановочно курсировать по всем тропам. Выйдя из Макинского ущелья, мы вновь увидели наш библейский Большой Арарат, но уже с юго-восточной стороны. Его нарядная белая шапка никогда не тающего снега дышала суровостью, недоступностью и какой-то мистической таинственностью. Малый Арарат, который теперь ближе к нам по расстоянию, темный, мрачный, почти конусообразный, был словно детеныш против Большого Арарата и страшил своею дикостью. В провале между ними сходился стык трех государств — России, Турции и Персии. За ними было наше Отечество, почему кровь так тепло пробежала по всему организму… Это, конечно, заговорило, пронизало организм любовное чувство к Родине, так как здесь мы почувствовали себя так далеко и сурово отрезанными горами от России, до которой, казалось, и не доскачешь.

Солнце клонилось к западу, когда мой взвод оторвался от

сотни и двинулся на север, к Арарату, вдоль границы. По долине кочевья курдов. Их черно-бурые громадные шатры привлекали взор. Мы ехали к ближайшему. Из него высыпало все семейство. Глава дома вышел нам навстречу с барашком в руках, подбежал почти вплотную к моему коню, быстро положил барашка на землю, выхватил нож и — бедный барашек лежит уже с перерезанным горлом.

Это у них означает знак глубокого гостеприимства. Турецкие посты пограничной стражи перед нами как на ладони, но нас разделяет болотистая местность, усеянная громадными валунами. Они нам машут своими фесками, чтобы мы не приближались к ним.

Всю ночь блуждаем мы по ущельям, по каменьям, по валунам, охраняя границу и свой отряд. Ночи стали холодные. Усталость дает знать. И вот остановишь взвод где-либо под каменной глыбой, спешишь казаков, и так тебе хочется спать… но тебя всего трясет от холода, ты борешься со сном и тревожно всматриваешься в темноту, думая о турках, которые могут напасть. Их же мы видели днем в какой-нибудь версте от нас. И местность им так знакома здесь. Курды живут по границе и там и здесь. Проводников и шпионов им можно набрать сколько хочешь. Турки ведь храбрый народ! И жестокий. И вспоминаешь — и историю, и дедовские рассказы в станице о бесконечных войнах с турками, об их янычарах, о вылазках и хитростях их и даже о «Делибаше» Пушкина.

Мне турки представлялись сильными, храбрыми и жестокими, почему я и бодрствовал. Казаки же, свалившись с седла, тут же засыпали крепким сном, накинув повод уздечки на руку. Молодецкие урядники — сплошной пример бодрости, выносливости и послушания. В первую ночь вдруг мы слышим: «пу-гу…пу-гу…» И подумалось — не условный ли это турецкий знак? Молча толкаю урядника и кивком указываю направление — дескать, не турки ли это? А потом этот звук слышится уже в другом месте. Потом еще дальше, но — то был ночной филин.

— Фу… штоб ты здох, — произносит урядник, и мы оба смеемся. Подобная служба продолжалась ровно полтора месяца.

Первый бой с турками

Батальон кавказских стрелков и сотня 3-го Таманского полка ушли в город Хой, и на смену им прибыл 12-й пластунский батальон 2-й Кубанской пластунской бригады генерала Гулыги, расположенной в районе городка Игдырь. Этот батальон вошел в наш отряд. Задача Макинского отряда в случае войны — ударить

по Баязету с востока, а Эриванскому отряду генерала Абациева в составе бригады генерала Гулыги, 2-й Кавказской казачьей дивизии и 66-й пехотной дивизии — с севера.

Бивак Макинского отряда спал, когда около полуночи в ночь на 20 октября 1914 года сигнальные трубы пропели тревогу и ординарцы командира полка быстро побежали по своим сотням, приглашая всех господ офицеров к нему. Бивак мгновенно ожил. Сотни уже под седлом. Мы — у командира полка. Взволнованный, с телеграммой в руке, он вышел к нам из палатки и, как никогда раньше, отечески, сердечно и твердым голосом произнес:

— Господа! Турция объявила России войну, и нашему отряду приказано немедленно же наступать на Баязет. С нами Бог! — И он снял папаху и перекрестился. Его примеру последовали и все мы.

Какое чувство было у нас тогда, в этот исключительно памятный момент в жизни каждого из нас?

Волнения, боязни — не было. Скорее, спокойная обязанность к войне, чему нас учили и воспитывали в военных училищах. Безусловная радость охватила души молодежи и тех старших офицеров, которые искренне любили военную службу, посвятив ей все свое существо. Мое личное чувство тогда было — радость. Наконец-то мы дождались того, к чему готовились! Было и чувство любопытства: как это вести теперь настоящий бой, стрелять в живых людей, убивать их и подвергать себя лично тому же? То, что мы победим турок в первом же бою, сомнений не вызывало.

Наш сотенный командир, подъесаул Маневский, был весьма сосредоточен. Командир полка обходил сотни, каждой говорил хорошее напутственное слово и предлагал коротко прокричать «ура» за державного вождя Русской армии, государя императора и за Россию. Казаки дружно, коротко, но не раскатисто кричали «ура», и командир шел в следующую сотню. Я боялся, что турки услышат наши ликующие клики и приготовятся к бою, тогда как лучше на них напасть врасплох. До них — 20 верст. Такова была наивная молодость.

Получен боевой приказ по бригаде — как двигаться полкам. Наш полк назначен головным, а от Таманского полка назначена разведывательная сотня. Это было нехорошо и неправильно. Тактика учит, что силы известного участка должны состоять из одной и той же части и находиться в подчинении одного начальника. По этому принципу разведывательная сотня должна быть от кавказцев. Первый же бой и показал правоту этого принципа.

4-я сотня таманцев есаула Братухина оставлялась в Маку для

прикрытия всех обозов. Разведывательная сотня таманцев прошла мимо нас. В темноте по силуэту дивного коня командира сотни я узнал 2-ю есаула Закрепы. Мой друг и однокашник по военному училищу хорунжий Николай Семеняка — младший офицер этой сотни, значит, он первым и раньше меня вступит в бой с турками, констатирую я и желаю ему отличиться. Он твердый, «натурный» человек и с дороги не свернет. Я только жалел, что в ночной тьме не вижу его и не могу пожелать ему полного и обеспеченного успеха в первом же бою.

Во всех сотнях стояла напряженно-серьезная тишина в ожидании выступления. Сотни стояли спешенными. Казаки и офицеры говорили между собой тихо, словно боясь, как бы турки не подслушали их. Чувствовалось, что каждый из нас думал о войне и переживал — что даст нам утро?

Выступили. Шли шагом, не торопясь. Дорога извилистая. Расчет таков, чтобы к рассвету подойти к турецкой границе. Мы были верстах в трех от нее, как услышали впереди и вправо от себя выстрелы. Мы поняли, что разведывательная сотня таманцев натолкнулась на турок.

Уже светало. Справа скачет к нам казак-таманец и докладывает полковнику Мигузову, что «разъезд хорунжего Семеняки напоролся на турок, турки открыли огонь и… пэрэбылы козакив… хорунжий тоже ранитый и лыжать промиж вбытых и послалы мэнэ просыть пиддэржку… мий кинь тож ранитый». И показал на круп своего коня. Позади седла зияла рана. Потный рыже-золотистый конь тяжело дышал. Мигузов направил его в главные силы к генералу Николаеву. То был младший урядник Краснобай.

«Семеняка ранен… Какое счастье быть раненым в первом же бою!» — думал я. Ведь это же геройство! И я был рад за своего Друга.

Где была разведывательная сотня таманцев, мы не знали, но Мигузов сразу же выбросил своих две сотни — 1-ю подъесаула Алферова прямо по дороге на персидское пограничное село Базыргян, а 4-ю есаула Калугина на сильный турецкий пост Гюрджи-Булах, что у Малого Арарата. Алферов выскочил с сотней наметом, а Калугин широкой рысью. Скоро сотни скрылись от нас в неровностях местности. Остальные четыре сотни полка, сосредоточившись за одним из отрогов гор, спешились.

Скоро впереди нас затрещали очень частые выстрелы. То 1-я сотня вступила в бой с турками, в первый бой нашего полка на рассвете 20 октября 1914 года.

Пост Гюрджи-Булах отстоял от нас на север версты на три. Скоро мы услышали выстрелы и оттуда. То вступила в бой и 4-я

сотня.

Мы стояли под горой и ждали. Все офицеры направили свои бинокли в стороны ведущих бой сотен, но ничего не увидели из-за скал. Доносилась ожесточенная стрельба. Командир полка волновался и усиленно всматривался в свой старый бинокль (трубчатый), чтобы узнать: что же делается в его сотнях? Но гребень отрога скрывал от нас поле боя. Так и стояли мы в неведении час, другой. Наконец от Алферова рысью скачет казак. Все наши взоры перенеслись на него. Нервный полковник Мигу зов не выдержал и закричал:

— Да скор-рей же, с...н сын! Дав-вай сюда донесение! — и вырвал из рук бумажку.

«Занял гребни гор. Веду перестрелку с турками. Прошу дать поддержку», — писал подъесаул Алферов, и мы все слушали это остро, сосредоточенно.

— Э-э… подъесаул Маневский! Пошлите в помощь Алферову одну свою полусотню, — обратился полковник к нашему командиру сотни уже более спокойно.

Мы с хорунжим Леурдой переглянулись, как бы молча спросили друг друга: кого из нас пошлет Маневский? И кто из нас будет счастливчик?

— Хорунжий Елисеев! Возьмите свою первую полусотню и скачите в район 1-й сотни, — официально бросил командир Маневский, впервые обращаясь ко мне «по чину». Коротко козырнув и не рассуждая, командую спешенной сотне:

— Первая полусотня — САДИСЬ!.. За мной!

Маневский перекрестил нас. Широким наметом, обогнув кряж, бросились в направлении 1-й сотни. Подскочив к подошве второго гребня, мы увидели вправо 1-ю сотню в цепи по самому гребню, ведущую перестрелку. Алферов позади цепи прогуливался во весь рост. За спиною у него белый башлык.

— К пешему строю… СЛЕЗА-АЙ! — кричу-командую почти на карьере, и казаки, мигом скатившись с седел, выхватили из-за плеч винтовки и побежали ко мне.

— В цепь!.. Вперед! — командую, и казаки по булыжникам и каменьям, спотыкаясь и скользя по сухому каменисто-глинистому крутому подъему горы, карабкаются вперед и вперед, держа относительное равнение боевого строя. Ни у кого из нас не ощущалось чувства страха, а была одна цель — как можно скорее добраться до гребня, залечь там и как можно скорее вступить в бой. Но как только казачьи папахи показались на гребне, рой пуль пронесся над нами, а мелкие камушки рикошетом осыпали нас.

— Ложитесь, ложитесь, ваше благородие! — крикнули ближайшие казаки, но вправо от нас подъесаул Алферов ходит

позади своих казаков во весь рост — как же мне ложиться, прятаться от пуль? И отскочив чуть назад, я стал, как и Алферов, прогуливаться, следя за огнем казаков, которые открыли его немедленно же и с казачьим запалом.

Турецкий гребень был чуть ниже нашего. За ним — первое турецкое село, над которым развевался их флаг на высоком древке. Южнее нас шел высокий кряж в сторону Баязета. За селом — долина, а правее нее, словно вынырнув из ее плоскости, как на ладони предстал Большой Арарат, наполовину в снегу. Яркое солнце заливало его своими лучами, и он весь блестел в молчании природы — величественный, таинственный.

Перестрелка затянулась. Было уже за полдень. Солнце слепило казаков, так как смотрело им в глаза. Результата боя не было видно. Но вот мы услышали какие-то крики слева, южнее нас, и тут же увидели казачьи папахи на каменистом турецком завале, командовавшем над всей местностью. То храбрый подъесаул Доморацкий по личному почину с взводом казаков выбил оттуда турок.

Он закричал с высоты командиру сотни подъесаулу Алферову:

— Ка-зак Су-хи-нин уби-ит… приш-ли-те но-си-ил-ки…

С занятием Доморацким «ключа позиций» турки зашевелились. Из села, что перед нами, группами они стали отходить на запад. Мы поняли, что исход боя предрешен. Огонь турок уменьшился. Быстрыми перебежками казаки перемахнули ложбину и заняли их позиции. Кучи гильз валялись везде. На участке 1-й сотни убегали турки и курды в белых штанах. На самом правом фланге, у поста Гюрджи-Булах, 4-я сотня есаула Калугина наконец сломила сопротивление турок. Они побежали. И с нашего высокого участка видно, как один из взводов сотни под командой сотника Дьячевского ровно на закате ясного осеннего солнца лавой, стремительным аллюром неизъезженных казачьих коней атаковал уходящих турок. Они бегут, но мы видим, как заметно уменьшается расстояние и вот турки остановились, побросали винтовки и подняли руки вверх. Их быстро окружили казаки. Вся наша цепь первой и третьей сотен вскочила и побежала к селу, над которым еще развевался турецкий красный флаг с белым полумесяцем и звездою. Флаг сорван. Он высился над таможнею. У входа стоит перепуганный старик чиновник. Казаки его не тронули, и лишь гурт белых гусей стал их добычей. Мы не ели и не пили со вчерашнего дня.

Я смотрю на казаков. Все веселы. В поту, в пыли. Папахи круто сдвинуты на затылки. Полы черкесок отвернуты за пояса. Все держат винтовки в правой руке горизонтально, готовые

ежесекундно вскинуть их, если того потребует случай. И ничего в них не было от регулярной армии.

После боя, после *первого боя* в их жизни, они излучали какое-то особенное молодечество, безграничную удаль, братскую дружественность и, словно после «кулачек» в своей станице, полную удовлетворенность боем, воспринятым как привычная забава.

Я наскочил на сотенного кузнеца-богатыря, казака Подымова — как он смел добивать раненого курда, с которым долго один на один вел борьбу?

— Ты знаешь, что в уставе сказано — раненого не добивай?! А он с улыбкой мне отвечает, став в положение «смирно»:

— Ы-ы… Ваше благородие! Ну, а ежели бы он мине ранил, так вы думаете, он не добил бы?

Это сказано так просто, наивно и логично, что я не нашелся сразу, что ему ответить. Как бы в поддержку «параграфа устава», я повернулся к казакам, но на их лицах прочитал то, что ответил мне Подымов. А умный его взводный урядник и станичник Нешатов — тот даже сощурился и словно говорил мне выражением своего лица: «Чудак вы, ваше благородие… да ведь Подымов прав».

— Ну… чтобы никто не знал об этом, — наставительно говорю всем.

— Слушаемся, ваше благородие, — отвечают они, но в их понятии, да и в моем, Подымов стал героем, и об этом в полку все узнали сразу же на биваке, как и не было ни у кого сомнения, что ежели бы победил курд — он перерезал бы ножом горло казаку и после его гибели.

За этот подвиг Подымов был награжден Георгиевским крестом 4-й степени, но через полгода.

После боя. Подхорунжий Илья Дубина

Мы считали бой законченным. Преследовать было некого. Противник испарился, уйдя в сторону Баязета. Пришло распоряжение присоединиться к полку. Нас встретил командир полка и искренне поблагодарил за победу. Маневский обнял меня, а Леурда крепко пожал руку. На их лицах я заметил усталость. В полном неведении нашего боя они переживали его острее, чем мы. Из-за бугра показалась 4-я сотня. Она шла медленно, так как впереди вела человек тридцать пленных. Весь бивак бригады повернулся в ее сторону. Есаул Калугин отрапортовал генералу Николаеву о прибытии после боя и о количестве захваченных в плен турок. Мы с нескрываемым

любопытством рассматривали турецких солдат — все они со связанными казачьими вьючками назад руками. С хорунжим Леурдой подошли к бравому черноусому фельдфебелю. Он скромно, смущенно смотрел на нас. Ему было явно неловко перед нами: вот он, фельдфебель, начальник поста, попал в плен. Кто-то сказал, чтобы мы близко не подходили к нему, так как «он может укусить».

Все солдаты в одежде защитного цвета. Я думал, что наш генерал будет их строго допрашивать, а он, увидев, что у них связаны руки, рассмеялся и приказал немедленно же развязать их. И к моему удивлению, никто из них не кусался, не выражал злобы и не собирался убегать.

Отойдя к главным силам на персидскую территорию, за село Базыргян, бригада впервые заночевала боевым биваком, не разбивая палаток.

Хотя мы и не ели ничего со вчерашнего вечера и для сотен был приготовлен горячий ужин в походных кухнях — аппетит куда-то испарился.

Мне сказали, что хорунжий Семеняка убит. Моему горю не было конца…

Так вот какова война — застучало в моей голове. Убит… то есть я его уже больше никогда не увижу?!.. И не буду уже никогда с ним разговаривать?!

Убит… значит, выходит, он напрасно учился, напрасно стал офицером, напрасно рос, напрасно родился?!

Убит… значит, от него не осталось *ничего?!* И вместо офицера, который еще только вчера со мною так мило, дружески разговаривал, осталось только бездыханное тело?!

Убит… как же об этом уведомить его несчастную мать-вдову, которая жила только им одним, своим любимым и единственным сыном?! Что же она испытает в этот ужасный для нее момент?!

Я почувствовал какую-то пустоту в душе, бесплодность жизни, и мне безумно захотелось спать, спать… И я, не раздеваясь и не снимая оружия, накинул бурку и лег возле своего офицерского вьюка. Лег и немедленно же заснул мертвым сном.

Спал очень долго, как никогда. Было будто жестко лежать, и чувствовалась сырость.

— Ваше благородие!.. Ваше благородие! — взывает ко мне мой верный денщик Иван Ловлин, по прозвищу Абдулла, тормоша за плечо. — Уже все встали, скоро полк будет выступать. Закусите что-нибудь!

И я проснулся. И вспомнил вчерашний бой. Вспомнил, что Семеняка убит, и подумал — это приснилось мне во сне.

От долгой вчерашней пальбы из винтовок еще трещало в

ушах. Я сразу же почему-то вспомнил картину, когда казак Подымов шашкой добивал курда, стремившегося убежать от него на одной здоровой ноге. И случай этот давил на меня тяжким упреком уставного параграфа — «раненого не добивай».

Ночью, оказывается, прошел дождь. В моей борозде стояла вода. Бурка промокла. Холодною водою освежил глаза и подошел к Маневскому и Леурде. Они завтракали.

— Долго вы спали, Федор Иванович, — говорит мне Маневский. — А теперь садитесь кушать своего гуся… Трофей вчерашнего боя.

Для жареного гуся у меня нашелся некоторый аппетит. Мы, три офицера сотни, сидим на бурках и закусываем. Подходит вахмистр сотни, сверхсрочник И. М. Дубина, казак станицы Кущевской, и весело первый произносит, обращаясь ко мне:

— Здравия желаю, ваше благородие! — и тут же спрашивает о моем настроении, как я спал. Он не в меру любезен и любознателен. Интересуется, хорошо ли гусь уварился. Он ведь турецкий. И сам смеется над своей остротой.

Я ем молча, и мне начинает надоедать словоохотливость вахмистра. Правда, он всегда любил поговорить со своими офицерами и оказать им услугу, но сегодня он… уж очень пересаливал. И главное, Маневский, всегда его останавливающий, сегодня не только этого не делает, но словно сочувствует ему. И, глядя на меня, улыбается. Наконец он не выдерживает и говорит:

— Федор Иванович! Да поздравьте *подхорунжего* Дубину! Неужели вы ничего не замечаете? Посмотрите на него!

Я поднимаю на вахмистра сотни свои печальные глаза и, право, ничего не замечаю, кроме его счастливого полного лица.

— Да на погоны посмотрите, — подсказывает мне Маневский.

Я бросаю взгляд на погоны и вижу у него вместо вахмистрских сверхсрочнослужащего, по краям обшитых галуном, как у юнкера, теперь на черкеске погоны подхорунжего. Я недоуменно смотрю на него, а Маневский поясняет, что за вчерашний бой командир полка поздравил его с повышением, а начальник бригады — утвердил.

Дубина же, имея погоны в сумах еще из Мерва, теперь надел их.

— Полюбуйтесь на него, — закончил Маневский.

Я, конечно, поздравил нашего всегда бравого вахмистра сотни, и он от радости с каким-то храпом в нос весело ответил:

— Покорнейше благодарю, ваше благородие! — и добавил: — А если бы я вчера остался с коноводами, как вы мне приказали, то этого бы не случилось.

— А вы почему здесь? — строго спросил я вчера вахмистра

Дубину, когда мы спешились перед боем. По уставу вахмистр сотни всегда должен оставаться при командире сотни. Если же вся сотня шла в цепь — он должен оставаться с коноводами и командовать ими.

— Мне разрешил командир сотни быть с вами, — ответил он мне.

— Ну, так оставайтесь с коноводами, — коротко, за неимением времени, бросил я ему тогда.

— Никак нет… я хочу быть в цепи как рядовой казак, — быстро ответил он.

Рассуждать было некогда.

— Гоните! — бросил я ему вчера.

Вахмистр Дубина — из Кубанского конного дивизиона, что стоял в Варшаве. Серебряные шашка, кинжал, газыри, накладка на револьвер системы «наган» — все у него было *призовое за джигитовку*. Он всегда был при них и с навесными погонами — важный, внешне блестящий. Таковым он был и вчера перед боем, но с винтовкою в руках. Результат оказался для него и для сотни блестящим. Поэтому он теперь и благодарит меня. Поэтому он рад, весел и счастлив, а я, его начальник, нахожусь в унынии от впечатлений первого боя. Наши психологии расходятся.

Второй день войны. Гибель хорунжего Семеняки с разъездом

Бывший Верховный главнокомандующий русскими армиями в дни революции 1917 года генерал Брусилов в своих воспоминаниях писал, что в русско-турецкую войну 1877–1878 годов, будучи корнетом 17-го Нижегородского драгунского полка, в конной атаке на турок под Карсом упал с коня. Причин своего падения он не указывал. Возможно, что он упал «со страха». На каждого воина первый бой производит свое впечатление.

Нам сообщили, что на бивак привезли убитых вчера казаков-таманцев, то есть погибший до одного человека весь головной разъезд полка. С тяжелым осадком от впечатлений первого боя пошел и я.

Лежал ряд убитых казаков… все в черкесках. За сутки под ярким солнцем тела их очень разбухли. Пояса при кинжалах глубоко врезались в животы. У всех большие зияющие раны в лоб. Турки были вооружены старыми десятизарядными винтовками большого калибра со свинцовыми пулями, делающими большие раны. Все казаки убиты на близком расстоянии, наповал. Они лежали без папах, и черные зияющие раны на лбах, в которые легко мог войти большой человеческий палец, были неприятны

и… страшны. Лица мертвых ничего не выражали. Хорунжий Семеняка, красивый брюнет, бывший сольный номер, регент и украшение нашего юнкерского хора Оренбургского казачьего военного училища, екатеринодарский реалист, со слегка заросшею бородой, лежал бледный, с изможденным лицом. Раненный вначале в бедро, а потом в живот, в неестественно скорченной позе, с искаженным от боли лицом и со скрюченными над головою руками, словно он за что-то цеплялся для своего спасения, он так и застыл умирая, весь день пролежав среди убитых своих казаков…

По рассказам коноводов, он был ранен в ногу и упал. И потом, уже лежа, ранен в живот. Он стонал и просил помощи, но она не пришла. Где была в это время его вторая сотня — не знали и мы, головной полк отряда. В этом и сказалась неправильность военной тактики — посылать в бой части разных полков, не объединенных под одним командованием.

Он был в серой походной черкеске и в черном бешмете, расстегнутых, что, видимо, сделал он сам, страдая от мучений.

Тут же возле трупов лежал околевший ночью от ран и его дивный гнедой рослый конь хороших кровей.

Гордый и благородный офицер, каковым был хорунжий Семеняка, и его конь пали в *первом же бою.* Было о чем подумать тогда!..

И все прелестные понятия, которые мы воспринимали на юнкерской скамье и в мирном времени офицерства, отлетели у меня далеко, далеко…

Полковой священник таманцев отслужил короткую панихиду. Шанцевыми лопатками казаки вырыли могилу аршина полтора глубиной и, не раздевая убитых, «штабельком», в два ряда, одного на другого, уложили их. Поверх всех положили тело Семеняки в черкеске, в серебряных погонах хорунжего. Укрыв бурками, засыпали землей с маленьким холмиком. Кругом — ни доски, ни деревца. Где-то достали палку и из нее сделали крестик. С ними был похоронен и наш казак — кавказец Сухинин, станицы Ильинской. Полки уже стояли в конном строю. Последняя молитва, последнее прости — длинною лентою, в колонне по три, части перешли персидско-турецкую границу и направились по долине в сторону Баязета.

К вечеру после короткой перестрелки 1-го Таманского полка, шедшего в голове колонны, заняли курдское село. Расположились на ночлег. До Баязета оставалось верст двадцать.

Приказано: от 1-го Кавказского полка выслать одну сотню вперед на пять верст в качестве сторожевой заставы. В полночь от нее выслать офицерский разъезд силою в один взвод, которому

пробраться мимо Баязета и вручить секретный пакет начальнику Эриванского отряда генералу Абациеву, который к этому времени должен пройти Чингильский перевал и быть в пределах Турции, у села Агнот.

В 10 часов ночи сотня выступила. Мы, все три офицера — есаул Калугин, подъесаул Зеленский и я, — идем в голове колонны. Темнота — хоть глаз выколи. Кругом гробовая тишина. Сотня идет тихо, молча, осторожно. Впереди — цепь дозоров с винтовками у бедра. Прошли один час, то есть пять верст. Остановились. Под бурками, при свете электрического фонарика, мы трое нагнулись над картой-десятиверсткой.

— Ну, с Богом, Федор Иванович, — сказал Калугин и перекрестил меня.

Разъезд оторвался от сотни…. И мы завидовали всем, кто остался с полком на биваке, так как мы теперь оказались предоставлены самим себе и… случаю. Страха уже не было — нервы словно заморозились. Непроглядная темнота ночи. Вся природа погружена в сон. Казаки молча, сосредоточенно следуют за своим офицером.

— Куда, ваше благородие? — тихо спрашивает младший урядник Яков Квасников, мой воспитанник по учебной команде. Молча рукою указываю вправо, и дозоры сразу же «хлюпнули» в водяную поляну. Стая диких уток с шумом и кряканьем вспорхнула вверх, вспугнув казачьих лошадей, и одновременно с этим, справа от нас, со склонов Большого Арарата раздался залп, сверкнув в ночи огнем ружей. Разъезд обнаружен. Ну, думаю, сейчас начнется. Делаю знак рукой:

— Вперед, вперед! Только вперед! Отступления все равно не будет! Пусть половина, пусть четверть нас доберется до главной цели, но добраться надо.

Мертвая тишина похоронила этот залп, и час, другой, третий двигаемся мы скорым шагом своих коней — по тине, по болоту, по зарослям куги и камыша, спугивая новые стаи диких уток, не встречая ни своих, ни турок.

— Ваше благородие, село! — докладывает головной дозор.

— Занять! — сурово шепчу ему.

Село занято. В нем ни души. В сараях стоят привязанные ишаки. Во дворе гуляет десяток белых гусей. В каменных норах жилищ в тандырах еще не погасли кизяки. Ясно, что село только что покинуто, и покинуто в спешном порядке. Значит, наши близко. Уже пять часов утра, через час светает. Кругом полная неизвестность. Село величиной с маленький казачий двор. Заняв окраины дворов, все залегли с винтовками в руках. Лежу в бурке, бинокль на груди, всматриваюсь в ночную темноту…

Чувство сопротивляемости до конца было так сильно, что думать о том, чтобы повернуть назад, не дойдя до цели, совершенно не приходило в наши головы.

— Ваше благородие! Конница!

Вскочил и вижу через бинокль: со стороны гор на наше село идут до 30 всадников.

Никак не могу определить — свои это или турки. Посылаю четырех конных.

— Идите крупной рысью и смело. Если за вами «нажмут» — летите к селу. А здесь мы их возьмем в оборот.

Казаки двинулись. Но чем ближе они к неведомым всадникам, тем явнее аллюр их замедлялся, и наконец все четверо остановились. «Противник» остановился тоже.

Обе стороны стоят на ружейный выстрел и не стреляют, а словно изучают друг друга. Наконец от них выехало также четыре всадника. Обе стороны шагом, осторожно идут на соединение. Сошлись. Прошла минута, и один наш казак легким наметом скачет к нам.

— Ну, что? — кричу ему нетерпеливо.

— Да то разъезд нашего 3-го Кавказского полка, ваше благородие, — с широкой улыбкой на лице отвечает казак Сорокин. — Они идут на разведку Баязета. Их целый взвод с урядником Малыхиным. А там, в горах, — и показал рукой на северо-запад, — стоит наша 2-я пластунская бригада генерала Гулыги.

— По ко-ня-ам! — радостно командую. — А где же Баязет? — спрашиваю Сорокина.

— А во-он… позади нас, — отвечает старый казак присяги 1911 года. Оказывается, мы давно прошли полосу Баязета, он был позади нас верстах в 10–12.

А до села Агнот, где стояли наши пластуны, было 5–7 верст.

Генералы Абациев и Гулыга. Среди своих пластунов

Через час мы в армянском селении Агнот. На улицах масса пластунов. Они удивленно смотрят на нас. Указали мне дом начальника отряда. Когда я вошел в комнату, то увидел очень крупного и важного генерала, перед которым генерал Гулыга чуть суетился и проявлял свою подчиненность. Я понял, что это и есть начальник Эриванского отряда генерал Абациев.

— Ваше превосходительство, от Макинского отряда хорунжий Елисеев с секретным пакетом прибыл, — рапортую ему.

Генерал важно и нехотя посмотрел на меня, а какой-то полковник принял пакет, быстро вскрыл его и стал читать про

себя. Зато генерал Гулыга, не считаясь с присутствием старшего и его непосредственного боевого начальника, подскочил ко мне и заключил в свои радостные объятия:

— Ваше превосходительство! Да ведь это же наш родной кавказец! — почти закричал он Абациеву. — Как же вы, хорунжий? Где же наш славный первый полк? Говорите, говорите! — забросал он меня вопросами, а сам все суетился, хлопал руками о полы черкески и ни секунды не стоял на месте. Ведь только пять месяцев тому назад мы расстались с ним на Кубани после майских лаге-рей. Поэтому и моя радость была понятна: встретить в далекой Турции его, нашу кубанскую знаменитость!

Абациев молча выслушал мой доклад о Макинском отряде и произнес:

— Хорошо… отдохните хорунжий… мы приготовим ответ. Но Гулыга меня не отпускал. Он — словно ртуть. Расспрашивает, рассказывает. И совершенно не стеснялся Абациева. Летами они были, казалось, сверстниками, лет по 60 каждому, но Гулыга — офицер Генерального штаба, тогда как у Абациева висел золотой «солдатский» Георгиевский крест 2-й степени. Они показались мне людьми старыми, к которым надо иметь почтительный респект.

Мы вышли из комнаты вслед за генералами. Абациев пошел к себе, а Гулыга остался, окруженный пластунами, словно роем своих детей, при очень своеобразной воинской дисциплине. При мне молодой хорунжий в золотых погонах явился к нему за получением боевой задачи. Гулыга весело показал ему на кряж, который только что миновал мой разъезд, и сказал:

— Сбросьте этих несчастных турок и займите их позицию! — и, обняв его и поцеловав, добавил: — Ну, с Богом, дорогой.

И хорунжий, вне себя от радости, от ласки родного кубанского отца-генерала, нисколько не сомневаясь в своем успехе, молодецки повернулся кругом, чисто по-юнкерски, и быстро и легко побежал к своему взводу храбрых пластунов.

Ну, может ли после этого хорунжий «не взять гору»?!

А генерал Гулыга вновь шутит со всеми, острит, смеется — и пластуны с доброю сыновнею улыбкой радости на лицах смотрят на него, слушают его, своего пластунского мудреца и колдуна. А меня он отечески берет под руку и ведет в свою хату-хану. В хане за бумагами сидит красивый полковник в кителе. Гулыга представляет меня ему, и я узнаю, что это начальник штаба его бригады Генерального штаба полковник Букретов (будущий Войсковой атаман конца 1919 и начала 1920 годов). Гулыга немного успокаивается. Оба просят подробно рассказать о нашем

отряде. Между собою они на «ты». Букретов корректен, внимателен. Тут же угощают всем, что у них есть. По-казачьи накормили и закормили. Отпускают отдохнуть после столь тревожной ночи. Казаки мои отданы в полное распоряжение заботливого командира 3-й сотни 3-го Кавказского полка подъесаула Копанева. Полк придан к бригаде Гулыги для разведческой и ординарческой служб. У Копанева я попадаю из огня да в полымя. Сосед на льготе жил в нашей станице, когда я был юнкером, бывал у нас в доме. Скакун и музыкант. Сплошная активность во всем. Только три месяца, как выбыл из нашего полка для формирования третьеочередного. Все его мысли устремлены «к первому полку». Он буквально не знает, куда посадить и как лучше угостить столь неожиданного и дорогого гостя-однополчанина. Он забрасывает меня вопросами о родном ему полку, о товарищах-офицерах, да так, что я не успеваю на них отвечать. Старший в полку офицер, есаул Калугин, женат на его родной сестре. И все это для меня так понятно. После страшной ночи я попал сразу же в свою, так близкую и приятную мне семью кавказцев и морально оздоровел. Мои казаки уже накормлены и спят. Лошади жуют душистое сено. Наконец отпущен и я. Где-то в сарае, поверх соломы, завернувшись в бурку, неизменную спутницу каждого казака, лег и… провалился в сон, словно умер.

Сколько спал — не знаю. Шумная беготня пластунов по улице и громкие крики «ура» разбудили меня. Прибежавший ординарец зовет к генералу Абациеву.

— Почему кричат «ура»? — спрашиваю.

— Урядник Малыхин вернулся. Баязет в наших руках. За это генерал Абациев поздравил его «зауряд-хорунжим», вот почему и кричат «ура». По докладу Малыхина, наш, 1-й Кавказский полк почти одновременно с ними подошел к Баязету. Турки оставили его без боя.

Абациев в хане, в штабе Гулыги. Последний, вновь, как ртуть, веселый и подвижный, радостно повторяет своим громким, с хрипотой голосом:

— Ну и кавказцы! Баязет взяли!

Я получаю ответный секретный пакет своему начальнику отряда, козыряю важному, крупному Абациеву. Генерал Гулыга вновь обнимает меня и просит передать сердечный привет так дорогим ему кавказцам, атаманом отдела коих он был около четырех лет.

Выхожу из генеральской ханы и попадаю в многосотенную толпу пластунов. Мой взвод казаков в конном строю окружен ими тесным кольцом. То все пластуны 10-го батальона, формируемого из нашего отдела. У каждого казака моего взвода стоят тут его

родные станичники, друзья детства, кумовья, сваты-сваточки, соседи, которые не виделись между собою многие годы. Поэтому у всех радостные лица, и бесконечные опросы и расспросы. В чистенькой черкеске, в новеньких золотых пластунских погонах с малиновым просветом, одетый, словно «идти в гости», меня обнимает станичник, друг детства, хорунжий Володя Куркин, только что выпущенный из военного училища. Вижу усатых есаулов-пластунов, живших на льготе в нашей станице, когда я был мальчиком и юнкером. Пластуны-станичники, считая себя по праву более близкими ко мне, «отталкивая» в сторону субординацию, окружив тесным кольцом, называя только по имени, расспрашивают, расспрашивают, а о чем — трудно сосредоточиться мне и что-либо ответить. И так это радостно всем было ощущать *нашу войсковую семейную казачью близость,* да еще под стенами исторического Баязета!

В стороне стоит мой двоюродный брат Филя Савелов. Он в присутствии своего строгого командира сотни подъесаула Копанева не может подойти ко мне. Он ведь только младший урядник. И только что прибыл с Малыхйным из-под Баязета. Филя старше меня на целых десять лет, но он самый любимый человек во всем савеловском роде, как выдающийся наездник, песельник и танцор, красавец брюнет с голубыми глазами, и такой всегда милый, добрый и почтительный ко всем старшим. Я его давно не видел, как и он меня еще не видел в офицерском чине. Нарушая все воинские законы, быстро подхожу к нему, обнимаю, а он так робок передо мною, «его благородием», которого он всегда раньше называл только Федюшка, как очень маленького своего двоюродного и любимого братца.

2-я Кубанская пластунская бригада генерала Гулыги, авангард Эриванского отряда, наступала через Чингильский перевал. В голову был брошен 10-й батальон. Бой начался артиллерийской подготовкой. Сам Гулыга в передовых цепях. Турецкая пуля, ударившись в камень у ног генерала, расплющилась.

— Это к счастью, — весело говорит Гулыга, поднимает ее и кладет в карман.

Первого раненого пластуна он обнимает и целует и тут же поздравляет с награждением Георгиевским крестом. Так рассказывали станичники и добавляли — могло ли что остановить пластунов после этого?

2-я Кавказская казачья дивизия Эриванского отряда под начальством генерала Певнева наступала западнее, через Мысунский перевал. Быстро сбив турок и курдов, спустились в Турцию. 3-я сотня 1-го Лабинского полка под командой сотника

Коли Бабиева шла в голове дивизии. Задача дивизии — перерезать путь Баязет — Диадин.

Баязет, по рассказам наших дедов, участников русско-турецкой кампании 1877–1878 годов, вошел в психологию казаков как очень сильная турецкая крепость. Мы и предполагали, что турки дадут нам бой с большим сопротивлением. В своей победе мы не сомневались. Перед столь мощными казачьими отрядами, казалось тогда, ничего не устоит.

Столь неожиданное занятие крепости Баязет радостным эхом облетело всех. Вот почему пять батальонов пластунов, численностью около четырех тысяч человек, сосредоточенных в селе Агнот, выбросились на улицы. Сплошные папахи, черкески, кожухи… Все это ласкало сердце и глаз и заставило забыть тяжкий осадок первого боя.

Распрощались со всеми. И под восторженные крики «ура», под размахивание папахами остающихся отдохнувший взвод первоочередного полка — с радостной душой и легкой поступью своих кабардинских коней — стал спускаться вниз, направляясь в свой полк, уже в Баязет.

Мы шли теперь уже не болотами, а прямой дорогой. И как не похож теперь этот наш путь на путь ночной! И как раздольно на всей этой Баязетской долине! И страха никакого уж нет! Вся долина ведь находится в руках победных казаков!

В дождливый вечер прибыли к Баязету. Вся бригада расположена биваком в палатках у подножия хребта. До Баязета вверх по ущелью около двух верст. Явился к генералу Николаеву и представил секретный пакет от генерала Абациева. Николаев — добрый старик, участник русско-японской войны, глубоко посмотрел мне в глаза и поблагодарил за выполненную задачу. Начальник штаба бригады капитан Сычев просил меня задержаться у него и начал буквально вытягивать от меня все до мельчайших подробностей — что я видел и узнал об отряде генерала Абациева. О штабных офицерах, об их плане, что они говорили между собой, что говорили или спрашивали о нашем отряде. Это был настоящий допрос, словно перебежчика из противного стана… С капитаном Сычевым я был знаком еще по Мерву, где он командовал ротой туркестанских стрелков для ценза, почему я ему достаточно смело для моего чина хорунжего ответил, что все это не относилось к моей задаче, а он любезно, с улыбкой, дружески-наставительно сказал:

— Аа… нет, хорунжий! Вы должны, как говорят, даже и все сплетни узнать, какие имеются в других штабах… Вот это и называется «настоящая и глубокая доподлинная разведка»!..

Мне, молодому офицеру, воспитанному на долге, чести и

чистоте, все это совершенно не понравилось, о чем я ему и доложил.

— Это, хорунжий, надо понимать не буквально, но всякий офицер, попав в другой отряд, должен во все вникнуть, даже и сверх своей задачи. Но я вами очень доволен. Вы свою задачу выполнили отлично и своевременно, — закончил он.

Командир полка полковник Мигузов, на удивление, был также очень любезен.

Наша, 3-я сотня вернулась из сторожевого охранения поздно вечером, мокрая после дождя, захлюстанная и усталая. В палатке командира сотни благородного подъесаула Маневского я рассказал ему и хорунжему Леурде всю одиссею ночного разъезда, описал встречу с генералами Абациевым и Гулыгой, пластунами. Мы ели горячий борщ из казачьего котла, потом пили чай, а дождь стучал по палатке, но нам тепло, тепло на душе…

Четвертый день войны. Встреча с 1-м Лабинским полком

23 октября западнее Баязета вся конница обоих отрядов встретилась.

Рано утром мы подошли к 1-му Лабинскому полку. Разбросанными сотнями между глыбами он стоял спешенным. Офицеры сообщили, что во время короткой перестрелки с курдами шальной пулей убит наповал в голову отличный офицер полка хорунжий Кофанов и сейчас привезли его тело. В мирное время, в Персии, в борьбе против курдов племени шаксевен за отличие он награжден орденом Св. Владимира 4-й степени с мечами и бантом, что говорило о незаурядной доблести этого офицера.

Смерть хорунжего Кофанова искренне огорчила лабинцев. Но сочувствовать было некогда. Раздались слова команды, и полки быстро вытянулись на запад, да так быстро, что наша бригада, только что подошедшая, догоняла колонну широкой рысью.

Незабываемо красочная картина была тогда! Семь казачьих конных полков с тремя батареями длинной лентой в колонне по три широкой рысью двигались на запад, в глубь Турции. Все громыхало по каменьям и грозной лавиной двигалось, плыло вперед. Казалось, что всю эту массу казачьей конницы в 7000 всадников никто и ничто не может остановить.

Для истории перечисляю полки, тогда летевшие так к воинской славе Кубанского войска: 1-й Лабинский, 1-й Черноморский, 3-й Черноморский, 1-й Таманский, 1-й Кавказский

и Терского войска — 3-й Кизляро-Гребенской и 3-й Волгский.

Полки шли по Диадинской долине. Мы слышали безостановочные орудийные выстрелы впереди и видели белые шрапнельные разрывы и, не останавливаясь, двигались радостно вперед… Наша бригада на перевале. На нем десятки трупов смуглых молодых курдов. То отличный результат работы одной из кубанских батарей. Неприятно было смотреть на окровавленные трупы с раздробленными черепами, но… это есть наш противник. Эти полудикие курды хотели остановить наше победное движение в глубь Турции, почему нам становится почти приятно, что их «так хорошо пощипали»…

На Диадинском перевале — большой привал. Подошел головной батальон 2-й Кубанской бригады. Они раскинулись между нашими казаками, быстро сбросили из-за плеч свои «сыдиры» (походные вещевые мешки), достали хлеб, сало, консервы и с большим аппетитом начали есть, как всегда у казаков, перебрасываясь между собой разными шутками. Мимо нас проходил крупный и нарядно-важный генерал Абациев на высоком и лощеном коне. За ним — его штаб. Наши казаки-кавказцы да и господа офицеры впервые его увидели, почему и вглядывались в столь импозантного и крупного казачьего генерала. Пластуны же, увлекшись едой и, естественно, желая отдохнуть, совершенно не обращали на него внимания. К тому же они уже его видели не раз как начальника Эриванского отряда. И вдруг Абациев громко вскрикнул:

— Вста-ать!.. Смиррно!

Большинство казаков поднялись на ноги и отдали ему честь. Он проследовал дальше, не повернув даже и головы в нашу сторону.

— Шо цэ?… ышь… якый жыгыт… — услышали мы голос какого-то пластуна позади нас. Мы переглянулись с Леурдой и засмеялись.

По уставу на привале и на биваке не подается команда «Смирно», чтобы не беспокоить воинских чинов на отдыхе. В данном случае пластун-черноморец своеобразно вынес свой протест, почему нам и было смешно.

В Диадине — ночлег. Многотысячная масса казачьей конницы и пластунов в одну ночь «объела» этот маленький городок. На следующий день вся конница выступила дальше. Наша бригада шла вновь в хвосте колонны. Мы чувствовали, что нас усиленно «обходят». Ведь так может окончиться война, так как турки бегут от нас, и мы в ней словно и не участвуем. Старались сами себя успокоить, что мы, туркестанцы, есть «гости» здесь и лавры боевого первенства должны принадлежать здешним полкам. И в

этот день мы убедились, что генерал Абациев предпочел иметь во главе всей конницы молодого, энергичного своего кубанского генерала Певнева, чем спокойного и пожилого генерала Николаева, неведомого ему.

Пятый день войны. Черноморцы

К вечеру 24 октября вошли в село Ташлы-чай-суфла. Шел мелкий сухой снег и покрыл землю. Впереди нас, к западу, довольно сильная ружейная стрельба и редкая орудийная. То авангардный 3-й Волгский полк полковника Тускаева вел бой.

Полки расположились биваком. Наш полк рядом с 1-м и 3-м Черноморскими полками. Они наши родные «отдельцы». Среди них встретили знакомых офицеров по льготным лагерным сборам на Кубани. Нас, «закаспийцев», они пригласили к себе на походный ужин. Там увидел хорунжего Н. Н. Черножукова, хорошо мне знакомого по лагерному пиршеству. Как всегда, он стильно одет, бодр и весел. Нарядный галунный револьверный шнур не гармонировал с военной обстановкой, но подчеркивал его гордый вид. Черножуков — полковой адъютант 3-го Черноморского полка. Он отдал какие-то приказания ординарцам и отчетливо доложил своему командиру полка, войсковому старшине Кравченко (бывший офицер 1-го Запорожского полка).

Пятая сотня 1-го Черноморского полка «весело ужинает» со своим командиром есаулом Левандовским. С запорожскими усами, в добротной черкеске и при оружии, сидя на бурках среди своих офицеров, отличным баритоном он запевает песни, и сотенный хор казаков дружно подхватывает их, словно перекликаясь с ним, со своим командиром. Поют казаки отлично и весело, будто и нет войны. Такое веселье да еще под выстрелы авангардного полка нам понравилось и удивило. В нашем полку этого не могло быть. В нашем полку царило священное сознание, что мы выступили на войну, каждый день несет опасность, поэтому надо быть всегда начеку и душу свою содержать в чистоте, в посте, так как над нею сейчас витает смерть. Офицеры-черноморцы войну понимали, видимо, иначе. Дух былого бесшабашного запорожского казачества глубоко сидел в их существе.

Есаул Левандовский за конную атаку был награжден орденом Св. Георгия 4-й степени и в 1919–1920 годах стал генералом и комендантом Екатеринодара.

Война удивительно раскрывает душу человека и выявляет его таким, какой он есть в действительности, а не прикрытый воинской дисциплиной, воспитанием или умением «держать

себя».

Назад в Баязет

Утром 25 октября полки выстроились для наступления на Кара-Килису, что находится в большой и богатой Алашкертской долине. И каково же было наше огорчение, когда нашей бригаде приказали идти назад и расположиться в самом Баязете.

Выступили. Шел мокрый снег с дождем. Наш полк обстреляли курды с юга. Мигузов бросил меня со взводом выбить их из села. Широким наметом разомкнутым строем по мягкому болотистому грунту казаки скачут вперед. Село занято, но курды скрылись в горы. В селе только женщины и дети.

Бригада в Диадине, но его уже не узнать. В редких жилищах можно найти окна и двери. Свыше 10 тысяч казачьих войск прошло через него, и все, что было в нем деревянного, в этой безлесой местности пошло на топливо при варке пищи. Мы, офицеры, дыры дверей и окон завесили мешками. Промокли до костей. Хотелось обсушиться. Но это можно было сделать только собственным телом…

Узнали, что 2-я Кавказская казачья дивизия заняла Кара-Килису. До Баязета — один переход. Второй день шел мокрый хлопчатый снег. В природе все раскисло. Встретили главные силы Эриванского отряда, которые находились в трех переходах от авангардной казачьей конницы. Это далеко. Пожилые солдаты, мокрые от дождя, тяжело ступали по раскисшей дороге, завидуя нам, коннице.

К вечеру 26 октября наша Закаспийская казачья бригада вошла в Баязет. Городок находится в тупике расщелины двух кряжей, к которому надо подниматься по крутой каменистой дороге версты две. Примитивные каменные домики его раскинулись амфитеатром по трем склонам, и единственная дорога из городка вела на северо-запад. Посреди городка течет ручеек, который жители переходят, прыгая с камня на камень. В центре — цитадель, в ней — мечеть. Жители, в большинстве армяне, все в турецких красных фесках, встретили нас восторженно. Городок не был тронут войной, так как стоял в стороне от движения войск.

Наутро следующего дня с хорунжими Кулабуховым и Леурдой идем осматривать цитадель, где оборонялись наши деды в войне 1877–1878 годов. Огороженная очень высокой стеной в 4–5 саженей с единственными массивными воротами на восток — это сплошная белая каменная глыба, в середине которой высится минарет. К северо-западному углу, особенно высокому, почти

вплотную к стене приближается ручеек, к которому казаки спускались ночью на веревках за водой и где турки подстреливали их…

Теперь в ней расположилась наша 1-я сотня — 130 казаков и 135 лошадей. Мы вошли в ворота и услышали песни. Дневальный доложил, что «их благородие, командир сотни, гуляють». На мешках с ячменем сидит подъесаул Алферов и перед ним человек 25 песельников.

— Мою любимую! — командует он, и казак запевает «ермоловскую».

И Алферов будет с нами,
Нам с ним весело идти!
Без патронов, мы на шашки,
Каждый против десяти… —

подхватывает хор.

Маленький, тщедушный подъесаул Алферов, как всегда одетый под черкеса и с такой же подстриженной по-черкесски бородкой, вскакивает и сам запевает, ударяя себя в грудь:

Наша грудь всегда готова
Встретить вражескую рать!
Полк Кавказский наш удалый
Не умеет отступать, —

вторят ему казаки.

Мы впервые видим Алферова веселящимся вместе со своими казаками. Честный, строгий офицер, бессребреник, он никогда не был с ними дружествен. По болезни он был всегда скромен в еде и не пил спиртного. Сейчас же он весел, как веселы и его песельники, так как он щедро угощает их душистым турецким ананасным коньяком и сам пьет его. Мы поняли: он благодарит свою сотню за первый бой, в котором она проявила себя молодецки.

Поднялись на минарет. Отсюда отличный вид. Между кряжами гор видна белая шапка Большого Арарата. Картина величественная.

Из штаба бригады получено распоряжение представить к наградам отличившихся в первом бою. Право награждения господ офицеров имел главнокомандующий Кавказской армией, а урядников и казаков — Георгиевскими крестами — командир корпуса. Представили скромно, по одному казаку на взвод

участвовавших в бою сотен. Переписка затянулась, и награждения вышли только по весне 1915 года. Это огорчало казаков и их начальников, ущемляло достоинство подвига. Все офицеры 1-го Кавказского полка, участвовавшие в первом бою — есаул Калугин, подъесаулы Алферов и Доморацкий, сотник Дьячевский и хорунжий Елисеев, — были награждены орденом Св. Анны 4-й степени с надписью «За храбрость».

Закаспийская казачья бригада простояла в Баязете только три дня и была переброшена на юг с заданием охранять Тапаризский перевал, куда отошла турецкая пехота, и вести ежедневную усиленную разведку. Штаб бригады остался в Баязете. В Дизу прибыл новый командир 1-го Таманского полка полковник Перепеловский, бывший офицер Конвоя его величества.

В своей книге генерал Масловский так пишет об этом периоде:

> «В ночь на 20 октября 1914 г., в согласии с приказом Главнокомандующего, войска Эриванского отряда двинулись в пределы Турции по пути через Чингильский перевал. Следовавшая в авангарде 2-я Кубанская пластунская бригада генерала Гулыги опрокинула пограничные части турок и начала спускаться в Баязетскую долину. Достигнув ее и выдвинув небольшой отряд к Баязету, который под угрозой движения наших войск был турками очищен, части Эриванского отряда повернули на запад и двинулись к Кара-Килисе. К концу октября отряд постепенно занял все примыкающие к нашей границе долины: Баязетскую, Диадинскую и Алашкертскую, выдвинув к югу передовые части… Эриванский отряд, выиграв пространство, тем самым лучше обеспечил своими малыми силами нашу границу на 200-верстном участке, а заняв Алашкертскую долину, вошел в связь с войсками, действующими на главном (эрзерумском) направлении, и обеспечил их левый фланг».

И все это было очищено исключительно казачьими силами, так как 66-я пехотная дивизия шла в трех переходах от авангардной конницы.

Перед Тапаризским перевалом

Закаспийская казачья бригада расположилась в селе Диза. Казаки в ханах-трущобах и часть лошадей в таких же сараях. Все

остальное — под открытым небом. Снег начал падать еще с 24 октября и шел каждый день. Открылась настоящая зима — холодная, бездорожная. Сразу же ощутился хлебный и фуражный недостаток. Интендантство за Чингильским перевалом. Сотни, высылая взводы казаков во все курдские села, везли оттуда все, что только было съестного и фуражного. Громадные двойные тюки сена и соломы, связанные казачьими вьючками и перекинутые через переднюю луку седла, были малым украшением строя. Время было тревожное, и казаки-фуражиры выезжали «на добычу» при полном своем походном вьюке и с винтовками за плечами, так как, вернувшись с фуражом, они могли не застать в селе не только что своей сотни, но и полка: те могли выступить в любую минуту куда-то по тревоге. Зерно стало лакомством для лошадей. Его делили казаки жменями.

Ежедневные офицерские разъезды на Тапаризский перевал, боковые разъезды в сторону Персии, к склонам Большого Арарата, в свой же тыл, где курды порою «шалили» над проходящими обозами русских войск. Экспедиции отдельными сотнями, дивизионами и даже полками в долины для охраны длиннейшего фронта вдоль русской государственной границы, единственной дороги, по которой тянулись продовольственные транспорты на верблюдах, на мулах для Эриванского отряда. Снег, холода сковали природу.

К этому времени Эриванский отряд и Закаспийская казачья бригада вошли в 4-й Кавказский армейский корпус, став его главными силами.

Тетрадь вторая

Пояснения. Кубанское и Терское войска в мирное время

В мирное время Кубанское казачье войско выставляло следующие строевые части: две сотни Конвоя его величества, одиннадцать конных полков шестисотенного состава, Кубанский казачий дивизион силою в две сотни, шесть отдельных пластунских батальонов, сведенных в Кубанскую пластунскую бригаду, пять конных (полевых) батарей шестиорудийного состава.

Конные полки и батареи Кубанского войска с конными полками и батареями Терского казачьего войска составляли следующие дивизии:

1-ю Кавказскую казачью со штабом дивизии в крепости Каре. В нее входили полки: 1-й Уманский — стоянка в Карее; 1-й Кубанский — в Каракурте; 1-й Хоперский — в Кутаиси; 1-й Горско-Моздокский Терского войска — в Ольты.

1-й Кавказский казачий конно-артиллерийский дивизион включал 2-ю Кубанскую и 1-ю Терскую батареи.

2-ю Кавказскую казачью со штабом дивизии в Тифлисе. В нее входили полки: 1-й Запорожский — стоянка в Кагызмане; 1-й Полтавский — в селе Кинакир, возле Эривани; 1-й Лабинский — в Еленендорфе, возле Елисаветполя; 1-й Черноморский — в Джелал-Оглы, Тифлисской губернии.

2-й Кавказский казачий конно-артиллерийский дивизион включал 1-ю и 5-ю Кубанские батареи.

3-ю Кавказскую казачью со штабом дивизии во Владикавказе. В нее входили полки: 1-й Екатеринодарский — со штабом в Екатеринодаре; 1-й Кизляро-Гребенской Терского войска; Осетинский конный дивизион силою в 2 сотни, формировавшийся исключительно из осетин-добровольцев, со стоянкой в Ставрополе; Дагестанский конный полк, формировавшийся из дагестанцев-добровольцев, — стоянка в Темир-хан-шуре.

3-й Кавказский казачий конно-артиллерийский дивизион включал 3-ю Кубанскую и 2-ю Терскую батареи.

Закаспийскую отдельную казачью бригаду со штабом в городе Ашхабад. В нее входили полки: 1-й Таманский со штабом в селе Каши возле Ашхабада; 1-й Кавказский со штабом в городе Мерв; Туркменский конный дивизион силой в две сотни, формировавшийся исключительно из туркмен-добровольцев,

имел стоянку в Каши.

Артиллерию представляла 4-я Кубанская казачья батарея, изолированно стоявшая на станции Каахка между Ашхабадом и Мервом.

2-ю Казачью сводную дивизию, стоянка в городе Каменец-Подольский. В нее входили полки: 1-й Линейный Кубанского войска, 1-й Волгский Терского войска, 16-й и 17-й Донские казачьи полки.

Кубанский казачий дивизион силой в две сотни стоял в Варшаве и составлял конвой командующего войсками Варшавского военного округа.

Конвойная сотня наместника на Кавказе формировалась из терских и кубанских казаков и стояла в Тифлисе.

Кубанская пластунская бригада — из шести отдельных батальонов — имела стоянки: 1-й — г. Артвин Батумской области; 2-й — г. Душет Тифлисской губернии; 3-й — г. Телав Тифлисской губернии; 4-й — г. Блисаветполь; 5-й — г. Тифлис; 6-й — урочище Лагодехи. Штаб бригады — в Тифлисе.

Кавказская кавалерийская дивизия включала: 1-й Сунженско-Владикавказский Терского войска полк, стоянка — урочище Ханкенды Блисаветпольской губернии; три драгунских полка — 16-й Тверской, 17-й Нижегородский и 18-й Северский.

Каждый полк и пластунский батальон имели «кадры офицеров второй очереди», находившихся в пределах казачьего войска, живущих «на льготе», служащих при полковых округах станиц и подчинявшихся атаманам отделов и Кубанскому Наказному атаману как главе всего войска.

По мобилизации полки и батальоны утраивались, составляя полки и батальоны «второй очереди» и «третьей очереди». При этом «льготные» полки носили имя первоочередного, то есть того, который находился на действительной службе, например: 1-й Екатеринодарский кошевого атамана Чепеги полк.

Льготные полки назывались — 2-й Екатеринодарский и 3-й Екатеринодарский, но шеф полка на них не распространялся, им не присваивался.

Пластунские батальоны имели порядковую нумерацию: первая очередь — 1, 2, 3, 4, 5 и 6-й батальоны, вторая очередь — с 7-го по 12-й батальоны, третья очередь — с 13-го по 18-й батальоны.

Собственный Конвой его величества в Петербурге, Кубанский казачий дивизион в Варшаве и все 5 Кубанских конных батарей не имели кадров и по мобилизации не разворачивались в тройном количестве, как это полагалось для конных полков и пластунских батальонов, по мобилизации все урядники и казаки этих частей

вливались в свои территориальные полки на общем войсковом положении.

Что означает перед строевой частью термин «отдельный»?

«Отдельный батальон», «отдельная бригада» и пр. означало, что они не входили в следующие иерархические воинские образования, то есть батальоны не входили в полки, а бригады не входили в дивизии. Например, шесть кубанских отдельных батальонов не входили в полк, а составляли бригаду. Наша Закаспийская отдельная казачья бригада, как и Сибирская казачья, не входили в состав дивизий, а подчинялись непосредственно командирам корпусов.

Командир отдельного пластунского батальона мог быть в чине полковника, тогда как в пехоте он был в чине подполковника. И он пользовался правами и преимуществами командира полка. Так, он имел право переименовывать рядовых пластунов в приказные, в урядники и фельдфебели, тогда как в пехоте это право дано только командиру полка.

Начальник отдельной бригады мог быть в чине генерал-лейтенанта, тогда как командир бригады в дивизии был генерал-майором. И он пользовался правами и преимуществами начальника дивизии. Так, он имел право переименовывать в звание подхорунжего, тогда как это право дано только начальнику дивизии. И он официально именовался «начальником бригады», но не «командиром бригады».

Наша армия называлась Кавказская отдельная армия, потому что она действовала «отдельно» от всех русских армий на Западном фронте, и глава армии именовался главнокомандующим, но не командующим армией. И он имел право награждать господ офицеров боевыми орденами, что было прерогативой только главнокомандующих фронтами на Западном фронте, но не командующих армиями.

Почти у всех казачьих войск были свои отдельные сотни, отдельные дивизионы, отдельные полки, как это было и во всей Русской армии мирного времени.

Кубанское войско в дни мобилизации 1914 года

19 июля 1914 года Россия вступила в войну против Германии и Австро-Венгрии. По мобилизационному плану все одиннадцать казачьих войск немедленно же приступили к формированию льготных полков из казаков второй и третьей очередей. Это означало, что все казаки, отбывшие положенный свой срок действительной службы в строю и жившие в станицах «на льготе», возрастом от 26 до 30 лет, должны явиться в свои окружные

полковые станицы на собственных строевых лошадях, с холодным оружием и с полным обмундированием и снаряжением, положенным по арматурному списку «на случай войны». Из них формировались второочередные полки, в которые автоматически вливались и те казаки от 22 до 30 лет, которые по разным причинам (по семейным, сироты или не попавшие в первоочередные полки «за излишком») не отбывали положенный срок действительной службы, но которые в этот восьмилетний срок жили у себя дома в станице. Они также обязаны были иметь и в исправности содержать собственных строевых лошадей, седла, холодное оружие и положенное обмундирование.

Льготные казаки третьей очереди, то есть в возрасте от 30 и до 35 лет, являлись только с собственными седлами, холодным оружием и положенным обмундированием, но строевых лошадей получали от государства. На Кубани не было войсковых конных ремонтных запасов, как и не было табунного коневодства. Поэтому по объявлении войны была обнародована государственная реквизиция лошадей у всего населения. Приемная комиссия оценивала стоимость лошади и ее годность в строй, и она передавалась казаку в полное пользование на время войны.

Таким образом Кубанское войско по мобилизации 1914 года на собственный счет добавочно выставило 22 конных полка шестисотенного состава, то есть около 22 тысяч конных казаков.

Из льготных пластунов второй и третьей очередей, на тех же основаниях, что и для конницы, сразу же было сформировано две бригады по шесть батальонов в каждой и названы 2-я и 3-я Кубанские пластунские бригады. Мобилизованные пластуны являлись также с полным своим обмундированием и при кинжалах. Пластунам шашек не полагалось.

Все полки казачьих войск получали от государства винтовки, пулеметы, питание, фураж и подковы для лошадей.

В мирное и военное время рядовой казак получал жалованье 50 копеек в месяц, младший урядник — 1 рубль, старший урядник — 3 рубля 50 копеек. Это была общая ставка во всей Русской армии. Но казаки, не считаясь с рангами, получали еще так называемые «ремонтные деньги» — 1 рубль 78 копеек в месяц для содержания в исправности всего своего снаряжения и обмундирования.

После русско-японской кампании все казаки, выступавшие на действительную службу, получали от государства денежную помощь: кавалеристы по 100 рублей, а пластуны по 50 — на покупку коня. В наше время строевой конь стоил около 300 рублей.

Все 11 полков второй очереди Кубанского войска немедленно же выступили на Западный фронт и с приданием им немногих полков третьей очереди составили следующие дивизии:

1-ю Кубанскую казачью льготную дивизию: 2-й Запорожский, 2-й Уманский, 2-й Таманский, 2-й Полтавский полки.

2-ю Кубанскую казачью льготную дивизию: 2-й Хоперский, 2-й Кавказский, 2-й Кубанский, 2-й Лабинский полки.

4-ю Кубанскую казачью льготную дивизию: 2-й Екатеринодарский, 2-й Черноморский, 3-й Запорожский, 3-й Полтавский полки.

Кубанскую отдельную казачью льготную бригаду: 2-й Линейный, 3-й Хоперский полки.

Все четыре второочередные полка Терского войска — 2-й Кизляро-Гребенской, 2-й Сунженско-Владикавказский, 2-й Горско-Моздокский и 2-й Волгский — образовали 1-ю Терскую казачью льготную дивизию и также выступили на Западный фронт.

Итак, по объявлении войны 1914 года Кубанское казачье войско сразу же выставило на фронт 33 конных полка, 5 конных батарей, около 50 особых конных сотен и 18 пластунских батальонов. *Всего — 60 тысяч казаков и 45 тысяч строевых лошадей.*

И вся эта масса воинов выступила с полным своим обмундированием, снаряжением и лошадьми, купленными за свой собственный счет. Казачьи семьи были многолюдны. Три, четыре, пять сыновей были не редки. По войсковому положению, почти все они проходили свой срок положенной службы.

И вот теперь, когда сразу же мобилизовано восемь присяг льготных казаков без освобождения от службы по семейным и другим обстоятельствам, как это бывает в мирное время, многие сотни казачьих семейств выставили на фронт двух, трех, четырех, пятерых своих сыновей.

Дома, в станицах, осталось такое же количество, то есть около 60 тысяч, молодых жен-казачек в возрасте от 19 до 33 лет (у казаков жена всегда моложе мужа на два года) со многими детьми. Им плакать непристойно, да и некогда, так как надо трудиться в разнообразном казачьем хозяйстве: в степи, на своей ниве, на казачьей земле…

Многие из них, горемычных, уже и не увидели своих мужей-казаков.

Велика была жертва всего *Казачества* на алтарь Отечества!

1-я Кавказская казачья дивизия генерала Баратова

Перед войной, находясь в Персии, мы не знали, какие

причины вызвали объявление Россией войны Турции. Оказалось, что рано утром 16 октября крейсера турецкого флота неожиданно подошли к Одессе, Севастополю, Феодосии и Новороссийску и открыли по ним огонь, нанесли повреждения и скрылись в море.

На телеграфное донесение государю наместника Кавказа о случившемся император Николай II телеграфно указал открыть военные действия против Турции. И главнокомандующий Кавказской отдельной армией, наместник на Кавказе граф Воронцов-Дашков отдал следующий приказ:

> «Турки вероломно напали на наши прибрежные города и суда Черноморского флота. Высочайше повелено считать, что Россия в войне с Турцией. Войскам вверенной мне Армии перейти границу и атаковать турок».

Приказ был отдан 19 октября, и в ночь на 20 октября русские войска перешли турецкую границу.

1-й Кавказский корпус, действуя на главном, эрзерумском направлении со стороны Сарыкамыша, перешел границу у сел Караурган, Меджиягерт, Баш-кей я успешно продвигался вперед по Пассинской долине.

1-я Кавказская казачья дивизия генерала Баратова, сосредоточенная в районе Каракурта (мирная стоянка 1-го Кубанского полка), вторглась в Турцию по правому берегу реки Араке. Три полка дивизии — Запорожский, Уманский и Кубанский были брошены для захвата Кепри-Кейского моста через Араке. 1-й Горско-Моздокский полк с приданными ему двумя батальонами 79-го Куринского полка и одной горной батареей, под общим командованием полковника Кулебякина, был двинут к Кара-Дербентскому проходу для связи с Эриванским отрядом генерала Абациева. Общее командование всеми частями корпуса, действовавшими в Пассинской долине, возлагалось на генерала Баратова.

25 октября все кеприкейские позиции были взяты. Но дальнейшее продвижение частей 1-го Кавказского корпуса вперед остановлено турками. Огибая наши фланги, турки сами перешли в наступление, и Кепри-Кей был оставлен 29 октября. На правом фланге корпуса турецкие части достигли нашей государственной границы у с. Караурган. Туда из резерва армии, из района Тифлиса, спешно по железной дороге был двинут 2-й Туркестанский армейский корпус. На поддержку левого фланга корпуса успела подойти 1-я Кубанская пластунская бригада генерала Пржевальского, что изменило положение и сделало фронт устойчивым.

1-я Кубанская пластунская бригада генерала Пржевальского

Перед войной 1-я Кубанская пластунская бригада была сосредоточена в городе Кагызман. В мирное время там стоял 1-й Запорожский полк. С объявлением войны она была двинута в Турцию для занятия Кара-Килисы, что в Алашкертской долине. Бригада уже была в одном переходе от Кара-Килисы, когда тяжелое положение 1-го Кавказского корпуса в Пассинской долине заставило командира этого корпуса спешно вызвать пластунов на поддержку левого фланга частей генерала Баратова.

Приведем похвальные строки о пластунах генерала Масловского:

> «Вернувшись в Кагызман, бригада двинулась форсированным маршем… Бывшие в голове три батальона уже 2 ноября… перешли в наступление против 33-й турецкой дивизии… Энергичным движением пластуны к вечеру отбросили турок… На следующий день вся бригада (всего пять батальонов, так как 1-й, полковника Расторгуева, был на приморском направлении)… решительно атаковала турок и отбросила их, обеспечив левый фланг корпуса. В ночь на 4 ноября… по соглашению с генералом Баратовым, как только наступила темнота, оставив к югу от Аракса один батальон, с остальными четырьмя… быстро перешел вброд через широкий и быстрый Араке и атаковал с фланга и тыла турок… При этом, ввиду трудности переправы через широкую реку с быстрым течением, ночью, в холодные ноябрьские дни, когда уже выпал снег, генерал Пржевальский первым с разведчиками переправился вброд, приказав всем переправляться вслед, не раздеваясь и держась группами за руки. Переправа была совершена быстро и неожиданно для турок» Внезапным ударом пластуны опрокинули турок и внесли в ряды их смятение. Затем, выполнив блестяще задачу, пластуны перед рассветом таким же порядком вернулись на правый берег Аракса. А с утра б ноября уже вступили в бой с турками, пытавшимися снова продвинуться вперед.

На эрзерумском направлении наши войска продвинулись в глубь Турции на один-два перехода и прочно заняли свои позиции.

Казаки на других направлениях Кавказского фронта

На ольтинском направлении действовал отряд генерала Истомина, подчинявшийся командиру 1-го корпуса, который с началом военных действий успешно продвинулся вперед и занял город Ид. При нем находился 3-й Горско-Моздокский полк Терского войска войскового старшины Лепилкина.

Одним из командиров сотен этого полка был старый осетин-казак подъесаул Галаев, отец будущего героя Кубани начала Гражданской войны войскового старшины Галаева, который в это время был сотником 2-го Черноморского полка Кубанского войска и находился с полком на Западном фронте.

> В Персии, в районе Тавриза и Урмии, по политическим причинам еще в мирное время, с 1910 года, Россия держала значительный отряд. Теперь он состоял из 9 батальонов пехоты, 24 сотен казаков и 24 орудий.
>
> Новую, перед войной образованную *4-ю Кавказскую казачью дивизию* и составляли эти 24 казачьи сотни.
>
> Задача отряда — наблюдать и обеспечивать направление из Моссула (Турция) на Тавриз и Урмию в Персии и из г. Ван на Урмию. Части отряда с небольшими боями, постепенно продвигаясь на запад, к декабрю 1914 года заняли Котур на границе с Турцией, Сарай и Баш-Калу в самой Турции. Так русские войска проникли во фланг и тыл турецким войскам Венского вилайета (округа).

На всем фронте — от урочища Ольты Карской области и до Персии — русские войска с боями победно проникли в пределы Турции в первые же дни войны и закрепились.

Еще дальше на восток, в городе Ардабиль, находился совершенно незначительный отряд, возглавляемый популярным среди полудиких кочевых племен шаксевен осетином генералом Фидаровым. Назначение Фидарова — удерживать шаксевен в повиновении и в точном исполнении принесенной ими в 1912 году присяги никогда впредь не поднимать оружия против России и не вторгаться в ее пределы. Турецкие эмиссары же напрягали все усилия… дабы десятитысячная конная масса их перешла русскую границу и вторглась бы в Елисаветпольскую губернию, внося переполох у нас в тылу.

1-й Лабинский генерала Засса полк

(Из записок генерала Фостикова, тогда сотника и полкового адъютанта)

Перед самой войной 1914 года полк находился в составе Кавказской кавалерийской дивизии, но при объявлении войны части полка были разбросаны: три сотни в Баку, одна в Бвлахе, а штаб полка с двумя сотнями и командами находился в штаб-квартире в немецкой колонии Еленендорф Елисаветпольской губернии. Эта разбросанность полка послужила причиной, что вместо нас с кавалерийской дивизией ушел 1-й Хоперский полк, чему, искренне говоря, мы были рады, так как хуже всего быть в кавалерийской дивизии «четвертым полком» с союзом «и».

Перед самым объявлением войны представители наших казачьих частей, от каждой по одной сотне казаков, со знаменами и штандартами находились в городе Романове (Красная Поляна) около Адлера Черноморской губернии по случаю празднования 50-летнего юбилея покорения Западного Кавказа. Там нас застала мобилизация.

В сентябре 1-й Лабинский полк был переброшен в Эривань, а в первых числах октября — в г. Игдырь. Здесь полк вошел в состав 2-й Кавказской казачьей дивизии, включенной в Эриванский отряд.

Состав господ офицеров полка, выступивших на фронт:

Командир полка — полковник Рафалович (умер генералом в Бельгии).

Его помощник — войсковой старшина Абашкин[2] (генералом погиб в России).

Командиры сотен:

Есаул Суржиков А. И. (старый кавказец, казак станицы Николаевской. Расстрелян красными в чине полковника и командира полка в 1918 году).

Есаул Астафьев Иван (расстрелян красными вместе с Суржиковым).

Подъесаул Венков Василий (умер генералом в Югославии). Подъесаул Подпорин Иван. Подъесаул Кофанов.

Сотник Таранов (убит в Гражданской войне).

Младшие офицеры:

Сотник Астафьев (убит в Турции, под г. Муш). Сотник Подпорин Григорий (убит под Моссулом). Сотник Бабиев Николай (в чине генерал-лейтенанта убит в Таврии в 1920 году). Сотник Головань.

Сотник Налетов Владимир (в чине полковника умер в Чехии).

Сотник Кияшко (убит в Гражданской войне).

Сотник Малыш Михаил (убит в Гражданской войне).

Сотник Шкуропадский Евгений (убит в Гражданской войне).

Хорунжий Кофанов (убит около Баязета).

Хорунжий Кравченко Юрий (в чине полковника и командира 1-го Лабинского полка при поспешном отступлении 2-го Кубанского конного корпуса утонул в Северском Донце в конце ноября 1919 года).

Полковой адъютант сотник Фостиков М. А. Полковой казначей подъесаул Любомирский. Хорунжий Федоров В. А. (полковник, выдан в Лиенце). Командир пулеметной команды подъесаул Борисенко (умер в 1916 году).

Младший офицер сотник Артифексов Леонид (генералом умер в Югославии).

Есаул Суржиков заболел и его 3-ю сотню принял во временное командование сотник Бабиев.

Лабинцы в боях против курдов и турок

Полк, идя в авангарде дивизии, сбил с Мысунского перевала пограничные турецкие части, которые после рубки бежали. Потери полка: ранены один казак и три лошади. Спускаясь с перевала, получили донесение от авангардной сотни, что она ведет бой с двумя батальонами турок. Полк развернулся и атаковал противника, охватив его фланги. Лихо понеслись сотни в атаку. Короткая рубка-схватка — и противника не стало: изрублено около 200 человек, остальные сдались в плен. У нас убито 6 казаков, ранено 5 человек и 12 лошадей.

Первый бой полком — атака. Сколько было радостей и разговоров!

На ночлег встали в селе Мысун. В стороны Диадина и Баязета выслали разведывательные полусотни и разъезд для связи с пластунами генерала Гулыги. Подошли и другие части дивизии. Не хватало крыш для всех. Расположились по дворам и около села у стогов сена. В полночь прошел дождь, а на рассвете приморозило так, что наши бурки стали колом. Промерзли сильно, но подлечились коньяком и ромом — все болячки как рукой сняло. Полк имел большой запас рома и коньяку — подарок для похода немцев, жителей колонии Еленендорф.

23 октября полк был направлен перерезать дорогу Баязет — Диадин, а 3-й Волгский полк Терского войска полковника Тускаева с батареей двинулся прямо на Диадин. В авангарде лабинцев две сотни, от которых вперед высланы офицерские разъезды. Головной разъезд хорунжего Кофанова, пройдя дорогу и продвинувшись к высотам на юге, неожиданно попал под сильный ружейный огонь курдов, и Кофанов был убит первым, в

голову, и с ним два казака разъезда, а три казака ранены при попытке вывезти убитых. Атакой дивизиона курды были сбиты с высот, и тела убитых выручены.

Подошел полк, оплакали хорунжего Кофанова, общего любимца, и павших казаков. Это были наши первые серьезные потери. Полковой священник отслужил панихиду. Помолившись и простившись с убитыми друзьями, полк двинулся на Диадин. Здесь к нам подошла наша Закаспийская казачья бригада. Задерживаться не пришлось, так как 3-й Волгский полк и артиллерия вели бой под Диадином. На другой день, 24 октября, лабинцами было занято село в одном переходе от Диадина — Ташлы-чайсуфла. До темноты наши части вели бой с турецкой пехотой и курдами. Шел мокрый снег, потом приморозило.

День 27 октября был снежный, туманный и холодный. Лабинцы, авангардный полк, выступили на Кара-Килису (Черная Церковь). Двигались по правому берегу Евфрата, который почти всюду покрыт льдом. Полная тишина. Падает крупный снег. Туман. Полк подходит к селу, а вдали слышится звон церковного колокола. Вечером, после длительной перестрелки с курдами, полк занял Кара-Килису.

Зима полностью вступила в свои права: перевалы завалены снегом, дороги засыпаны, в горах снежные вьюги.

3-й Волгский и 3-й Черноморский полки выдвинуты на город Алашкерт. Штаб Эриванского отряда, 3-й Кизляро-Гребенской полк и артиллерия остановились в Кара-Килисе, а 1-й Лабинский полк занял селение Челканы, что по дороге на Дутах перед Клыч-Гядукским перевалом. Алашкертская долина занята нами полностью…

В ноябре турки начали проявлять активность. Их части, составленные почти сплошь из арабов, заняли Клыч-Гядук…

С рассветом полк подошел к подъему на Клыч-Гядук. Спешившись, лабинцы повели наступление на высоты хребта. Снег выше колен и по пояс. Печет солнце. Цепи все время под огнем противника. Наступление идет медленно. Скоро все промокли до пояса. Уже в темноте взобрались на горные террасы.

Начало морозить. Подул северный ветер, в полночь началась снежная буря. Многие окоченели. Их оттирали спиртом, поили коньяком и ромом. Этим многих спасли. Чтобы согреть себя, казаки боролись, устраивали кучу малу… Поползли вверх по выступам. Сверху послышались выстрелы. Лабинцы бросились вперед и вмиг были на главном хребте. Несколько десятков закоченелых от холода арабских солдат и два офицера сдались в плен. На позиции мы насчитали до 300 замерзших солдат-арабов. Уже утром начали спускаться в Дутахскую долину. Круговой

дорогой подошли коноводы, лазаретные двуколки.

Войсковой старшина Абашкин контужен в левую ногу осколком артиллерийского снаряда. Около 40 обмороженных казаков спешно отправлены в Кара-Килису, Некоторым потом ампутировали конечности.

После приличной перестрелки полк занял Дутах конным налетом. Турки спешно отошли вниз по Евфрату.

Дутах — город гусей. Там мы нашли десятки тысяч их. Больше половины поели, а их жиром лечили обмороженные части тела. Многим это спасло конечности, как и мне лично, так как мои ноги до колен были черны, и только гусиный жир спас их.

Переход 2-й Кубанской пластунской бригады генерала Гулыги

> 10 ноября 1914 года 2-я Кубанская пластунская бригада генерала Гулыги была брошена из Алашкертской долины через Клыч-Гядукский перевал на поддержку частей 2-й Кавказской казачьей дивизии под Дутах, что на реке Евфрат. Через два-три дня она была оттянута назад и двинута спешно в Пассинскую долину на усиление 1-го Кавказского корпуса…

Ущелье вьется вверх, суживается. Две-три версты карабкаемся по льду. Передние стали.

— В чем дело?

— Дороги нет… ступеньки надо вырубать.

Туман такой, что собственного носа не видно. Временами, как привидение, выступают из тумана высокие льдистые утесы. Слышно: где-то глубоко, под утесами, шумит поток. Пластуны, как кошки, карабкаются на утесы. Взобрались: льды, снег, клубы тумана… Тишина. Такая чуткая тишина, что чудится, будто слышишь шуршание тумана, цепляющегося за снег и льды. Будто кто-то мгновенно сбил папаху с головы Мадур-дага и ослепительно заблестела его лысина… Стоим на вершине хребта, а кругом, насколько хватает глаз, высятся снежные громады, клубятся облака.

— Встать!.. Вперед! — доносит эхо из тумана, который опять так же быстро и незаметно скрыл от нас горы, как быстро и незаметно перед тем обнаружил снежные вершины на десятки и сотни верст.

Легко пластуну спускаться вниз: завернись в бурку — и падай с утеса на утес, катись катком по откосам, пока не докатишься до теплой сакли…

Переночевав в селении Даяр, которое похоже на дно глубочайшего колодца, в снегу выкопанного, опять втягиваемся в ущелье. Из ущелья выбрались на долину, замыкающуюся высокими, совершенно отвесными горами. Идем прямо к тем горам-стенам. В белой стене чернеет трещина. Это и есть знаменитый Кара-Дербентский проход, связывающий Алашкертскую долину с Пассинской.

Вот мы уже у самой трещины и — вдруг: та-та-та… та-та-та… — над головой засвистали пули. Передние пластуны мгновенно рассыпались в цепи, согнувшись, побежали к стене. Задние, укрывшись за камнями, открыли огонь по хребту.

— Кто это?.. Да ведь нам же сказали, что проход свободен! Кубинский полк его занимает!

— Но кто же тогда стреляет?

— Да они же и стреляют!

— О, мать вашу так!..

Хорунжий М., который имел поистине бычье горло, взобрался на холм и кричал тем, кто стрелял с хребта:

— Вашу мать!.. Карту-уз-ни-ки!.. Не стре-е-ля-ай-тее! Ка-за-ки-и ии-ду-ут!..

Но «картузники» перестали стрелять только тогда, когда увидели наши подошедшие лазаретные двуколки. Вниз сошли два поручика. Смотрят все еще недоверчиво:

— Черт вас разберет — кто вы?.. Мы думали, что это курды! И они так же замотаны башлыками, как и вы…

Когда подтянулись все батальоны, вошли в трещину. Она в некоторых местах суживалась так, что идти приходилось по самой речке Ид ель. Особенно тяжело пришлось нашим вьючным верблюдам, буквально раздиравшимся на скользких камнях.

Вблизи селения Дели-Баба вышли из этой горной утробы на свет Божий. Перед нами — широкая Пассинская долина. Здесь где-то занимает позицию генерал Пржевальский со своей 1-й Кубанской пластунской бригадой, на соединение с которой мы и пришли из Эриванского отряда генерала Абациева.

Сменили быстрых и юрких, как черти, действительной службы пластунов. Выкопали в снегу окопы «с колена». Засели. Ждем турок. Ждать их пришлось недолго…

Так красочно это описывает участник перехода тогда 10-го Кубанского пластунского батальона хорунжий Куркин.

Государь император Николай II посетил Кавказ. В первых числах декабря 1914 года он проехал на Кавказский фронт и был не только в Сарыкамыше, но с небольшой свитой на русско-турецкой границе, в с. Меджингерт, где находились ближайшие резервы войск главных позиций эрзерумского направления. Было

приказано командировать туда отличившихся солдат и казаков всех рангов для награждения Георгиевскими крестами самим императором. Пластуны уже изрядно износились в своей одежде по горам и долам. Куркин писал:

> «К царю, в Меджингерт, на смотр „кавалеров“ новых снаряжаем. Ломают головы сотенные командиры с взводными урядниками — кого послать?
>
> — Хоменка бы представить…
>
> — Так вин же зовсим босый, — отвечает взводный урядник.
>
> — Ну, Пахомова…
>
> — А вин в курдынськой одэжи…
>
> — Тоди Хыля…
>
> — А в його штанив чорт-ма… — вторит другой взводный».

Здесь, может быть, немного преувеличено Куркиным, но в действительности многое было так. Да и какое запасное обмундирование мог иметь каждый из пластунов в своем «сыдири» (мешке) за плечами? Харчи, шило, мыло и другую мелочь.

Кубанские казаки в Сарыкамышской операции

Вице-генералиссимус турецкой армии Энвер-паша задумал не только вернуть потерянные Турцией в 1878 году территории, когда она лишилась Карса, Ардагана и Батума, но — по овладении Закавказьем — поднять всех мусульман Каспийско-Волжского района, Туркестана и Западной Сибири и собрать их под скипетром султана-калифа.

6 декабря 1914 года он взял в свои руки непосредственное руководство 3-й турецкой армией, действовавшей против наших войск Кавказского фронта.

> План Энвер-паши состоял в том, чтобы обойти и окружить главные силы Кавказской армии, сосредоточенные в Пассинской долине, уничтожить их и открыть путь на Тифлис. С этой целью 11-й турецкий корпус (до 45 батальонов)… должен был атаковать русских с фронта, дабы приковать их и не позволить отойти к Сарыкамышу. 9-й и 10-й турецкие корпуса (60 батальонов) должны были обойти правый фланг русских войск и выйти на линию Сарыкамыш — Каре.

(Масловский).

12 декабря турецкий авангард, сбив ополченцев, занял Бардусский перевал, в пяти верстах от Сарыкамыша. Положение стало критическим. Возвращавшийся из отпуска, из Тифлиса, начальник штаба 2-й Кубанской пластунской бригады полковник Букретов образовал из разных тыловых частей отряд и принял на себя задачу оборонять город-Полковник Букретов — это будущий генерал и Войсковой атаман Кубанского войска с конца 1919 и до мая 1920 года.

В ночь на 12 декабря Энвер-паша отдал приказ об общей атаке русских. Он указывал, что обход уже совершился, в Сарыкамыше турок ожидают теплые квартиры, огромные запасы продовольствия и — слава. Приказ он заканчивал словами:

> «Если русские отступят, то они погибли; если же они примут бой — нам придется сражаться спиной к Карсу».

Генерал от инфантерии Мышлаевский, помощник главнокомандующего Кавказской армией по военной части… решил отступать.

Начальник штаба армии генерал Юденич… вступил во временное командование 2-м Туркестанским корпусом. Мышлаевский же принял общее командование… Юденичу удается доказать и уговорить Мышлаевского, что отход войск грозит катастрофой… Приказ об отступлении отменяется…

(Масловский).

В Сарыкамышской операции русские части проявили исключительную боевую устойчивость. В защите самого Сарыкамыша главную роль сыграли 1-я и 2-я Кубанские пластунские бригады, 1-я Кавказская казачья дивизия и немногие части 1-го Кавказского и 2-го Туркестанского корпусов.

Есаул Куркин пишет:

> «Наступательное отступление или отступательное наступление?
>
> — Та-тата… Та-тата… Та-тата…
>
> — Кто вызывает?
>
> — У телефона генерал Мышлаевский.
>
> — Слушаюсь. Начальник связи пластунских бригад хорунжий Старнинский.
>
> — Генералу Пржевальскому: немедленно сняться с позиций и усиленным маршем идти на Сарыкамыш. 20 часов похода — 4 часа отдыха.
>
> — Ваше высокопревосходительство, генералы

Пржевальский и Гулыга успешно развивают наступление, и в настоящий момент не знаем, где они находятся, так как все время с боем продвигаются вперед.

— Разыскать и передать мое приказание!

— Слушаюсь!

Начальник связи послал нескольких ординарцев разыскать пластунских генералов. Бог весть где и как нашли одного и другого. Передали приказание — и началось знаменитое отступательное наступление на турок, обложивших Сарыкамыш. Удиравшие до сих пор турки, увидев „новую обстановку“, энергично нажали. Пластуны, отбиваясь 4 часа, еще 20 часов бегом спешили на выручку Сарыкамыша.

А снег по пояс. Мороз до 30 градусов. И на каждом шагу „чертовы мосты“… От сапог — ни воспоминаний. Черкески в лохмотьях. Ноги с обмороженными пальцами. А идут пластуны, будто пружинным шагом на парадном смотру. И увидели отборную армию Энвер-паши. И уничтожили армию.

Турки, и те, что с Кепри-кея гнались за отступавшими пластунами, и те, что на Сарыкамыш наступали, в *спину пластунов* никогда не видали.

Потому и мог в Батуме, на банкете, генерал Гулыга сказать врачам: „Раненого пластуна не переворачивать без толку, отыскивая входную и выходную рану, — *входных ран в спину у пластунов не может быть!“»*

По книге Масловского, в Сарыкамыше происходило следующее:

…13 декабря к Сарыкамышу подошел 1-й Запорожский полк Кубанского войска полковника Кравченко с правого берега Аракса, который тотчас же двинулся к самому уязвимому для нас месту — к железнодорожному вокзалу.

Генерал Пржевальский с 1-й пластунской бригадой в составе пяти батальонов с Кавказским отдельным горным артдивизионом, совершив форсированный марш… к вечеру 15-го вступил в командование Сарыкамышским отрядом…

Надо отметить, что начальником штаба Сарыкамышского отряда был назначен Генерального штаба капитан Караулов, терский казак и родной брат будущего Войскового атамана Терского войска после революции М. А. Караулова, трагично

погибшего от рук разнузданной солдатской массы большевиков на своей же войсковой территории 8 января 1918 года.

Начались бои за Сарыкамыш. Командир 1-го Запорожского полка полковник Кравченко был убит. Турки ворвались в город, заняли казармы 156-го Елисаветпольского пехотного полка и вокзал. Фронт был прорван, положение стало критическим. В резерве Пржевальского осталось лишь две сотни 6-го Кубанского пластунского батальона. До позднего вечера шел тяжелый штыковой бой. Наши немногочисленные части изнемогали. Уже в полной темноте Пржевальский решает бросить туда свой последний резерв. Он вызывает полковника Термена, временно вместо него командовавшего бригадой, и говорит ему:

— У меня остался последний резерв — две сотни… Возьми их, иди туда и действуй по обстоятельствам. Теперь пришла твоя очередь спасать Сарыкамыш. Больше ни на какие подкрепления рассчитывать нельзя.

Перекрестив полковника Термена, он его отпустил… Пластуны без выстрела, в полном молчании атакуют турок и опрокидывают их штыками. Внезапная и молчаливая атака производит на противника настолько сильное впечатление, что он уже не пытается возобновить здесь атаки…

> К вечеру 20 декабря подошли 1-я Кавказская казачья дивизия генерала Баратова в составе 14 сотен (1-й Уманский, 1-й Кубанский полки и две сотни 3-го Кавказского полка) и 2-я Кубанская пластунская бригада генерала Гулыги.
>
> Произошел моральный перелом в настроении войск. Турки отбиты.
>
> Части Сарыкамышского отряда генерала Пржевальского и конница генерала Баратова преследовали отступающие в полном беспорядке части 10-го турецкого корпуса, непрерывно нанося удары и захватывая большое количество пленных, орудий и других трофеев. Одна 2-я пластунская бригада захватила более 4000 пленных. Внезапным ночным ударом был захвачен штаб 30-й пехотной дивизии с ее начальником.

В исторической Сарыкамышской операции, где русские войска проявили исключительную доблесть, я остановился только на казачьих частях, что является главной целью моих описаний. Насколько же была кровопролитна вся операция, говорят ее потери: более 20 тысяч убитых, раненых и больных и более 6 тысяч обмороженных.

Турецкие корпуса, действовавшие в обходной колонне,

понесли жесточайшие потери. В марте 1915 года карский окружной начальник докладывал генералу Юденичу, что сейчас он зарывает 23-ю тысячу турецких трупов. Всего только под Сарыкамышем было похоронено 28 тысяч турок.

Нашей, Закаспийской казачьей бригаде здесь не удалось участвовать в боях. Во второй декаде декабря ее спешно перебрасывают через Чингильский перевал, от г. Игдыря мы идем переменным аллюром… грузимся в вагоны и движемся на Александрополь… бригада простояла там два дня и… вновь в обратный путь, на Баязет…

Участие кубанских строевых частей в Сарыкамышской операции требует подробных описаний, что могли бы сделать только участники. Этого требует войсковая история и наше потомство. Но… кто и когда это сделает?

Конная атака Сибирской казачьей бригады под Ардаганом

В Приморском районе, второстепенном по цели и отделенном от остального фронта Кавказской армии малодоступными горами Понтийского Тавра, к началу войны было сосредоточено шесть батальонов, одна сотня казаков и восемь орудий. 1-й Кубанский отдельный батальон полковника Расторгуева был основной силой этого отряда. Сотня казаков была 3-го Лабинского полка Кубанского войска. Потом отряд усилился 19-м Туркестанским стрелковым полком. Поэтому турки имели здесь успех и к концу ноября 1914 года подошли к самому Батуму. В связи с этим с Черноморского побережья была снята 3-я Кубанская пластунская бригада генерала Геника и направлена: 15, 17 и 18-й батальоны в Батум, а 13, 14 и 16-й батальоны со штабом бригады в Ардаган.

9 декабря пехотная турецкая дивизия 1-го Константинопольского корпуса вытеснила пластунов из Ардагана. И тогда из Тифлиса была направлена единственная остававшаяся в резерве Сибирская казачья бригада генерала Калитина.

Генерал Масловский пишет о конной атаке этой знаменитой бригады: «Используя отступившие части 3-й пластунской бригады, произведя обход, казаки Сибирской бригады нанесли быстрый удар… и конной атакой овладели Ардаганом. Турки в беспорядке бежали… оставив казакам много пленных и два орудия».

Полковник М. Е. Сменов, тогда хорунжий 3-го Екатеринодарского полка, участник этого боя, рассказывал:

> «Сибирская казачья бригада, словно вынырнув из-под земли, сомкнутым строем, с пиками наперевес, широким наметом, почти карьером так неожиданно и резко атаковала турок, что они не успели защититься. Это было что-то особенное и даже страшное, когда мы смотрели со стороны и восхищались ими, сибирскими казаками. Покололи пиками, потоптали конями турок, а остальных забрали в плен. Никто не ушел из них…»

Эта знаменитая конная атака Сибирской казачьей бригады под Ардаганом, этот их первый бой против турок открыли им, сибирским казакам, блестящий путь боевой Славы, который сопутствовал им везде, где они появлялись.

И эта первая конная атака бригады открыла также блестящий боевой путь их маститому начальнику бригады генерал-майору Петру Петровичу Калитину и командиру 1-го Сибирского атамана Ермака Тимофеевича полка полковнику Раддацу. С ними мы еще встретимся в этих описаниях.

Перемены в высшем командном составе Кавказской армии

Генерал Масловский констатирует:

> «Вывела группу из критического положения только воля генерала Юденича, решившего не выполнять приказа об отступлении… презревшего могущие быть гибельными последствия и знавшего героизм войск, который в сочетании с непреклонной волей начальника мог творить чудеса».

После Сарыкамышской победы произошли крупные перемены в командном составе Кавказской армии.

Начальник штаба Кавказской отдельной армии генерал-лейтенант Юденич был награжден орденом Св. Георгия 4-й степени и назначен командующим Кавказской армией с производством в полные генералы.

Начальник Сибирской казачьей бригады генерал-майор Калитин был назначен командиром 1-го Кавказского армейского корпуса.

Начальник 1-й Кубанской пластунской бригады генерал-майор Пржевальский стал командиром 2-го Туркестанского

корпуса.

Эти назначения высочайше были утверждены, с производством обоих в чин генерал-лейтенанта.

Калитин был награжден орденом Св. Георгия 3-й степени.

> Пржевальский награжден орденом Св. Георгия 4-й степени.
>
> Главнокомандующий Кавказской отдельной армией генерал-адъютант граф Воронцов-Дашков, не будучи в состоянии руководить армией вследствие состояния своего здоровья, ходатайствовал перед государем о вручении командования армией генералу Юденичу… Это решение было совершенно необходимо, так как передавало руководство борьбой за честь и достоинство великой империи и дело обеспечения безопасности важной окраины государства в руки того, кто в критические минуты, переживаемые немногочисленной армией, сумел обнаружить высочайшую волю, твердость и присутствие духа, выведя со славою армию из тяжелого положения и нанеся многочисленному противнику жестокое поражение. Это назначение давало генералу Юденичу большие права и необходимую самостоятельность.
>
> Начальником штаба Кавказской отдельной армии был назначен по ходатайству Юденича генерал-квартирмейстер штаба армии генерал-майор Болховитинов.
>
> *(Масловский).*

Для войсковой истории: в годы Гражданской войны генерал Болховитинов был членом Кубанского краевого правительства по военным делам; после Крымской эвакуации был инспектором классов Кубанского Алексеевского военного училища, в должности которого и застрелился в Болгарии.

> Генерал Юденич со своим полевым штабом командующего армией поселился в крепости Каре.
>
> Повышение на командных должностях доблестных генералов Пржевальского и Калитина автоматически передалось в повышение и других старших казачьих военачальников. Генерал Иван Бмельянович Гулыга назначен начальником 1-й Кубанской пластунской (первоочередной) бригады. Полковник Букретов, проявивший в Сарыкамышских боях исключительно

похвальную инициативу, был награжден орденом Св. Георгия 4-й степени и скоро произведен в чин генерала и назначен начальником 2-й Кубанской пластунской бригады. Командир 1-го Сибирского атамана Ермака Тимофеевича полка полковник Раддац назначен начальником Сибирской казачьей бригады. За атаку Ардагана награжден орденом Св. Георгия 4-й степени и произведен в генерал-майоры.

Терский казак Генерального штаба капитан Караулов за Сарыкамышские бои также был награжден орденом Св. Георгия 4-й степени, скоро произведен в подполковники и назначен начальником штаба Приморского отряда.

Автору этой книги уже в послереволюционные времена и много позже приходили письма от доблестных казачьих офицеров. Некоторые писали, что они остались «единственными в живых» от всего офицерского состава своего полка. Писали об этом с глубокой скорбью…

Первым откликнулся доблестный генерал-лейтенант Михаил Архипович Фостиков, прислав обстоятельную и любовно написанную статью о своем молодецком 1-м Лабинском полку, с которым мы, кавказцы, подружились на Турецком фронте.

Свои красочные воспоминания прислал есаул Куркин, пластун бригады генерала Гулыги.

Вот что уточнено в письмах:

1. Начальник 2-й Кубанской пластунской бригады генерал-майор И. Е. Гулыга за атаку на турок у села Ходжеляр 10 декабря 1914 года награжден Георгиевским оружием.

2. Есаул Красный выступил на войну в должности командира 5-й сотни 1-го Таманского полка, скоро был назначен помощником командира полка и сотню сдал сотнику Василию Терентьевичу Бабаеву, казаку станицы Усть-Лабинской.

3. С 1-м Лабинским полком на фронт выступил в должности младшего офицера хорунжий Георгий Лиманский.

Тетрадь третья

На Баязет!

В природе человека есть соревнование и борьба. Кулачные бои, рыцарские турниры, казачья джигитовка — все свидетельствует об этом. И в прошлом войны были страшны. Но и по-своему красивы. Даже привлекательны.

Ничего не осталось от той грозной казачьей силы, которая осенью 1914 года с севера и востока переваливала через не перевалы, а через заоблачные перелеты в долины Турецкой Армении. Но где бы ни доживали свои тусклые дни «остатки остатков» той силы — они не забывали, да и не могли забыть, первые дни войны, которые совпали с первыми днями их молодости. Ибо первые дни войны, как и первая любовь, неповторимы. Нет второй, третьей и так далее любви. Неповторимы и первые дни войны. Той войны, в которой бились и рубились наши деды и прадеды, в какой пришлось биться и нам в долинах рек Евфрат и Араке, в трущобах Курдистана, в песках Ирака.

В клочья изодраны черкески. Не одна пара сапог истрепалась о ноздреватые камни Шайтан-дага и других «чертовых дат» (дат-гора). Не один казачий конь подбился или разбился в ущельях. Помнится все это. Помнится до мельчайших подробностей каждый хребет, каждая долина, каждое ущелье… Помнятся те, которые и до начала войны не были безличны и которые с войной открылись до глубины глубин своей души.

— Хорунжий! Постройте сотню! — слышу команду командира сотни.

Сотня построилась. Дух войны уже пролетел над армянским городком Игдырь.

Сотня свернулась. Это уже не та сотня казаков, что была минуту тому назад. Она сжалась в одно тело и душу. Как сжимаются пальцы в свинцовый кулак.

— Ребята!.. Война! — объявил сотник.

По рядам пробежала дрожь. Не от страха. То рвались концы, связывающие каждого с миром. Как рвутся концы парохода, спешно отчаливающего от пристани. С этого момента *своя сотня* для каждого казака и офицера стала все: отец, мать, жена, дети… И все это заключается в одном слове, в одном чувстве — *товарищество.*

Ночь. Моросит осенний дождь. На юго-востоке высится

задумчиво-молчаливый, снегами и льдами окованный Большой Арарат. Взметаются и рассыпчато падают по кривым темным улицам Игдыря песни армянских добровольцев. Захлебываются, хрипят очертеневшие собаки…

Пластуны идут в поход. Перешептываются. Трунят. Под ногами чавкает раскисшая грязь. За городом отслужили напутственный молебен. Дождь перестал. Из льдистых морщин Арарата потянуло холодом. Забелела заря.

— Пишлы наши в гору! — кричат передние и машут отстающим. — Швыдчэ!

— Нэ торопысь пэршэ батька в пэкло! — отвечают задние пластуны.

Карабкаемся вверх. Снег покрыт ледяной коркой. Навьюченные боевыми припасами пластуны тяжеловаты. Проваливаются в снег.

— Цэ, мабудь, брэхня… — заключает вслух свои думы приказный Скиба, застряв в снегу по пояс.

— На догад чого? — нехотя отзывается Голобородько.

— Та що виноград у Ноя був… Як бы вин тут рис… у снигу?

— Мабудь, тоди його ни було.

— Можэ… — соглашается Скиба.

Выше и выше. Мороз скрутил бурки и сапоги. Слева широкая спина ледника. Арарат нахмурился. Последний раз он показал себя в 1441 году: отлетела в поднебесье снеговая папаха, взвился огненный столб, полетели огромные камни, полилась кипучая лавина, затряслись горы и долины… И от большого армянского селения Ани остались лишь воспоминания… Теперь там монастырь Святого Якова.

С тех пор Арарат только хмурится, одним глазом поглядывая на перевал. Вот и он — перевал! Граница!

С каким-то странным, особенно приятным чувством перешагнули границу…

10-й батальон полковника Витинского посотенно выдвинулся на самый кряж. С перевала в долину ведет неожиданно приличная дорога. Командир бригады генерал Гулыга, 10-й батальон и Туркестанская горная батарея «зачепили» перевал. Глубоко внизу — круглая долина. За ней, на обрывках гор, белеет Баязет. Перед нами, внизу, большое турецкое село. «Горняшки» по нему открыли огонь. Забросали его гранатами и шрапнелью. Из села выскочила конница и драпанула к югу. Потом скот и жители.

Над нами свистят тяжелые свинцовые пули. Снег шматками падает, падает. Клубятся ленивые облака. Холодом обвевают нас бока Арарата. Вершина же его все так же величаво спокойна, словно умудренная предветхозаветной старостью, притягивает

своим мистицизмом. Загадочно поблескивает и искрится вечными льдами. Потом нахмурится и смотрит, как кубанские пластуны занимают склоны. И вспоминает… а есть что вспомнить. Видал Арарат виды. В темную даль тысячелетий углубляется он воспоминаниями. Кто только не переваливал через его перевалы!

Сейчас Арарат смотрит на кубанцев. А они — на него из-за торчащих и снежных каменных глыб. В бурках и нахлобученных до бровей папахах, похожие на огромных горных воронов.

Тяжелые курдские свинцовые пули зудят и свистят, как встревоженные шмели, цокая, разбиваются о камни или бесшумно заканчивают свой путь в сугробах. Быстро, пронзительно режут туман остроконечные пули аскеров — турецких пехотинцев.

Мы еще не выпустили ни одного патрона. Пластуны отряхнулись. Переползли, засели. За туманом ничего не видно за десять шагов. Турки, очевидно, нащупывают нас. Но мы не отвечаем. Появился первый и пока единственный раненый. Появился и неугомонный и вездесущий генерал Гулыга. Нагнулся над раненым пластуном, поцеловал и поздравил с «Георгием». Первая боевая награда.

Пластунов засыпало и замело снегом так, что уже никто не мог бы отличить их от торчащих из снега обледенелых каменных глыб.

Уже за полдень. Пластуны что-то жуют. Винтовки не выпускают из рук. Глазами и ушами буравят туман. Не особенно приятно сидеть под пулями и не отвечать. Это испытание нервов.

Вслушиваемся. С клубами тумана доносится, как бы покряхтывая, шуршание оборвавшихся камней. Разом заворошились бурки. Высунулись винтовки. Щелкнули затворы. Вдруг туман как рукой смахнуло. А шагах в ста, ниже, цепи наступающих турок. Грянули и жадно затрещали выстрелы пластунов. Вправо от дороги — тоже стрельба. Там отбивается с третьей сотней есаул Гарибов. Перебегаю от одного пластуна к другому. Не для проверки прицела. У всех радостные, возбужденные лица. Глаза большие, буравящие. Словно спрашивающие — ну, каково?

Захотелось обнять каждого крепко. Без слов. И так все ясно: первый бой и первая победа.

Оставшиеся в живых турки покатились вниз.

— Счастливого пути! — кричат пластуны.

— Цэ, трохы на дорогу! — стреляют некоторые вслед.

— Довольно, ребята! — кричу им.

Собираем гильзы, подсчитываем, сколько выпущено.

— Много… — сокрушенно цокают языки.

Ну, думаю, достанется мне от генерала Гулыги. К вечеру нас

сменила 4-я сотня. Мне действительно досталось от Гулыги. Но у генерала гнев быстро проходит и сменяется на милость, как и обратно.

Были тут же «производства» и поздравления «за храбрость».

Убитых пластунов похоронили. Трупы аскеров и курдов оставили в снегу перевала.

Первый бой вздернул нервы: у одних — поражением, а у других — победой. Смерть показала обратную сторону медали. Но только похоронили своих павших друзей, как опять заговорила нервная система: «На Б а я з е т!.. На Баязет!»

Сзади, в угрюмом далеком крае, осталась братская казачья могила. Казакам не впервые оставлять свои кости на чужбине.

«А нашего брата зароют в песках…» —

пели мы еще мальчишками в станицах, ясно представляя себе эту жалостную, но и романтическую картинку из казачьих долгих войн.

Лежат казачьи кости в горах Турции. И над ними никто не прочтет молитвы. Над ними был и будет слышен только птичий свист…

Пусть лежат с миром. И одни, и другие. И казаки, и турки, и курды. Над всеми одна судьба. Но… война зовет идти вперед.

Дальше, ниже — спускаться рискованно. Черт его знает, где турки? Можно и напороться. Свернули в какой-то буерак. Закутались в бурки и ждем хорошую погоду. Одни пластуны разыскали небольшую пещеру. Человек десять втиснулись в нее. Остальные где-то по склону, за камнями. Улеглись. Жуют что-то. Даже закурили. Вдруг из тьмы и ливня вынырнул принц Аманулла Мирза, командир 9-го батальона, мокрый до костей.

— И черт знает, иде мой знамя? — выкрикивает он.

— Я знаю, ваше сиятельство! — заявляет командир взвода подхорунжий Степан Суворов, казак станицы Темижбекской.

— Иде?

— У знаменщика, ваше сиятельство! — решительно ответил Суворов, и все засмеялись.

— Останьтесь с нами, ваше сиятельство, — говорю ему. — Утром разберемся.

И принцу, наследнику персидского престола, казачий мокрый замусоленный в сумке хлеб показался очень вкусным.

Вся 2-я Кубанская пластунская бригада спустилась в Баязетскую долину. Тут и штаб бригады. Утро чудесное, свежее. Верстах в трех, внизу, селение. То самое, которое вчера забросала гранатами наша горная батарея. За селом, будто ржавчиной

покрытая, круглая долина. За долиной белеет Баязет. Мы все уверены, что идем брать его. Мы все уверены, что возьмем Баязет.

Вперед! 10-й батальон — головной. Заколыхались. Двинулась казачья сила. Настроение самое праздничное. Солнце глядит нам уже в лицо. Наткнулись на следующее село. Посмотрели карту: Агнот, армянское село. Оно пустое. Но откуда-то выползли армяне. Старики крестятся. Скалят зубы, бьют себя кулаком в грудь и каждому пластуну сообщают:

— Кристун!.. Кристун!.. — то есть христиане.

— И мы «кристуны», — отвечают пластуны.

Запылали костры. Задымились походные кухни. Варится и жарится баранина. Кое-где вздымаются и разливаются по долине казачьи песни, без которых казаки не могут жить. Хлопочут вестовые, приготовляя офицерский ночлег в блошиных «ханах» (пещерах-комнатах). У штаба — военный совет. Посреди села — выпуклая площадь. Там толпятся и гомонят сотни пластунов. В центре — конные казаки. Очевидно, разъезд. Но чей? Откуда?

Конные с радостными лицами. Схиляются с седел, «здоровкаются». Некоторые целуются с пластунами.

Быстро приближаясь, всматриваюсь в конных. Подхожу ближе, ближе… Да ведь это кавказцы! Наш первый полк. И быстро-быстро промелькнули в голове картинки: станция Кавказская, около вагонов строевые кони, молодые казаки, жены-казачки, матери, отцы. Возбужденные лица, песни, смех, порою слезы молодых жен и матерей; гулко стучат копытами по деревянным помостам, неохотно идут в вагоны строптивые кабардинские кони, почти неуки. То отправляют эшелон молодых казаков «за Каспию» на долгую «действительную службу», куда-то на далекую российскую азиатскую окраину…

И опять та же железнодорожная станция. Напряженное состояние. Жены-казачки «горят». Скоро… скоро они увидят своих мужей, возвращающихся домой, «на льготу, из-за Каспия». Показался длинный поезд. Вагоны красные с надписью: «40 человек, 8 лошадей». В дверях радостные лица казаков. За их спинами — кони. Из вагонов несутся крик, шум, свист, песни. Вот они, наши «закаспийцы». Мерв, Мургаб, Кушка — все осталось позади.

Таковы картинки в былом. И вот теперь они в Турции — из Закаспийской области, из Мерва, из далекой крепости Кушка, с самого южного пункта Русского государства.

Но кто это в голове этой конной группы? Неужели Федя?..

Протискиваюсь сквозь толпу пластунов. Да, это он. Темно-коричневая папаха, по обыкновению нахлобученная до самых бровей. На груди — бинокль. За плечами — белый башлык.

Нервный тонконогий текинский конь под ним просит повода. Полная неожиданность.

— Откуда? — кричу ему.

— Из-под Баязета! — отвечает он, улыбается, и мы целуемся.

И опять вспышка воспоминаний о родной станице, где вместе учились и впитывали в себя с малых лет казачий дух, сноровку, песни, пляски казачьи. А лагеря на Челбасах!

В праздники из станиц приезжали жены призванных в лагеря казаков. На разостланных скатертях у подвод — обильное угощение с напитками.

— Да иди-ите к на-ам!.. Не побре-езгуйте! — смеются казачки-станичницы и тянут нас за полы черкесок.

— Да присаживайтесь побли-иже… мы не брыка-аемся, — певучим голосом и игриво шутят они.

Идет настойчивое угощение, и бабочки, повеселев от вина, затягивают:

Любила бы я казаченька,
Мал адова да чернабровава…

А мужья потом, прервав бабью песню, выкрикнули: «Дэл-ла, дэл-ла…» — и понеслась лезгинка.

И все это промелькнуло тогда в моей голове как яркая вспышка магния.

О, черт возьми! Как хорошо быть молодым!

Оказалось, что с востока, из Персии, миновав ночью Баязет, к нам, к 2-й Кубанской пластунской бригаде, авангарду Эриванского отряда, прибыл разъезд.

И надо случиться так, что этот разъезд был от «нашего», 1-го Кавказского полка, в который ежегодно мы отправляли молодых казаков в далекий Закаспий. И теперь встретились здесь, в далекой Турции, на войне и под самым Баязетом. Нашей радости не было конца. Но коротка была встреча: взвод казаков с хорунжим Елисеевым возвращался в свой полк, который занял Баязет. Боевая обстановка изменилась. Вместо наступления на Баязет пластунская бригада генерала Гулыги повернула на запад, на г. Диадин и дальше на Кара-Килису, что в Алашкертской долине.

Баязет остался позади нас.

Есаул Куркин.

Трагедия под Дутахом

Закаспийская казачья бригада стоит в селении Диза, что к югу от Баязета. Наша «искровая станция» приняла это сообщение из Кара-Килисы, из штаба генерала Абациева. 3-й Волгский полк Терского войска полковника Тускаева под натиском скопища курдов отошел в Алашкертскую долину, потеряв до ста казаков убитыми и ранеными, два орудия и один пулемет. Мы были в недоумении от столь серьезных потерь полка и в особенности оттого, что потеряли орудия, да еще курдам.

Через несколько дней 1-й Кавказский полк переброшен в село Мысун, что у Каравансарайского перевала по дороге в Игдырь. В полку на ночлег остановился эвакуированный офицер Волгского полка. Злой и голодный конь в постоянном холоде откусил ему нос. Этот офицер рассказал, что их полк с двумя орудиями Кубанской батареи и двумя пулеметами был послан в глубокую разведку южнее Дутаха. Вперед выслали три офицерских разъезда, силою в один взвод каждый, под командой хорунжих Акулова, Третьякова (фамилия третьего забыта). Курды, пропустив их, уничтожили полностью и потом числом около 5 тысяч коней обрушились на полк.

Подробности боя он не рассказал.

Скоро в полку появились отозванные с фронта «виновники поражения» — командир полка полковник Тускаев, командир батарейного взвода сотник С. И. Певнев, потерявший в бою оба свои орудия, и сотник Леонид Артифексов, потерявший один пулемет из двух, находившихся при нем. Тускаев ночует у нашего командира полка полковника Мигузова. Они оба терские казаки, офицеры в высоких рангах и должностях, почему — для нас скрыты. Но оба сотника, Певнев и Артифексов, ночуют с нами. Мы очень рады гостям с фронта, угощаем их и слушаем рассказ о жуткой катастрофе, случившейся с Волгским полком и с ними самими. Временного начальника 2-й Кавказской казачьей дивизии генерала Певнева для допроса вызвали в Тифлис. Их троих — пока в Игдырь, в штаб корпуса для возможного предания военно-полевому суду, страшного для всякого офицера. Мы смотрим на них с глубоким сожалением, стараемся говорить как можно тише, ласково, ободряюще.

Оба сотника, с которыми мы познакомились только сейчас, совершенно не смущены тем, что их вызывают для допроса. Оба — высокие, стройные, интеллигентные, ставшие офицерами по глубокому своему призванию, они спокойно рассказывают о случившейся трагедии и не боятся даже и полевого суда, считая себя совершенно не виновными.

Генерал Масловский так определяет эту катастрофу:

«К концу октября Эриванский отряд постепенно занял все примыкающие к нашей границе долины — Баязетскую, Диадинскую и Алашкертскую… Коннице отряда была поставлена задача вести глубокую разведку… В первых числах ноября 1914 года 2-я Кавказская дивизия под начальством генерала Певнева была выдвинута на юг, за перевал Клыч-Гядук… Слишком далеко выдвинутый в качестве авангарда 3-й Волгский полк полковника Тускаева был окружен большими массами курдов и попал в очень тяжелое положение. Авангардом было потеряно два орудия, но сотни, совсем не руководимые командиром полка, доблестно вышли из этого тяжелого положения благодаря мужеству командиров сотен и особенно начальника пулеметной команды. Генерал Певнев, не поддержав авангард в нужную минуту, начал отходить за перевал Клыч-Гядук».

Участник этого боя, тогда сотник и полковой адъютант 1-го Лабинского полка, генерал Фостиков:

«Было приказано произвести глубокую разведку вниз (на юг) по Евфрату, в направлении на Мелязгерт, силою в один полк при двух орудиях и двух пулеметах. Очередь в разведку была за терцами. 3-й Волгский полк выступил. До десяти часов утра никаких сведений от волгцев не было, а потом в городе начали появляться отдельные казаки этого полка, от которых я лично узнал, что их полк ведет бой с курдами верстах в десяти от Дутаха. Об этом я доложил командиру полка полковнику Рафаловичу, который приказал ознакомить с обстановкой командиров сотен и приготовить сотни к выступлению.

Послышалась артиллерийская стрельба. Получено донесение от полковника Тускаева, что он под сильным нажимом курдов отходит к Дутаху. К Волгскому полку выслан разъезд с двумя офицерами. Из Дутаха под прикрытием полусотни казаков спешно были высланы обозы 1-го разряда обоих полков и полевой госпиталь. 1-й Лабинский полк карьером выбросился на западную окраину города и построился в резервную колонну. Перед нашими глазами открылась ужасная картина отхода, почти без строя, 3-го Волгского полка, преследуемого массой, тоже без строя, курдской конницы в 4–5 тысяч. Положение создалось критическое:

надо было спасать волгцев и вообще спасать свое положение. Силы противника во много раз превышали наши общие силы.

Полковник Рафалович, подпустив ближе противника, увлеченного преследованием волгцев, сомкнутым строем 1-го Лабинского полка атаковал курдов, сбил их и погнал вниз по правому берегу реки Евфрат. Волгцы продолжали уходить и скрылись в горных изгибах. Против правого фланга лабинцев неожиданно появилась новая конная группа курдов. Полк, перестроившись в линию полусотенных колонн, стал медленно отходить к перевалу Клыч-Гядук. В это время в полк со стороны Евфрата прискакали четыре казака-пулеметчика с сотником Артифексовым, который сидел на крупе коня одного из своих казаков. У него была повреждена нога. Курды стали наседать на отступающий полк. Линией сомкнутых колонн полку приходилось несколько раз переходить в контратаку. Подъесаул Борисенко незаметно не только что для противника, но и для нас занял своими пулеметами позицию на фланге полка и, когда курды поравнялись с ним, открыл убийственный пулеметный огонь. Курды отхлынули назад, оставив кучи убитых лошадей и людей. Полк вновь перешел в контратаку. Севернее пулеметов два наших орудия также открыли огонь. Придя в себя, курды вновь перешли в наступление, стараясь обойти наш правый фланг. Лабинцы отступали медленно, уступами и к вечеру стали у подножия перевала, потеряв убитыми и ранеными около 30 казаков и до 50 лошадей.

В эту ночь по приказанию полк отошел в Алашкертскую долину.

Что же произошло у волгцев?

Полк вел стрелковый бой с курдами в 8–10 верстах на юго-запад от Дутаха. Правый фланг полка был открыт, и его обошли курды. С фронта и на правый фланг они повели конную атаку. Волгцы не выдержали. Командный состав был не в силах остановить своих пожилых казаков „третьей очереди“, уже отвыкших от строя. С одним пулеметом четыре казака-пулеметчика успели ускакать, вытащив пулемет вьючками. С другим сотник Артифексов был прижат к Евфрату. Под ним убило лошадь, которая упала в воду и придавила ему ногу, и он, лежа наполовину своего тела в воде, отстреливался из револьвера. На наседавших на

Артифексова курдов откуда-то выскочили четыре пулеметчика и изрубили нескольких курдов — освободили своего офицера. Их пулемет раньше уже был взят курдами. Артиллерийские запряжки двух орудий сотника Певнева, смятые поспешно отступавшими волгцами и смешавшись с ними, не смогли вывезти свои орудия — не успели. Певнев и номера (казаки) орудий встретили атакующих курдов картечным огнем, но были смяты, несколько артиллеристов зарублены, а остальные казаки с сотником Певневым из-за орудий защищались револьверным огнем. В этот момент один офицер Волгского полка с взводом казаков атаковал курдов у орудий. Певнев и его артиллеристы были спасены. Взвод терцев ускакал, не заметив в пылу боя, что их офицер, под которым убита лошадь, остался у орудия. Он защищался, а потом — застрелился».

Генерал Фостиков описал трагедию под Дутахом, не вдаваясь в разбор дела — кто виноват? Причина ясна: количественное превосходство курдов, их неожиданная атака… Они также защищали свое отечество, как и мы свое. Местные курды отлично знали свою гористо-пересеченную местность, которую мы, завоеватели, не знали. На своих маленьких прытких лошадях без вьюка, подкованных во всю лопасть подошвы копыта сплошным «пятаком» железа, они свободно могли скакать на них полным карьером по всякой каменистой местности. Мы, упоенные успехами первых дней войны, силы и сопротивление курдов не считали серьезными, равными отпору настоящей регулярной армии. Полудикие воинственные курды… всегда вооруженные винтовками и ножами, они, при превосходстве своих сил, были храбры и дерзки. За трагедию под Дутахом никто осужден не был.

Генерального штаба генерал-майор Певнев, наш кубанский казак, в начале 1916 года был назначен начальником штаба нашей, 5-й Кавказской казачьей дивизии.

Полковник Тускаев был назначен командиром 2-го Сунженско-Владикавказского полка, что считалось повышением по службе.

Сотник С. И. Певнев, получив из артиллерийского склада два орудия, вернулся на фронт.

Сотник Артифексов был награжден орденом Св. Великомученика Георгия 4-й степени.

Подъесаул И. В. Борисенко, казак станицы Кордоникской, начальник пулеметной команды дивизии, награжден орденом Св. Владимира 4-й степени с мечами и бантом.

Много боевых наград было пожаловано господам офицерам и казакам 1-го Лабинского полка. Этот полк, с дружной офицерской семьей, с полковой гордостью и при строгом своем командире полковнике Рафаловиче и его помощнике войсковом старшине Абашкине, не мог быть не доблестным. К тому же перед войной он находился в Персии и вел борьбу с курдами, хорошо обстрелян, некоторые офицеры были там ранены и еще в мирное время имели боевые награды.

Не оставлены без внимания и курды… Их бек (князь), руководивший этим скопищем курдов, от германского императора Вильгельма получил Железный крест. Все это стало известно нам тогда же, на фронте.

1-й Лабинский полк и сотник Бабибв

Конец января 1915 года. Наш полк перебрасывается в Алашкертскую долину «на усиление авангарда Эриванского отряда генерала Абациева», как сказано в предписании. Там все время происходят бои. Кара-Килиса является центром Алашкертской долины. Там штаб Абациева. К югу идет редкая перестрелка. Под звуки хора полковых трубачей наш полк вошел в Кара-Килису. На улице много казаков. Чувствовался приятный запах близости фронта.

Полку дана дневка. Познакомились с офицерами 3-го Кизляро-Гребенского полка. Хорунжие Штольдер и Митя Бирюлькин (однокашник) имеют уже по две боевые награды, а наши представления еще не вышли…

Городок полуразрушен. Мы, господа офицеры, ночуем в хижинах без окон и дверей: все использовано на топку еще до нас. Казаки размещены в каких-то дощатых сараях и, конечно, без всякого отопления. Есть хоть солома на подстилку. На войне так привыкаешь к всевозможным лишениям и к ненормальной жизни, чему в мирное время ужаснулся бы. Ну, допустим, живя в станице, можно ли спать зимой, в лютый мороз, под сараем? Но как часто на фронте спали даже под открытым небом, прямо на снегу…

Через сутки двинулись дальше, на запад. Впереди, на позициях, стоит только 1-й Лабинский полк. Глубокий снег и сильнейший мороз. Над долиной — непроницаемая для глаза мол очно-снеговая мгла. Пушит сухой мелкий колючий снежок. Казаки в овчинных полушубках. Башлыками закутаны, замотаны головы, остались лишь щели для глаз.

Во мгле что-то обозначилось вроде пятна-сельца курдского. Ближе, ближе — видим движение людей. Еще ближе —

обнаруживаем пеший строй казаков, одетых только в черкески. Слышим команду:

— Смир-рно!.. Господа оф-фицеры!

К нашему командиру полка полковнику Мигузову подходит пожилой офицер, в косматой черной папахе, с седой подстриженной по-черкесски бородкой, и докладывает:

— 1-й Лабинский генерала Засса полк приглашает господ офицеров-кавказцев на стакан горячего чая, а казаков — на суп с бараниной.

То был командир дивизиона (две сотни) лабинцев подъесаул Венков (в Гражданской войне генерал, умерший в Югославии).

Наша, 3-я сотня подъесаула Маневского шла головной, и мы увидели, что лабинцы, пробив снег своими ногами, стояли в двухшереножном развернутом строю. В глаза бросилась фигура, осанка и одежда одного молодого командира сотни в чине сотника с усами, закрученными вверх. Несмотря на лютый холод и глубокий снег, офицер этот одет был в тонкую «дачковую» черкеску верблюжьего цвета. На голове — небольшая черная каракулевая папаха. Он был в суконных ноговицах, в мягких чувяках. На затянутой в рюмочку талии красовался отличный кинжал с рукоятью слоновой кости. В длинной кобуре желтой кожи на левом бедре висел револьвер. Легкая кавказская шашка отделана кавказским же галуном. Через левое плечо перекинута тонкой работы узкая тесьма. Одет он был так, словно собрался на бал. Я его видел впервые и понял, что это, должно быть, тот сотник Бабиев, о котором я так много слышал, будучи еще юнкером.

Такой приятный и чисто воинский сюрприз со стороны лабинцев, да еще в такую стужу, искренне подкупил нас. Особенно мы радовались за своих казаков, которые в такой холод подкрепятся горячим супом, да еще с бараниной. Лабинские вахмистры разобрали наши сотни, а мы, офицеры, шумной гурьбой пошли в их хану-хату чуть ли не по колено в снегу.

К стакану чая у лабинцев нашелся и коньяк, и тушеная баранина. По казачьей традиции старшие офицеры сгруппировались у очень примитивного стола, а мы, молодежь, — далеко «на левом фланге», в очень неуютной курдской хане-норе. Сотник Бабиев, несмотря на то что был командиром сотни, не сел со старшими офицерами, а был среди нас, многочисленных хорунжих обоих полков. И он не только не сел на скамейку, но и не стоял на одном месте. Он распоряжался столом, суетился, говорил, цукал всех денщиков своего полка за то, что они якобы медленно подают к столу еду. Денщики суетились, так как на всех не хватало ни тарелок, ни вилок, ни ножей, ни чайных

стаканов. Бабиев не унимался, сам бегал «на кухню», сам тащил оттуда что-то. Свою вилку он передал кому-то из нас, а сам, не садясь, «штрикал» куски баранины своим подкинжальным ножичком, как едят все горцы. Мы, молодежь-кавказцы, были в восторге от него, а лабинцы не раз повторяли ему:

— Да присядь ты, неугомонный… Дай кавказцам покой!

— А што же скажут наши дорогие гости, если мы плохо их угостим? — парировал он громко, и мы все весело смеялись.

Час времени, проведенный в гостях у изолированных лабинцев, выпивка и легкая закуска сразу сроднили нас и сблизили, а угощение в такую непогодь так приятно дохнуло на нас кавказским гостеприимством, что мы сразу же полюбили их и подружились с молодецкими лабинцами.

В холоде, в снегу, когда курдское сельцо потонуло в зимней стуже, когда всякий человек сам себе не рад, да еще в непосредственной близости к противнику — такой прием «на походе» многое сказал нам о благородном понятии воинской чести среди господ офицеров-лабинцев, их большой сплоченности и глубокой любви к своему полку. И было заметно, что главным двигателем всего этого был сотник Бабиев, который буквально не знал, куда применить свою бурливую казачью энергию.

Кстати, должен подчеркнуть, что всех господ офицеров казаки титуловали «ваше высокоблагородие», как принято в гвардии. По уставу же подобное обращение относилось только к старшим офицерам, начиная с чина есаула и выше. Прапорщиков, хорунжих, сотников и подъесаулов титуловали «ваше благородие».

Сердечно распрощавшись с гостеприимными лабинцами, полк двинулся дальше на запад, на самые передовые позиции. То было село Челканы. В нем стояло четыре сотни лабинцев, да нас пришло шесть сотен, а всего набралось до 1500 казаков и лошадей.

Все курдские села можно измерить броском камня. Казаков кое-как разместили по «ханам-норам». Все лошади — под открытым небом. Непосредственная близость турецкой пехоты на перевале Клыч-Гядук и жестокий холод, снег, морозы заставили держать лошадей все время под седлом. Приказано соблюдать полную тишину и не петь песни. Недостаток фуража и продуктов морили полк. На перевале у турок было два горных орудия. Некоторые из нас мечтали захватить их. За это по статуту полагался Георгиевский крест. В особенности о нем мечтал сотник Бабиев.

Начальником авангардного отряда был командир 1-го Лабинского полка полковник Рафалович. С густой, аккуратно

подстриженной бородой, он казался старым человеком. Был строг по службе. Мы его видели лишь при отправке в разведку и по возвращении из нее. Давая лично задачу, он долго водил карандашом по карте, а по нашем возвращении так же долго и томительно расспрашивал о пройденном разъездом пути, обо всем замеченном и потом требовал точно указать на карте, как шел разъезд и до какого именно пункта дошел. Тогда уже некоторые из нас — «с поволокою на глазах», туманно и долго — водили карандашом по карте, а Рафалович и Абашкин молча наблюдали и слушали, вынося свои заключения и по-отечески, довольно строго делали внушение…

Второе появление сотника Бабиева

Неожиданно настал ясный солнечный зимний день. На снеговом просторе широкой Алашкертской долины каждая точка была видна как на ладони. Вдруг послышался какой-то веселый «бум». Мы выскочили из всех своих хижин и увидели конную колонну казаков, идущую к нашему селу.

Впереди нее на отличной гнедой лошади, с белым прибором к седлу, в черкеске шел сотник Бабиев[3]. Весело, бравирующе он пел песню с казаками, сам запевал и сам управлял хором своих сотенных песельников. При этом остро пищала зурна, шумно гудел бубен. И чем ближе сотня подходила к селу — этот «бум» песни, зурны и бубна становился все громче. Бабиев, извиваясь в седле, словно не знал, как еще более, еще громче и сильнее выдать всю свою энергию и молодечество. Сотня приблизилась к селу, остановилась, выстроившись развернутым строем. Бабиев громко подал команду, соколом бросил на строй острый свой взгляд, что-то еще прокричал-скомандовал и коротким взмахом сложенной вдвое плети спешил казаков. В мягких чувяках, перескакивая по протоптанной дорожке, он приблизился к нам — кавказцам. Мы гурьбою окружили его. Он, веселый и счастливый, пожимал нам руки.

— Коля! Что же ты делаешь? — вдруг быстро говорит ему полковой адъютант сотник Фостиков, выскочивший от командира полка полковника Рафаловича в одном бешмете. — Здесь приказано соблюдать полную тишину.

— А што? Турок бояться?! — весело и дружески бросает ему Бабиев.

— Да не бояться, а надо соблюдать порядок, — отвечает ему Фостиков. — Командир полка требует тебя к себе! Ты знаешь, что это значит!

Дав вахмистру распоряжение, Бабиев подтянул и без того

туго затянутый свой тонкий кавказский поясок, словно охорашиваясь перед желанной и долгожданной встречей с невестой или чтобы идти на грозный бой с недругом, и быстро пошел с Фостиковым в «нору» командира. Мы остались на месте ждать Бабиева.

Полковник Рафалович довольно долго держал у себя командира 3-й сотни своего полка. Что он ему там говорил, мы не узнали и потом, но… Бабиев вернулся к нам с пунцовым лицом.

— Ну, что? — спрашивает его наш командир сотни Маневский.

— Да-а… старый хрыч… все боится ту рок… требует соблюдения тишины, — как-то неловко и смущенно ответил он.

Мы, кавказцы, уже узнали характер их командира полка, этого серьезного и честного служаку. Явно, он разцукал Бабиева, и разцукал сильно. Понимая душевное состояние горячего сердцем нашего нового друга, умный и находчивый подъесаул Маневский обнял его за талию и нежно, словно любимой женщине, произнес:

— Коля! Идем к нам… Теперь ты наш гость.

Через четыре с лишним года, в 1919 году, доблестные войсковой старшина Абашкин, подъесаулы Венков и Маневский, сотники Бабиев и Фостиков в Гражданской войне будут произведены в генеральский чин.

Ллашкертское казачье войско

Осенью 1913 года старший есаул нашего полка М. И. Суржиков был переведен в 1-й Лабинский полк «для уравнения». Это означало, что этот есаул является кандидатом для производства в чин войскового старшины и назначения помощником командира полка. Подобное распределение старших есаулов делал Войсковой штаб. Суржиков числился в полку отличным офицером. Его 5-я сотня считалась образцовой. В Лабинском полку он принял 3-ю сотню, младшим офицером коей был сотник Бабиев. Теперь есаул Суржиков — помощник командира полка. Он у нас в гостях. Старые кавказцы его глубоко уважают, почему разговор льется рекой. Мы же, молодежь, только слушаем их рассказы о былом и о настоящем.

— Ну, как дела у Бабиева? — к слову спросил подъесаул Маневский.

— Сотник Бабиев? — как бы огрызнулся Суржиков с неудовольствием. — Никчемный офицер… ему сотню нельзя поручить, даже на проездку. Пошлешь с сотней, так он обязательно сделает джигитовку… Смотришь — казак разбился

или один-два коня захромали. Никчемный офицер… — закончил Суржиков таким тоном, что продолжать разговор на эту тему было как-то и неловко. Маневский долгим взглядом посмотрел на нас, зная, что мы очень подружились с Бабиевым, восхищались им. Любил и уважал Бабиева и Маневский, зная его еще в чине беспечного хорунжего. Мы скромно опустили глаза, обиженные за Бабиева.

Причина столь странной оценки в том, что старые есаулы были настоящими «отцами-командирами», для которых «тела лошадей, спокойствие в сотне и никаких происшествий» были главными положительными чертами командования сотней. Бабиев же — огнедышащий вулкан, для которого всякий риск являлся забавой, к чему он приучал, привлекал и казаков. Это были старое и новое поколения господ офицеров с разной психологией. Прямо «Отцы и дети» Тургенева.

«Бабиева я знаю отлично. В 1907 году вместе выпущены из военных училищ в 1-й Лабинский полк. Много побродили по Персии, где приходилось терпеть лишения и подвергаться опасности. Участвовали в экспедициях против курдов-шаксевен. Оба были ранены в Персии и награждены боевыми орденами, Св. Анны 4-й степени „за храбрость“ и Св. Анны 3-й степени с мечами и бантом, еще в мирное время.

Он был прекрасный друг, всегда готовый на пожертвование. Дерзкий в бою, храбр до крайности. Прекрасный наездник, танцор, песельник, весельчак. В мирной обстановке дерзок, упрям и не переносил чьего-либо первенства. Но эти отрицательные черты с лихвой покрывались положительными», — пишет о погибшем генерал-лейтенанте Николае Гавриловиче Бабиеве генерал-лейтенант Михаил Архипович Фостиков. Им тогда, в 1920 году, было по 33 года от рождения.

Прекрасная наша Кубань родила и воспитала таких сынов, которыми должно гордиться наше Кубанское казачье войско.

Скученность квартирования двух казачьих полков в одном маленьком курдском селе естественно толкала и господ офицеров и казаков к тесному общению и духовному объединению. Однородный сотенный красно-белый значок «третьей сотни» обоих полков, сотни казаков Маневского и сотни Бабиева, был как бы внешним символом сближения между ними и их младшими офицерами. Летами и по выпуску из Николаевского кавалерийского училища в Петербурге Маневский был старше Бабиева на пять лет. К тому же личный авторитет Маневского и его корректное отношение ко всем привлекали к нему и других офицеров — лабинцев и кавказцев. И наша хижина-нора офицеров сотни довольно часто была и клубом. В тусклые

длинные зимние вечера мы пили чай — единственное удовольствие — и говорили, говорили…

Но о чем? Конечно о войне, полках, старших начальниках, возможном конечном результате войны. Все мы считали, что занятая нами турецкая территория безусловно останется за Россией. Но что с нею будет? И здесь экспансивный сотник Бабиев заглядывал вглубь…

— Сюда, в занятые нами долины, должно переселить казаков на добровольных началах. Долины эти богаты. Курды народ хороший, воинственный. Мы их «оказачим». И из всех этих элементов образуется… *Алашкертское казачье войско*… Я первый переселюсь сюда с казаками, и мы образуем это новое войско, — подытоживал он.

Офицеры-лабинцы весело смеялись над этим проектом, а мы, кавказцы, скромно улыбались нашему всегда желанному и дорогому гостю.

Трагический конец войны 1914–1917 годов опроверг мечты пылкого Бабиева.

Даярский проход

2-ю и 3-ю сотни нашего полка перебрасывают в город Алашкерт. Там нас встречает 3-й Волгский полк Терского войска. Продвинувшись дальше на запад, мы должны держать офицерскими разъездами «живую связь» с левым флангом Сарыкамышской группы 1-го Кавказского корпуса, который находился на главном эрзерумском направлении. Связь через Даярский проход, о котором мы уже слышали от офицеров 3-го Кизляро-Гребенского полка.

Это предательское место. Здесь сохранились разрушенные окопы русско-турецкой войны 1877–1878 годов. От них по узкому ущелью, все время спускаясь вниз, тянется глубокий зигзагообразный ров, словно русло высохшей речки. Справа и слева — гряды высоких гор Мирзах-дага и Кесса-дага, засыпанные глубочайшим снегом. Идти можно только с головными и тыловыми дозорами. Для боковых — пути нет. Взвод казаков в 30 человек идет в полной готовности к бою, имея винтовки «у бедра». И так ровно 30 верст в один конец. Опасное и страшное место. И в особенности, когда идешь по нему в первый раз. Мы были счастливы, когда вошли в село Даяр, где встретили 1-й Запорожский полк нашего войска как самый левый фланг 1-го корпуса. Взвод расположился на ночлег в помещении рядом с полковой командой трубачей. Они спокойно репетировали на своих инструментах какие-то приятные «симфонии», словно и нет

войны. На душе стало сразу легче. А наутро — в обратный путь с той же тревогой в ожидании смертельной опасности.

На Кавказском фронте самая тяжелая и опасная боевая служба лежала на плечах младших офицеров. Бесконечная разведка. Сила разъезда в шесть коней считалась нормальной. Порою было довольно неприятно от бессилия такого разъезда. И мы безропотно несли эту боевую службу.

Как-то из Бкатеринодара, из Войскового штаба, пришло распоряжение: «Командировать в войско всех подъесаулов и старших сотников для занятия должностей командиров сотен вновь формируемой Кубанской сводной дивизии».

Это относилось к тем офицерам, которые не занимали в полку никаких ответственных должностей и являлись кандидатами на должности сотенных командиров. Командированы были: подъесаулы Ф. П. Зеленский, казак станицы Расшеватской; Н. Н. Беляевский, казак станицы Васюринской; С. И. Доморацкий, из Майкопа; сотник И. Н. Гридин, казак станицы Ново-Донецкой.

Мы их больше никогда не увидели…

Вместо сотника Гридина полковым адъютантом назначили хорунжего Н. В. Леурду, выпуска 1914 года из Николаевского кавалерийского училища, казачьей сотни юнкеров.

Наш полк сразу же поредел: в сотнях осталось по одному младшему офицеру. Служба разъездов для них участилась.

Перегруппировка Кавказской армии и казачьих частей

3-я Турецкая армия понесла под Сарыкамышем жестокое поражение и отошла в свое исходное положение. Малочисленная Кавказская армия, хотя и победная, также была обескровлена и нуждалась в пополнении своих рядов и в необходимой перегруппировке…

2-й Туркестанский армейский корпус генерала Пржевальского в середине февраля 1915 года был направлен на ольтинское направление. Штаб корпуса расположился в урочище Ольты. В его состав вошли следующие казачьи части:

13, 14, 16-й батальоны 3-й Кубанской пластунской бригады со штабом и новым начальником бригады генералом Гейманом;

Сибирская казачья бригада генерала Раддаца (1-й и 2-й Сибирские казачьи полки и 2-я Оренбургская казачья батарея);

3-й Горско-Моздокский полк Терского войска;

14-я и 18-я особые кубанские конные сотни.

В Приморском районе турки заняли весь Чорохский край до самого Батума, который находился в их руках до февраля 1915

года. На усиление Приморского отряда были переброшены следующие казачьи части:

15, 17, 18-й батальоны 3-й Кубанской пластунской бригады, которые были размещены в самом Батуме;

сотня 3-го Лабинского полка;

1-й батальон 1-й Кубанской пластунской бригады (ранее находился там же).

На эрзерумском главном направлении был сосредоточен весь 1-й Кавказский армейский корпус генерала Калитина. В него входили казачьи части:

1-я Кавказская казачья дивизия генерала Баратова в составе шести полков: 1-й Запорожский, 1-й Уманский, 1-й Кубанский, 1-й Горско-Моздокский Терского войска, 2-я Кубанская казачья батарея, 1-я Терская казачья батарея.

Это был постоянный состав дивизии мирного времени, временно пополнявшийся полками: 3-м Кавказским Кубанского войска и 3-м Сунженско-Владикавказским Терского войска, а также 10-й и 30-й особыми кубанскими конными сотнями и 83-й особой донской конной сотней.

Все части, действовавшие в Алашкертской, Диадинской и Баязетской долинах, были сведены в 4-й Кавказский армейский корпус. Вначале он назывался 4-м Сводным корпусом. Командиром корпуса был генерал Орановский. В него вошла 2-я Кавказская казачья дивизия генерала Абациева с полками: 1-м Лабинским, 1-м Черноморским, 3-м Черноморским, 3-м Запорожским.

Из Терского войска вошли 3-й Кизляро-Гребенской, 3-й Волгский полки, 1-я и 5-я Кубанские казачьи батареи.

Закаспийскую отдельную казачью бригаду составляли: 1-й Таманский, 1-й Кавказский полки, 4-я Кубанская казачья батарея, 11,13 и 25-я особые кубанские конные сотни.

После Сарыкамышских боев 1-я и 2-я Кубанские пластунские бригады вместе с 3-й Кавказской стрелковой дивизией и 20-й пехотной дивизией образовали 5-й Кавказский корпус, и к лету весь этот корпус был переброшен на Западный фронт.

К этому времени на Кавказский фронт прибыли вновь сформированные:

4-я Кубанская пластунская бригада генерала Мудрого, которую составили 19, 20, 21, 22-й батальоны Кубанского войска и 1-й и 2-й батальоны Терского войска.

Донская пластунская бригада четырехбатальонного состава. Начальник бригады — генерал Волошин-Петриченко, начальник штаба — Генерального штаба подполковник Бояринов (один из трех братьев Бояриновых, донских казаков).

Кавказская кавалерийская дивизия, прибывшая с Западного фронта, в которую входил 1-й Хоперский полк Кубанского войска.

Эти три группы войск образовали армейский резерв, расквартировавшись в Александрополе, Карее и Сарыкамыше.

Пять сотен 3-го Лабинского полка Кубанского войска были приданы штабу армии и также входили в армейский резерв.

Кроме этих частей к весне 1915 года из Сибири прибыли на Кавказский фронт:

2-я Забайкальская казачья бригада генерала Трухина, в составе полков: 2-й Читинский, 2-й Нерчинский и 4-я Забайкальская казачья шестиорудийная батарея;

3-я Забайкальская казачья бригада генерала Стояновского (кубанский казак) в составе полков: 3-й Верхнеудинский, 2-й Аргунский и 2-я Забайкальская казачья шестиорудийная батарея.

Эти обе бригады были сформированы из мобилизованных «льготных казаков» Забайкальского казачьего войска.

Бригада генерала Трухина вошла в состав 4-го Кавказского армейского корпуса, а бригада генерала Стояновского переброшена в Персию.

Добавочные силы Кубанского войска

Нет источников, объясняющих, почему в Кубанском войске в самом начале 1915 года стала формироваться новая конная дивизия четырехполкового состава, не предусмотренная по штату войска на время войны.

Формирование происходило в отдельских станицах — Уманской, Кавказской, Славянской и в Армавире. В последнем находилось управление Лабинского отдела. В эти пункты были вызваны немногие офицеры с фронта на командные должности.

Вначале дивизия была названа Кубанской сводной казачьей дивизией, а полки — 1, 2, 3 и 4-й Сводно-Кубанские.

Генерал Масловский в своей книге все время придерживается этих названий.

На самом деле скоро эта дивизия получила свое «номерное» место среди дивизий войска и названа — 3-я Кубанская казачья дивизия, а полки переименованы в давно упраздненные названия бывших старых полков, а именно: Ейский, Бкатеринославский, Адагумо-Азовский и Ставропольский.

В Ейский полк вошли казаки Ейского отдела. В Екатеринославский — казаки Кавказского отдела, так как Кавказский полк образовался из желающих «остаться казаками» 3277 душ мужского пола упраздненного в 1796 году Екатеринославского казачьего войска и добровольно

переселенного на Кубань в 1802 году.

Адагумо-Азовский полк формировался из казаков Таманского, Екатеринодарского и Майкопского отделов, среди станиц коих были вкраплены казаки Азовского войска, переселенные на Кубань в 1856 году. Назван в честь Адагумского отряда, сформированного на Кубани из казаков в 1861 году для окончательного покорения Западного Кавказа. Этот отряд действовал со стороны Черномории в землях шапсугов, живших тогда на левом берегу Кубани, то есть в южной теперешней Закубанской части Таманского отдела.

Ставропольский полк из казаков Баталпашинского и Лабинского отделов в память Ставропольской казачьей бригады Кавказского линейного казачьего войска. После покорения Восточного Кавказа была произведена реорганизация казачьих войсковых сил Северного Кавказа, из которых образовались Кубанское и Терское казачьи войска.

Это было в 1860 году при императоре Александре II. А в 1869 году 12 станиц Кубанского войска Ставропольской казачьей бригады были присоединены к Ставропольской губернии, названы селами, а казаки обращены в крестьян.

Эта дивизия прибыла на Кавказский фронт в 1915 году. Два полка — Адагумо-Азовский и Ставропольский — были направлены в Персию, в Азербайджанский отряд, а два других — Ейский и Бкатеринославский — были разбросаны по русско-персидской границе в Елисаветпольской губернии.

Казачья конница и пограничная стража для поддержания порядка в тылу и охраны границ:

1–8, 12, 15, 22, 23, 27, 29-я особые кубанские конные сотни, разбросанные в Закавказье;

31-я и 32-я особые кубанские конные сотни в крепости Каре;

1-я Донская бригада — 56-й и 57-й Донские казачьи полки (третьей очереди) — постами была разбросана от Тифлиса до Черноморского побережья;

61, 72, 73 и 78-я особые донские конные сотни на Северном Кавказе; 72-я потом была переведена в Александрополь.

Неизвестно, где находились 9, 16, 17, 19, 21, 24 и 28-я особые кубанские конные сотни.

Казачьи папахи мелькали в самых отдаленных и захолустных уголках Закавказья и всего Кавказского фронта.

В Персии, в составе Азербайджанского отряда, оставалась все та же 4-я Кавказская казачья дивизия, с полками: 1-м Полтавским, 3-м Кубанским, 3-м Таманским Кубанского войска, 1-м Сунженско-Владикавказским Терского войска — и 26-я особая кубанская конная сотня.

Казачьи силы на Кавказском фронте к весне 1915 года

Подведем итоги казачьим силам, сосредоточенным на всем Кавказском фронте к весне 1915 года:

Кубанского войска — 22 конных полка, 32 особые конные сотни, 4 конные батареи шестиорудийного состава и 11 батальонов пластунов, не считая 11 батальонов пластунов 1-й и 2-й Кубанских бригад, предназначенных для отправки на Западный фронт. 1-й пластунский батальон полковника Расторгуева из 1-й бригады оставался в Приморском отряде.

Донского войска — 3 конных полка, 4 батальона пластунов и 5 особых конных сотен.

К концу лета 1915 года под Мелязгертом наша бригада встретила 55-й Донской казачий полк, 3-й Екатеринодарский и 3-й Линейный полки нашего войска, о коих еще будет сказано.

Терского войска — 6 конных полков, 1 конная батарея и 2 батальона пластунов.

Забайкальского войска — 4 конных полка и 2 конные батареи.

Сибирского войска — 2 конных полка и 1 батарея Оренбургского войска при нем.

Всего же казачьих сил на Кавказском фронте к весне 1915 года было сосредоточено 37 конных полков, 37 особых конных сотен, 8 конных батарей и 17 пластунских батальонов.

Черкесками и цветными лампасами — красными, желтыми и голубыми — они украшали Кавказский фронт.

Здесь еще раз надо указать, что все четыре бригады кубанских пластунов, Донская пластунская бригада, 4-я Кавказская казачья и 3-я Кубанская казачья дивизии не имели своей артиллерии. И в описании действий всех пластунских бригад будет отмечено, что они как отдельные части распоряжением штаба армии посылались туда, где требовались доблесть и жертва.

В Персии. В отряде генерала Чернозубова

До Сарыкамышской операции наши части в Персии занимали весь Урмийский район, Тавриз и Соуч-Булах, что к югу от Урмийского озера. Это был обширный район, из которого вели прямые пути в Месопотамию. Но во время Сарыкамышской операции генерал Мышлаевский приказал 4-му Кавказскому корпусу и Азербайджанскому отряду отойти к государственной границе. Командир 4-го корпуса приказание не исполнил, оставил войска на занимаемых ими позициях, что послужило на

пользу всей Сарыкамышской группе русских войск, прочно обеспечив им их левый фланг. Генерал Чернозубов согласно этому приказу отвел свои войска к Джульфе.

> Войска отходили спокойно, хотя и поспешно, большие запасы складов трудно было вывезти, и много запасов брошено или уничтожено, — отмечал Масловский. — Малокультурное население, особенно полудикие племена курдов, и в спешном отходе частей отряда, и в слишком осторожных и медлительных действиях в последующее время усмотрело ослабление былой мощи России, проявление неуверенности перед турками. Все это в политическом отношении оказалось для нас неблагоприятным.

Вот при каком общем положении произошла перегруппировка войск Кавказской армии к весне 1915 года. К тому же в оставленный русскими войсками район Персии с двумя своими пехотными дивизиями вошел Хал ил-бей. К нему примкнули несколько тысяч персидских курдов. Положение там усложнилось.

> После разгрома 3-й Турецкой армии под Сарыкамышем и выдвижения 1-го Кавказского и 2-го Туркестанского корпусов… положение 4-го Кавказского корпуса являлось сильным уступом назад и совершенно невыгодным для нас. Командующий армией решил выдвинуть 4-й корпус вперед на линию Шариан-даг, г. Мелязгерт, Ванское озеро. Этим линия фронта сокращалась более чем на 100 верст и прочно упиралась левым флангом в Ванское озеро.

К тому же в Ване 1 апреля вспыхнуло армянское восстание. Армяне разбили небольшой гарнизон турок и полностью захватили власть в городе.

> По получении сведений о событиях в Ване около середины апреля командующий армией усиливает 4-й Кавказский армейский корпус 2-й Забайкальской казачьей бригадой генерала Трухина… По прибытии этой бригады в Баязетскую долину она вместе с пограничным батальоном была направлена к Вану. Туда же командир 4-го корпуса направил и Закаспийскую казачью бригаду генерала Николаева, — писал Масловский.

Это не совсем точно. Главную роль в занятии города Вана и всего Ванского вилайета (округа) сыграл Араратский отряд генерала Николаева, состоявший из Закаспийской казачьей бригады, трех армянских дружин и других частей, влитых в этот отряд. Об этом довольно сильном отряде, специально сформированном для Ванской операции, генерал Масловский совершенно не упоминает, словно его и не существовало.

Имена и судьбы

Командир 1-го Лабинского полка полковник Александр Фердинандович Рафалович закончил войну в чине генерал-майора и начальника 3-й Кубанской казачьей дивизии в Персии. Умер в Брюсселе, в Бельгии.

Подъесаулы 1-го Кавказского полка Н. Н. Бе л невский и С. И. Доморацкий откомандированы из Алашкертской долины для формирования новых полков 3-й Кубанской казачьей дивизии в 1915 году. В марте 1918 года оба в чине войскового старшины, возвращаясь с дивизией из Персии, были арестованы в Армавире солдатским военно-революционным трибуналом красной 39-й пехотной дивизии, к тому времени захватившей власть на всех узловых станциях Кубани. Расстреляны в июне того же года на станции Ладожская 154-м Дербентским красным полком без суда вместе с начальником 1-й Кавказской казачьей дивизии генералом Раддацем и 68 другими кубанскими офицерами.

Офицеры 3-го Волгского полка, погибшие под Дутахом:

хорунжий Акулов Николай — окончил трехгодичный курс Оренбургского казачьего военного училища в 1911 году вместе с атаманом Семеновым;

хорунжий Третьяков Иван Иванович, казак станицы Ордонской; в звании подхорунжего сверхсрочной службы из вольноопределяющихся второго разряда поступил в то же училище в 1911 году и окончил его взводным портупей-юнкером в июле 1914 года.

Офицеры 3-го Кизляро-Гребенского полка:

хорунжий Штольдер, выпуска казачьей сотни Николаевского кавалерийского училища. В чине подъесаула погиб от рук курдов в Персии, когда вместе с отцом и матерью был захвачен там после революции. Отец его был офицером Персидской казачьей дивизии;

хорунжий Бирюлькин Дмитрий — окончил Оренбургское казачье военное училище штандартным портупей-юнкером в июле 1914 года, имел среднее образование. В 1918 году терские отряды отступили в Дагестан. Он был подъесаулом, жил в одной палатке

с офицером-другом гимназических лет, армянином. Последний, разряжая свой револьвер, смертельно ранил Бирюлькина. От горя через три дня застрелился сам.

Сотник Артифексов Леонид, терский казак. Окончил Тифлисскую гимназию, Московское Алексеевское пехотное училище. В 1909 году вышел хорунжим в 1-й Сибирский казачий атамана Ермака Тимофеевича полк, в Туркестан. В 1910 году этот полк принял полковник П. Н. Краснов, будущий Донской атаман. В своей книге о том периоде Краснов дает отличную аттестацию Артифексову. Перед войной Артифексов переводится в 1-й Запорожский полк Кубанского войска и на войну выступает младшим офицером пулеметной команды 2-й Кавказской казачьей дивизии. В бою под Дутахом, несмотря на то что потерял один свой пулемет, за исключительный подвиг награжден орденом Св. Георгия. Переводится в броневые части и в октябре 1917 года с генералом Красновым наступает на Петроград. 13 октября 1918 года с полковником Бабиевым прибывает в Корниловский конный полк. Через три дня тяжело ранен. Скоро принимает 1-й Линейный полк Кубанского войска, вновь тяжело ранен и в строй больше не возвращается. В Крыму — генерал для поручений при главнокомандующем генерале Врангеле. За границу эвакуируется в чине генерал-майора и умирает в Югославии. Сослуживцами признан доблестным офицером.

Тетрадь четвертая

Ванская операция. Корпуса и отдельные отряды

Корпуса и отдельные отряды и главные начальники их на Кавказском фронте к весне 1915 года: 1.Приморский отряд. Начальник отряда Генерального штаба генерал-майор Ляхов. Перед войной — начальник Войскового штаба Кубанского казачьего войска. Родом не казак, но всю войну носил форму кубанских казаков.

2. На ольтинском направлении — 2-й Туркестанский корпус. Командир корпуса Генерального штаба генерал-лейтенант Пржевальский. Кубанский казак, бывший начальник прославленной в Сарыкамышских боях 1-й Кубанской пластунской бригады.

3. На эрзерумском направлении — 1-й Кавказский армейский корпус. Командир корпуса генерал-лейтенант Калитин. Сибирский казак, бывший начальник храброй Сибирской казачьей бригады.

4. Эриванский отряд в Алашкертской долине. Начальник отряда генерал-лейтенант Абациев. Терский казак-осетин, он же начальник 2-й Кавказской казачьей дивизии.

5. Араратский отряд, только что сформированный в районе Баязета. Начальник отряда Генерального штаба генерал-лейтенант Николаев. Оренбургский казак, он же начальник Закаспийской отдельной казачьей бригады.

6. Азербайджанский отряд в Персии. Начальник отряда Генерального штаба генерал-лейтенант Чернозубов. Донской казак, бывший начальник Войскового штаба Терского казачьего войска, он же начальник 4-й Кавказской казачьей дивизии.

Все эти силы были разбросаны на 600-верстном пространстве Кавказского фронта и по условиям гористой местности почти не имели между собой «живой» связи. Разрывы — в десятки верст, слабо связываемые только казачьими разъездами.

Так левый фланг 1-го Кавказского корпуса был отделен от правого фланга Эриванского отряда в Алашкертской долине 30-верстным Даярским проходом, сжатым с обеих сторон высокими хребтами, заваленными снегом и совершенно непроходимыми в зимнее время.

От Кара-Килисы, что в Алашкертской долине, и до самого Баязета не было никаких частей, и в промежуточных пунктах находились только этапные коменданты. Расстояние же от Кара-

Килисы до Баязета по прямой линии — 80 верст. Громадный массив Ала-Дага (Белая гора), протянувшийся южнее этих пунктов, был завален снегом и считался непроходимым.

Наши части Баязетского района совершенно не имели живой связи с частями генерала Чернозубова, находящимися в Персии за много десятков верст от нас.

Араратский отряд и армянские добровольческие дружины

В армянских долинах по реке Араке все фруктовые деревья дали густой и очень душистый цвет. Проезжающего он буквально дурманил и опьянял радостной жизнью природы. Но рядом протянулись горные хребты — заваленные глубочайшим снегом, пугающие своей недоступностью.

При таком резком контрасте в конце апреля 1915 года в Баязетской долине, в селении Диза, что к югу от Баязета, был сосредоточен только что сформированный Араратский отряд для наступления в глубь Турции. Отряд предназначался для занятия Ванского вилайета и города Ван, почитавшегося среди армян «Армянской Москвой», то есть центром и сосредоточением армянской культуры, политической жизни.

В Араратский отряд входили:

1. Закаспийская отдельная казачья бригада со своими частями: 1-й Таманский полк полковника Перепеловского, 1-й Кавказский полк полковника Мигузова и 4-я Кубанская казачья батарея войскового старшины Яновского.
2. Кавказская конно-горная батарея подполковника Иванова (4 орудия). В мирное время эта батарея стояла в Александрополе.
3. Конная сотня пограничников ротмистра Королькова (кубанский казак).
4. Рота сапер.
5. Три армянские добровольческие дружины: 2-я — Дро, 3-я — Амазаспа и 4-я — Кери. Последняя была переброшена с ольтинского направления.

Дружины Дро и Амазаспа еще перед Рождеством Христовым 1914 года действовали с Закаспийской бригадой на Тапаризском перевале. Тогда же был ранен Дро, считавшийся храбрейшим из всех. Его мы с почетом отправляли на излечение в Игдырь.

1-я армянская дружина Андроника все время находилась в Персии, в отряде генерала Чернозубова.

Дружинники были отлично экипированы. Они носили защитного цвета длинные кители с большими карманами, брюки. Все — добротного качества. Говорилось, что все это

«американское». Вооружены были русскими винтовками, и очень у многих длинные револьверы системы «Маузер» с деревянными кобурами-футлярами к ним, как ложа винтовки для стрельбы на дальнюю дистанцию.

Целая броня перекрестных патронташей на груди и поясе придавала армянским дружинникам очень воинственный вид. Головным уборам их были черные кавказские, почти сплошь каракулевые, папахи, что сближало их с нами, казаками.

При дружинах была сотня конных разведчиков на очень хороших, сильных и прытких, как козы, карабахских скакунах, в хорошем физическом состоянии. Все — на казачьих седлах.

Их доблестные вожди были штатскими национальными армянскими политическими деятелями в России. Одеты и вооружены они были, как и их дружинники, но только без винтовок. Все были без погон, но их дисциплина и вся суть воинского движения, построенного на добровольческих началах, были основаны на глубочайшем национальном энтузиазме, с главной целью — освобождением Армении от турок.

Они были очень ценными помощниками казачьему отряду в этой операции. К тому же они дрались фанатично, и ни турки, ни курды армян, как и армяне их, в плен не брали. Они уничтожали друг друга в бою безжалостно.

Переход через Тапаризский перевал. Конная атака

Отряд дневал у селения Диза. Поля курдов зеленели роскошным ковром светло-зеленой пшеницы ростом уже в две четверти. Казаки нерасчетливо кормили ею своих лошадей и к утру некоторые потеряли их «павшими от объедения».

21 апреля отряд, выстроенный «покоем», отслужив напутственный молебен, двинулся к снежному Тапаризскому перевалу. Дружинники сразу же рассыпались в цепь и устремились скорым шагом, на ходу быстро заряжая винтовки, словно турки были перед ними. Но мы их увидели не скоро…

К ночи весь отряд застрял в снежных непроходимых заносах у маленького курдского села, не достигнув перевала.

Всю ночь саперная рота рубила снежный проход к самому перевалу, и утром 22 апреля отряд медленно двинулся по нему, словно по каналу, в котором казаки с сотенными значками не были видны на уровне его берегов.

Горная батарея перешла на вьюки. Но лошади, проваливаясь по брюхо в талый снег и не доставая до земли, падали на бок, валили пушки и были совершенно беспомощны.

С раннего утра и до позднего вечера, с перестрелкой, отряд

сделал только около десяти верст. В брошенное курдами село у южной подошвы хребта части приходили разрозненно и располагались на ночлег под открытым небом.

Ночь провели кошмарно — в холоде и голоде. Наутро ударил мороз. Нет ни сена для лошадей, ни топлива для варки, хотя бы чая.

Накануне солнце на южном склоне перевала по ослепительно белому снегу вызвало воспаление глаз у казаков и пунцовый, ярко горящий и болезненный загар лица.

Здесь уже не было снега. Воды нет. Умыться или освежить застланные гноем глаза нечем.

Авангард отряда — 1-й Кавказский полк с конно-горной батареей и 4-й армянской дружиной Кери — двинулся вперед и часам к 11 дня занял село Саук-су (Холодная вода). Здесь сделан большой привал. Подъехал со штабом начальник отряда генерал Николаев. Впереди дружина Кери вела с курдами легкую перестрелку. И когда авангард закусывал стоя тем, что имел, держа лошадей в поводу, вдруг конная группа курдов, человек до 400, появившись неожиданно из-за хребта, сбила дружину и устремилась на авангард, мирно стоявший на привале.

Шел мелкий нудный дождь, падали хлопья снега. Село — у самых скал. Вокруг него, словно извержением вулкана, разбросаны громадные валуны в рост человека. Ужасная непогодь. Вчерашняя изнуренность. Вид бегущих дружинников и настырная устремленность конных курдов прямо на авангард произвели на нас довольно неприятное впечатление. Несколько свинцовых пуль ударилось о глыбы тут же, среди нас, офицеров, стоявших вокруг генерала Николаева и старших начальников. Почувствовалось, что еще несколько минут — и курды ворвутся к нам и начнется рукопашная… Полковник Мигузов, видя воочию всю близость опасности, вне себя выкрикнул:

— Третья сотня!.. В атаку!

— Третья сотня — сади-ис!.. Справа по три и за мной! — выкрикнул подъесаул Маневский.

И послушная привычным словам команды сотня под фланговым огнем курдов широким наметом бросилась на восток, чтобы выскочить с поля валунов на ровное место.

Как нарочно, усилился дождь и хлестал прямо в лицо. Маневский скакал впереди сотни. Я — на уровне первой полусотни. Оглянувшись назад, увидел, что вторая полусотня, укрываясь от флангового огня противника, изгибом хвоста длинной змеи уклонилась в сторону, словно разница в дистанции 20–50 шагов имеет значение для укрытия от пуль курдов. Мне стало смешно и обидно за умных и отличных взводных —

урядников Романа Гнездилова и Трофима Сычева-старшего, они не держали свои взводы «в затылок» первой полусотне.

— Отделениями на-право!.. — выкрикивает Маневский, и этим он сразу же построил двухшереножный развернутый строй сотни.

— В атаку-у!.. — зычно протянул он «в пространство своей сотни» под дождем, хлеставшим в лица казакам, и — выхватил шашку.

Не все могли слышать слова команды своего командира, но, инстинктивно равняясь по тем, кто это слышал, под выстрелами и дождем, выхватили шашки и широким наметом бросились за своими офицерами. Вторая полусотня карьером выравнялась по первой.

По каменистому грунту свыше 500 подкованных копыт скачущих в атаку коней заглушали страх, а другим радовали сердца. Вдруг ручей с обрывистыми берегами… Порыв сотни затормозился.

— Вперед!.. Вперед!.. — кричат команду офицеры и молодецкие урядники, и сотня с крутого берега хлюпнулась в воду.

Вот сотня уже на другом берегу. Курды дико визжат, стреляют с седел, закружились… и, не приняв атаки, как шакалы, бросились назад, заняли хребтик и открыли частый огонь.

Исключительное нагромождение валунов остановило сотню. Она спешилась, залегла и открыла ответный огонь.

Опять моросил мелкий нудный и холодный дождь. Мы все мокры. Вернулась армянская дружина и залегла в цепь меж казаками. По цепи в мою сторону едет кто-то верхом на маленькой серой лошади. Курды усилили огонь. Я машу рукой конному, дескать, «слезай!» — но он шагом, не торопясь, двигается ко мне. Подъехал, спокойно слез с казачьего седла, бросил поводья на луку и, подойдя вплотную, говорит:

— Спасибо казакам… выручили… а то прямо-таки позор, что моя дружина бежала, — и добавляет: — Позвольте представиться, господин офицер, я есть Кери, начальник 4-й армянской добровольческой дружины.

Все это он произнес стоя — курды так и застрекотали своими выстрелами по нему — и потом сам, первым, подал мне руку. И прилег около меня.

Небольшого роста, сухой, лицо не совсем чистое, будто после оспы, но приятное. Движения спокойные, уверенные. Совершенно чисто говорит по-русски. Он мне понравился.

— Вы мокры… выпейте. Это вас согреет, господин офицер, — говорит он и подает мне фляжку, висевшую у него через плечо на

ремешке.

Мне так хотелось пропустить несколько глотков горячего чая! Глотнул, но — то оказался коньяк. Молодежь наша тогда почти ничего не пила. И я был разочарован содержимым во фляжке и не притронулся к ней больше.

— Только? — спрашивает Кери. — Пейте! У меня есть еще! Но я решительно отказался и предпочел бы именно горячего чая, а не этой гадости, горько-вяжущей струей охватившей мою гортань.

К вечеру перестрелка с курдами почти затихла. Дружине Кери приказано было оставаться на позиции, а нашей сотне отойти в село Саук-су, на бивак полка. После этого боя мы стали кунаками с Кери.

Фуражировка

Село Саук-су — всего несколько хижин-нор в сплошных каменных стенах примитивной кладки. Жителей никого. Все бежали. Хотя идет третий день похода, у нас совершенно нет фуража. И его можно достать только впереди, в расположении противника. Приказано на фуражировку назначить по одному взводу казаков от сотни и под командой офицера. Эти 180 казаков (ровно одна четверть полка) должны пройти линию фронта и «там что-то раздобыть».

«Четверть полка» выступила с хорунжими Елисеевым, Некрасовым, Леурдой, Мацаком, Винниковым и Поволоцким. Погода прояснилась. Даже выглянуло солнышко при своем закате. И когда эта «сила» в 180 коней вытянулась в колонну по три и мы оглянулись назад, то почувствовали уверенность в себе — с этой силой нас ничто не остановит! Это был отзвук того, что за прошедшие семь месяцев войны нам, младшим офицерам в сотнях, приходилось быть на разведке только силой от б до 15 коней, иногда — силой в один взвод казаков. Так мы проходили до 25 верст в глубь курдского расположения и возвращались иной дорогой.

Потому, увидев под своим командованием силу в 180 уже испытанных в боях казаков, мы — 22-летние хорунжие, всегда дружные между собой, любящие свой полк, — почувствовали радость.

С легкой перестрелкой мы быстро заняли село, покинутое жителями, бросившими все победителям. Еще тлели кизяки в печах-тандырах. Впереди один взвод казаков вел легкую перестрелку с курдами, а остальные пять взводов, имея большой опыт, быстро нашли курдские ямы с зерном, насыпали его в

мешки, вязали вьючками сено, тащили муку, козьи бурдюки с коровьим маслом, пили тут же молоко. С сумерками фуражиры вернулись в полк, богатые съестным, отсюда и довольные.

В долине Аббага

На следующий день, 24 апреля, продолжение движения вперед. Наш полк в авангарде. Он уже прошел вчерашнее «фуражировочное» село, когда еще более крупная группа конных курдов, чем вчера, несясь карьером, дико крича и стреляя на скаку, казалось, готова была смять казачий полк. Мигузов быстро построил полк в резервную колонну и остановил его. 2-я Кавказская конно-горная батарея подполковника Иванова, приданная полку, одним взводом, снявшись с передков, так уверенно, быстро и метко взяла курдов под обстрел, что вся «орда», повернув назад, тем же карьером, как горох, бросилась в сторону персидской границы и скрылась.

После этого скоротечного боя наши казаки, удивленные и восхищенные быстротой и меткостью огня, прониклись нескрываемым уважением «к солдатской батарее», а мы, офицеры-казаки, стали подлинными кунаками с их офицерами.

Эта батарея была переброшена на Кавказ с Западного фронта. Уже опытные в боях, офицеры и солдаты ее имели многие боевые ордена, а вахмистр батареи, подпрапорщик, — три Георгиевских креста.

Истинные друзья познаются только на поле брани! Араратский отряд разными дорогами устремился в богатую и обширную долину Аббата. Оставив далеко позади себя снеговой хребет, мы вошли в роскошное травяное поле. Переменился климат. Мы были приятно удивлены таким резким переходом от зимы к настоящей весне. А еще только вчера зябли мокрыми на своем сплошь каменистом биваке, а третьего и четвертого дня буквально мерзли на перевале в снегу в жестокий мороз, да еще с вьюгой. А тут — словно рай божий для всего живущего. Трава выше колен лошади. Дивные ручьи. Масса дикой птицы.

Настроение сразу же поднялось. Широкой рысью, словно на маневрах, полк быстро движется на юг. Авангардная 4-я сотня есаула Калугина, 50-летнего маститого кавказца, вьется по дороге далеко впереди полка… В центре долины видим село и в нем — какое-то конное движение. Мигузов бросает туда взвод казаков. Свалившись в низину, сразу же потонули в мягкой молодой сочной траве по животы лошадей. Взвод казаков широким наметом летит прямо на село. А наш полк, поднимая молодую весеннюю пыль, своей мощью в 800 шашек, все тою же широкой

рысью шел вперед, вперед-Где там курдам остановить нас, кавказцев первоочередного полка, в котором самому старшему возрасту казаков шел 26 год от рождения, а самому молодому — 23-й.

Без патронов, мы на шашки,
Каждый против десяти… —

недаром поет наш полк любимую ермоловскую песню.

Из села выскочили десятка два конных курдов и в беспорядке широким наметом понеслись на юг. Мы вскочили в село. Оно оказалось армянским. В нем — только женщины и дети. Все они не плачут, а воют по-звериному и крестятся, приговаривая:

— Кристин!.. Кристин!.. Ирмян кристин!

Ничего не понять от них о событиях, происшедших в селе. Жестом руки успокаиваю их. Восточный мир податлив. И верующий во что-то Высшее, фатально верующий. Сняв папаху и перекрестившись, я этим показал им, что они находятся теперь под защитой русского оружия. И не задерживаясь — наметом — двинулись на юг. А через версту, у ручейка, видим до десятка армянских трупов. Теперь нам стала ясна причина рыданий и скрежета зубов женщин в селе. Все трупы еще свежи. У всех позади связаны руки. И все с перерезанным горлом. Одежда подожжена и еще тлела. Все молодые парни с чуть пробивавшимися черными усиками. Картина жуткая. Казаки молча смотрели на них. И для них, как христиан, лик войны менялся. Они возненавидели курдов и жаждали мщения.

Встреча с Забайкальскими казаками

25 апреля у нас дневка. С утра во все стороны высланы сильные офицерские разъезды. Мне поручено пройти на восток, в сторону персидской границы.

Пройдя перевал, по узкому ущелью взвод казаков спускается в долину. На ней пасущееся стадо. Кое-где видны люди, гуляющие среди этого стада. В бинокль различаю, что это не курды, а вроде русские солдаты. Но какая часть? И к тому же — конная. Подобрались совсем близко. Оказалось, что это стоит биваком 2-й Читинский полк 2-й Забайкальской казачьей бригады генерала Трухина.

Направляясь в штаб полка, мы пересекаем долину среди многих сотен вольготно пасущихся лошадей. Все они оседланные, с уздечками и без уздечек. У немногих повод привязан к одной

ноге. Это, видимо, строптивые кони. А у многих повод с уздечкой был просто намотан на шее. И в таком виде пасется весь полк, так тихо, мирно, словно он находится на маневрах. Мы же на войне и в наступательном походе. За перевалом стоит наш полк в полной боевой готовности, оседланным и могущим выступить по тревоге менее чем за пять минут.

Мои казаки смотрят и крутят головами, удивляясь этому. Лошади забайкальцев маленькие, косматые, гривастые и хвостатые. А масти такой, словно кто собрал все конские масти, существующие на белом свете, и вселил их в этих лошадей.

Я у командира полка полковника Васильева. Знакомлюсь с обстановкой и докладываю ему об Араратском отряде. Встречаю сверстника по Оренбургскому военному училищу. Он говорит, что их командир полка — офицер Генерального штаба. Он вполне интеллигентный человек, но что-то у него от регулярной кавалерии. И это не вязалось со льготным полком мобилизованных казаков второй очереди.

Татарская сотня Али-хана

Распрощавшись с забайкальцами, вижу на биваке закавказских татар. Заинтересовавшись, спросил: кто они? И узнаю, что «они» есть «ат-тэльни татарьски сотнь», то есть отдельная татарская сотня. И что у них командир сотни — Али-хан из Маку.

Когда наша Закаспийская казачья бригада стояла в Маку, то этот макинский Али-хан поставлял всей бригаде фураж. Добрый толстяк приезжал к нам на бивак на маленькой белой кобылке, шутил с офицерами, бывал нашим гостем, и так как он с акцентом говорил по-русски и недостаточно понимал тонкости нашего языка, то со многими был на «ты». Ему было около 30 лет. Я решил зайти к нему, воину и теперь союзнику нашему.

Всадник-татарин довел меня до его жилища и сказал:

— Он живот здэс.

Пройдя по узкому, низкому и длинному проходу в глубь курдского жилища-норы, вижу: на коврике лежит все тот же очень толстый Али-хан. Он в одном белье. Обложен подушками, чтобы мягко было лежать. Наволочки — из материи хорошего качества, но грязные. Он очень рад встрече. Извиняется, что лежит, так как ему трудно вставать. Это — кавалерийскому начальнику.

Оказывается, на собственный счет он сформировал конную сотню добровольцев — человек в 70 — и руководит ею. Он жалуется мне, что у него плохая дисциплина в сотне, так как татары очень плохо знают русский язык и в дисциплине мало что

понимают. У него вся надежда на грузин, его помощников, с которыми он и просит меня познакомиться. И я знакомлюсь. Это интеллигентные люди, хороших дворянских фамилий и достаточно хорошо говорящие по-русски. Они отлично одеты и очень вежливы. Перед моим приходом у них был жаркий спор. И Али-хан просит меня рассудить, прав ли он.

— Ти русскава Белава цара аффицер. Ти должин усье знат — так обратился он ко мне.

Спор же был таков: надо узнать — занято ли село курдами или нет? Он вызвал добровольцев. Нашелся только один. Грузин. За это ему был обещан в награду Георгиевский крест.

Грузин один верхом въехал в село. Оно было пустое. И этот грузин-дворянин и сам Али-хан находили, что подвиг совершен и доброволец достоин награды, но всадники-татары запротестовали: в селе, мол, никого не оказалось, значит — и нет подвига.

Все с широко раскрытыми глазами ждали, что скажет «офицер русского Белого царя, который должен все знать». Высказав свой взгляд, я стал на сторону начальника «ат-тэльни татарьски сотнь» Али-хана. Все смолкли, так как престиж русского офицера был для них непререкаем.

— Он был бы убит, если бы село занимали курды, — был мой довод. — И он на это шел. Это и есть подвиг.

Все согласились.

27 апреля полк идет на присоединение ко всему отряду. Вдруг — речка шириной саженей в десять. Наша 3-я сотня идет вслед за конно-горной батареей. Глубина — под тебеньки седел. Как же пройдут наши «горняшки» — думаем мы. И видим: батарейцы смело входят в реку, горные орудия быстро скрываются под водой и поверх них сильно бурлит поток, словно играя с пушками. Вот они уже на том берегу. Слышим команду офицеров. Солдаты быстро спешиваются, снимают чехлы с орудий, быстро прочищают стволы поршнями и вновь закрывают чехлами дула орудий.

— На биваке будет полная чистка… а это ничего, — говорит нам старший офицер батареи, поручик с запорожским оселедцем на макушке бритой головы.

На биваке главных сил нас встречает генерал Николаев. Он очень доволен боевой работой полка и крепко жмет руку полковнику Мигу зову.

Бегри-Калинское ущелье. Монастырь

Для движения на город Ван предстояло пройти узкое и

глубокое зигзагообразное 20-верстное ущелье. Впереди — армянские добровольческие дружины, выступившие раньше конницы. Мы — в ущелье. Оно вьется бесконечно, сплошные колена. На всех углах этих колен построены каменные завалы для продольного обстрела тех, кто будет наступать с севера, то есть русских войск. Ширина ущелья в разных местах — от десяти до ста саженей. Крутые недоступные берега высотой до 100 саженей.

Армянские дружины легко отбросили курдов, и к вечеру отряд, пройдя ущелье, расположился в селе Бегри-Кала. Рядом — армянское село с православной церковью, где навалены трупы женщин и детей, зарезанных в ней курдами. Картина страшная…

Почти у самой вершины плато прилепился армянский монастырь. По горной извилистой тропинке проехал туда. Маленький храм из темного массивного камня, многовековой. Есть несколько тенистых деревьев, дававших уют. Бьет маленький родничок. Сверху замечательный вид на ущелье, долину. Было уютно и тихо. Выцветший от древности, подслеповатый старичок схимник растерянно смотрит на меня, не зная, видимо, за кого меня принять — за врага иль друга? Костюм ведь «азиятский»! Чтобы рассеять его сомнения, я снял папаху и перекрестился, глядя на его монастырь, и дал ему рубль серебром. Он его принял как совершенно непонятную и ненужную ему вещь, с полным безразличием.

«Суета сует…» — думаю я. Ему, наверное, дороже всего на свете был покой здесь, в этом храме-гнезде, а остальное… зачем оно ему? И даже русский царский рубль, хотя бы и серебряный…

Мы заняли небольшой армянский городок Джаник на берегу Ванского озера.

После полудня появился армянин лазутчик из самого Вана с известием, что город в руках восставших. Турецкий гарнизон отошел на юг, но все время держит город под обстрелом. Силы армян иссякают. Нужна срочная помощь.

Внешний вид его был интересным. Одет он был во все турецкое, военное, защитного цвета. На ногах обмотки. Легкие постолы. Голова обвязана башлыком защитного же цвета, как носят его наши мингрельцы. Красивый тонкий профиль лица, пышные усы в стороны. У нас было некоторое разочарование — значит, боя из-за Вана не будет…

Странные мысли тогда были по молодости лет…

На Ван!

Конные полки не могли двигаться в ночь. Подступать ночью коннице к этому большому, почти европейскому городу, каковым

являлся город Ван, было рискованно. Так говорилось в штабах. И поход был отложен до утра следующего дня.

Но армянские дружины не выдержали — и в ночь одни двинулись к своему «обетованному городу», или к «Армянской Москве», как они называли город Ван.

Настало утро 6 мая старого стиля — день рождения императора Николая II. Накануне назначено три офицерских разъезда с выступлением в 4 часа утра.

Разъезд № 1 — хорунжий Кулабухов, с задачей идти на г. Ван восточным берегом озера Ван и войти в город с запада.

Разъезд № 2 — хорунжий Некрасов, центральный разъезд, идти прямо на г. Ван и войти в него с севера.

Разъезд № 3 — хорунжий Елисеев, с задачей пройти на восток до озера Арчак, изучить местность до г. Арчак включительно и потом уже идти в г. Ван.

Разъезды силой в шесть коней. Третьему разъезду предстояло пройти по горам около ста верст. Это очень много. Но… какие могут быть разговоры на войне!

Посланы самые старшие хорунжие. Выступили одновременно и по одной дороге. Втроем не страшно и даже весело. По заданию через шесть верст разъезды взяли свои маршруты и разъехались. И начальнику третьего разъезда стало скучно и… страшно: уж больно мала сила разъезда, а идти по дикой гористой местности — и сто верст.

Прошли уже много. Кругом ни души. Вдруг лай собаки. Село. На рысях вскакиваем в него. По трупам вырезанных женщин и детей определяем, что село армянское. Трупы еще не разложились. Значит, резня была недавно. Кроме двух-трех худых собак — никого…

Двигаемся дальше. Из-за глыб камней показались люди, человек двадцать. Нас восемь. Силы неравные. В нас не стреляют — примета хорошая. Курды всегда стреляют еще издали. То оказались мужчины армянского вырезанного села. Они скрываются в горах от курдов уже несколько дней. О движении русских войск ничего не знают. И какова была их радость, когда они узнали, что Ван уже занят русскими войсками. Объяснялись кое-как по-турецки. Со слезами на глазах они целуют мои ноги в стремени. Жуткая человеческая драма…

Отпустив их в свое село, разъезд дошел до озера Арчак. Мелкий пологий берег. Ни одной лодчонки на горизонте. Все словно вымерло. Осторожно вошли на окраины маленького городка Арчак. От старушки армянки узнали, что турок в городе нет.

Задача выполнена. По торной мягкой дороге переменным

аллюром мы спешим в Ван. До него верст сорок. Кони уже устали. Мои казаки просят сократить аллюр. У них тяжелые вьючные сумы, в которых все зимнее обмундирование, 250 боевых патронов, комплект тяжелых казенных подков и другого необходимого на войне и в походе. А их офицер безо всякого вьюка, да и конь под ним добрее их коней.

Солнце было уже на закате, когда перед нами с небольшого холма открылась обширнейшая водяная гладь, дальних берегов которой не видно, а перед нею — сплошной зеленый сад, слегка почему-то дымящийся.

Мы поняли, что это и есть город Ван, конечная цель операции Араратского отряда.

Наши кони широко шагают, дергают поводьями, просятся вперед — к воде, к корму, к отдыху.

Уже стемнело. На улицах, у дворов, много местных жителей-армян. По-турецки спрашиваю, где находится «главный начальник русских войск».

Но так как город большой, где именно остановился «главный русский начальник» — указать никто не может.

В городе полная темнота. Освещения никакого. Улицы узки и кривы, едем словно в лабиринте. Наконец нашли штаб нашей Закаспийской казачьей бригады. В нем — ни души. Дежурный писарь доложил, что все господа офицеры отряда приглашены на ужин городским головой, и советует ехать туда. Беру одного из полковых ординарцев, знающего туда дорогу, и еду…

Банкет с вождями армянских дружин

Мы у большого двухэтажного дома. По широкой лестнице поднимаюсь вверх. Открыв двухстворчатую дверь, вхожу в громадную залу, в которой за двумя длинными столами, покрытыми белыми скатертями с сервировкой, сидело до ста человек господ офицеров всего нашего отряда.

Со дня выступления из Мерва в августе прошлого года на войну мы еще ни разу не сидели за столом, накрытым для ужина «по-человечески», то есть накрытым белыми скатертями и с полной сервировкой, почему, увидев все это, да еще в полудикой Турции, я немало был удивлен.

По воинскому уставу рапортовать нужно старшему начальнику из присутствующих. В данном случае — генералу Николаеву. Он сидел у самой двери, спиной к ней. Около него, по обеим сторонам, сидели вожди армянских дружин — Амазасп, Дро, Кери и какой-то армянин в штатском костюме, с очень черной густой подстриженной бородой, с интеллигентным лицом

матового оттенка и печальными глазами. То был городской голова — Арам-паша. За ними сидели командиры наших полков — 1-го Таманского полковник Перепеловский и 1-го Кавказского полковник Мигузов. Дальше — все господа офицеры «по чинам». Ужин только начался.

При моем рапорте генерал Николаев, высокий сухой широкоплечий старик лет 65, с седой редкой бородой, поднялся на ноги. Его примеру последовали все остальные. И если было мне неловко, что потревожил стол, то было и приятно показать в Турции, в особенности Арам-паше, какова дисциплина в Русской императорской армии, одинаково обязательная для всех — и для генерала, и для хорунжего, и для тех, кто здесь присутствует.

Выслушав рапорт, поблагодарив и пожав руку, Николаев просил доложить обо всем «своему командиру полка». Полковник Мигузов, умный человек, только спросил, все ли благополучно. И, не желая нарушать порядок стола, как всегда, небрежно произнес:

— Хар-рашо… идите садитесь на левый фланг со всеми харрунжими…

Я среди своей кавказской и таманской молодежи. После войскового праздника прошлого года в Маку, в Персии, мы сегодня впервые ужинаем вместе — и со штабом бригады, и с офицерами Таманского полка. Вся молодежь бригады ликует в душе и хочет любить друг друга сильно, крепко, навсегда.

Хорунжие-кавказцы — Владимир Кулабухов, Шура Некрасов, Ваня Маглиновский, Коля Леурда, Шура Винников, Гаврюша Мацак, Володя Поволоцкий — и хорунжие-таманцы — Шура Зекрач, Борис Абашкин, Филипп Лопатин, Николай Просвирин, наш общий любимец бригадный пулеметчик Миша Васильев… — а дальше, ближе к начальству, сидят уже сотники и подъесаулы. Сел с ними и… все забыто; то, что с 4 часов утра и до 8 вечера в седле, по горам, по буеракам, по незнакомой и дикой местности, по разным «чертовым тропам» с ежеминутной опасностью наткнуться на засаду…

Стол накрыт по-восточному. Вначале подали сладкие блюда — финики, запеченные фрукты и что-то мармеладное. И потом уже на громадных круглых медных подносах горы плова из риса и баранины. Все приготовлено очень вкусно. На столе — только местное красное вино. И хотя оно кислое и нам не понравилось, мы пили его с удовольствием и даже бравирующе, так как мы сегодня были герои дня, победители, которых чествуют.

К удивлению, за столом стояла тишина. Старшие офицеры тихо говорили только с соседями. Ни оркестра полковых трубачей, ни хора песельников, без которых не обходилась ни

одна офицерская пирушка.

Но вот встал Арам-паша. Он произнес тост за Русскую императорскую победоносную армию. Говорил он по-армянски. Целыми фразами переводил нам их самый храбрый и видный начальник 2-й армянской дружины — Дро.

Дро — коренастый человек среднего роста с густой черной бородой, подстриженной лопаточкой. В боевом костюме, с ремнями через оба плеча, он производил могучее и приятное впечатление. Своим видом он походил на генерала Кутепова.

После нескольких приветственных фраз по адресу Русской армии и нас, присутствующих, Арам-паша обратился к генералу Николаеву с просьбой дать разрешение послать русскому императору ту телеграмму, которую он сейчас прочтет. Мы невольно насторожились: телеграмма самому русскому царю из далекой Турции и от армян — это было тогда что-то особенное и экстраординарное.

Вот ее полный текст:

> «В день рождения Вашего Величества, совпадающий с днем вступления Ваших Войск в столицу Армении, желая величия и победы России, мы, представители национальной Армении, просим принять и нас под Ваше покровительство. И пусть в роскошном и многообразном букете цветов Великой Российской Империи маленькой благоухающей фиалкой будет жить автономная Армения»[4].

Всю телеграмму, по фразам умно и внятно переведенную Дро, офицеры Араратского отряда покрыли дружными долгими и громкими аплодисментами. Генерал Николаев, офицер Генерального штаба, оренбургский казак по рождению, очень добрый и мягкий человек, привстав со стула, произнес:

— Пожал-луйста, пожалуйста… я разрешаю.

Ужин скромно и достойно закончился сразу же для всех. Вестовые нам подали лошадей. В глухую полночь, в кромешной темноте мы долго блуждали по темным кривым и узким улочкам большого города, пока не нашли бивак своей Закаспийской казачьей бригады…

Из офицеров, присутствовавших на этом памятном ужине, никого не осталось в живых. В Брюсселе, в Бельгии, жил подполковник Ираклий Виссарионович Цагурия, тогда молоденький прапорщик 2-й Кавказской конно-горной батареи, только что выпущенный из артиллерийского военного училища. В 1957 году умер полковник Валериан Яковлевич Крамаров, тогда подъесаул 4-й Кубанской казачьей батареи.

Этим вечером закончилась Ванская операция, начавшаяся 22 апреля переходом через Тапаризский перевал, город Ван был занят 6 мая 1915 года. Всех офицеров, участвовавших в этой операции, приказано было представить к очередным боевым наградам, и мы их получили в Ване же. Подъесаул Маневский и автор этих строк за конную атаку против курдов 23 апреля были награждены вне этих наград следующими высшими по степени орденами.

Проснувшись поутру 7 мая, мы увидели, что бивак бригады раскинут среди роскошных сеяных трав люцерны. У лошадей — масса фуража. Торговцы-армяне продают казакам табак, вино, фрукты и сладости. Все это неожиданно и совершенно не соответствовало той Турции, по которой мы ходили раньше семь месяцев. Мы попали буквально в райский оазис… Но чтобы не было лишнего соблазна, к вечеру бригаду перевели на самую окраину города. Полки разбили палатки на больших площадях, а офицеры — в непосредственной близости от своих сотен, во фруктовых садах, ломящихся от плодов. После всех лишений — все забыто. В походных кухнях в изобилии варилась баранина. Казакам позволено покупать и пить местное красное вино. Много виноградников и бесконечные фруктовые сады. Город Ван тогда был — рай, рай…

В следующие дни

На 8 мая назначен благодарственный Богу молебен и парад войск. Полки выстроились в пешем строю. На левом фланге — армянские дружины. Позади генерала Николаева на молебне стоят в один ряд командиры полков, батарей и начальники армянских дружин. Они приравнены к начальникам отдельных частей, как командиры батальонов. Позади них — казачьи офицеры. Все в черкесках. Среди нас новые милые друзья не казаки — горные артиллеристы. Прапорщик Ираклий Цагурия, стройный, высокий, всегда подтянутый, словно грузинский князь-птенец, стоит в группе многочисленных хорунжих нашей бригады. Ведет церковную службу священник 1-го Таманского полка. Наш священник Образцов, будущий автор Войскового гимна, ему прислуживает.

Церковная служба окончена, и офицеры стали подходить к кресту. И каково же было наше удивление, смешанное с восхищением, когда прибывшие ученицы армянских школ, возрастом не старше 14 лет, одетые в летние платьица с черными передничками, под управлением своего регента вдруг, словно ангелочки, запели:

Славься, славься, нас Русски Сарь,
Господам данни нас Сарь-Государь.
Да будет письмертни Твой Сарьски Родт,
Да им благоденствуе Русськи нарот…

Это было так неожиданно для нас и так приятно, что даже весь главный штаб во главе с генералом Николаевым, не говоря уже о нас, строевых офицерах, остановился и невольно повернул в их сторону свои головы. И, несмотря на непонимание поющими русских слов в этом славословии русского царя, произносимом с большим акцентом, это нисколько не умаляло достоинства преподнесенного нам сюрприза.

«И когда это они успели разучить?» — делились мы между собой недоуменно.

Отряду был дан отдых. Мы, молодежь, верхом на лошадях немедленно же бросились в город. Он большой, до 200 тысяч жителей. Резко разделен на две, почти равные части: турецкую и армянскую. Турецкая часть, на западе, тянется до самого озера-моря Ван. Но весь турецкий город сожжен армянами. Армянская же часть города совершенно не пострадала. Каждый двор утопает во фруктовых деревьях. Окраины армянских садов сплошь защищены окопами в рост человека, с бойницами и ходами сообщения. Все укреплено по правилам военной науки. Зная о победном движении русских войск, армяне восстали, выбили из города небольшой турецкий гарнизон и жандармерию и дотла сожгли турецкую часть города.

Единственная прямая улица, главная, пересекает город с востока на запад и упирается в озеро. Берег озера очень пологий, прозрачная голубая вода. Противоположных берегов не видно.

На радостях мы скачем по этому шоссе-улице к дивному озеру-морю Ван. К северу, словно громадный океанский броненосец, выступила крутыми берегами каменистая глыба. Она вся в причудливых каменных стариннейших стенах со сплошными бойницами. Как библейская крепость, она была совершенно неприступна для открытой атаки. И вспомнили мы по учебнику древней истории, что за много веков до рождения Христа Спасителя здесь существовало «Ванское царство».

В седлах скачем туда. Взбираемся по единственной узкой каменистой дороге вверх. Мы у массивных деревянных ворот крепости, которые когда-то разбивались только таранами противника. Увидев казачьих офицеров в серебряных погонах — в нашем полку за всю войну никто из офицеров не надел защитного цвета погон, — армянский караул беспрепятственно открыл все

ворота.

Со стен крепости — чудесный вид во все стороны. В складах огромное количество старинного огнестрельного оружия, до кремневого включительно. Мы стреляем из них «по атакующему противнику». Оглушительный с дымом звук и сильная отдача в плечо. Пуля летит на сто шагов. Летит и шуршит, как птичка крыльями, и ее полет виден в траектории… Мы весело смеемся и восхищаемся поэтической «легкости» старинных былых войн.

Молодость бьет в нас полным, неиссякаемым ключом. Мы хотим физически ощутить все прелести веселого времяпровождения в восточном городе, но — увы! — их здесь не найти…

Мы пьем настоящий турецкий кофе — пьем на улице у кофейных, — но он нам совершенно не понравился: густой, черный, горький.

Мы пробуем курить кальян, также у кофейной и на улице, но он совсем отвратительный.

В городе две гостиницы. Одна из них носит имя «Франция». Скачем туда, чтобы хорошо, с вином, «по-кавказски» поужинать и, может быть, поухаживать за хорошенькими кельнершами, но… блюда только восточные, а прислуга — вся мужская.

И только единственный граммофон с громаднейшей трубой услаждает наш слух мало мелодичными восточными мотивами.

Здесь много красивых и причудливых янтарных мундштуков для папирос, через которые курят все турки и армяне, но — большинство из нас некурящие.

Мы покупаем дамасские клинки, но они куда хуже по крепости обыкновенных казачьих клинков Златоустовского оружейного завода.

Здесь дивные виноградники. У жителей много домашнего вина. Оно продается полуведерными глиняными кувшинами по 20 копеек, но вино кислое, терпкое.

Да мы, кавказская молодежь-хорунжий, тогда спиртного почти и не пили, как и не интересовались им.

Турецкие армянки красивы/ С тонкими чертами лица. Они — темные шатенки с красивыми глазами. Но их совершенно не видно на улицах города, не говоря уже о кофейных и ресторанах.

Здесь восток — и вот даже армяне, христиане, в своем быту живут по-мусульмански. Так мы и не смогли повеселиться «как следует», по-холостяцки — мы «нич-чего» не нашли…

Через два или три дня в Ван вступила 2-я Забайкальская казачья бригада генерала Трухина и прибыл новый начальник штаба нашей бригады Генерального штаба подполковник Шумилин, родом донской казак. Среднего роста, хорошо

сложенный жгучий брюнет, щегольски одетый в форму офицеров Генерального штаба, он оказался очень компанейским человеком, всегда доступным для младших, критикующий старших, он любил весело провести время, если к тому была возможность.

Две отдельные казачьи бригады — Закаспийская и 2-я Забайкальская — отдыхали в Ване.

Мы были рады, что попали в благодатный город, где всего вдоволь и где могут отдохнуть и казаки и лошади. Это — главная забота командиров сотен. Но… наш отдых продолжался всего лишь несколько дней. Полки вновь выступили на фронт, на юг.

Что происходило в Персии

«В середине апреля 1915 года. — пишет генерал Масловский. — в район Тавриза, в Персию, для усиления отряда генерала Чернозубова были направлены:

1. 4-я Кубанская пластунская бригада генерала Мудрого для следования в город Хой.

2. Кавказская кавалерийская дивизия генерала Шарпантье, в составе 16-го Тверского, 17-го Нижегородского. 18-го Северского драгунских полков и 1-го Хоперского полка Кубанского казачьего войска, а также Кавказского конно-горного артиллерийского дивизиона. Дивизии приказано двигаться в Тавриз.

3. 3-я Забайкальская казачья бригада генерала Стояновского (кубанский казак), в составе 3-го Верхнеудинского казачьего, 2-го Аргунского казачьего полков и 2-й Забайкальской казачьей батареи. Генералу Стояновскому приказано двигаться в Тавриз и войти в подчинение генералу Шарпантье».

Этот конный отряд Шарпантье сосредоточился в Тавризе б мая, то есть ровно в тот день, когда наш Араратский отряд занял город Ван и весь его вилайет, о чем в книге Масловского ничего не сказано.

«В Персии… генерал Назарбеков продолжал оставаться в районе Дильмана, но, когда решил вновь овладеть городом… в ночь на 19 апреля, турки спешно и весьма скрытно ушли…

Между тем войска Халил-бея, по-видимому, под впечатлением движения конницы 4-го Кавказского корпуса с севера к Вану, несмотря на успешность их действий до того времени — быстро очистили всю Урмию и ушли на запад в пределы Турции».

Масловский не указал, какая двигалась конница 4-го Кавказского корпуса. Это двигалась Закаспийская отдельная казачья бригада, являясь основой Араратского отряда, в котором опасными и непримиримыми врагами турецкой армии были три

армянские добровольческие дружины, насчитывающие в своих рядах около 3000 штыков.

Восточнее Араратского отряда, параллельно, шла 2-я Забайкальская казачья бригада генерала Трухина.

Из Вана на юг, в Месопотамию

С занятием Вана 6 мая 1915 года Араратский отряд фактически перестал существовать. Все три армянские дружины через два-три дня устремились по южному берегу озера Ван. 12 мая туда же выступили 1-й Таманский полк и 4-я Кубанская казачья батарея. На юго-восток от Вана — наш 1-й Кавказский полк, Кавказская конно-горная батарея и одна конная сотня пограничников. Все эти незначительные силы возглавил генерал Николаев, имея свой старый штаб Закаспийской бригады.

Отряд охотно и бодро выступил из города, провожаемый ликующей толпой армян, в том числе нарядно одетыми в белые платья молодыми женщинами и подростками.

Несчастные… Они, безусловно, были уверены, что теперь-то, при помощи русских победных войск, будет освобождена и построена их Великая Армения.

Но и мы, победители и освободители, тогда не думали и не гадали, что не позже чем через два месяца все жители города Ван и всего округа переживут жуткую трагедию и их дивный город будет разграблен курдами и сожжен…

Наш полк, как всегда, шел с бравурным маршем полкового оркестра трубачей, сотни распевали песни.

Через каких-нибудь пять верст окончилась благодатная Ванская долина, и мы вступили в горы. А через пару дней полку преградили путь скопища курдов какого-то Мансур-бека. Отступая со всем своим племенем, с пожитками и с многочисленными стадами овец из-под города Сарай, при поддержке турецких отступающих частей из Персии Мансур-бек занял обширный горный район.

17 мая, перейдя перевал, отряд спустился в небольшую долину. С отрогов хребта нас встретила жарким огнем турецкая пехота, чего мы не ждали. Спешенный полк втянулся в бой. Сотни, разбросанные по разным отрогам, связанные коноводами и двумя штабами — бригады и полка, — действовали неуверенно и не смогли сбить турок. Заночевали на позициях. К утру, не обнаружив турок, вошли в село Касрик.

В нашем штабе нам тогда сказали так: «Турецкие войска генерала Халил-бея, разбитые отрядом генерала Чернозубова под городом Сарай, отступили на юго-запад. Чтобы не быть

отрезанным и не нести ненужных потерь, Халил-бей разбил свои отряды побатальонно и приказал спешно самостоятельно, без втягивания в бой, по тропам проскользнуть мимо русских войск и сосредоточиться у Битлиса. С одним из этих батальонов мы и вели бой».

> В книге генерала Масловского читаем: «Действия частей отряда генерала Чернозубова против войск Хал ил-паши… отличались такой пассивностью, что ими совершенно теряется след противника… даже направление, по которому ушел противник, не было ими установлено.
>
> …Когда наконец находили противника и вступали с ним в бой, наступала темнота, бой прекращался, крупные силы отряда (генерала Назарбекова) отдыхали до утра, а утром не находили перед собой турок.
>
> 18 мая части отряда генерала Назарбекова встретили двигавшуюся из Вана 2-ю Забайкальскую казачью бригаду генерала Трухина, которая… двинулась на запад, а затем вернулась в Ван».

Здесь вновь какая-то неточность, и о Закаспийской казачьей бригаде, которая тогда действовала именно чуть западнее Баш-калы, не упомянуто. Или спутано: вместо Закаспийской казачьей бригады указана 2-я Забайкальская.

Тетрадь пятая

Сдача племени курдов Мансур-бека

После боя у села Касрик 17 мая 1915 года и занятия его пришло известие, что 1-й Таманский полк и 4-я Кубанская батарея вернулись в город Ван.

1-му Кавказскому полку, 2-й Кавказской конно-горной батарее и сотне пограничников приказано продолжать движение на юг.

19 мая наш полк остановился на ночлег. 3-й сотне предстояло в полночь выступить на восток, занять перевал и с рассветом следующего дня двигаться на юг. За сотней, на дистанции шесть верст, будет идти весь отряд.

Сотня на перевале. Конец мая, но здесь так холодно. В ложбинах еще лежит снег, а мы с Маневским в одних черкесках… Вытерпели. По склонам холмов паслись большие отары овец. Возле них нет ни чабанов, ни собак, как это бывает у курдов. Зловещее отсутствие людей и тишина кругом вселяли некоторый страх в нас: скопище конных курдов в несколько сот человек могло обрушиться на нас в любую минуту. Казаки следовали за своими офицерами скученно и молча. Дозоры со всех сторон, с винтовками у бедра, охраняли движение сотни. Сотня заняла село — в нем никого из жителей. Через час подошел весь отряд и расположился биваком, выставив сторожевые заставы во все стороны, даже и в свой тыл.

Наутро 21 мая, перед самым выступлением отряда, два казака из тыловой заставы, с винтовками у бедра, видим, сопровождают конную группу курдов в пять человек. Впереди, в казачьей бурке, на очень нарядном сером коне-арабе в яблоках, шел сухой, стройный и красивый курд лет 45. Рядом с ним — другой на высоком древке держал белый флаг.

Подъехали. Оказалось, что это был сам Мансур-бек, глава курдов, с которыми мы вели бой. Сюрприз более чем приятный.

Командир полка полковник Мигузов немедленно же собрал всех офицеров отряда в свою комнату и пригласил Мансур-бека со своими спутниками.

Курдов посадили на сиденья против нас. Мы их рассматривали с исключительным интересом. Все они высокие, сухие, стройные, с довольно пышными черными усами и, как все курды, с бритыми бородами. Их фески на головах обмотаны по-курдски черными шелковыми платками с бахромой. У Мансур-

бека (бек — князь, дворянин) эта бахрома была особенно пышной и свисала до самых глаз.

Все они одеты в простые, до колен, двубортные бешметы, не застегивающиеся на груди и перехваченные у пояса кушаками. К нашему удивлению, они обуты в настоящие шагреневые русские сапоги с высокими голенищами фасона «вытяжки» (головки их не пришиты к голенищам, а сделаны из одного цельного куска кожи) с тупыми носами. Они нисколько не волновались и держали себя скромно, но достойно.

После некоторого времени рассматривания друг друга Мансур-бек через нашего армянина-переводчика заговорил:

— Мы — кочевники. Я есть глава одного из курдских племен, обитающих у персидской границы. У меня — до четырех тысяч семейств и стада овец. Мы отступаем с турецкими войсками из-под самого города Сарай. Защищая свои кочевья, имущество и племя, мы воевали против русских. Теперь же все — и мое племя, и кочевья, и стада овец и скота остались позади русских войск… — Здесь он замолчал, передохнул и продолжал: — Я, как глава своего народа, нахожу дальнейшее сопротивление русским войскам бесполезным и вредным и прошу вашей милости остаться под властью русского Белого царя. Если нужно — мое племя сдаст русскому командованию все свое оружие… и мое племя прошу считать мирным.

Все это Мансур-бек изложил спокойно и с полным достоинством.

Наш командир полка полковник Дмитрий Александрович Мигу зов, казак Терского войска, отлично знавший психологию кавказских горцев, так же достойно выслушал побежденного вождя мусульман, не перебивая его ни одним словом, и отнесся к нему по-рыцарски. Но — от имени русского Белого царя — потребовал «полной сдачи всего огнестрельного оружия». Мансур-бек согласился с этим требованием.

Условившись обо всем, мы уже дружески через переводчика говорили о его племени и о безбоязненности его существования под защитой русских войск и законов. Офицеры угощали их папиросами, печеньем, коньяком. Они же, прикладывая правую руку к сердцу и челу, неизменно повторяли «чох саул» (весьма благодарим) и — папиросы взяли все, что им давали, так как все курды курят. Печенья взяли только по одному, но не стали есть, а от коньяка совершенно отказались.

Их скромность нас подкупила. Подкупили и мы их нашим корректным кавказским обращением. Лица их сияли счастливыми улыбками. Теперь они более активно рассматривали наши черкески, кинжалы, шашки. Мансур-бек мило улыбался, и на

всякое наше к нему обращение он, прикладывая руку к сердцу, неизменно повторял: «Чох якши… чох саул» (очень хорошо, спасибо).

Видимо, он был очень рад, что так просто, скоро и бескровно решена судьба племени, хотя немало он пролил русской крови в защиту его. И поэтому — быть довольным ему следовало…

Он был, безусловно, очень опытный воин и вождь своего народа.

При таком повышенно-радостном настроении обеих сторон все мы вышли на воздух, чтобы попрощаться.

Наши казаки держали их лошадей.

Конь, жеребец Мансур-бека… Это была лошадь лучшего качества и, как редко бывает среди арабских скакунов, имела длинный корпус. Смелые выпуклые умные глаза. Он смотрит на вас и словно изучает взглядом. Нарядный, зеленого цвета, бархатный чепрак поверх седла, расшитый золотом и унизанный золотыми кистями, добавлял как коню, так и его хозяину благородства и означал высокое положение среди курдов.

Я был всегда неравнодушен к хорошим лошадям. Пользуясь тем, что переводчик-армянин был от нашей сотни, я выразил свое восхищение Мансур-беку его конем. К моему удивлению, он предложил сесть на его араба и проехаться.

И я только тогда понял этот жест Мансур-бека, когда был в седле и ощутил, насколько тонко выезжена эта благородная лошадь и насколько мягки ее аллюры и чувствительность рта на повод.

Сделав несколько коротких вольтов на легком намете, я слез с седла.

Мансур-бек, наблюдая мои вольты, вдруг говорит, что «после сдачи оружия он подарит мне своего коня». Обескураженный этим и зная восточный обычай, что «хваленую вещь надо дарить», как и отдавая полный отчет, что от побежденного князя этого принять совершенно неловко, я ответил, что «в подарок не приму, но купить могу».

Мансур-бек, выслушав переводчика, быстро подошел ко мне, хлопнул по плечу и решительно сказал:

— Йок!.. Пешкеш! (то есть нет!., подарок).

Обласканные и осчастливленные, под наши искренние приветствия и пожелания все пять курдов, со своим «парламентским» белым флагом, в сопровождении тех же двух казаков-кавказцев отправились в тыл, за черту нашего сторожевого охранения, к себе в горы.

Обрадованные тем, что нашему полку без боя сдалось очень сильное племя курдов — до 4000 семейств, в котором

вооруженных мужчин всех возрастов было несколько тысяч, мы заснули крепким сном.

Курды — как кочевники, отсюда и полуразбойники — все вооружены огнестрельным оружием и ножами. Молодой курд, не имеющий собственной винтовки, не может жениться, то есть никто за него не выйдет замуж, как за недостойного. Кроме того, перед войной турецкое правительство выдало всем курдам десятизарядные винтовки старого образца со свинцовыми пулями. Все это мы тогда знали, так как много подобного оружия уже отобрали у курдов Араратского района. Судьба же предрекла иное…

Гибель Мансур-бека

Я сплю и вижу какой-то кошмарный сон. Мне очень тяжело. Что-то давит меня. И кто-то говорит мне:

— А Мансур-бек убит…

Я поворачиваюсь, в муках кошмара открываю глаза и вижу — мой командир сотни подъесаул Маневский сидит на своей походной кровати, против него стоит вахмистр сотни подхорунжий Илья Дубина, и я слышу последние слова его:

— А Мансур-бека убили…

Как ужаленный, вскакиваю и бросаюсь к вахмистру:

— Кто убил?! Когда?! Где?!

— Да забайкальские казаки, ваше благородие, — спокойно отвечает он.

— Господ офицеров к командиру полка-а! — вдруг несется по биваку как всегда передача «голосом», когда спешно надо собрать, позвать кого.

Наспех надевая холодное оружие, мы всегда спали не раздеваясь, спешим к курдскому домику, в котором живет командир полка.

У крыльца наш казак держит в поводу коня Мансур-бека в том же нарядном, зеленого бархата, чепраке, расшитом золотом с кистями. Благородное животное при нашем приближении подняло свою сухую красивую голову с умными черными глазами и тонкими острыми ушами и, как вчера, мирно смотрит на нас.

— Твой конь… — говорит мне на ходу, шутя, Маневский. Но я уже не думаю о коне, а думаю о Мансур-беке. Полковник Мигузов, с перекошенным от бешенства лицом, совершенно белыми от злости глазами, строго допрашивает у крыльца забайкальского сотника, как это случилось.

Перед Мигузовым стоит малоинтеллигентный офицер с желтыми лампасами на замусоленных от грязи темно-синих

штанах-суженках. Короткая грязная гимнастерка. Простые сапоги. И сам сотник — «прост, прост»… Видимо, из урядников русско-японской войны. Лицо смуглое, полумонгольское. Тонкие усики, также полумонгольские.

Сотник растерян и запуган — Мигузов умел цукать. Показания его сбивчивые. И они, по его словам, таковы. Этот сотник с взводом казаков сопровождает свой обоз 2-й Забайкальской казачьей бригады, которая где-то впереди. Навстречу ему шло пять курдов с белым флагом. Их они задержали. Доводам Мансур-бека, что они являются парламентерами и только что сдались казачьему полку, забайкальцы не поверили. Что было потом — недоговорено, но курды якобы бросились убегать. Тогда они их перебили и забрали лошадей.

Выслушали эти доводы сотника — у нас ни у кого не было сомнения, что он убил всех с корыстной целью, чтобы воспользоваться лошадьми, и в особенности нарядной и дорогой лошадью Мансур-бека.

Что было делать командиру? Полк — в зоне боевых действий, какое можно произвести официальное дознание и для чего?

Мигузов поступил иначе. С нескрываемым презрением он приказал этому офицеру немедленно же покинуть расположение нашего отряда со всем своим обозом и конвоем.

Думаю, что сотник этому был очень рад.

Вопрос «о сдаче курдов» мог бы повернуться в новые бои с ними. Принимая это во внимание, Мигузов немедленно же отправил в стан курдов «послание», а вдове Мансур-бека соболезнующее письмо. И отправил в стан всех лошадей погибших.

В тот же день прибыл к нам заместитель Мансур-бека, его младший брат Бегри-бек. Но это был уже другой человек. Высокого роста, грубого телосложения — и ничего княжеского в нем не было. Полковник выразил ему соболезнование о гибели брата и указал, что условия сдачи племени остаются в той же силе и их надо выполнить.

Для полного разоружения курдов была оставлена одна сотня казаков. Остальные пять сотен полка с конно-горной батареей и конной сотней пограничников двинулись дальше на юг.

В горной стране Несториан

Наш отряд шел по следам прославленной армянской дружины Андроника. Он двигался со стороны Персии и жестоко мстил туркам и курдам. Мы видели «его следы».

Все русские войска Ванского района, продвинувшись глубоко на юг, вошли в сплошной массив гор, перерезанных ущельями и быстро текущими горными речками. Все — без единого деревца, но покрыто пышными травами. Жителей — никого: все ушли с войсками, и только трупы убитых, как армян, так и курдов, отравляли настроение.

Отряд вошел в ущелье и остановился в селе Сикунис. Отсюда начинается «страна православных айсоров», также преследуемых курдами. На карте она значится «горная страна несториан».

А вот и они, несториане, по-местному — айсоры. Группа в несколько десятков женщин и детей, спасающихся на север, навстречу русским войскам.

Мы с интересом рассматриваем этих православных айсоров. Среди них нет не только мужчин, даже стариков, но нет и 10-летних мальчиков, как нет и молодых женщин и подростков-девушек. Такого возраста мальчикам курды режут ножом горло, а девушек-подростков берут в наложницы. Поэтому все они ушли в горы с мужчинами, спасая свою жизнь.

В отличие от армянок и курдинок айсорские женщины совсем не боятся и не стесняются нас, молодых мужчин. Нам, единоверцам, они повествуют о своем горе, твердят без конца, что они «есть айсор-христин», и просят «хлэба», единственное русское слово, которое они хорошо заучили. Конечно, мы идем им навстречу, кормим их и этим располагаем к себе.

Кто же они?

Их внешний вид, черты лица — наших цыганок. Даже настойчивость в глазах — цыганская. Все они брюнетки с темным цветом тела, загорелые, грязные и в цыганских цветных лохмотьях. На лицах, на руках, на груди — резкая, примитивная татуировка. У некоторых на груди вытатуирован православный крест. У других на шнурке висит крест из темного дерева, величиной почти в четверть.

Как их спасать, куда везти — мы не знали. Кругом витала смерть, и они своим беспомощным присутствием только отягощали войска, вносили естественное сердоболие в души казаков, столь отрицательный элемент в войнах.

Войска Халил-бея ускользнули от нас. Отряд генерала Назарбекова из Персии и дружина Андроника продолжали освободительное движение в «страну несториан», а нашему отряду приказано остановиться. От полка выдвинули сильный офицерский разъезд на 30 верст на юго-запад. Мы достигли Ак-булаха (Белый родник) — одного из истоков библейской реки Тигр.

Он — на краю возвышенности. Очень холодная и прозрачная

вода. Спешились, напоили коней. А потом, с каким-то религиозным чувством склонив тело на руки, ртом, прямо из родника, напились сами. Некоторые казаки, беря воду жменями, как святой водой, омыли свои лица.

Тигр и Евфрат — священные реки.

Кругом какая-то загадочная тишина. Словно все умерло здесь. Впечатление такое, будто вся местность сползает куда-то вниз, в какую-то таинственность.

В Месопотамию…

Разоружение курдов Мансур-бека. В гостях у его сына

Полку приказано вернуться назад, расположиться в селе Хошаб и обезоружить курдов погибшего Мансур-бека. Конно-горной батарее и сотне пограничников — следовать в Ван.

1-й Кавказский полк — в Хошабе. Сдача оружия курдами шла туго. Мы все отлично понимали, что для кочевника-курда сдать свое ружье словно вынуть сердце из своего существа. Оружие, ими сдаваемое, было все старинное — однозарядные винтовки системы «Пибоди». Все это был чистый хлам. Десятизарядные винтовки системы Маузера со свинцовыми пулями крупного калибра, которые они очень любили и которыми были вооружены почти поголовно, явно они спрятали.

Разоружение затянулось. Из любопытства узнать, как живут курды, мы, молодежь, решили поехать к ним. Нас семеро: Кулабухов, Некрасов, Леурда, Мацак, Поволоцкий, Винников и я. При нас семь конных вестовых в полном вооружении и переводчик с винтовкой. Получился отряд в 15 человек. Двинулись к ним в горы. Выехали, конечно, с разрешения командира полка.

О переводчиках-армянах. Они были вольнонаемные, и при каждой сотне. Одеты в черкески, при кинжалах и винтовках. Лошади и седла, как и питание, — от сотни. Они были одновременно и воинами. Порою брались в сильные офицерские разъезды. Платили им 30 рублей в месяц.

С переводчиком в малиновой черкеске — от нашей 3-й сотни — мы у сына Мансур-бека. Он живет в отдельной большой палатке-шатре. Жарко. Края полотнищ приподняты на шестах, и мы сидим в ней, как на веранде. Ему 16 лет. Жгучий брюнет, очень красивый и стройный мальчик. Он по-детски, как еще ничем не искушенный дикаренок, сразу же подружился с нами. Мы привезли ему в подарок плитки шоколада «Тоблер», печенье и папиросы. У него коротко остриженные волосы на голове и только на самой макушке оставлен густой клок, в ладонь

площадью, свисающий во все стороны. Это был знак его княжеского достоинства.

К нашему удивлению, гибель отца, такая трагическая, его, видимо, не огорчила. По мусульманской вере он перешел ведь в лучший мир…

Он наивно, весело показывает нам свои темно-синие диагоналевые бриджи старшего брата, погибшего в бою с русскими. Бриджи пробиты пулей у самого паха. Его брат скончался от ран. Но что интересно, бриджи были русского офицерского покроя и качества. Может быть, трофей с убитого русского кавалериста или казачьего офицера. На главном месте курдского стана стояла большая темно-бурая палатка-шатер самого Мансур-бека. Из нее вышла пожилая, крупная, лет 40–45 курдинка, очень важная и видная собой. «Это моя мама…» — только успел сказать через переводчика ее сын — и сразу затих. Затихли и мы, почтительно и с ущемленной совестью за убитого ее мужа издали рассматривая ее, курдскую княгиню, жену главы всех этих курдов и теперь… вдову. Рассматривая ее почтительно и скромно, мы не смогли точно прочесть в ее глазах и на ее лице, что она думала о нас. Друзья ли мы ее сына? Злостные ли враги курдов? Убийцы ли ее мужа?

Во всяком случае, нам от ее испытующего взора стало неловко. Мы чувствовали, что она, не зная всей истории гибели Мансур-бека, должна считать нас не только своими врагами, но, может быть, и убийцами ее мужа. Нам было стыдно и морально тяжело. Мы очень сочувствовали ее горю, но помочь ничем не могли. А она, выйдя из шатра и остановившись у входа, долго смотрела на нас, казачьих офицеров в черкесках и папахах, в блестящих серебряных погонах, при серебряных кинжалах и шашках. Посмотрела тяжелым, испытующим взглядом и медленно, гордо скрылась внутри своего большого богатого шатра.

У палатки заместителя погибшего Мансур-бека, его брата Бегри-бека, стоял мой серый араб в яблоках, все под тем же нарядным, зеленого бархата, расшитым золотом чепраком. К нашему удивлению, это умное и благородное животное все время посматривало в нашу сторону. Возможно, наш внешне блестящий вид и шумные разговоры привлекли его внимание.

Мой араб был привязан у палатки Бегри-бека потому, что по их закону жена погибшего и все его имущество переходило автоматически к брату. Нам все это очень не понравилось. В особенности мы были смущены и шокированы тем, что почтенная жена Мансур-бека, имеющая такого красавца-сына, должна перейти к этому грубому и злому дикарю, каковым был Бегри-бек.

Но, возможно, она становилась его женой только номинально?

Командир полка, отпуская нас в курдский стан, сказал, чтобы мы там не задерживались и были осторожны. Ни того, ни другого мы не исполнили, так как нам было приятно побывать в небывалой обстановке. Мы знали, что курды нас не тронут: они мусульмане и их гостеприимство нам известно по долгой разведческой боевой службе.

С нами, но не на сером арабе, шел в село Хошад и Бегри-бек. Он вез в подарок командиру полка дивный малиновый халат местной работы. Такой «почетный» подарок делается курдами в исключительных случаях почетным гостям или лицам, оказавшим большие услуги их народу. И полковник Мигузов вполне этого заслуживал, так как он, кавказский казак, да еще терец, отлично понимал душу мусульманина и отнесся к курдам внимательно и благородно.

Разоружение курдов закончено. Десятка два наших полковых двуколок везли разный ненужный хлам огнестрельного курдского оружия всех калибров и систем. Бегри-бек и пять главных курдов были взяты в качестве заложников. Сын Мансур-бека и серый в яблоках жеребец остались в племени. Серый красавец потерян был мною безвозвратно.

Прибыв в Ван, полк расположился на старом биваке. Рядом уже стояли 1-й Таманский полк и 4-я Кубанская батарея. Закаспийская казачья бригада собралась вновь вместе. Через несколько дней в город вошла и 2-я Забайкальская казачья бригада генерала Трухина.

…В нашем полку среди молодежи полушутливо-полусерьезно говорилось о возможном образовании здесь «Ванского казачьего войска». Мы были тогда «империалисты», мы — это армия, будь то русские или казачьи части, и считали, «что завоевано оружием, кровью — то должно быть наше». А смертельная вражда между армянским и курдским населением требовала постоянной «третьей силы» для их умиротворения. Вот и говорили мы тогда «о Ванском казачестве»…

Встреча с 1-м Хоперским полком

Мы беспечно отдыхали в Ване, как вдруг пронесся совершенно невероятный слух, что с юго-востока по нашим недавним боевым следам в Ван идет знаменитая Кавказская кавалерийская дивизия генерала Шарпантье. В ее составе находился и наш 1-й Хоперский полк — старейший в Кубанском войске. Говорили, что эта дивизия переброшена с Юго-Западного фронта в Персию, обогнула с юга Урмийское озеро и теперь идет

к нам на соединение. Это была привилегированная кавалерийская «полугвардейская», как ее заслуженно считали, дивизия.

Слух скоро подтвердился. На наш бивак въехал квартирьер, он же адъютант 1-го Хоперского полка хорунжий Жорж Ларионов, наш общий друг и сверстник, выпуска 1912 года казачьей сотни Николаевского кавалерийского училища. На поджаром караковом горбоносом кабардинце, в черной запыленной черкеске, на которой красовались адъютантские аксельбанты и орден Св. Владимира 4-й степени с мечами и бантом, он взбудоражил нас. Восторг многочисленных хорунжих-кавказцев бросил его в их объятия, они забросали Жоржа вопросами:

— Откуда ты? Где ваш полк? Правда ли, что он идет сюда, к нам?

В маленькой черной каракулевой папахе, глубоко надвинутой до самых бровей, с тонким профилем красивого и мужественного лица, с глубокой и уверенной посадкой в седле, он скромно, почти по-детски улыбаясь, отвечал нам:

— Конечно, наш полк идет сюда. Как видите, я прибыл квартирьером.

Мы дружески, без всякой зависти, бросали свои взгляды на его орден, сразу же проникшись убеждением, что наш Жорж есть, безусловно, отличный боевой офицер. В чине хорунжего и в самом начале войны он уже имел этот орден, даваемый в мирное время только за «25 лет честной и беспорочной службы в офицерских чинах», как обыкновенно писалось в реляциях. В нашей бригаде этого ордена еще никто не имел.

У нас экстренное собрание всех офицеров на тему — как встретить родной по войску полк?

Решено — каждая сотня готовит обед и фураж для лошадей «однономерной» сотни хоперцев. Офицеры угощают офицеров.

С этим вопросом старший среди нас, командир 4-й сотни, пятидесятилетний есаул Калугин, ветеран полка, обратился к полковнику Мигузову. И каково же было наше удивление, как и возмущение, когда мы узнали, что командир полка «не разрешает делать встречу».

Офицеры-кавказцы жили очень дружно между собой. 30-летняя служба полка в Закаспийской области, изолированного от всех, выработала в них чувство военного товарищества, чести и гордости за полк. Мигузов, терский казак, не любил кубанцев. Это мы знали.

— Ну и не надо!.. — загомонили все и решили: — Сотни угощают на свои сотенные артельные экономические деньги, а мы, офицеры, — на свой счет.

Это означало, что угощение шло не на полковой счет.

Общество офицеров полка в императорской армии имело свои права.

Кавалерийская дивизия была уже в нескольких верстах от Вана, когда мы, три офицера, подъесаул Маневский, хорунжие Кулабухов и Елисеев, выехали ей навстречу. Под чахлыми, обветренными деревьями у горной дороги мы нашли спешенный штаб дивизии. Солидный и довольно рослый генерал лет пятидесяти, брюнет, платком вытирал пот со слегка лысеющей головы. Это и был начальник дивизии генерал Шарпантье. Старший из нас, подъесаул Маневский, представившись ему, доложил о нашей миссии. Генерал, не подавая нам руки, барским тоном кавалерийского офицера ответил:

— Паж-жялуста… нэ двэ чэс-са хэперцы мог-гють к вэм зэйехать…

По-русски, в переводе «с гвардейского», это звучало так:

— Пожалуйста… на два часа хоперцы могут к вам заехать. Маневский, козырнув, спросил:

— А где же 1-й Хоперский полк, ваше превосходительство?

— В эррь-ер-гэрди… (в арьергарде), — небрежно протянул он, при этом все время ударяя стеком по голенищу сапога.

Нам, казачьим офицерам, было очень неловко от такого холодного приема. Мы стояли и рассматривали штаб Кавказской кавалерийской дивизии и самого генерала Шарпантье. Он — «большой барин» и «с кавалерийским шиком» офицер. На нас, казачьих офицеров, генерал смотрит как бы снисходительно. И ответив на два вопроса Маневского, больше ни о чем его не спросил. Маневский, умный и воспитанный офицер, окончивший Московский кадетский корпус и казачью сотню Николаевского кавалерийского училища, то есть пройдя тот же метод и курс военной подготовки, что и Шарпантье, соблюдая личное достоинство и гордость, не задал ему больше никаких вопросов.

Штаб дивизии небольшой. Офицеры и ординарцы очень подтянуты. У офицеров на козырьки фуражек надеты длинные зеленые целлулоидные козырьки против солнца. Все они с интересом и молча, слыша этот диалог, рассматривали нас, представителей легкой казачьей иррегулярной конницы. Потом генерал Шарпантье, медленно повернувшись к своим офицерам, тихо, спокойно произнес:

— Пэ кэн-нем… сэ-эд-дис-сь…

По всей длинной колонне драгун словно долгим эхом пронеслись слова команды:

— Сад-ди-ись… ди-ись… ди-ись… Колонна двинулась.

Мы видим конные полки славной русской кавалерии императорской армии в полудикой Турции и с активным

интересом рассматриваем их.

У них отличный конский состав. Лошади очень крупные. Видно, за ними хороший и обязательный уход. Но сейчас они захудалые. По каменистым дорогам и тропам долгого похода по Персии сильно «подбились», и многие из них тяжело и устало передвигают ноги. У драгун по сравнению с казачьим небольшой вьюк и хорошо приторочен к седлу. У рядовых и унтер-офицеров вид хороший и молодецкий. И видно, что они гордятся своими славными полками.

Офицеры подтянуты и все идут, строго держась своего места в строю, как и посадки в седле. Проходя мимо, все молча, с любопытством поворачивают головы, рассматривая нас. Мы отдаем честь проходящим полковым штандартам в чехлах, как и всем офицерам. Хорунжий Владимир Кулабухов встретил здесь многих своих сокурсников по Елисаветградскому кавалерийскому училищу.

Благородная воинская солидарность всегда была, и твердо была, в Русской императорской армии.

Так прошли старые и доблестные драгунские полки Кавказской кавалерийской дивизии — 16-й Тверской, 17-й Нижегородский и 18-й Северский.

Прошли, и после них как бы образовалось мертвое пространство — никого вокруг нас: ни войск, ни людей. И лишь три четверти часа спустя из-за перевала показалась узкая конная лента людей.

Мы сели в седла, зная, что это показались хоперцы. Вот и они…

Впереди — маленький сухонький изящный командир полка полковник Потто. Рядом с ним его помощник и ветеран полка, такой же сухонький и маленький, как и Потто, войсковой старшина Ларионов. Оба в серых черкесках и черных бешметах. Они — словно братья-близнецы. За ними — полковой штандарт, хор трубачей, ординарцы. Дальше — шесть сотен полка в длинной колонне по три. Все казаки в однообразных черных небольших папахах безо всякого «залома» их. Все — в защитного цвета гимнастерках, которых наша бригада не имеет. Очень многие украшены Георгиевскими крестами. У казаков резко замечен острый взгляд, воинская подтянутость, хорошо пригнанный вьюк, правильное держание дистанции в строю. С глубокой посадкой в седле на поджарых горных кабардинцах, просящих повода, и отшлифованные кавалерийской чопорностью той дивизии, в состав которой 1-й Хоперский полк входит.

Подъесаул Маневский доложил полковнику Потто, что кавказцы приглашают хоперцев к себе в гости на обед и фуражное

довольствие прямо с похода, на что дал согласие их начальник дивизии. Потто приятно улыбается, благодарит нас за внимание, и его полк под бравурные звуки полковых трубачей и с заливными песнями в сотнях весело, шумно вошел в Ван, следуя к биваку нашего полка. Армяне высыпали из своих домов и радостно смотрели на молодецкий марш казаков. Из швейцарского консульства какие-то фигуры машут нам приветливо платочками.

Выстроенный в пешем строю Кавказский полк встретил хоперцев их полковым маршем. По сигналу штаб-трубача Хоперский полк широким наметом, словно идя в атаку, быстро построил свою полковую резервную колонну и по военной традиции ответил кавказцам их полковым маршем. Потом восторженные клики «ура» обоих полков покрыли всю нашу лощину, и казачья душа от восторга этой воинской встречи щемяще и горделиво полетела вверх, к небесам…

Кавалерийские перестроения и церемонии исключительно красивы. И одна из этих церемоний — «под штандарты» — в особенности. Она совершается в абсолютно полной тишине конного строя, под бравурно однотонные звуки трубачей, когда только цокот конских копыт да пыль от всадников, привозящих или увозящих свой полковой штандарт, адъютанта, штандартного урядника и его ассистента-урядника нарушают эту мертвую тишину строя.

Наконец окончилась и эта классическая воинская церемония — постоянная, несмотря ни на какую погоду и местность — полковое святое таинство. Полковник Потто взмахом своей плетки спешил полк.

Быстро разбив коновязи и не расседлывая лошадей, отпустив лишь подпруги, казаки закладывают им свежую люцерну кавказцев и потом, сотнями, следуют за командирами сотен и вахмистрами кавказцев в их «нумерные» сотни. Хор трубачей кавказцев встречает и ведет к себе хор трубачей хоперцев, обоз кавказцев — ведет обоз хоперцев. Веселою гурьбой двинулось офицерство обоих полков под дивные тени фруктового сада. Одним словом, встречает и угощает «свой — своих» по рангу, по положению, по номеру сотен.

И вся эта масса людей, около 2000 казаков, раскинулась под открытым небом длинными рядами прямо на земле. Сотни черных казачьих бурок служили «белыми скатертями».

У офицеров стол был более «комфортабелен»: две параллельные канавы до колен и меж ними поросшая травою земля — так же устланная бурками, на которых разостланы салфетки.

И у казаков, и у офицеров вдоволь местного красного вина.

Сытный вольготный обед прошел коротко, по-военному. Не прошло и получаса, как весело заговорил многосотенный казачий бивак. Со всех сторон двенадцати широко разбросанных сотен полились веселые песни. Грянуло два хора полковых трубачей. Рванулся разухабистый «казачок». Понеслась классическая кавказская лезгинка. И переплетясь исстари братским общением, два казачьих полка сплелись вместе, словно два брата родных и неразлучных, что и не отличишь — где хоперец, где кавказец-То была картина доподлинного казачьего братства и не «стремя к стремени по-казачьи», а прямо-таки «обе ноги в одно стремя». И лишь более степенные вахмистры и урядники, стоя небольшими группами сторонкой, подтянутые и молодецкие, словно оберегая гордость и достоинство всяк своего полка, с вежливым обращением на «вы» друг к другу вели ласковый разговор, конечно, о делах своего полка или сотни, дипломатично интересуясь внутренними порядками другого полка. Им незаметно вторили офицерские конные вестовые казаки и даже денщики, стоя у своих палаточек. У них ведь тоже «своя корпорация», свои интересы, свои заботы, свои радости да и… горести.

И все это «живая быль», показатель дружбы, неразрывного братства и горделивого достоинства казачьего.

Это был день незабываемый для обоих полков, радостный и более чем праздничный в нашей всегда тусклой боевой обстановке.

А у господ офицеров? Полковник Потто приглашен был к себе нашим командиром полка. Он, единственный из полка, жил в доме, но не в палатке. Итак, офицеры двух полков были предоставлены самим себе, что всегда так приятно, когда нет среди них высшего начальства, могущего их цукать. И самый старший среди нас оказался хоперец, войсковой старшина Ларионов, признанный душа-человек. В нашем полку не было штаб-офицеров. И вот — под ласкающей тенью дивных чернослив, осыпанных обильным урожаем, в своем безудержном порыве гостеприимства — «левый фланг» многочисленных хорунжих-кавказцев после необходимых официальных тостов «вырвал» власть у «правого фланга» матерых есаулов, уже затянул нашу, общую для всех кавказских войск традиционную застольную песню:

Нам каждый гость дается Богом,
Какой бы ни был он среды,
Хотя бы в рубище убогом,

Алла-верды, Алла-верды…

В ответ, также по традиции, несутся шумные овации хоперцев:

— Якши иол!.. Чох саул! — И стаканы вновь полны…

— Славному и дор-рогому нам Пер-рвому хоперскому полку «Мравол джамие»!.. — кричит-провозглашает кто-то — и все офицеры по традиции поднимаются на ноги и торжественно, словно гимн, поют эту замечательную и музыкальную грузинскую песнь «Многие лета».

Поток прорвавшейся наружу дружбы и веселья готов был затянуться до бесконечности, но вернулся с обеда полковник Потто и поднял всех с бурок на ноги.

Поблагодарив кавказцев за столь широкое радушие, он тут же сказал своему полковому адъютанту хорунжему Ларионову только два слова:

— Жорж, генерал-марш!

Ординарец «на носочках» побежал в полк, и… полились дивные, будирующие своей нежностью и воинской истомой звуки походного марша, зовущие к боевому выступлению:

Всадники-други, в поход собирайтесь,
Радостный звук вас ко Славе зовет,
С бодрым духом, храбро сражайтесь,
За Великую Русь сладко и смерть принять…

У всех «хворь веселия» как рукой смахнуло. До того беззаботно веселящийся бивак взметнулся, словно огнем потревоженный муравейник. С разных сторон бивака хоперцы быстрым, легким кошачьим бегом бросились к своим коновязям. Конные вестовые быстро подали офицерских лошадей. Все закипело на биваке такой быстротой, словно на него напал враг. Но… то была самая обыкновенная казачья воинская сноровка, выполняемая под звуки походного марша.

Ровно в пять минут 1-й Хоперский полк был готов. Два часа времени, данные генералом Шарпантье, закончились быстро и незаметно для всех. Вновь с песнями, но уже более гиковыми, Хоперский полк, эскортируемый всеми офицерами-кавказцами, с полковым хором своих трубачей вытянулся по длинной главной улице Вана, шпалерами усеяв обочины ее густыми толпами армянского населения.

Это движение Хоперского полка к биваку своей дивизии у восточного берега озера Ван могло быть величественным и

воински импозантным для любой столицы мира. Но здесь, для азиатского города, это было что-то небывалое за все его многие века существования. Впереди — человек сорок офицеров, как у всех кавказцев, одетых в разноцветные черкески, в разнообразные папахи, на разнообразных лошадях, но всяк по-своему хорош, красив и привлекателен. Два полковых оркестра трубачей по очереди гремят бравурными маршами, а позади них каждая сотня в отдельности, числом шесть, — заливаются воинственными песнями. С расширенными от радости глазами жители-армяне влюбленно смотрели на казаков. Из окон французского консульства две воздушные феи, как все француженки красивые и соблазнительно пикантные, слали нам воздушные союзнические поцелуи, от которых два десятка сотников и хорунжих обоих полков жестоко ерзали в седлах, нарушая строевой порядок…

Далеко за полночь, когда все четыре полка Кавказской кавалерийской дивизии спали сном праведным и когда нас покинули все старшие офицеры, группа неугомонных и любвеобильных хорунжих обоих полков, сидя на бурках и испив до дна «чашу дружбы», расцеловавшись на прощание, разошлись, разъехались по своим бивакам, чтобы почти ни с кем не встретиться н и к о г д а… Рок войны висел уже над многими. Революция и Гражданская война унесли их в лучший мир. И среди первых — любимца 1-го Хоперского полка и их адъютанта хорунжего Жоржа Ларионова. В чине подъесаула он был расстрелян местными красными в своем Баталпашинском отделе в 1918 году, до прибытия туда войск Белой армии, как видный и очень популярный офицер среди хоперцев.

В 1910 году он окончил Владикавказский кадетский корпус (второй выпуск) и в 1912 году портупей-юнкером казачью сотню Николаевского кавалерийского училища в Петербурге — по своим качествам он подавал большие надежды. Поэтому-то он и был расстрелян красными.

В Гражданской войне 1918–1920 годов его сверстники доблестно командовали полками, многие погибли в боях за честь Отчизны…

Кто поймет эту печаль нашу?

Офицеры 1-го Хоперского полка перед войной и их судьбы

Для войсковой истории помещаю список господ офицеров 1-го Хоперского полка перед самой войной 1914 года согласно высочайшему приказу.

По мобилизации 1-й Хоперский полк из 2-й Кавказской

казачьей дивизии генерала Абациева переведен в состав Кавказской кавалерийской дивизии вместо 1-го Лабинского полка Кубанского войска.

Командир полка полковник Потто Александр Васильевич, с 2 июля 1914 года. Родом не казак, сын известного кавказского военного историка генерал-лейтенанта Василия Александровича Потто. Умер генералом.

Отец Потто в 1870–1882 годах был начальником Оренбургского казачьего юнкерского училища.

Войсковые старшины:

Соколов Иван и Беломестнов Петр.

Есаулы:

Некрасов Николай, Несмашный Андрей, Говорущенко Сергей, Ларионов Григорий (отец), Сахно Михаил.

Подъесаулы:

1. Яготинцев Арсений.
2. Нефедьев Венедикт.
3. Капуста Петр.
4. Ильин Феодор.
5. Косякин Михаил.
6. Голощапов Николай.
7. Толмачев Косьма.
8. Гречкин Илья.
9. Якушев Григорий.
10. Дуденко Григорий.
11. Пегушин Валентин.
12. Князь Амилахвари Н.
13. Кузнецов Петр.
14. Уклейн Александр.

Сотники:

1. Кравцов Дмитрий.
2. Положенцев Георгий.
3. Скляров Феодор.
4. Шкуро Андрей.
5. Панов Захарий.
6. Колесников Владимир.
7. Кузнецов Михаил.
8. Белофастов Анатолий.
9. Стояновский Борис.
10. Цвешко Василий.

Об офицерах в чине хорунжего указываю и судьбу их, которая мне точно известна. Хорунжие:

1. Соломахин Михаил, казак станицы Некрасовской Майкопского отдела. Из старших портупей-юнкеров выпуска 1911 года Елисаветградского кавалерийского училища. Высочайшим приказом 5 октября 1914 года произведен в сотники. Дослужился до генерала. Выдан в Лиенце. Кавалер ордена Св. Георгия 4-й степени.

2. Бут Михаил. Окончил гимназию. В 1909 году поступил на двухгодичный курс в Оренбургское казачье военное училище. Исключительных способностей в науках — окончил портупей-юнкером в 1911 году. В первый же год службы в полку, в Кутаиси, разбился на маловыезженной лошади.

3. Хорунжий Ларионов (сын). О нем рассказывалось ранее.

4. Синьков Яков. В 1909 году поступил в Оренбургское казачье училище и окончил его в 1912 году старшим портупей-юнкером. Погиб в боях против красных в 1918 году под станицей Баталпашинской.

5. Хорунжий Станицкий, выпуска 1912 года Николаевского кавалерийского училища.

6. Хорунжий Несмашный, того же года выпуска и училища, из портупей-юнкеров.

7. Грамотин Александр. Выпуска 1914 года из портупей-юнкеров Николаевского кавалерийского училища. Есаул, жил в Сан-Франциско.

8. Хорунжий Ожаровский, того же выпуска Елисаветградского кавалерийского училища.

9. Хорунжий Милашевич, того же выпуска Николаевского кавалерийского училища.

10. Ассиер Георгий, того же выпуска Оренбургского казачьего училища. В чине полковника и будучи командиром 1-го Хоперского полка в ноябре 1919 года под Осколом тяжело ранен в позвоночник, эвакуирован и, не доезжая до Екатеринодара, умер от раны.

11. Жигайлов Александр. Окончил Майкопское реальное училище и Оренбургское казачье училище. Убит в бою на Западном фронте.

12. Хорунжий Ищенко, 1914 года выпуска Николаевского кавалерийского училища.

13. Таран Иван. Казак станицы Пашковской. Сын вахмистра войскового хора. Окончил Екатеринодарское реальное училище и Оренбургское казачье училище. Убит на Западном фронте.

14. Прощенко Яков. 1914 года выпуска Оренбургского

казачьего училища. Командир сотни Партизанского отряда войскового старшины Шкуро. При возвращении из Персии на Кубань в марте 1918 года на станции Кавказской арестован военно-революционным трибуналом и расстрелян. По отзыву Шкуро, был выдающийся во всех отношениях офицер.

15. Боровик Сергей, из портупей-юнкеров Оренбургского казачьего училища выпуска 1913 года. Перед войной переведен в 1-й Екатеринодарский полк. В чине полковника в 1920 году остался на берегу Черного моря в Адлере в составе капитулировавшей Кубанской армии.

16. Валуйский Борис, из портупей-юнкеров Оренбургского казачьего училища выпуска 1913 года. По мобилизации назначен в 3-й Хоперский полк, где был полковым адъютантом.

По объявлении войны часть офицеров первоочередных полков были командированы для формирования льготных полков. Из 1-го Хоперского полка в станицу Баталпашинскую был откомандирован сотник Андрей Григорьевич Шкуро, назначенный в 3-й Хоперский полк. Это — будущий герой Кубани генерал Шкуро.

Из перечисленных старших офицеров-хоперцев в высочайшем указе сказано следующее:

1. Полковник Никитин Семен по мобилизации назначен командиром 2-го Хоперского полка.

2. Войсковой старшина Соколов Иван назначен командующим 3-м Хоперским полком.

3. Есаул Некрасов Николай — во 2-й Хоперский полк. Убит 24 ноября 1914 года у села Хухлива. Награжден орденом Св. Георгия 4-й степени за конную атаку во главе трех сотен, в результате которой взято четыре неприятельских орудия.

Полковники Ларионов и Толмачев в преклонных годах умерли в Югославии.

Подъесаул Гречкин награжден орденом Св. Георгия 4-й степени. Весной 1919 года на Маныче командовал 1-м Таманским полком в 3-й Кубанской казачьей дивизии генерала Бабиева.

Рейд конного отряда генерала Шарпантье

Командующий Кавказской армией генерал Юденич решил произвести конный рейд по Персии, начиная от Тавриза и вокруг Урмийского озера.

Весь конный отряд под командой генерала Шарпантье состоял из шести полков: трех драгунских — 16-го Тверского, 17-го Нижегородского и 18-го

Северского, трех казачьих — 1-го Хоперского Кубанского войска, 3-го Верхнеудинского и 2-го Аргунского Забайкальского войска и 2-й Забайкальской казачьей батареи при 12 горных. 10 полевых орудиях и 8 пулеметах. Тогда в каждой дивизии была дивизионная пулеметная команда в 8 пулеметов системы «Максим» на двуколках, могущая переходить на вьюки.

Выступив 9 мая из Тавриза, 3-я Забайкальская казачья бригада все время шла в авангарде отряда, ровно на один переход.

Задача, поставленная отряду при движении его кругом Урмийского озера, была выполнена. Движение конной массы произвело колоссальное впечатление на полудиких курдов и на все население. Длительное стройное движение массы конницы, с большим количеством артиллерии и пулеметов, бесконечными колоннами в воображении местного населения приняло грандиозные размеры. Курды после целого ряда понесенных ими неудач затихли. Наконец, конный отряд выяснил полное отсутствие регулярных сил турок на персидской территории…

Дальше конный отряд спокойно прошел к городу Дильмар, а 6 июня вошел в Ван в составе 4-го Кавказского армейского корпуса.

На всем пути от Дильмара… отряд никаких столкновений с курдами не имел… несмотря на 800-верстный пробег — конница прибыла к левому флангу 4-го Кавказского армейского корпуса в прекрасном виде.

В конце июня туда же прибыла 4-я Кубанская пластунская бригада, которая была влита в боевое расположение корпуса, от реки Евфрат до западных берегов Ванского озера.

Она, как и Кавказская кавалерийская дивизия и 3-я Забайкальская казачья бригада, была переброшена в отряд генерала Назарбекова.

Живая связь через озеро Ван

Мы, строевые офицеры, тогда смутно знали о наступлении своих же соседних войск.

Вдоль южного берега озера Ван направился отряд генерала Трухина в составе 2-й Забайкальской казачьей бригады, батальона и конной сотни пограничников, 2-й

Кавказской горной батареи и четырех армянских дружин с задачей наступать южным берегом Ванского озера, обеспечивая крайний левый фланг 4-го Кавказского армейского корпуса. Энергично развивая наступление, генерал Трухин далеко отбросил турок и вышел к западной оконечности Ванского озера у села Сорп. Это около 50 верст от Бит лиса.

В штабе нашей бригады получен приказ-телеграмма из ставки командующего Кавказской армией генерала Юденича:

«Полусотне пеших казаков от бригады с одним орудием и двумя пулеметами — на плоту дойти до западных берегов Ванского озера у города Ахлат и войти в живую связь с русскими войсками, которые должны быть там к такому-то числу месяца. Ввиду опасности экспедиции начальник этого отряда должен быть офицер-охотник, которому обеспечивается орден Св. Станислава 2-й степени с мечами. Офицерам же — артиллеристу и пулеметчику — очередные боевые награды. Всем казакам — Георгиевские кресты».

Полусотню казаков и офицера-охотника штаб бригады назначил от нашего полка.

Полковой адъютант хорунжий Николай Леурда собрал всех нас, хорунжих, и, прочитав это распоряжение, именем командира полка запросил:

— Кто хочет быть начальником этой экспедиции? — Сказал и улыбнулся. Мы, семь хорунжих, молча переглянувшись между собой, также улыбнулись.

Случаи «офицеров-охотников» в нашем полку, да и во всей бригаде, не практиковались, и считалось это предосудительным. Кроме того, разведка по озеру на плоту, который будет тянуть моторная лодка, совсем не укладывалась в наших головах. Одно дело идти на разведку на коне, когда сам во всем хозяин, и совсем другое — беспомощно болтаться по озеру, да еще на плоту…

— Один турецкий артиллерийский снаряд с берега и… плот пойдет ко дну… — сказал Кулабухов.

— А если в Ахлате не будет наших войск, не успеют подойти, то турки, подпустив к берегу, возьмут всех в плен… — говорили Некрасов и Винников с усмешкой.

В общем, все мы отказались «от добровольных начал», но «если кого назначат — приказ исполним».

Командиры сотен полностью сочувствовали нам и считали восстановление таким образом живой связи странным при наличии в нашей бригаде «искровых станций».

И каково же было наше удивление, когда в эту авантюру, как все ее прозвали, добровольно назвался пожилой семейный офицер, командир обоза 2-го разряда подъесаул Ламанов, казак станицы Кавказской.

— Что с тобой, Петя? — спрашивали его старшие офицеры.

— Да хочу заслужить хоть один боевой орден… а то война может скоро окончиться, и стыдно будет возвращаться домой, не имея такового, — мягко, словно виновато, улыбаясь, заявил он — маленький щупленький офицер, которого все любили и уважали. Нам, молодежи, стало стыдно… Мы просто струсили.

На берег озера Ван провожать отряд прибыл весь штаб бригады и почти все офицеры. От 4-й Кубанской батареи «охотником» плыл сотник Михаил Миронов (старший брат). От бригадной пулеметной команды — хорунжий Миша Васильев, любимец всех. Плот, на котором едва поместилась пешая полусотня наших казаков-кавказцев, одно орудие и два пулемета с прислугой, представлял собой открытую площадку, впереди которой была небольшая моторная лодка. Офицеры и сам генерал Николаев, хотя и шутили между собой об этой экспедиции, но в душе тревожились.

На удивление, урядники и казаки были веселы. В течение всей войны было заметно, что казаки любили всякие рискованные предприятия.

Расстояние от Вана до Ахлата по прямой линии свыше 100 верст. Берегов Ахлата, за дальностью расстояния, не видно. Под дружеские пожелания всех плот медленно поплыл по большому безбрежному озеру, на котором не видно было ни одной рыбачьей лодки. С тревогой за судьбу людей мы вернулись на свой бивак. И какова же была наша радость, когда дня через два они благополучно вернулись и Ламанов доложил, что в Ахлате их встретил 1-й Лабинский полк, который только что занял этот городок. Лабинцы были удивлены прибытием казаков «из-за моря», почему и встретили с глубоким восторгом, как и недоумением.

Так как это была исключительно опасная военная экспедиция, в которой офицеры и казаки участвовали по добровольному желанию, то боевые награды за нее вышли очень скоро, чем и порадовали всех, а подъесаул Петр Антонович Ламанов был признан всеми героем события. Он оказался смелым офицером.

Есаул Ламанов и его судьба

В сентябре 1916 года наша дивизия прибыла на отдых из-под Эрзинджана в район крепости Каре. Командиром полка был

знаменитый полковник Эльмурза Мистулов. В полк приехали многие жены офицеров. На удивление, прибыло много жен урядников и казаков. Было радостно и приятно от этого. Полк пышно справлял наш войсковой и свой полковой праздник, который был в один и тот же день — 5 октября старого стиля. Торжественное богослужение, парад полку, полковая призовая джигитовка, улучшенный обед в сотнях с напитками, а у офицеров — общий обед с дамами, впервые после Мерва, то есть с начала войны. Сколько было радости!

Мы, былая «зеленая молодежь» хорунжих, стали уже старшими офицерами полка, в чине подъесаула, со многими боевыми орденами, и ниже нас — много молодых хорунжих и прапорщиков. Наши былые есаулы и подъесаулы стали штаб-офицерами. На общий офицерский обед прибыли все при старших орденах. Ламанов же только в чине есаула, все также командир полкового обоза. К нему прибыла супруга с двумя детьми, родом терская казачка. И вот, когда есаул Ламанов появился в офицерском собрании с единственным боевым орденом Св. Станислава 2-й степени с мечами, который надел впервые, мы искренне поздравляли его, и он оказался наиболее почетным и заслуженным по вниманию к себе нас всех потому, что он его заслужил, идя на риск добровольно.

Таков финал этой странной разведки по озеру-морю Ван.

Фотографический снимок всех офицеров полка в тот памятный день при боевых орденах дошел до наших дней и является историческим для Кубанского войскового музея. Он — в книге.

Есаул Ламанов — казак станицы Кавказской, старовер, сын казачьего историка войскового старшины Антона Даниловича Ламанова, соратника генерала Скобелева по Туркестану. Окончил 3-й Московский кадетский корпус и казачью сотню Николаевского кавалерийского училища. Хорунжим вышел в 1-й Кубанский генерал-фельдмаршала великого князя Михаила Николаевича полк, в Каракурт. Потом перевелся в пограничную стражу того же района, а в 1911 году — в свой по рождению полк, в 1-й Кавказский. Первопоходник. Во втором походе на Кубань был командиром сотни нового по составу 1-го Кавказского полка и после пошел по интендантству. В 1920 году есаулом и корпусным интендантом остался в составе Кубанской армии на берегу Черного моря у Адлера. Прошел советские лагеря и тюрьмы Екатеринодара, Ростова, Костромы, Москвы, Екатеринбурга и в 1921 году в Пензе «неожиданно» умер, как писали из станицы.

Его старик отец, «со скобелевской бородой», был сослан в Холмогоры в 1920 году в числе 6000 кубанских офицеров,

чиновников, вольноопределяющихся и станичных атаманов, действительной службы и отставных, арестованных во время десанта на Кубань из Крыма. Выделив офицеров специальных войск, всех остальных расстрелял красный мадьярский караул на Северной Двине, как передавали офицеры-специалисты. Так погиб соратник Скобелева, старик Ламанов. Собранный им исторический материал о Кавказском полку со дня его существования — неизвестно где.

Так гибнет многое ценное под колесами красного террора и истории, оставляя в сердцах друзей и соратников грусть, жалость и щемящую боль о многом безвозвратно потерянном.

Тетрадь шестая

Казачьи силы в 4-м Кавказском корпусе

Южнее хребта Шариан-даг на правом фланге корпуса действовала 2-я Кавказская казачья дивизия шестиполкового состава генерала Абациева: 1-й Лабинский, 1-й Черноморский, 3-й Черноморский и 3-й Запорожский Кубанского войска, 3-й Кизляро-Гребенской и 3-й Волгский Терского войска полки, 1-я и 5-я Кубанские казачьи батареи.

На главном участке корпуса, между рекой Евфрат и Ванским озером, действовала 66-я пехотная дивизия, восточнее которой была влита 4-я Кубанская пластунская бригада с 19, 20, 21 и 22-м батальонами.

Еще восточнее, по северо-западному берегу Ванского озера, действовал конный отряд генерала Шарпантье в составе 3-й Забайкальской отдельной казачьей бригады генерала Стояновского (кубанский казак) и Кавказской кавалерийской дивизии, в которую входил 1-й Хоперский полк Кубанского войска.

По южному берегу Ванского озера вторично наступал новый отряд генерала Трухина, состоявший: из 2-й Забайкальской казачьей бригады (2-й Читинский и 2-й Нерчинский полки), 4-й Забайкальской казачьей батареи, четырех армянских дружин, батальона пеших и сотни конных пограничников, 2-й Кавказской конно-горной батареи (не казачьей).

Закаспийская отдельная казачья бригада генерала Николаева включала: 1-й Таманский и 1-й Кавказский полки, 4-ю Кубанскую казачью батарею, оставленную в резерве в Ване.

С самого начала войны действовавшая в Персии 4-я Кавказская казачья дивизия включала: 1-й Полтавский, 3-й Таманский, 3-й Кубанский Кубанского войска, 1-й Сунженско-Владикавказский Терского войска полк оставался в районе Бешкала.

> О коннице 4-го корпуса генерал Масловский пишет: «В составе 4-го Кавказского армейского корпуса ко времени решительного наступления его было сосредоточено 115 сотен и эскадронов. Между тем вся эта крупная масса конницы была разбросана по всему обширному фронту… 29 июня из конного отряда генерала Шарпантье были взяты 1-й Хоперский полк и 3-я Забайкальская казачья бригада и направлены на

разные участки фронта. Через три дня из состава того же конного отряда командиром корпуса был взят 16-й драгунский Тверской полк.

4-я Кубанская пластунская бригада и 1-й Лабинский полк были направлены уже на юго-запад… Несмотря на указанный разброс сил и полное отсутствие управления, части корпуса постепенно продвигались вперед».

Эти строки привожу для того, чтобы показать, что мы били «растопыренными пальцами»…

Отступление

Что же происходило в это время у турок?

«9 июля правофланговая группа 3-й Турецкой армии, руководимая Абдул Керим-пашой, всеми силами перешла в решительное наступление против 4-го Кавказского корпуса, охватывая его правый фланг.

На усиление правого фланга была брошена Донская пластунская бригада. Но это не спасло положения. Корпус отступал.

10 июля 22-й Кубанский пластунский батальон в течение дня вел бой. Батальон, оставленный один, доблестно сражался и к вечеру, постепенно, отошел в направлении Мелязгерта.

5-й Кавказский стрелковый полк и 19, 20 и 21-й батальоны 4-й Кубанской пластунской бригады после боя с противником, пытавшимся охватить фланги отряда, стали отходить.

Генерал Шарпантье с двумя полками своей дивизии — Нижегородским и Северским драгунскими, — выйдя к Мелязгерту, вокруг которого шел упорный бой, повернул назад…

Города Мелязгерт и Дутах были сданы туркам. Войска не удержались на Клыч-Гядукском перевале из-за массы армянских беженцев, толпами двинувшихся в сторону русской границы.

20 июля части отступили в долину Кара-Килиса, а затем начали подниматься по склонам пограничного хребта Агри-даг…

Остальные части без боя отходили на восток», — с грустью писал Масловский.

Наш полк

С Кубани в наш полк в город Ван прибыли и зачислены в списки полка новые офицеры:

1. Полковник Ташлинцев, из отставки. Дряхлый старик, бывший офицер 1-го Урупского полка, который после 1905 года переименован высочайшим приказом в 1-й Линейный Кубанского войска.

2. Есаул Лытиков Леонид, наш старый кавказец, переведенный по личному желанию из 2-го Кавказского полка с Юго-Западного фронта.

3. Прапорщик Бабаев Павел. Окончил Владикавказский кадетский корпус и восьмимесячный курс Михайловского артиллерийского училища — по личному ходатайству назначен в наш полк «для совместного служения с родным отцом», подъесаулом Бабаевым Иваном Терентьевичем.

4. Прапорщик Фендриков Филипп. Окончил Майкопское реальное училище и ускоренный курс Оренбургского казачьего училища.

Это были первые прапорщики в нашем полку. Вполне интеллигентные молодые люди, они ласково были приняты нами, «старыми уже хорунжими», как мы считали себя.

В полку не было помощников командира полка ни по строевой, ни по хозяйственной части, и Ташлинцев прибыл занять обе эти должности.

Познакомившись ближе с ним, многие из нас открыто говорили между собой так:

«Ну зачем власти потревожили старика из отставки? И зачем он нам такой, совершенно отсталый и в воинских науках, и в своей психологии?»

К тому же у нас в полку уже были старые есаулы, вполне достойные занять любую должность помощника командира полка.

Есаул Лытиков, наш старый и уважаемый кавказец, со всеми старыми офицерами дружественный и на «ты», но… Подъесаулу Маневскому, как самому младшему в чине командиру сотни, пришлось свою должность сдать Лытикову. И хотя мы знали и понимали всю правильность воинского старшинства в чинах, многих из нас это задело. Задело из глубокого уважения к Маневскому, признанному выдающимся офицером во всей бригаде и так всеми уважаемому. И это после того, как, почти год командуя 3-й сотней на фронте, он сделал ее самой лучшей в полку. Полковник Мигузов, умный командир полка, сам видел всю эту несуразность и, чувствуя неловкость перед благородным

Маневским, командировал его в тыл, к Баязету, «провериквизировать» обоз 2-го разряда. Не назначать же его, старого офицера, подчиненным в сотню! Сам Маневский ни одним словом не выразил неудовлетворения. Да и бесполезно это было. Военная служба построена на строгой иерархии, и этим сильна армия любого государства.

У меня стал новый сотенный командир. Он был им недолго…

Исход из Вана

Неожиданно город Ван наполнился русскими солдатами, отошедшими неизвестно откуда. Нашим полкам приказано быть наготове. Вернулась в Ван и 2-я Забайкальская казачья бригада генерала Трухина. Вдруг нашей Закаспийской бригаде приказано спешно выступить из города и скорым шагом следовать к Баязету с предупреждением — как можно скорее пройти 20-верстное Бегри-Калинское ущелье. Бригаде Трухина приказано остаться в Ване. Его Кавказский полк передал курдов-заложников с Бегри-беком во главе. И лишь, выйдя из города, мы поняли, что на фронте произошло что-то страшное, так как, насколько хватало глаз по дороге на север и по сторонам, все усеяно армянами беженцами, сплошь идущими пешком, с узлами на плечах, редко на арбах, на буйволах, на коровах верхом…

Головной, вслед за штабом бригады и штабом полка, шла наша 3-я сотня. От нее выслан вперед взвод казаков под моим командованием, чтобы «расчищать дорогу» для проходящих войск от 200-тысячной массы беженцев. И каких только ужасов, каких сцен, каких всевозможных трагедий, слез, плача, горестных рыданий мы не повидали тогда там! Жуткий и незабываемый ужас и сострадание чужому горю, которого мы тогда не знали, мы ощутили только потом на себе, после революции-Беженцы все шли и шли, не останавливаясь и ночью, к русской спасительной границе.

Конец июля. В долине Аббата нескошенная трава, сильно побурелая. Два конных полка казаков с конной батареей, свыше 2000 людей и лошадей, широко расположились биваком. К ночи на нем сплошные костры. Фырканье коней, гомон и даже песни казаков. Словно не бивак отступающих войск, а новый победный марш.

Мы, офицеры, собрались у костра, делимся впечатлениями о последних днях и недоумеваем — почему так спешно отступаем? По слухам, Халил-бей прорвался до самой Алашкертской долины. Ну и хорошо: если он прорвался так глубоко, то прямой смысл нашей свежей и первоочередной бригаде через Арджиш ударить

во фланг и тыл его войскам! Так рассуждали мы.

— Хорунжего Елисеева к командиру полка! — слышим мы возглас полковника Мигузова, вышедшего из своей палатки.

— Ну, Федор Иванович, намыливайтесь… Наверно, пошлет в ночной разъезд по Бегри-Калинскому ущелью назад, — пошутил 50-летний есаул Калугин, могикан полка, самый старший среди нас, кавказцев.

Спешно иду к палатке командира полка. Он просит зайти с ним внутрь и, к моему удивлению, совершенно спокойно, как никогда, по-отечески говорит мне:

— Вот что, хорунжий… Из штаба бригады получен приказ: остановиться здесь на дневку. От полка завтра выслать с рассветом три разъезда. Одному из них — проскользнуть назад по Бегри-Калинскому ущелью и узнать, где турки. Если ущелье уже занято, то, конечно, разъезду не проскользнуть… Вы с десятью казаками обойдите ущелье с запада и лишь до половины… осторожно осмотритесь и, если не обнаружите турок, спуститесь в него и вернитесь. А проходить его все не надо, — сказал и выругался по адресу высших штабов. Этим он показал, что полностью переживал то, что и его офицеры полка.

Разъезд прошел так, как приказал Мигузов. С высоких скалистых берегов глубокого ущелья, насколько хватало глаз на юг и на север, по нему частыми пятнами лежали трупы людей. Разъезд спустился вниз. Картина еще более страшная, чем она представлялась сверху. Женщины и дети, одиночками и маленькими группами, видимо семьями, устлали весь путь по ущелью. Изредка попадались мужчины-армяне у своих арб, без буйволов и разграбленных. Все взрослые — с перерезанными горлами, мужчины — со связанными назад руками, дети убиты в голову острыми молотками. Все трупы подожжены. Молодые армянки изнасилованы и застыли, умерли в позорных позах с раздвинутыми ногами и скрюченными коленями, с оголенными от юбок телами до самого пояса… Насилуя женщину, всякий курд, видимо, одновременно перерезал своей жертве горло. Картина была страшная и стыдная…

В ущелье было тихо-тихо. Молчали и казаки. И только птички, перелетая с одного берега *ущелья* на другой, чирикали как ни в чем не бывало, словно говоря: «А где же слава, ваша воинская слава?!»

В «Тифлисском листке» было сказано, что всех армян из Ванского района ушло в Россию около 500 тысяч человек, считая женщин и детей. Сколько же было вырезано — газета не сказала.

Из штаба бригады сообщено, что войска Халил-бея отброшены назад, но нашей бригаде приказано все же идти к

Баязету. И полки, огорченные столь странным и поспешным своим маршем, совершенно не торопясь, ленивым шагом двинулись на север по знакомой долине Аббата, направляясь к Тапаризскому перевалу. Мелкие конные группы курдов на возвышенностях голых кряжей с персидской стороны созерцали наше движение, не открывая по казакам огня.

Прошли так знакомое нам по атаке 23 апреля село Саук-су. Все балки от строений пошли на топливо проходящих частей, а каменные стены строений кучей легли в свое первобытное состояние.

Знаменитый Тапаризский перевал. За десять месяцев войны мы впервые увидели его теперь сухим, без снега. Не торопясь, с передышками, полки поднялись на него и в последний раз оглянулись на широкую и длинную, роскошную долину Аббата, когда-то цветущую жизнью, а теперь пустынную, без людей и скота. И сам Тапаризский перевал, пройденный теперь нами мирно, в сухой жаркий июльский день, был совсем не величествен без снега и не страшен, как было раньше. И там, где в апреле саперы рубили двухсаженный снеговой проход для войск, теперь клубилась под ногами наших лошадей легкая глиняная пыль. И саперами уже расширена и расчищена дорога для колесного транспорта.

На душе было очень грустно. Так тяжело, с боями прошли большой район Турции — и теперь бесславно и… без единого выстрела оставляем его.

Спустившись с перевала, мы вошли в так знакомую нам Баязетскую долину и, к нашему новому огорчению, узнали, что бригаде приказано вновь осесть в селе Диза до нового распоряжения.

Но села Диза уже не было. Глиняные постройки разрушены. Все, что было деревянного в них, пошло на топливо. Все развалилось и представляло грустный финал войны. В нем и в соседних селах жителей курдов уже не было. Все они ушли в горы или к персидской границе, чтобы избавиться от поборов русских войск, которые с ними не церемонились.

Победный лик войны и воинской славы повернулся к нам спиной…

Фланговый удар генерала Баратова

Для ликвидации прорыва турецких войск Халил-бея командующий Кавказской армией генерал Юденич сосредоточил группу войск в 20 батальонов, 36 сотен казаков при 36 орудиях, под начальством генерала Баратова в районе Даяр-Баш-кей. 36

сотен казаков — это была его, Баратова, 1-я Кавказская казачья дивизия.

Каково было состояние в 4-м Кавказском корпусе генерала Орановского? Масловский пишет:

> «…управление совсем выпало из рук командира корпуса. Последний доносил, что он растерял все свои части, что, кроме частей, отходивших вместе с ним на Ахтинский перевал, он не знает, что случилось с остальными войсками корпуса и где они».

Из этого можно заключить, какая серьезная задача возлагалась на ударную группу генерала Баратова. 23 июля, на рассвете, он двинул главные силы пехоты на Клыч-Гядукский перевал, а три полка 1-й Кавказской казачьей дивизии под начальством генерала Рыбальченко — на Дутах. Генерал Рыбальченко, кубанский казак, бывший командир 1-го Кизляро-Гребенского полка Терского войска, в мирное время с которым и выступил на войну, на Западный фронт.

К вечеру 25 июля русская пехота с боем заняла Клыч-Гядукский перевал, а казачья конница, имея во главе движения 1-й Горско-Моздокский полк Терского войска, заняла Дутах. Отступление турок по правому берегу Евфрата было перерезано.

> «При занятии нашей конницей Дутаха, — отмечал Масловский, — были захвачены 300 молодых турецких подпоручиков, только что выпущенных из военного училища в Константинополе и следовавших в части назначения. Одетые с иголочки, с полным офицерским снаряжением, они после продолжительного путешествия так неудачно для них подходили к району боевых действий… Нами было захвачено 10 тысяч пленных, немного артиллерии и часть обозов, а также отбиты все наши обозы, потерянные частями 4-го Кавказского корпуса при отходе их к русской границе. Впечатление от удара колонны генерала Баратова было ошеломляющее».

Таковы были результаты действий доблестного начальника 1-й Кавказской казачьей дивизии генерал-лейтенанта Николая Николаевича Баратова, известного всей российской военной эмиграции.

Генерал Масловский отмечает действия и другого казачьего генерала: «Одновременно начинают теснить турок части 4-го корпуса, перешедшие в наступление под непосредственным

командованием начальника 2-й Кавказской казачьей дивизии генерала Абациева. Государь отметил эту решительную и блестящую победу над турками награждением командующего Кавказской армией генерала Юденича орденом Св. Георгия 3-й степени. Этот же орден был пожалован и главнокомандующему Кавказской армией генералу графу Воронцову-Дашкову».

Печальная история на склонах Большого Арарата

Закаспийской казачьей бригаде приказано расположиться в селе Диза, что южней Баязета, до нового распоряжения. Настроение в полках было тоскливое, так как мы находились в своем «исходном положении», которое было перед Ванской операцией весной этого же года. Психологически войска любят «идти вперед» и не любят возвращаться на старые пепелища. Теперь же мы находились на абсолютно разоренной территории. Мы заскучали.

Последние армянские беженцы еще тянулись к Чингильскому перевалу, чтобы попасть в Россию. У подножия перевала на них напали араратские курды, немногих убили, пограбили. Убили и двух русских солдат. Командование распорядилось наказать курдов. Для этого были назначены две сотни нашего полка — 3-я есаула Лытикова и 6-я подъесаула Бабаева — и конная сотня пограничников ротмистра Королькова (кубанский казак). Всем отрядом поручено командовать полковнику Генерального штаба Бежамбекову, родом армянину. 23 августа отряд сосредоточился у западных отрогов Большого Арарата и двинулся: 3-я сотня прямо на восток по склонам горы, по тропе; 6-я сотня и сотня конных пограничников — по арбяной дороге, идущей по долине у самого подножия склонов; общая встреча назначена у пограничного турецкого поста, на турецко-персидской границе.

Наша 3-я сотня выступила. От нее головным разъездом силой в один взвод казаков назначен пишущий эти строки.

Тропа через склоны пролегала среди сплошных валунов величиной в хату. Только вперед можно выслать головные дозоры. Разъезд прошел до уровня «белой шапки» Большого Арарата, как среди валунов обнаружил пробегавшие фигуры курдов. Устремившись к ним, за перекатом мы увидели их вьючный транспорт с семьями и скотом, уходящий к персидской границе. Бросились за ними и разметали вооруженных курдов, скрывшихся в расщелинах, захватили транспорт. Разъезд вошел в село, находившееся на уровне перевала-«седла» между Большим и Малым Араратом. Чтобы не зарываться дальше, я решил подождать свою сотню.

Приблизительно через час видим, по долине скачет к нам казак и, приблизившись, нервно докладывает:

— Сотня напоролась на засаду курдов… Командир сотни есаул Лытиков тяжело ранен. Вахмистр сотни подхорунжий Дубина убит. 10 казаков тяжело ранены, среди них взводный, старший урядник Сычев-старший, ранено несколько лошадей. Спешенная сотня ведет бой под командой своих взводных урядников. Командир сотни просят вас, ваше благородие, как можно скорее вернуться назад и принять сотню…

Эта весть была неожиданная и грустная. Широким наметом по рытвинам, по болотам, по камышам скачем назад всем взводом и, прискакав, видим следующую картину. Есаул Лытиков лежит на парусиновых носилках с раздробленной и забинтованной до самого паха ногой, весь окровавленный, еще распоряжается казаками. Раненые казаки, так же сильно окровавленные, тяжело стонут, лежа под валунами; возле каждого — свой брат-станичник ухаживает, словами облегчает страдания. Курдские свинцовые большие пули наносят рваные раны. Тут же стоят коноводы. Четыре десятка казаков — все, что осталось от трех взводов, — вверху ведут легкую перестрелку с курдами.

— Ах… зачем вы поскакали вперед и бросили сотню? Вот видите, в каком положении теперь мы… — такими словами встретил меня мой сотенный командир, лежа на носилках.

— Леонид Гаврилович! Я выполнял свою задачу… и не ожидал, что с сотней это случится, — оправдываясь, докладываю ему, зная точно, что в этом деле я совершенно невиновен.

— Да, конечно… А фураж в сотне есть? Вы распорядитесь там и… И, я смотрю, есаул закрыл глаза и будто спит уже. Сотенный

медицинский фельдшер Пилипенко, казак станицы Расшеватской, кивает мне, чтобы я не разговаривал больше, и тихо шепчет:

— Они бредят… это уже было. Не трогайте их.

Я оставляю всех раненых и коноводов и со своим спешенным взводом быстро бегу вверх, к сотне. Залегшие за булыжниками казаки куда-то стреляют. Из глубокой расщелины взводные урядники Терешин Куприян, Гнездилов Роман и младшие урядники Асеев и Гречишкин на носилках выносят тяжелое тело своего вахмистра сотни, подхорунжего Дубины. Все мы сняли папахи и перекрестились. Картина была удручающая. И не верилось, что это лежит наш геройский вахмистр, которого мы все видели часа три тому назад, как всегда, молодецким и жизнерадостным.

Как человек предчувствует смерть… Подхорунжий Дубина, имевший передо мной одну дисциплинарную вину, которую я ему

простил, но забыть которую все же не мог, рекомендовал мне сегодня взять в разъезд 1-й взвод с урядником Никоном Нешатовым, почти сплошь состоявший из казаков станицы Казанской. Вахмистр был особенно любезен, словно таким своим поведением просил забыть о случившемся и не сердиться. Глядя тогда на него с седла (Дубина был пешим), я решил больше на него не сердиться и при случае, может быть, сегодня вечером, после военной операции, на биваке, сказать ему об этом.

И вот он этого от меня теперь не услышит… И от этого я еще больше страдал.

Урядники остановились и положили носилки на землю. Мы печально смотрим на убитого. Он — в гимнастерке. Убит в голову, сбоку. Его большая коричневая папаха так и засохла с кровью на его крупной голове под знойным августовским солнцем. Лицо — спокойное, словно спит. По рассказам урядников, Дубина, приняв сотню после ранения командира, выскочил на высокую глыбу и, стоя во весь рост, подбоченившись, стал рассматривать, где же курды, И вдруг свалился с крутизны в расщелину и… не поднялся. Сбив курдов, урядники только теперь отыскали его тело и, как дань уважения к погибшему геройской смертью своему непосредственному начальнику, не послали казаков, а сами разыскали его и сами теперь несут к сотне. Их доклад мне очень понравился.

Гибель подхорунжего Дубины, всегда рвавшегося в бой и бравировавшего своей смелостью, просто не вязалась в моей голове. Не сомневаюсь, что он, презирая огонь курдов и окрыленный властью, которую так любил, вскочил на глыбу слишком самоуверенно, чем и погубил себя. К тому же его импозантная фигура и начальническая осанка были приманкой для курдов. «Как курченок, свалились они», — сказал какой-то казак.

На очень близком расстоянии курд взял точный прицел в голову.

Судьбе было угодно так, чтобы он погиб не далее пяти верст от того места, где в первом же бою полка в первый день войны 20 октября 1914 года совершил личный подвиг, за что и был награжден в числе первых героев полка Георгиевским крестом 4-й степени.

Подошли главные силы с полковником Бежамбековым. В полк, в Дизу, послано донесение. Скоро прибыл подъесаул Маневский, чтобы снова вступить в командование своей сотней. С ним пришла полковая санитарная линейка и полковой фельдшер Куприн (казак станицы Новопокровской). Есаул Лытиков все время бредил. С Куприным он был отправлен прямо в Игдырь, в

госпиталь, на отечественную территорию. Тело подхорунжего Дубины отправлено в полк, в село Диза, где он был торжественно похоронен с воинскими почестями. Немедленно телеграфом сообщили в станицу Кущевскую жене Дубины. Несчастная вдова прибыла в Турцию и повезла на Кубань дорогое тело…

Посмертно подхорунжий Дубина был произведен в первый офицерский чин — в прапорщики.

Как участники экспедиции, я и хорунжий Александр Некрасов вскоре навестили есаула Лытикова в Игдыре.

— Выздоравливаю, выздоравливаю, дорогой Федор Иванович, — встретил он меня. — Но почему в сотне нет зерна?.. И вахмистра не дозовусь… — продолжает он.

А потом склонил набок голову и… заснул.

Подошла сестра милосердия и попросила уйти, пояснив, что он часто бредит и это хорошо, что он заснул.

Раздробленная свинцовой пулей нога в бедре стала для него смертельным ранением. С Кубани прибыла его жена, застала в живых, но через несколько дней есаул Лытиков скончался на ее руках. Тело его увезли в станицу Кавказскую, где и предали земле.

Все раненые казаки нашей 3-й сотни были награждены Георгиевскими крестами, как и отличившиеся урядники и казаки. Я был награжден очередным боевым орденом — Св. Станислава 2-й степени с мечами. У всех в реляции сказано:

> «…за отличие 23 августа 1915 года у селения Шейх-Али, что на южных склонах Большого Арарата».

Памятное село до сих пор…

Взводный урядник Трофим Сычев (старший брат) станицы Дмитриевской. Скромный, спокойный. Казаков своего, 4-го взвода никогда не ругал. Взвод был отличным.

Под ним был диких статей чистокровный караковый кабардинец. Нисколько не будет преувеличением сказать, что лошадь была самой красивой, самой нарядной в полку, с широким шагом, легкой рысью, прытким наметом, хорошо выезженная, послушная на повод. Тонкие острые уши коня всегда играли и были начеку. Подъесаул Маневский, человек исключительного благородства во всем, никогда никого не обидевший, никогда незаслуженно не сказавший резкого слова казаку, когда надо было представить сотню перед высшим начальством, всегда вежливо предлагал своему подчиненному Сычеву дать ему на это время коня «под его седло». Урядник никогда не отказывал.

Известно, что у всех казаков лошади были собственные.

Офицер сотни мог приказать или взять любую лошадь «под свое седло», то есть временно воспользоваться, но… казак мог и отказать. По закону казак прав, но в военной службе — это вопрос обоюдоострый.

Урядник Сычев в этом бою был ранен пулей в плечо навылет. Ранение несерьезное, но дававшее полное право идти в лазарет. А потом он мог бы и поехать в свою станицу хоть на несколько дней, чтобы повидаться, пожить с родной женушкой, обнять своих детишек, родителей. Сычев пришел в полк в 1911 году, то есть семью не видел пять лет. Но он не эвакуировался и, не командуя своим взводом, с рукою на перевязи следовал в хвосте сотни. И не уехал из-за своей лошади. Как всякий младший офицер в сотне, я очень дружно жил с казаками. Все они — старше меня летами. Несколько раз в частном порядке я предлагал Сычеву «эвакуироваться» и отдохнуть. И он, скромный казак, всегда отвечал мне так:

— Ваше благородие! Ну как я могу оставить своего коня в сотне? Ведь тогда конь пропал… Ведь его заездят. Знаете, как это бывает без хозяина?

Так и не уехал. Георгиевский крест за Шейх-Али на его черкеске достойно украшал разумного и благородного казака.

Наши подхорунжие

Наш полк вышел на войну, имея пять подхорунжих сверхсрочной службы, занимавших вахмистрские должности:

в 1-й сотне — подхорунжий Бычков, казак станицы Новопокровской;

во 2-й сотне — подхорунжий Соболев, казак станицы Тифлисской;

в 3-й сотне — вахмистр Дубина, казак станицы Кущевской, за первый же бой произведен в подхорунжие;

в 4-й сотне — старший урядник Брежнев, казак станицы Дмитриевской, срочной службы, считался «исполняющим должность вахмистра»;

в 5-й сотне — подхорунжий Козлов, казак станицы Дмитриевской;

в 6-й сотне — подхорунжий Емцев (Емец), казак станицы Малороссийской.

По воинскому уставу все офицеры должны обращаться с подхорунжими на «вы». Мы это не только знали и исполняли, но и уважали этих солидных летами служак. Но вот наш командир полка полковник Мигузов их не только что недолюбливал, но и относился к ним предвзято. Его отношение можно выразить

такими словами: «Ну, чего остались? Окончили свою действительную службу и идите домой, работать… освободите вахмистрскую вакансию для любого молодецкого старшего урядника действительной службы».

Доля правды в этом была. Говорили об этом в полку и старшие офицеры. Вахмистры имели право жить с семьями на частных квартирах. Их жены разводили маленькое хозяйство — кур, пару свинок. Негласно мужья заставляли казаков носить «свинкам» остатки из сотенной кухни. Казаки исполняли, но с досадой. Кроме того, казак отбывал свою действительную службу четыре с лишним года, то есть в течение этих лет, сам сильный и молодой, был разлучен со своей сильной и молодой женой. И вот тут же сотенный вахмистр-подхорунжий под боком имел жену, детей, да еще и маленькое хозяйство. К тому же, если представить, что сотни полка стояли совершенно изолированно на дикой азиатской границе, то эта «ревность казачья» была совершенно справедлива. А принимая во внимание, что каждый подхорунжий в своей сотне был «царь и бог», порою очень требовательный, то неприязненное к ним отношение усиливалось.

Полковник Мигузов, как умный и очень наблюдательный начальник, все это отлично знал и как бы мстил всем нашим подхорунжим, и чем? Во всех полках подхорунжие были командированы в школы прапорщиков и стали офицерами. У нас же в полку на самые настойчивые ходатайства командиров сотен об этом неизменно следовал отказ. Трагическая гибель подхорунжего Дубины разбудила совесть Мигузова. Умный, но нервный человек, он остро переживал гибель в бою каждого казака. Говорили, что на похоронах Дубины у него появились слезы на глазах. И после этого, очень скоро, все оставшиеся в живых подхорунжие были командированы в школы прапорщиков. Старший же урядник Брежнев получил «серебряный басон» на погоны и утвержден в должности вахмистра. А потом и он прошел школу прапорщиков. И как печальный конец — ведаю для истории родного войска:

1. Хорунжий Бычков расстрелян красными в станице Ладожской вместе с генералом Раддацем в числе 68 офицеров-кубанцев в июне 1918 года.

2. И. М. Козлов в чине войскового старшины расстрелян в тюрьме.

3. Емцев в чине есаула где-то затерялся в Советской России. Судьба Соболева мне неизвестна.

Под Мелязгертом

В самых первых числах сентября наша бригада была переброшена через Диадин и сосредоточена возле Дутаха, на левом берегу реки Евфрат.

После флангового удара генерала Баратова военные действия на этом участке Кавказского фронта, названные Евфратской операцией, прекратились. Масловский пишет:

> «Из многочисленной конницы, действовавшей на фронте 4-го Кавказского корпуса, впереди была оставлена только Закаспийская казачья бригада в составе 28 сотен и переименована в Сводно-казачью дивизию, а вскоре, при перемещении ее в 1-й Кавказский армейский корпус, — в 5-ю Кавказскую казачью дивизию.
>
> Кавказская кавалерийская дивизия генерала Шарпантье в сентябре 1915 года была отведена в корпусной резерв и расположена в Кагызмане.
>
> 2-я Кавказская казачья дивизия генерала Абациева была взята в армейский резерв и расположена в Карее.
>
> В армейский резерв вновь взята 4-я Кубанская пластунская бригада и расположена по селениям в районе Карса, где она пробыла до декабря, когда была отправлена в Азербайджано-Ванский отряд. Эта бригада, сформированная незадолго до Евфратской операции и составленная из молодых казаков, прекрасно вела себя в бою и понесла громадные потери и фактически выбыла из строя. В трех батальонах бригады: 19, 20 и 21-м насчитывалось к 25 июля не более 200 казаков.
>
> Донская пластунская бригада, принимавшая мало участия в Евфратской операции, была включена в состав 1-го Кавказского армейского корпуса.
>
> 1-я Кавказская казачья дивизия генерала Баратова, принимавшая большое участие в Евфратской операции, получила необходимый отдых, отведенная в корпусной резерв в район Сарыкамыша».

Прибыв в Санжан, мы встретили там третьеочередные полки своего войска — 3-й Екатеринодарский войскового старшины Миргородского (наш старый кавказец, казак станицы Брюховецкой), 3-й Линейный полк полковника Кучерова и 55-й Донской казачий полк. Сторожевыми заставами они занимали обширный район перед Мелязгертом. Все эти три полка были приданы к нашей бригаде, и мы получили другое наименование. Историческая Закаспийская отдельная казачья бригада утратила свое наименование. Наш штаб бригады переименован в штаб дивизии, но остался в том же составе: начальник дивизии генерал

Николаев, начальник штаба Генерального штаба подполковник Шумилин (донской казак).

Эта новая дивизия имела только одну батарею, нашу 4-ю Кубанскую, шестиорудийного состава и 8 бригадных пулеметов системы «Максим».

Дивизии приказано занять Мелязгерт. В операции участвовали только 1-й Таманский, 1-й Кавказский полки, 4-я Кубанская казачья батарея и 55-й Донской казачий полк третьей очереди, четырехсотенного состава. Старые бородатые казаки, на крупных, мясистых лошадях, вооруженные пиками, они казались странным явлением на Кавказском фронте, малоприспособленные к каменистой горной местности Турции.

Еще стояла жара. Все высохло, выжжено, испепелено войной и проходящими здесь с боями русскими и турецкими войсками.

Турки имели против нас заслон. Он был скоро сбит, и Мелязгерт занят. Жителей в нем нет. Да это и не был город в европейском понятии этого слова.

Операция окончена. В Мелязгертском районе оставлен только Таманский полк. Штаб дивизии, штаб нашего полка с двумя сотнями — 2-й и 6-й — вернулись в Санжан. 3-я и 4-я сотни под командой есаула Калугина выдвинуты на восток и на равнине заняли село, откуда высылали сильные разъезды для наблюдения за горным массивом Суфан-даг. 1-я и 5-я сотни под командой есаула Успенского (родного брата будущего Кубанского атамана) шли с нами с задачей — пройти до самого города Ван, если можно, занять его и узнать, что там.

Наш полк был разбросан по прямой линии более чём на 150 верст. Возмущаться было чем, и мы возмущались.

В строевых частях не любили «всякие штабы». Так и говорили с нескрываемой критикой: «Ну, этот штабок!»

1-я и 5-я сотни, оторвавшись от нас, двинулись к Арджишу и дальше к Вану. Через несколько дней они вернулись, ночевали при наших, 3-й и 4-й, сотнях и рассказали: «В Ван вошли без боя. Почти одновременно с востока подошел 1-й Полтавский полк нашего войска. После оставления города Вана весной в него вошло до 200 конных курдов. Разграбив его и дорезав оставшихся там больных и дряхлых армян, курды подожгли город и ушли. Город разорен настолько, что полтавцы и кавказцы остановились биваком за городской чертой…»

«Ужасно там… — закончили они свой рассказ. — Словно никогда и не существовало этого цветущего города с 200-тысячным населением, со своим добром, со своими роскошными садами. 2-я Забайкальская казачья бригада после нас отошла на восток, расстреляв заложников-курдов».

Необыкновенный случай для казаков

1, 4 и 5-я сотни ушли в село Санжан, к штабу полка, и в далеком юго-восточном углу Мелязгертской долины осталась одна наша 3-я сотня. Задача ей — вести глубокую разведку по сектору в 90 градусов, с главным направлением на горный массив Суфан-даг. Конусом с очень пологими сторонами закрывал он от нас берег Вана. Днем по склонам легкой синей струей к небу вился кизячный дымок курдов, а по ночам изредка мелькали их огоньки. Все это было далеко от нас. Наши сотенные разъезды доходили только до основания этого массива, по часам определяя расстояние в 20–25 верст. Урядник 1-го взвода Петр Асеев, казак станицы Тифлисской, вернувшись вечером с разъездом, доложил командиру сотни подъесаулу Маневскому, что по склонам горы все время в течение дня маячила конная группа в 12–15 коней. Людей не видно, но на спинах лошадей какая-то ноша.

На следующий день Асееву был дан весь его взвод казаков с задачей дойти до этой группы и точно выяснить: что или кто это.

К вечеру разъезд вернулся и привел в поводу 12 отличных верховых лошадей — рослых, свежих, хорошо упитанных. Вся сотня окружила добычу и с интересом рассматривала ее. Нас удивило, что почти на всех лошадях были седла «регулярной кавалерии», но у одних они держались на одной подпруге, у других — на двух, то есть седла застряли или на боку лошади, или под брюхом. При этом подпруги «въелись» в позвонки и глубоко, до костей, протерли все мускулы лошадям. Почти все лошади были при уздечках, но с оборванными поводьями. Картина странная, как и страшная, потому, что эти лошади, с седлами и зануздданные, пробыли долгое время на воле, явно испытывая физические мучения — они не могли сбросить с себя ни седел, ни уздечек. Тем не менее они «наели тела» на хороших выпасах травы и были сильны и бодры. Этот странный вид 12 лошадей говорил о том, что случилась какая-то катастрофа с седоками и лошади оказались на воле. Что это случилось в нашей русской части — мы не сомневались, но в какой?

Казаки обрадовались этой добыче, так как у некоторых из них лошади «подбились» и, значит, есть кем их заменить. Да и вообще, для каждой конной части всякая лишняя лошадь всегда нужна. Для нашей же сотни свалилось с неба ровно 10 процентов сотенного конного состава.

Нечего греха таить — и я уже присмотрел для себя одну из них.

Маневский был очень аккуратным и исполнительным офицером. Когда мы остались вдвоем, он спросил меня:

— Федя! Доносить в полк или нет?

Я выразил мнение — не доносить. Маневский раздумывал, а потом решил донести.

— Узнают ведь все равно, — урезонивал он меня. — И будет неприятно, если объявится хозяин лошадей.

Хотя я и был сильно против этого, но логика — на стороне Маневского. Он послал рапорт командиру полка. И каково же было наше удивление, когда через три дня к нам прибыл молодой корнет 16-го Тверского драгунского полка, представился Маневскому и вручил ему предписание от нашего начальника дивизии генерала Николаева такого содержания: «Всех 12 лошадей вернуть через корнета (фамилия) 16-му Тверскому драгунскому полку Кавказской кавалерийской дивизии».

Прочитав это, мы возмутились. Как? Почему? Да ведь это есть военная добыча! Да ведь мы их поймали в горах и на неприятельской территории!

Главная же причина была в том, что мы лишались 12 лошадей, строевых лошадей, которых почти разделили!

Теперь уже возмутился и Маневский. Как всякий утопающий хватается за соломинку, мы решили испытать этого корнета, узнает ли он своих лошадей.

Урядник Асеев вывел их. Вся сотня казаков окружила нас. Казаки смотрят на корнета сурово, недоброжелательно. Но корнет радостно заявил, что эти лошади «его эскадрона».

— Конечно, лошадей мы вам вернем, — говорит Маневский. — Но расскажите — как вы их потеряли?

И молодой, хорошо воспитанный, красивый и пижонистый, как и полагается кавалерийскому офицеру, корнет чистосердечно поведал нам:

— Взвод драгун стоял здесь в заставе, ночью наскочили курды; затрещали выстрелы, в панике драгуны бросились к своим лошадям, но не все успели вскочить в седла… Кто успел — ускакал к полку, а 12 драгун не успели… лошади вырвались, и вот результат!

— Здорово… — с улыбкой говорит Маневский. — А кто же был начальником заставы? — спрашивает он корнета.

И смущенный офицер, мягко звякнув шпорами и коротко бросив правую руку к козырьку, лаконично ответил:

— Я, господин подъесаул!

Стоящие вокруг нас казаки почти всей сотни громко рассмеялись. А Маневский, сдержанно улыбаясь, «подбодрил» его словами:

— Ну и шляпа же вы, господин корнет!.. А теперь идите к нам. Мы вас угостим хорошим казачьим борщом.

За столом нашлась и водочка. Расчувствовавшийся корнет не знал, как и благодарить нас «за выручку».

— Вы понимаете мое положение? Командир эскадрона «разнес»! Командир полка «разнес»! Начальник дивизии пригрозил… Ведь это позор нашему эскадрону, позор всему полку! Стыдно было смотреть в глаза драгунам… Теперь положение исправлено, — изъяснялся он нам, и мы, молча улыбаясь, вполне понимали и разделяли его душевное состояние.

Трудно предположить, чтобы подобный случай мог быть у казаков. И не потому, что они сотворены из другого теста, а потому, что у казака лошадь собственная, а не казенная. И, как собственник ее, он бы при нападении курдов шашкой, руками, ногами, зубами отбивался, чтобы не потерять «своей собственности». И он тогда думал бы не о позоре своей сотни или полка, а думал бы, что же скажет на это его отец в станице. Да ведь это позор всей семье!

«Сук-кин сын… бросил своего коня, а сам убежал», — сказал бы его отец. Могло бы это позорным пятном остаться и на его сыне, на его внуке.

«Это чей парнишка?» — спросит кто-то кого-нибудь.

«Да Разгильдяева… што своего коня бросил курдам, а сам убег…» — ответил бы спрашиваемый. Вот почему это и есть «небывалый случай для казаков». Небывалый или необыкновенный.

Там, где родился Кубанский войсковой гимн

Наша новая 5-я Кавказская казачья дивизия в сентябре — декабре 1915 года занимала широкий фронт и вела ежедневную разведку, начиная юго-западнее Дутаха, через Мелязгерт и до Арджиша, что на северном берегу озера Ван. В мелязгертском направлении стоял 1-й Таманский полк. Штаб дивизии и штабы других полков расположились в Санжане и Дутахе. Этот фронт по дуге простирался более чем на 150 верст.

В «наследство» дивизии осталась полностью разоренная и испепеленная войной местность — ни жителей, ни скота, ни деревца кругом.

3-я сотня Маневского сменена и присоединилась к штабу полка в селе Санжан. Наступила дождливая осень. Скоро выпал снег. Ударили жестокие морозы. Все полки живут в палатках. У офицеров имеются походные кровати, а у казаков — только шубы (кожуха) да неизменная «черна бурочка», как поется в песне, защитница его от дождя, от вьюги, от всякой непогоды. Она же — «и перина пуховая и теплое одеяло»… У казаков нет даже соломы

для подстилок на их жесткое ложе, потому что солома здесь является единственным постоянным кормом для лошадей, а сено и ячмень — редкое лакомство.

Длинные, нудные, холодные ночи. У казаков в палатках никакого освещения. У них нет никаких развлечений. Им нечем заполнить свою душу, им абсолютно нечем скрасить свою монотонную жизнь. Все занесено снегом. Постоянный недостаток фуража гнетет их. За много верст за фуражом отправлялись целые взводы и полусотни. Разными приспособлениями разгребали казаки снег и косили старую, заржавелую траву или несжатый хлеб, оставленный из-за боев. И как жестокая ирония — только эти конные розыски фуража давали казакам некоторое развлечение в их более чем неуютной жизни-службе.

Все лошади — под открытым небом. От холода и бескормицы на глазах всех погибали последние остатки текинских лошадей, в жизни своей никогда не видевших снега. Противотифозная прививка, очень болезненная, буквально уложила всех казаков и офицеров в их скудное ложе в холодных палатках. Люди едва несли необходимый полковой наряд на службе…

Вырыли землянки и переселились в них. Но трудно сказать, что было лучше. Или что было хуже. Холодная, но сухая палатка или затхлая, сырая землянка…

Пронесся слух, что идет 1-й Лабинский полк сменить нас. Что-то радостное коротко мелькнуло в душе, но почему-то мозг не поверил этому. Мы полтора года не видели своей страны. Полтора года не слышали русской речи обывателей. Полтора года мы не видели русской женщины и не ощущали ее внимания, ее ласки… Вот почему и не поверили, что нас кто-то наконец-то сменит.

И — совершенно неожиданно прибыли квартирьеры от 1-го Лабинского полка. Их полк идет из Кагызмана, чтобы сменить нас.

Словно давно заглохший родник, наша радость неудержимо прорвалась наружу. Это было в середине декабря 1915 года.

Тетрадь седьмая

Оглянемся назад… Курды

Стариннейший народ. Все кочевники. Многочисленные стада овец, немного рогатого скота, несколько верховых лошадей — это все их богатство. В своем внутреннем обиходе живут жизнью каменного века. Спят в своих хижинах-норах на полу, на разном тряпье. Нижнего белья у них нет. Примитивные костюмы мужчин и женщин изнашиваются на их телах без стирки. Все дети — в длинных балахончиках до пят, не застегивающихся, видны их худые тельца сверху донизу. Босые, стоят они в снегу, печально и боязливо смотрят на нас. Все жмутся в одну кучу вокруг старых женщин.

Они мусульмане. Стройные рослые мужчины. Полных среди них совершенно нет. Все они, кроме дряхлых стариков, бреют бороды своими примитивными бритвами-ножами, оставляя густые черные усы. Гостеприимные, скромные, послушные и по-мусульмански терпеливые к велениям судьбы. Их женщины не закрывают своих лиц, как турчанки и персиянки. Курдинки не блещут красотой, но и не дурны.

Всякий курд счастлив и обязан иметь какое-либо ружье. Они предпочитают патроны со свинцовой пулей. Такая пуля делает рваные раны, заражает их, и в большинстве случаев смертельный исход неизбежен. Курд-чабан всегда вооружен ружьем и ножом.

Живут они древними своими обычаями. Турок недолюбливают. Мечетей у них нет, или они очень редки и примитивны — это просто сараи.

В общем, курды народ хороший, и мы их даже полюбили. Из них получились бы отличные конные полки, наподобие казачьих. Да таковыми они и были в Турецкой армии — как иррегулярные конные части.

И вот к такому народу в Турцию с началом войны пришли русские войска. Мы заняли их земли, разрушили их жилища «на топливо», забрали все их зерно на корм многочисленной коннице, резали овец и коров себе на пропитание, почти ничего не платя за это. А главное — заняв достаточно обширную территорию, мы не дали им никакой местной администрации. Любой строевой начальник самого младшего ранга, остановившись в курдском селе или прибыв за фуражом, мог позволить «все» над населением. Любой рядовой воин, войдя в мрачную каменную пещеру курда, считал себя вправе делать все, что он захотел бы:

отбирать у него последний лаваш, рыться в его тряпье, «ища оружие», мог взять все, что ему понравилось, мог выгнать главу семьи из его норы и тут же приставать к его жене, сестре, дочерям…

При таком положении побежденного даже европеец взялся бы за нож для защиты своей семьи, чести. А ведь курд был самый настоящий полудикарь, разбойник, воинственный человек, к тому же мусульманин. Вот почему он и стрелял в русского солдата при удобном случае…

В один из снежных и морозных дней ноября 1914 года сотни Закаспийской казачьей бригады были брошены по всем курдским селам Баязетской долины, окружили их, выделили всех мужчин и отправили через русско-турецкую границу в Игдырь для работ по очистке дорог. Курды — не рабочие в европейском понимании этого слова. Они только кочевники. Я их потом видел на работах и вне работы. Никакой пользы от них и одно лишь озлобление против русских. Первобытный человек гораздо глубже любит свою родину, чем культурный человек. Но родина, своя семья, нажитое хозяйство — для всех дороги. И мы психологическое состояние курдов поняли остро лишь тогда, когда Красная Армия и советская власть пришли с севера в наши казачьи края и поступили с казаками так, как мы поступали с курдами…

Полковой обоз

У полковника Мигузова он являлся как бы привилегированной частью полка. В мирное время командир уделял ему больше внимания, чем строевому обучению казаков. На войне же держал его больше в тылу. Подвезти к передовым линиям продукты и фураж для сотен для обоза считалось опасным: а вдруг выстрелы и он, обоз, потерпит урон!.. Или его могут захватить турки… — так говорилось тогда.

Вспомогательная часть строевого полка, а берегли его — как зеницу ока. Строевого казака, его собственную строевую лошадь, как и любого офицера, могли ранить или убить; это было нормально. Но вот, если ранят обозного казака или убьют казенную обозную лошадь, это было уже нельзя.

Перевалы занесены снегом. Саней нет. Обоз больше бездействует. В Ванском районе мы далеко оторвались от своих баз. Корпусное интендантство в Игдыре — за сотни верст и через два перевала. В дальнем пути обоз пожирал сам себя. Трехдневный запас сухарей в нем совершенно нельзя было потревожить. Этот запас хранится «для инспекторского смотра», а если строевые казаки уже несколько дней не имеют хлеба — это

не считается ненормальным. И на все доклады командиров сотен об этом полковник Мигузов остается непреклонен.

Он все еще считал, что наилучшим показателем умения командовать полком является экономия казенных денег, отпускаемых на содержание полка. Мигузов командовал нашим полком с 1912 года, К осени 1914 года в полку накопилось экономических сумм на 265 тысяч рублей. И каково же было его огорчение, когда приказом по корпусу все экономические суммы частей предписывалось сдать в государственную казну. Мигузов молчал, но зато все мы ликовали. Его метод не пошел впрок полку. В 1-м Таманском полку было иначе.

Казачий вьюк

На войну, по арматурному списку, каждый казак должен взять собственное и возимое в сумах и на себе имущество: три пары белья, двое шаровар, две пары сапог или одну пару сапог и ноговицы с чувяками, два бешмета (один ватный, стеганый), две черкески, две папахи, бурку, башлык и однобортную овчинную шубу, сшитую по-бешметовому, чтобы надевать ее под черкеску в холода. Все это он вкладывал в свои кавказские ковровые сумы и возил в тороках на своей лошади. Зимой ко всему этому вьюку прибавлялись валенки, полученные из интендантства. Валенки не влазят в стремя, и у каждого казака к левому стремени привешена большая петля из веревки. В теплые дни — валенки в тороках, на задней луке. На передней же луке — саквы для зерна, сетка для сена, вьючка и прикол для одиночной привязи коня. Все это было очень громоздко. Казак носил на себе 250 боевых патронов. Часть их была в патронташе, часть в торбе, а остальные — в сумах.

В сумах же и полный комплект тяжелых казенных подков на четыре ноги. Где-то привязан казенный медный котелок.

Сетка для сена и прикол скоро были выброшены за непригодностью с разрешения начальства. Две пары белья, «по раскладке», вложены в седельную подушку. Оно спрессовано, стало затхлым и давным-давно не стирано…

Идет дождь или снег. Все казаки в бурках. Вдруг перестрелка. Казаки быстро спешиваются, как попало увязывают мокрые бурки в торока и бегут в цепь. Теряется время для боя, где порою дорога каждая минута.

За полтора года войны мы ясно заметили эти недостатки, оглянувшись назад…

«Три брата Кабарды…»

При первой же встрече, в самом начале 1915 года, с сотником Колей Бабиевым в Алашкертской долине мы сразу же подружились. Он привлек внимание кавказцев к себе своим постоянным молодечеством.

В мрачной хижине-норе, в нашей ли 3-й сотне подъесаула Маневского, или в гостях у него, в такой же норе, в долгие зимние вечера, лакомясь чаем с печеньем, как единственным доступным тогда удовольствием, мы вызывали своих сотенных песенников. Пели с ними песни, переплетая их лезгинкой с гиком, с гамом, с дикими выкриками, словно чтобы рассеять, забыть, отбросить, прогнать нашу тусклую боевую жизнь. В холоде, в голоде фуражном и в замороженной, заваленной снегом позиционной войне против турок, занимавших тогда Клыч-Гядукский перевал перед нашими полками — 1-м Кавказским и 1-м Лабинским.

— Джембулат! Вы будете наш «младший брат Кабарды»! — вдруг выкрикнул он в один из наших «концертных вечеров». И тут же объяснил свое желание так:

— Мой отец командовал сотней 1-го Лабинского полка в Закавказье. У него младшим офицером был хорунжий Доморацкий. Он был большим поклонником кавказских горцев, которым подражал во всем. Я был тогда гимназистом. Приезжая из Баку на каникулы к родителям, я сбрасывал с себя гимназическую куртку и брюки, одевался в черкеску и во всем подражал Доморацкому. Он-то меня и выучил танцевать лезгинку. С тех пор я прозвал его «мой старший брат Кабарды». Теперь появились вы, подобный нам, поэтому вас я окрестил — «младший брат», так как я становлюсь по рангу «средним братом Кабарды».

— Принимаю это, мой средний брат, — ответил я, назвав его Хаджи-Муратом в честь знаменитого и геройского соратника имама Шамиля, и это имя ему очень польстило. Он мягко улыбнулся своими серыми глазами, пригладил гордо торчащие вверх усы, приложил по-мусульмански ладонь правой руки к сердцу, потом ко лбу и, потупив по-восточному глаза, произнес по-татарски:

— Чох саул (очень благодарен).

С тех пор мы стали называться между собой «три брата Кабарды» с мусульманскими именами. Доморацкий даже на визитных карточках написал — Измаил, Бабиев — Хаджи-Мурат и Елисеев — Джембулат.

Бабиев действительно достоин был того имени по своей бурливой натуре, по своим ухваткам, по наездничеству и общему молодечеству.

Полковой адъютант

В один из вечеров, через ординарца, командир полка полковник Мигузов пригласил к себе в землянку. Он, как всегда, долго и важно пьет крепкий чай из самовара, который всегда возит с собой.

— Вы пис-сать ум-меете? — с растяжкой своих слов и выражая некоторое презрение к подчиненному офицеру, обратился он ко мне.

— Каждый кадровый офицер должен хорошо и грамотно писать, — отвечаю ему в тон, удивленный этим вопросом.

— Ну, так вот… садитесь и пишите под мою диктовку, — уже нормально сказал он и подал мне книгу приказов по полку.

Под диктовку я написал шаблонные пункты с назначением сотен и взводов на случай тревоги и пожара. Он взял книгу и стал рассматривать то, что я написал так, словно от этого зависела чья-то судьба. Его словно «ломало».

Вернув книгу мне, он вновь церемонно говорит:

— Следующий пункт пишите: хор-рунжий Елис-сеев наз-начает-ся… — сказал, остановился, затягиваясь папиросой и растягивая слова, — пол-ко-вым-м адъ-ю-тан-том-м…

И сам подход к этому вопросу, и неожиданность, и манера назначения при полном моем неведении и без моего согласия — все это, вместе взятое, меня возмутило. К тому же с хорунжим Николаем Леурдой, настоящим полковым адъютантом, меня связывала самая доверительная и дружба, и боевая служба в сотне Маневского в 1914–1915 годах. Что Леурда полностью не радел к своим адъютантским обязанностям и стремился уйти с этой должности, знали мы все, но что это состоится сегодня — Леурда никому не говорил, да, может быть, и не знал об этом.

Положив перо на стол и встав, я доложил своему командиру полка о причинах, почему я не могу принять должность полкового адъютанта. К тому же кто был младшим офицером у хорошего командира сотни, знает, как сживаешься со своими казаками, которые становятся тебе самыми дорогими и близкими людьми в полку. Станет понятна и разлука с ними.

— Зна-аю, зна-аю… Я уже обо всем переговорил с хорунжим Леурдой… Мы так и условились. Пишите дальше: хорунжему Леурде немедленно сдать должность и обоим донести мне о сдаче и приеме.

Это было 2 ноября 1915 года в селении Санжан, что около Дутаха. Хорунжий Леурда назначен младшим офицером в 1-ю сотню, а прапорщик Павел Бабаев — в 3-ю.

Полковой адъютант есть большая величина в полку. От него

многое зависело в жизни полка, а главное — среди офицерского состава.

Полковой адъютант есть единственный докладчик командиру полка обо всем, что делается в сотнях и среди офицеров. Он вскрывает всю полковую корреспонденцию, читает, проверяет ее, находит справки для ответов и уже потом несет ее к командиру полка для доклада и для наложения резолюций.

От него зависит «мир» между командиром полка с одной стороны и обществом офицеров полка — с другой.

Он мог советовать командиру полка, какого офицера и куда назначить. Он мог сделать и хорошую и плохую аттестацию любому офицеру, вплоть до командиров сотен включительно.

Он распределяет очередь службы сотен не только для внутреннего наряда, но и для боевого.

Он ведет очередь офицерским разъездам и дежурства офицеров по полку.

Он сам пишет распоряжения по полку в «Книге приказаний», совершенно не спрашивая этого у командира полка, или последний дает ему только одну канву, мысль.

Полковой хор трубачей, как наглядное украшение полка, подчиняется непосредственно полковому адъютанту, над которым он пользуется правами командира сотни. По уставу трубаческая команда отдает ему воинскую честь, как и все полковые писари, становясь «во фронт».

Найти ли хору трубачей капельмейстера, одеть ли их в однообразные щегольские черкески и папахи, представить ли ими полк в торжественных случаях с должной помпой — все это дело исключительно полкового адъютанта.

Задержать ли бумагу под сукном или продвинуть ее вперед с соответственной резолюцией — дело адъютанта.

Адъютант — это начальник штаба полка.

Давно раздавались голоса, чтобы на эту должность назначались только старые, опытные офицеры, а не молодые хорунжие. И в этом был полный резон.

Молодого офицера, краснощекого краснобая, щелкающего каблуками, заботящегося больше о своих аксельбантах, не знающего службы, не прошедшего строевого стажа, назначать полковым адъютантом нельзя. Надо быть авторитетным строевым офицером, единой офицерской среды полка и единых с ними взглядов. И адъютанту надо быть с обществом офицеров полка у неавторитетного командира, а не наоборот.

Командир полка есть начальник временный, а общество офицеров — величина постоянная. Обычаи же, закваска полка, его традиции являются долголетними, вековыми.

Появление лабинцев. Сотник Бабиев

Слух о смене нас лабинцами прошел и… заглох. Мы вновь в миноре.

И вдруг, в один из холодных дней после середины декабря, ко мне явился младший урядник 3-й сотни 1-го Лабинского полка и доложил, что он есть квартирьер от своей сотни и что «их высокоблагородие сотник Бабиев приказал найти хорунжего Елисеева и доложить им, что они, сотник Бабиев, остановятся на ночлег только у них».

Тогда, упоминая любого офицера, казаки должны были вначале произносить титул офицера (благородие или высокоблагородие, или их превосходительство, смотря по чину), потом уже называть фамилию. При этом из глубокого уважения к офицерскому чину и положению произносить это в третьем лице.

Молодецкий урядник с двумя Георгиевскими крестами, в белой шапчонке, небрежно сдвинутой до самых бровей, в красных бриджах, сухой и со слегка плутоватыми глазами, произнеся такой длинный рапорт, на мою улыбку также улыбнулся, чем дал понять мне, что, мол, «вы же знаете нашего сотника — какой он, что он захочет, то должно быть точно исполнено, так вот я вам об этом и докладываю».

Урядник, вижу, не прошел курс учебной команды, а получил две лычки за Георгиевский крест 3-й степени, что и полагалось по статуту о георгиевских кавалерах. Как я понял, этот молодецкий урядник является одним из любимцев Бабиева.

— Канешно, — отвечаю ему по-станичному. — Их высокоблагородие сотник Бабиев будет ночевать у меня, — вторю ему его же словами, и мы оба вновь улыбаемся.

С назначением полковым адъютантом я остался жить в землянке своего бывшего командира сотни подъесаула Маневского. Последний был очень дружен с Бабиевым еще по майским лагерным сборам на Кубани, на Челбасах, с 1912 года. Тогда отец Бабиева в чине войскового старшины был командиром 2-го Черноморского полка (на льготе). Хорунжий Коля Бабиев из своего 1-го Лабинского полка — нарушая войсковое правило, по просьбе — был командирован из Закавказья на время майских лагерных сборов в полк своего отца. Маневский тогда был на льготе и жил в станице Кавказской, являясь командиром сотни кадра льготных казаков 2-го Кавказского полка. Льготные лагеря — это «новая Запорожская сечь». Бабиев тогда показал там всем «класс своего личного наездничества», и его все искренне полюбили. Так вот теперь он вторично появляется на нашем горизонте, и мы ждем его с великим удовольствием и радостью.

Уже наступил вечер, а лабинцев еще нет. Днем прошел мокрый снег, к вечеру же ударил мороз. И когда показались головные дозоры, мы, небольшая группа офицеров двух сотен, находившихся при штабе полка, вышли и остановились перед своими землянками, занесенными обледенелым снегом.

Длинная черная лента казаков-лабинцев в колонне по три спрятала свой хвост где-то внизу. Впереди головной сотни — взвод песельников. В очень сумрачный и холодный вечер слышны веселая песня, свист, писк зурны и глухие удары тулумбаса (бубна). Впереди них какой-то офицер ерзает в седле и управляет сложенной вдвое плетью темпом песни.

— Ну конечно!.. Это Коля Бабиев, — говорит Маневский и улыбается.

Не доходя до бивака шагов на сто, эта сотня быстро выстраивается развернутым строем. Бабиев равняет ее, кричит, проскакал вдоль фронта и потом спешил ее. Повернув своего коня, он карьером бросился в нашу сторону. За несколько шагов «прополз» с конем по гололедице, быстро соскочил с седла, бросив повод уздечки на передней луке. В легкой черкеске, в чувяках, перепрыгивая по обледенелым кочкам, он почти подбежал к нам, чисто по-юнкерски поднял руку к головному убору перед Маневским, подкупающе приятно улыбаясь.

— Что так поздно прибыли, Коля? — спрашивает Маневский. — Мы вас ждали днем, — добавляет он.

— Да этот Абашкин!.. Не хотел подходить к вашему полку разрозненными сотнями. На подъеме гололедица, «склизка» (Бабиев любил иногда запустить простым станичным словом, чтобы понятнее и рельефнее выразить мысль). Ну и чертовались там… пришлось «четверить» обоз (то есть делать двойную упряжку). Там обоз «четверили», а сотни маялись, ожидая его (обоз).

Мы слушаем его и улыбаемся на его критику «высшего начальства», что всегда бывает приятно младшим подчиненным офицерам.

Войсковой старшина Абашкин тогда временно командовал 1-м Лабинским полком[5]. Это был тот Абашкин, который в Гражданскую войну стал генералом и был атаманом Баталпашинского отдела.

Мы в нашей землянке. К Бабиеву пришел вахмистр сотни за распоряжениями. Отдав их, он коротко бросил вахмистру:

— Прислать пятерку!

Вахмистр учтиво докладывает, что казаки устали, весь день были на морозе, проголодались и он просит дать им отдых.

— Прислать пятерку! — повторяет Бабиев, не глядя на своего

вахмистра, чем показал ему, что его распоряжение не подлежит обсуждению вахмистром.

У нас приготовлен ужин для дорогого гостя. И только мы сели, как вошли пять урядников — все в черкесках и у каждого по два Георгиевских креста.

Войдя, они приняли очень подтянутую стойку в положении «смирно». Бабиев глянул на них и строго спросил:

— Почему без винтовок? Марш в сотню и прибыть с винтовками!

Мы с Маневским переглянулись, не зная, к чему все это. Урядники скоро вернулись и, держа винтовки у ноги, замерли по стойке «смирно».

— Селям! — коротко и строго произнес Бабиев и грозно глянул на них.

— Чох саул! — дружно, коротко ответили они.

— Садись! — бросает им Бабиев, и урядники, быстро опустившись на одно колено, поставили винтовки вертикально перед собой, обхватив ствол руками, и опустили головы вниз.

— Мою любимую! — декларирует Бабиев, и один из урядников, сняв папаху и закрыв ею рот, тихо, словно издалека, находясь в степи, затянул:

Ой да сторона, да ты моя,
Да родимая моя сторонушка…

И другие урядники тихо, грустно, тягуче вступили:

Да ни сам я сюда зашел да заехал…
Ой да занесла меня сюда, братцы, неволюшка…

Бабиев опустил голову и слушал. Мы с Маневским переглянулись между собой, как бы спрашивая один другого: что это значит?

Бабиев привез с собой коньяк. Мы ужинаем, пьем коньяк. Бабиев угощает и урядников. Ужин и веселье продолжаются уже долго. Время перешло за полночь. Уже поет и сам Бабиев, сам запевает. И вдруг кричит:

— Лезгинку!

Выскочил один, другой урядник и, должен сказать, молодецки прошлись в ней, насколько позволяла площадка нашей убогой землянки.

— На столе! — кричит Бабиев.

Один из танцевавших вскочил на наш дощатый столик, но он

покачнулся и урядник спрыгнул на пол.

Бабиев послал денщика за хором трубачей. Прибывший штаб-трубач докладывает, что трубачи спят и он без приказания полкового адъютанта не может исполнить желание командира 3-й сотни. Бабиев сердится и просит к себе адъютанта. Последний прибыл и мягко, дружески урезонивает его: уже поздно, казаки спят, устали и прочее. Но куда там! На Бабиева не действует и наша просьба.

Трубачи, часть оркестра, прибыли и… началось все сначала.

Мы, хозяева, устали. Но блюдем наш священный кавказский обычай, что:

Нам каждый гость дается Богом,
Какой бы ни был он среды…

Уже светает. Все отпущены. Маневский полулежа дремлет от усталости на своей походной кровати. Мы с Бабиевым и наши денщики бодрствуем.

— Можно достать горячей воды, чтобы побриться? — спрашивает он.

— Канешно! — удовлетворяю его просьбу.

Бабиев быстро побрился, умылся холодной водой. Их полк уже строился[6], чтобы выступить в Мелязгерт и сменить там 1-й Таманский полк.

Подана его гнедая кобылица. Бодрый, молодцеватый, надушенный после бритья, совсем свежий, словно и не было бессонной ночи с концертным отделением, он дружески распрощался с нами, вскочил в седло, наметом подскакал к своей сотне.

— Здорово, третья лихая! — прокричал он громко, весело.

— Здравия желаем, ваше высокоблагородие! — дружно ответила сотня.

— Песельники, вперед! И — справа по три за мной! — скомандовал Бабиев, и сотня двинулась за ним, за своим молодецким, веселым и любимым командиром сотни.

На второй день мимо нас прошел на юг 1-й Черноморский полк. К своим сверстникам — «николаевцам» — заехал повидаться хорунжий Петр Кадушкин. Полковником он выдан в Лиенце.

Нашу дивизию сменила 2-я Кавказская казачья дивизия генерала Абациева шестиполкового состава: 1 — й Лабинский, 1 — й Черноморский, 3-й Черноморский, 3-й Запорожский (все Кубанского войска), 3-й Кизляро-Гребенской, 3-й Волгский (Терского войска) и 2-й Кавказский конно-артиллерийский

дивизион, состоявший из 1-й и 5-й Кубанских казачьих батарей (12 орудий).

Наша 5-я Кавказская казачья дивизия немедленно двинулась на север, прошла Ахтинский перевал и на дневку остановилась в молоканском селении Николаевском.

В Аракской долине

Перевалив снежный массив Агри-дага, наша дивизия спустилась в Аракскую долину и — «дым Отечества так сладок и приятен», по словам поэта, а мы его почувствовали здесь и в климате, и в природе, и в населении. В долине не было снега и стояла сухая осенняя погода, какая-то особенно приятная тишина. За полтора года войны мы впервые увидали здесь, в молоканских селах, самых простых настоящих русских бородатых крестьян, увидали русских баб и девушек в платочках — сильных, крепких блондинок, что называется, «кровь с молоком». «Дым Отечества» глубоко и ласково дохнул на нас богатством, уютом и гостеприимством населения этих молоканских сел, заброшенных сюда, в мусульманскую сторону, не по их личному желанию. Они полностью сохранили здесь «старую крестьянскую Русь». Образцовые хозяйства, русские дворы, прямая, по шнурку, улица. Крупные, сильные, русской породы лошади, парой в дышле большого фургона-мажары, давно не виданные нами, они и на нашей богатой Кубани выглядели бы образцовой упряжкой.

Пашут они железными плугами, тогда как их сосед-курд ковыряет землю примитивной сохой.

Все они — «сектанты-молокане, толстовцы», сосланные сюда правительством.

Небольшая группа хорунжих посетила их молельный дом. Приняли они нас хорошо. Старший, проповедник, читает Евангелие и потом рассуждает, поучает. Можно принимать участие в рассуждениях «О Слове Евангелия». Но когда он говорил, их белокурые и краснощекие девчата украдкой бросали свои взгляды на нас, молодых хорунжих. Заглядывались и мы на них. Так жизнь расходится с божественным нравоучением.

Кагызман. Прапорщик Сорокин

Полки двинулись на Кагызман. Мы шли долиной, где стояла сухая погода, словно осенью. Перевалив на русскую сторону, мы сразу же забыли о лютой зиме в Турции, о голоде и обо всех невзгодах. Здесь не чувствовалась война. Разве только идущие навстречу нам молоканские транспорты, громадные фургоны,

запряженные тройками крупных лошадей, говорили о войне.

Мы вошли в сплошные фруктовые сады, которые в это время были без листьев. Незаметно вошли в городок на возвышенности. Это был Кагызман.

С бравурным маршем хора полковых трубачей и с песнями в сотнях полк прошел его и разместился в каких-то казармах. Вечером небольшая группа молодых офицеров на извозчиках проехала в единственную здесь гостиницу, довольно приличную, и за хорошим, вкусным ужином провела час, другой.

Мы уже заканчивали наш ужин с вином, когда вошли два прапорщика в черкесках. Первый из них немного походил на офицера, но второй выглядел простым казаком «со льготы». Небывалый случай среди офицеров — они не отдали нам чести, заняли столик и заказали пиво. Мы невольно посмотрели на них. Первый важно расселся на стуле, бросив на нас, как мне показалось, презрительный взгляд. Второй был скромен и будто стеснялся, что зашел сюда, или боялся первого.

У первого, на «газах» черкески столбиком нашиты две георгиевские ленты. Корнет Чумаков, прибывший к нам в полк из запаса месяца два тому назад, возмущается этим и говорит, что «этот прапорщик не имеет права нашивать две ленточки, а должен, как положено всем георгиевским кавалерам, символически носить только одну». Он хочет встать, подойти к этому прапорщику и сказать ему об этом. Мы его успокаиваем, но он сердится, быстро встает, подходит к ним и резко говорит об этом. Поясняет, что «он, корнет Чумаков, будучи вольноопределяющимся, в осажденном Порт-Артуре за многие вылазки награжден всеми четырьмя Георгиевскими крестами, семнадцать раз ранен и носит только одну ленточку». И добавляет, что «он, этот прапорщик, не имеет права носить две». Оба прапорщика не встали, и первый негодующе отвечает Чумакову, что он «заслужил два Георгиевских креста кровью и носит их так, как он хочет». Объяснения их начинают принимать резкую форму. Я прошу старшего в чине среди нас, сотника Дьячевского, встать и прекратить это. Но Диамид Дьячевский, добрый человек, не любящий дисциплину, отвечает:

— Ты адъютант, ты сам пойди и сделай так, как надо.

Чумаков — компанейский офицер, могущий выпить и поскандалить. Я быстро подхожу, беру его под руку и прошу вернуться за свой стол. Когда я подошел, оба прапорщика встали.

— Кто вы таков? — обращаюсь к первому.

— Я командир сотни 3-го Линейного полка прапорщик Сорокин, — с натянутым достоинством произнес он и добавил, что пришел со своим младшим офицером посидеть здесь в

хорошей обстановке, а этот офицер, судя по тому, как он одет в черкеску и как висит на нем оружие, видимо, не казак и еще стал его учить.

Инцидент был исчерпан. Этот прапорщик Сорокин в 1918 году стал «Главнокомандующим Северо-Кавказской Красной армией».

На отдыхе. Мерденекский перевал

Через два дня наш полк был в Карее. Здесь лютая зима. У нас — дневка. Воспользовавшись этим, часть молодежи кутнула. Ночью катание по городу на санях «с дамами», а потом с ними же — в синема, в ложи. В синема мы не были около двух лет, с самого Мерва. Так было приятно! Так приятна, хороша молодость…

Через сутки, двинувшись на север, полк расположился по квартирам в молоканском селе Романовна. Скоро в полк прибыли к мужьям полковые дамы — Калугина, Пучкова, Маневская и Дьячевская. Полк немедленно же приступил к своему ремонту. Но каково же было наше возмущение, когда ровно через две недели приказано выступить в Ольты!

Полк выступил. Миновав снеговую полосу, вошли в довольно теплый пояс, а перевалив через Мерденекский перевал, спустились в глубокое ущелье. По дну его течет речка. Вот и Мерденекский этапный пункт. Наш хор трубачей издали оглашает ущелье маршем, и эхо несется далеко-далеко вниз, куда мы спускаемся. Внизу видим городок палаток и меж ними целый цветник сестер милосердия в белых костюмах, высыпавших на зов полковой музыки. Оказывается, здесь находится госпиталь всего Ольтинского района. Казакам приготовлен на этапе обед, а нас, офицеров, госпитальное начальство пригласило к себе. Под хор трубачей мы обедаем, угощаем сестер милосердия приятными разговорами. Все здесь скромно и строго. Но мы и этим довольны, ведь находимся среди интеллигентных русских женщин, которые довольны нами. Мы так внимательны к ним, мы веселы, а главное — они довольны тем, что за стенами большой столовой палатки их слух услаждает наш хор трубачей.

Воинские традиции и полковник Мигузов

Наш полк подходит к Ольты. У восточной окраины этого села стоял биваком 3-й Горско-Моздокский полк Терского войска. Услышав хор трубачей, терцы высыпали к шоссе, закричали «ура» и радостно размахивали папахами. Наши сотни шли молча,

ничем не отвечая терцам. Считая это ненормальным явлением, я приблизился к полковнику Мигузову и спросил его, можно ли отвечать полку на приветствие.

— Ну конечно, конечно! Что вы меня об этом спрашиваете?! — нервно и зло ответил он.

Повернув коня к головной 4-й сотне есаула Калугина, быстро говорю ему, что «командир полка разрешил кричать терцам „ура“».

Казаки только этого и ждали. Из нашего конного строя замахали папахами, и понеслось долгое, продолжительное приветствие.

Привожу этот случай для того, чтобы показать, насколько был «забит» наш полк Мигузовым. Все мы отлично знали, что на приветствие встречающейся строевой части надо отвечать тем же, но сотенные командиры молчали, боясь нарушить «святость строя» и не зная, как на это посмотрит командир полка. Поэтому они и предпочли лучше промолчать, чтобы не получить «разнос». Ну а мы, молодежь, мы всегда действовали так, как говорило нам наше пылкое сердце. Наша головная сотня уже проходила бивак терцев, и… сотня молчала. Не спроси своевременно, возможно, весь полк так и прошел бы молча, чем ввел бы горско-моздокцев в недоумение.

С полковником Мигузовым всем нам трудно было служить. А полковому адъютанту — в особенности.

Генерал Пржевальский

Мы потом только узнали, что шло очень секретное распределение войск перед предстоящей Эрзерумской операцией. Наш и 3-й Екатеринодарский полки были приданы 2-му Туркестанскому корпусу, а 1-й Таманский и 3-й Линейный — 1-му Кавказскому и находились в районе Сарыкамыша. Итак, наша «новая дивизия» была разрозненна. Штаб дивизии находился при 1-м Кавказском корпусе и никакой связи с нами не имел. Где находился 3-й Екатеринодарский полк, мы тоже не знали, так как все это было под большим оперативным секретом.

В Ольты у нас дневка. Русско-турецкая граница в семи верстах. Наш полк будет смотреть командир 2-го Туркестанского корпуса генерал Пржевальский, бывший начальник 1-й Кубанской пластунской бригады, столь доблестно отличившийся со своими пластунами в Сарыкамышской операции.

У шоссе с небольшим штабом стоит обыкновенный казачий офицер в генеральских погонах на серой черкеске, в черном бешмете и простой казачьей папахе. Простые, черным «хозом»

обтянутые кинжал и шашка. На «газах» черкески висит белой эмали офицерский Георгиевский крест. И больше никаких блестящих украшений.

Он, видимо, много курит, так как его седая, коротко подстриженная борода и усы у рта — рыжеватые. Ему лет под 60. Сотни, проходя мимо, молодецки смотрят на свое новое высшее начальство. Только мало смотрит на них он, генерал Пржевальский. Или смотрит коротко, опытным взглядом боевого начальника. И совсем не хочет показать, что он есть большой начальник и заслуженно храбрый боевой генерал. И, глядя на него, лишний раз убеждаешься, что героями на войне часто бывают очень скромные по внешности люди. И мы были очень рады, что вошли в его подчинение и что вошли в состав своего родного по мирной стоянке в Мерве 2-го Туркестанского армейского корпуса.

Распределение казачьих сил перед Эрзерумской операцией

А. В Приморском районе, у Черного моря: 1-й Кубанский пластунский батальон 1-й Кубанской пластунской бригады; 15-й и 17-й батальоны 3-й Кубанской пластунской бригады; сотня 3-го Лабинского полка Кубанского войска.

Б. Во 2-м Туркестанском армейском корпусе (Ольты): 1-й Кавказский полк; 3-й Екатеринодарский полк (оба Кубанского войска); 3-й Горско-Моздокский полк Терского войска; 14-я и 18-я Кубанские особые конные сотни; 13, 14, 16 и 18-й батальоны 3-й Кубанской пластунской бригады.

В. В 1-м Кавказском армейском корпусе (главное направление): 1-й Таманский полк; 3-й Линейный полк; 4-я Кубанская казачья батарея (все Кубанского войска) и 55-й Донской казачий полк. Это были части 5-й Кавказской казачьей дивизии, с которыми находился и штаб дивизии. Наша дивизия была разрозненна: 3-й Кавказский полк Кубанского войска; 3-й Сунженско-Владикавказский полк Терского войска; 10-я и 30-я Кубанские особые конные сотни; 83-я Донская особая конная сотня; Донская пластунская бригада.

Г. В 4-м Кавказском армейском корпусе: 2-я Кавказская казачья дивизия шестиполкового состава, о которой указано в начале этой тетради (брошюры).

К началу штурма Эрзерума на главном направлении было сосредоточено более 31 сотни казаков, среди которых указаны две сотни 3-го Кизляро-Гребенского полка и две сотни 3-го Черноморского, переброшенные из 4-го Кавказского корпуса и

влитые в 1-й Кавказский.

Осенью 1915 года из армейского резерва Карс-Сарыкамыш были отправлены в Персию: 1-я Кавказская казачья дивизия генерала Баратова — 4 основных полка; Кавказская кавалерийская дивизия, в которой находился 1-й Хоперский полк Кубанского войска.

Обе эти дивизии не принимали участия в Эрзерумской операции. В Персии находилась и 4-я Кубанская пластунская бригада.

Отдельная Сибирская казачья бригада с 2-й Оренбургской казачьей батареей находились в армейском резерве. Потом они были переброшены в район Хасан-кала; при самом штурме Эрзерума бригада генерала Раддаца очень удачно действовала в стыке между 1-м Кавказским и 2-м Туркестанским корпусами. Пять сотен 3-го Лабинского полка находились при штабе командующего армией генерала Юденича.

Под стенами Эрзерума

Взятие крепости Эрзерум принадлежит чести 1-го Кавказского армейского корпуса генерала Калитина и 2-го Туркестанского генерала Пржевальского. Оба генерала — казаки. Главное руководство операцией находилось непосредственно в руках командующего Кавказской армией генерала Юденича. Распределение войск на всем Кавказском фронте, как и занятие исходных боевых позиций этими двумя корпусами, подготавливалось в большом секрете, как подчеркивал генерал Масловский. Все это закончилось к последним числам декабря 1915 года. По описанию Масловского:

> «На Ольтинском направлении 2-й Туркестанский корпус занимал позиции приблизительно в одном переходе от границы, не доходя городка Ид.
>
> На главном же, сарыкамышском, направлении 1-й Кавказский корпус занимал позиции в двух переходах от Кепри-кейского моста и Хасан-кала.
>
> 29 декабря 1915 года, с рассветом, части 2-го Туркестанского корпуса перешли в наступление на всем своем фронте. Крайний правый фланг корпуса обеспечивался движением 3-й Кубанской пластунской бригады в составе 4 батальонов — 13, 14, 16 и 18-го.
>
> В ночь на 30 декабря на своем фланге атаковали турок части 1-го Кавказского корпуса».

На ольтинском направлении три казачьих полка — кавказцы, екатеринодарцы и горско-моздокцы находились за турецким городком Ид. Здесь сплошное нагромождение горных безлесых кряжей. Глубочайший снег. Жестокие морозы. Упорное сопротивление турок.

Туркестанские полки ведут ожесточенные бои за овладение «Орлиным гнездом», что южнее города Ид, но, взяв его, корпус втянулся в еще более дикие кряжи. Кругом — бездорожье, конница под открытым небом. И если не было суворовских «чертовых мостов», то сплошь и рядом были «чертовы пропасти», заваленные снегом и непроходимые.

2 февраля 1916 года взят форт Кара-Гюбек, запирающий единственную дорогу с севера на Эрзерум по узкому Гюрджи-Богазскому ущелью. Этот форт, расположенный на конусообразной горе, выдвинувшейся по самой середине ущелья, теперь был весь черный от разрывов русских снарядов и выглядел мертвым и мрачным на фоне высоких хребтов, покрытых ослепительным, чистейшим снегом.

Пройдя Кара-Гюбек, наш полк остановился. Туркестанские стрелки западнее нас, где-то в поднебесье гор вели бой с турками, защищавшими последний кряж Гяур-даг (Собачья гора). К нам в ущелье на палаточных полотнищах, словно на салазках, они спускали своих раненых, убитых, обмороженных. Последних было особенно много. И характерное явление — солдаты жаловались не на упорство турок, а на страшные морозы наверху, жаловались на большой процент обмороженных и добродушно, с чувством воинского достоинства и гордости за свои славные туркестанские полки добавляли: «Доблестный русский солдат, где ты? И что сделали с тобой?..»

Наш полк, держа лошадей в поводу, скучившись в ущелье, ожидает момента, когда турки будут сбиты, чтобы броситься в Эрзерумскую долину.

К вечеру небо прояснилось и восточная часть долины стала хорошо просматриваться. По западному склону кряжа заметны турецкие укрепления, по которым передвигались какие-то «точки-муравьи». Далеко за ними, внизу, словно черный громадный паук на снежном полотнище, притягательной силой ласкал глаз «наш Эрзерум» — цель долгой операции.

Огибая наш полк, шагом выехала батарея туркестанцев. Впереди — хорошо знакомый нам по Мерву командир батареи капитан Кирсанов. В косматой черной папахе, с Георгиевским офицерским крестом на обыкновенной солдатской шинели — своим спокойным видом и воинской осанкой он походил на героя времен Кавказской войны.

С седла, посмотрев в бинокль на «точки-муравьи», он подал короткую команду своей батарее. Солдаты быстро и уверенно поставили батарею на открытую позицию и, как на учении, открыли огонь. Взяв цель «в вилку», третьим снарядом Кирсанов угодил в самый центр турок. «Точки-муравьи» зашевелились. Беглый огонь Кирсанова во фланг турецким окопам, которого они не ожидали, всполошил их. Мы видим, как эти «точки-муравьи» выскакивают из своих «нор» и длинными линиями движутся в сторону Эрзерума. Но мы еще видим — следующие «точки-муравьи», которые находятся севернее их, также выскакивают из своих «нор» и длинными поперечными линиями быстро двигаются вслед за первыми. То были правофланговые части 1-го Кавказского корпуса, атакующие Эрзерум по западному кряжу Деве-бойну.

Неожиданная поддержка во фланг лишь одной полевой батареи сломила сопротивление турок на этом участке фронта. Мы видим, как турки, бросив свои окопы, длинными линиями отступают на юго-запад. Снаряды Кирсанова рыхлят их ряды, покрывая снежное поле черными пятнами земли… Наше победное волнение усиливается еще тем, что русские «точки-муравьи», быстро устремившись вперед, уже занимают турецкие окопы.

Мы, конница, горим желанием стремительно рвануться вперед, к магическому для нас Эрзеруму, но форт Тафта еще не взят и закрывает наш выход в долину.

День клонился к вечеру, когда вдруг со снеговых круч восточнее нас не сошла, а буквально сползла на своих ягодицах группа неведомой нам здесь пехоты. В светло-серых шинелях, с красными петлицами на бортах, в темно-синих шароварах с красными лампасами, со «страшными», на наш кавказский взгляд, густыми и всклокоченными чубами, все в поту, с острыми, будто недовольными и озлобленными, глазами — они так неожиданно появились позади нашего полка, стоящего наготове, что мы, офицеры, с естественным любопытством окружили их.

— Кто вы? Какого корпуса? Откуда вы свалились? И куда идете? — забросали мы их вопросами.

— Да на Урзрюм… мать иво раз-етак! — вдруг отвечает передний из них, урядник, совершенно не по-воински и при этом досадливо вытирает папахой вспотевшую свою голову.

— Усю жисть служили на конях, а теперь вот начальство выдумало из нас, донских казаков, каких-то пластунов сделать, — закончил он повествование-жалобу.

Мы, офицеры, выслушав столь образное пояснение, весело ахнули от этой милой семейственно-казачьей встречи со своими старшими братьями — донцами. Курящие угощали их

папиросами, а наши казаки, стоя позади и слыша и видя все это, весело и сочувственно улыбались во все свои добрые лица.

Наскоро покурив и перекинувшись с нами «всеми казачьими новостями», молодецкий урядник-донец извинился перед нами уже чисто по-воински и, выполняя свою задачу, со взводом казаков, донских пластунов, быстро двинулся вперед.

> «Для связи войск, действовавших в Пассинской долине против Деве-бойну, со 2-м Туркестанским корпусом, действовавшим во фланг и тыл ее — через северную часть Карга-Базарского плато была направлена из армейского резерва Донская пешая бригада генерала Волошина-Петриченко. Бригаде было указано — при штурме наступать севернее села Еникей с целью захватить южный вход в Гюрджи-Богазский проход» — так пишет о задаче Донской пластунской бригаде генерал Масловский.

Но Донская бригада опоздала. Наш полк уже занял южный выход Гюрджи-Богазского ущелья на Эрзерум.

К самому вечеру этого дня погода прояснилась. При крепчайшем вечернем морозе выглянуло так желанное солнышко. Донская пластунская бригада к этому времени разными горными тропами спустилась вниз и своим головным батальоном атаковала последнее турецкое село, запирающее выход в Эрзерумскую долину. Турки были выбиты из него и отступили на юг. Батальон донцов, ворвавшись в село возле форта Тафта, захватил свыше десятка старых пушек.

Возбужденный боевым успехом после перехода по разным «чертовым тропам» турецких снеговых гор есаул, командир батальона, выстроив своих пластунов возле захваченных пушек, скомандовал:

— На молитву — шапки долой! — и на закате зимнего холодного солнца всем батальоном восторженно пропел «Отче наш».

Этот финальный момент боя религиозного донского казачества был исключительно величествен в своей одухотворенной простоте и мистической реальности…

На закате этого памятного дня, 3 февраля 1916 года, наш полк был брошен вперед. По снежной равнине, заволокшейся молочной мглой, не зная обстановки, полк шел всю ночь. Это была памятная ночь… Весь день на ногах, в походе, в перестрелках, и теперь ночью от усталости, холода, голода сон дурманил головы всех. При коротких остановках казаки валились с седел и засыпали тут же в снегу, держа лошадей в поводу в

изгибе локтя. Нашему ночному маршу, казалось, не будет конца. Перед утром полк достиг какого-то села и расположился на ночлег.

Немного вздремнули, и утром была выслана целая серия офицерских разъездов. Пишущий эти строки был послан на юго-запад с задачей дойти до шоссе Эрзерум — Аш-кала. Разъезд силой в 10 казаков.

Небо не благоприятствовало нам. Молочный зимний туман сковал всю природу, и в 50 шагах ничего не было видно. Часа через два пути в селе Кара-арз натыкаюсь на Сибирскую казачью бригаду. Она только что с боем заняла его. На улочках лежало несколько тяжелораненых турецких солдат. Полулежа, сидя, укрывшись одеялами, они оставались на тех же местах, где получили свои ранения. Молодые и крепкие, с черными усиками, они при нашем проходе мимо них — десяти конных кавказских казаков, одетых, как и их турецкие черкесы, — молча и сосредоточенно смотрели на нас своими печальными красивыми глазами. Нам их было жаль: такое мусульманское терпение, непротивление воле судьбы, этот восточный фатализм вызывали к ним человеческое сострадание и жалость.

В селе чувствовался близкий бой. Начальник Сибирской казачьей бригады, отважный генерал Раддац, со своим малым штабом из-за угла ханы, занесенной глубоким снегом, старательно всматривался в бинокль куда-то на юг. Одет он был не по-зимнему: в кавказскую бикирку, небольшую папаху, без башлыка. На вид он казался молодым, изящным и прытким. После разрыва турецкой шрапнели над селом он вскакивал на крышу ханы, наводил бинокль и активно всматривался во мглу туманно-молочной непогоды, где действовали его сотни. Но, услышав артиллерийский выстрел турок, он быстро спрыгивал вниз, прятался за стену и после разрыва шрапнели вновь вскакивал на крышу и в бинокль смотрел на юг. Мои казаки наблюдали эти акробатические упражнения генерала Раддаца, качали головами и улыбались. И я видел, что он им очень понравился.

По всем кривым улочкам села, держа лошадей в поводу, стояли сотни сибирских казаков. Мне они сказали, что дальше идти нельзя — там их сотни ведут бой.

Мы спешились. Смотрю в бинокль туда, куда смотрит и Раддац. Не дальше как на сто шагов заметны были в туманной мгле темные пятна на снегу. От этих пятен отделялись какие-то фигуры и двигались к нам: то шли казаки передовых сотен Сибирской бригады с седлами на плечах, потерявшие своих лошадей в конной атаке.

От нашего полка подошел второй разъезд хорунжего Некрасова. Спешился и он. Не прошло и получаса, как к селу приблизилась длинная лента людей, сопровождаемая двумя казаками на лошадях. Это оказался турецкий батальон, свыше 500 человек. Турецкий капитан, небольшого роста, сухощавый, с тонкими и благородными чертами лица матового цвета, выбритый, но с пышными черными усами в стороны, вежливо отдал воинскую честь нам с Некрасовым. Мы ответили ему тем же. Серебряные погоны на черкесках ясно дали знать ему, что перед ним офицеры.

Батальон остановился. Турецкие солдаты — молодые и бодрые. Хорошо обмундированы. Лица открытые, смелые. Упадка воинского духа в них не было заметно. С Некрасовым мы подошли к капитану. Он вновь козырнул нам и спросил, говорим ли мы по-французски. Смущенно ответили — нет. Позвали переводчика.

Капитан — с костылем хорошей работы. С ним он, видимо, никогда не расставался. Он нам рассказал, что их дивизия отходила из Эрзерума в арьергарде. Неожиданно атаковала казачья конница и захватила полностью его батальон там, где он этого и не ожидал.

Если есть «горе побежденных», то есть и «радость победителей».

Рассекая туман и снег, с разъездом быстро двигаюсь вперед по горячим следам боя. Где-то впереди, в непроницаемом тумане, слышна орудийная стрельба, но такая, которая бывает только при отступлении — неуверенная. И когда разъезд достиг шоссе, длинная густая колонна турецких войск уже втянулась в узкое дефиле и была неуязвима. Отход ее происходил в полном порядке. Быстро вскочив в село и спешившись, разъезд открыл огонь. Последняя рота немедленно же рассыпалась в цепь и тоже ответила огнем. Их двуколки, совершенно не торопясь и не усиливая своего аллюра, прошли цепь стрелков. Выждав, пока главные силы скрылись в изогнутом дефиле, арьергардная рота снялась и последовала за ними.

С севера-востока, без дороги, по глубокому снегу, широкой рысью к нам движется конная группа человек в сто, в колонне по три. Впереди в светлой офицерской шинели мирного времени, крест-накрест перетянутой походными ремнями, в большой черной папахе, с дикообразной бородой шел ее начальник. На миг остановившись передо мной, он бросил мне фразу: «Где турки?»

Я сказал и указал на дефиле, где они скрылись.

— А!.. Ну, тогда мы зайдем им в тыл! — сказал, быстро повернул своего коня на северо-запад и широкой рысью, без

дороги, по колено в снегу своих крепких лошадей, быстро удалился от нас.

Его всадники, совершенно не теряя ни интервалов, ни дистанции, стройно последовали за ним. Я удивился и восхитился их строевой сноровке. Это была одна из сотен Сибирской казачьей бригады.

С самого начала Эрзерумской операции Сибирская казачья бригада очень удачно действовала в районе Хасан-кала как ударная конная группа. Теперь она появилась в тылу Эрзерума, прибыв сюда раньше нашего полка. Надо полагать, она прорвалась в стыке Кавказского и Туркменского корпусов, обошла турок и зашла им в тыл. Доблести этой бригады сибирских казаков на Кавказском фронте нет конца.

> Генерал Масловский: «Лучшее направление для действий конницы в Эрзерумской операции было бы от Ольты через Гюрджи-Богазский проход, в тыл Эрзерума, но… фуражный вопрос стеснял сосредоточение там конницы».

Но если прошла, прорвалась бригада сибирских казаков, то с нею могла бы прорваться и первоочередная дивизия других казаков. И шесть-десять казачьих полков, дойдя своевременно до шоссе Эрзерум — Илиджа, могли бы иметь большой успех.

По книге Масловского, Эрзерум пал 3 февраля 1916 года. Описываемые события происходили 4 февраля.

1-й Кавказский корпус действовал прямо на запад от Эрзерума. 2-й Туркестанский корпус, не заходя в Эрзерум, круто повернул также на запад. Наш полк вошел в Аш-кала. Сибирская казачья бригада действовала южнее Аш-кала.

Стены Эрзерума остались позади нас.

Тетрадь восьмая

Казачьи части на Кавказском фронте в начале 1916 года

В 1915 году по политическим и военным соображениям главнокомандующий Кавказской отдельной армией великий внязь Николай Николаевич решил послать в Персию Экспедиционный корпус, специально образованный из войск, выделенных с фронта Кавказской армии. В него вошли следующие части:

1. Из 1-го Кавказского армейского корпуса — 1-я Кавказская казачья дивизия генерала Баратова в своем основном составе мирного времени: 1-й Запорожский полк, 1-й У майский полк, 1-й Кубанский полк (все три Кубанского войска), 1-й Горско-Моздокский полк Терского войска, 2-я Кубанская казачья батарея и 1-я Терская казачья батарея. Всего 24 сотни и 12 полевых орудий, две гаубицы 1-й Кавказской отдельной гаубичной батареи.

2. Из состава 4-го Кавказского армейского корпуса — Кавказская кавалерийская дивизия в полном своем составе: 16-й Тверской драгунский полк, 17-й Нижегородский драгунский полк, 18-й Северский драгунский полк, 1-й Хоперский полк Кубанского войска и Кавказский конно-горный дивизион. Всего 24 эскадрона и сотни и 16 орудий.

3. В этот Экспедиционный корпус должна была войти 2-я бригада Сводно-Кубанской казачьей дивизии в составе полков: 3-й Сводно-Кубанский, 4-й Сводно-Кубанский и две сотни 2-го Сводно-Кубанского полка.

Всего 14 сотен, которые уже находились в Персии, в районе города Казвин.

Возглавлял этот корпус начальник 1-й Кавказской казачьей дивизии генерал Баратов, одновременно занимая свою прежнюю должность.

Все эти части были перевезены по железной дороге до Баку, а оттуда морем до Энзели. Перевозка совершилась в конце октября и начале ноября того же, 1915 года.

30 октября первым прибыл в Энзели со своим

штабом и конвоем генерал Баратов.

По сосредоточении 1-й Кавказской казачьей дивизии в районе города Казвин она немедленно же была брошена вперед. 1-я бригада ее — 1-й Уманский и 1-й Кубанский полки — под командой полковника Фесенко (терский казак) 20 ноября с боем заняла город Хамадан, что в 150 верстах на юго-восток от Казвина.

2-я бригада дивизии — 1-й Запорожский и 1-й Горско-Моздокский полки — под командой полковника Колесникова (терский казак и командир 1-го Запорожского полка) 7 декабря с боем взяла священный город персов Кум, находившийся в 200 верстах к югу от Казвина, по дороге через Тегеран.

Кавказская кавалерийская дивизия, двигаясь вслед, к началу декабря подходила к Хамадану, вокруг которого и был сосредоточен весь корпус. Продвигаясь с боями на юго-запад, 13 февраля 1916 года корпус занял город Керманшах, что в 120 верстах от Хамадана.

Здесь корпус занял широкий фронт и задержался на некоторое время.

Тогда на английском фронте в Месопотамии, на реке Тигр, гарнизон генерала Таусенда был блокирован турецкими войсками. Английское командование просило помощи со стороны русских войск. Великий князь Николай Николаевич приказал генералу Баратову продолжать наступление имеющимися свободными силами.

Он решил произвести давление в направлении на Багдад силами Кавказской кавалерийской дивизии: 1-го Запорожского, 1-го Уманского и 4-го Пограничного конного полков.

В апреле 1916 года части начали наступление, заняли с боями пограничные с Турцией персидские города Керинд и Касри-Ширин. Турки отошли на свою территорию и остановились. В это время получено было сообщение, что английский отряд генерала Таусенда в Кут-эль-Амаре сдался туркам. Генерал Баратов все же в 20-х числах мая произвел наступление на Ханекин, которое закончилось неудачей. Движение вперед было остановлено, и это были самые южные пункты в Персии, куда прошли казачьи кони…

Исключение составляет рейд сотни 1-го Уманского полка сотника Гамалия в Месопотамию на соединение с англичанами.

В связи с неблагоприятным положением у англичан в Месопотамии и с продвижением Экспедиционного корпуса генерала Баратова Азербайджано-Ванский отряд перешел в наступление на Моссул двумя колоннами:

1. Из Урмии — Урмийский отряд генерала Левандовского (сибирский казак) в составе 3-й Забайкальской казачьей бригады: 3-й Верхнеудинский, 2-й Аргунский полки и 2-я Забайкальская казачья батарея, 1-й и 2-й Терские батальоны 4-й Кубанской пластунской бригады.

2. Соуч-Булахский отряд генерала Рыбальченко (кубанский казак) в составе: 1-й Полтавский полк, 3-й Кубанский полк (оба 4-й Кавказской казачьей дивизии), 1-й Пограничный конный полк, 4-я армянская дружина Кери и Пограничная горная батарея.

30 апреля 1916 года отряд генерала Рыбальченко ворвался в турецкий город Равендуз. При налете на Равендуз был убит начальник 4-й армянской дружины Кери.

В связи с наступлением 1-го Кавказского и 2-го Туркестанского корпусов на Эрзерум 4-му Кавказскому армейскому корпусу приказано перейти в наступление на всем своем фронте с целью привлечь на себя внимание турок и не позволить им произвести переброску каких-либо частей с фронта корпуса в район Эрзерума.

Движение корпуса назначалось на Хные-калу и Мелязгерт. В этой операции наряду с пехотой участвовала почти полностью 2-я Кавказская казачья дивизия генерала Абациева в следующем составе: 1-й Лабинский полк, 1-й Черноморский полк, 3-й Запорожский полк, 3-й Черноморский полк (4 сотни) — все Кубанского войска; 3-й Волгский полк, 3-й Кизляро-Гребенской полк (4 сотни) — оба Терского войска; 11, 13 и 25-я Кубанские особые конные сотни.

Честь занятия богатейшего города Муш принадлежала 1-му Лабинскому полку полковника Носкова, который занял его 4 февраля! Сотник Коля Бабиев в этой операции был командиром 3-й сотни полка.

Битлис был занят 17 февраля 1916 года отрядом генерала Абациева и действующими по южному берегу Ванского озера частями Азербайджано-Ванского отряда,

среди которых были: 1-й Сунженско-Владикавказский полк Терского войска полковника Земцева (кубанец), 1-я и 2-я армянские дружины.

В Приморском районе. Ввиду наступления на Эрзерум Приморскому отряду генерала Ляхова приказано было также перейти в наступление против турок, чтобы приковать их внимание к себе и не позволить им сделать какие-либо переброски войск к району Эрзерума.

24 февраля был взят город Ризе. Сложившаяся на фронте Кавказской армии обстановка требовала дальнейшего наступления Приморского отряда с целью овладеть Трапезундом.

Ставка Верховного главнокомандующего императора Николая II решила вернуть с Западного фронта на Кавказ 1-ю и 2-ю Кубанские пластунские бригады.

Обе эти бригады по железной дороге прибыли в Новороссийск, откуда морем направлены к Приморскому отряду. 1-я бригада генерала Гулыги высажена в Ризе и форсированным маршем немедленно же выступила в направлении Трапезунда. 2-я бригада генерала Краснопевцева высадилась западнее города Сюрмен.

Генерал Масловский пишет:

«Ввиду того что боты с транспорта не были выгружены — лошади 2-й бригады пластунов были пущены вплавь и благополучно достигли берега; лишь одна лошадь утонула».

У казаков всегда были какие-то исключения, отличающие их от русских регулярных войск, и эти исключения бывали и интересные, и оригинальные. Так было и здесь, при выгрузке из кораблей. Лошади же в пластунских бригадах были обозные, санитарные и офицерские. Лошади «под седло» полагались офицерам, начиная от командира сотни и выше.

Наш полк находился тогда далеко, и мы не были свидетелями проявленной доблести этих двух бригад храбрых кубанских пластунов при взятии Трапезунда 5 апреля 1916 года.

«Ввиду наступления Приморского отряда на Трапезунд 2-му Туркестанскому корпусу приказано вести демонстративное наступление, чтобы отвлечь на себя

внимание турок и не позволить им делать переброски своих войск в сторону Трапезунда. Особенно энергичное было наступление 3-й Кубанской пластунской бригады полковника Камянекого, бывшей на правом фланге корпуса», — подчеркивает генерал Масловский.

3-я Кубанская пластунская бригада своим правым флангом вошла в живую связь с левым флангом 1-й Кубанской пластунской бригады генерала Гулыги.

Кто знает казачье братство, тот представит, как должны были доблестно действовать эти три Кубанские пластунские бригады в составе 18 батальонов, то есть боевой численностью в 18 тысяч штыков, по-казачьи чувствуя в бою плечо к плечу.

К концу Эрзерумской операции из Персии были переброшены и вошли в состав 1-го Кавказского корпуса 19, 20, 21 и 22-й батальоны 4-й Кубанской пластунской бригады. 1-й и 2-й Терские батальоны этой бригады были оставлены в Персии и присоединились к ней только летом 1916 года.

К началу 1-й Мемахатунской операции от Трапезунда и до шоссе Эрзерум — Эрзинджан было сосредоточено 22 батальона кубанских пластунов и 4 батальона Донской бригады.

Казачья конница действовала в Эрзерумской операции с востока в составе 1-го Кавказского корпуса. В нее вошли части 5-й Кавказской казачьей дивизии генерала Николаева: 1-й Таманский, 3-й Линейный, 55-й Донской казачий полки и 4-я Кубанская казачья батарея.

Не входившие в состав дивизии полки:

3-й Кавказский Кубанского войска и 3-й Сунженско-Владикавказский Терского войска. 2-й Кавказской казачьей дивизии генерала Абациева: 2 сотни 3-го Кизляро-Гребенского полка Терского войска, 2 сотни 3-го Черноморского полка Кубанского войска.

Наш 1-й Кавказский полк, заняв Аш-калу, остановился в ней, ведя разведку.

3-й Екатеринодарский полк Кубанского войска и 3-й Горско-Моздокский полк Терского войска действовали севернее нас. Сибирская отдельная казачья бригада была где-то южнее нашего полка. Военные действия приостановились, и войскам был дан отдых после двухмесячной победной Эрзерумской операции.

Маленький фронтовой случай. Проездом в Эрзерум у нас остановился один из командиров сотен Сибирской бригады.

Пожилой есаул, увидев наше мирное расположение, удивленно спросил:

— Вы всегда так мирно живете? — и, услышав от наших старших офицеров, что «приказано свыше остановиться и вести только разведку», он не то с удивлением, не то с гордостью заметил: — А наш Раддац все время собирает своих командиров полков и командиров сотен и все выискивает, как бы нам всей бригадой пробраться в тыл к туркам…

Мы слушали есаула-сибирца и улыбались. Улыбался и он.

Земский союз городов

В Аш-кале наш полк простоял всего лишь несколько дней. Приказано идти в Эрзерум на присоединение к своей дивизии.

По шоссе, по ущелью полк идет на восток. Сильный холод. В воздухе стоит непроглядная мгла и мертвая тишина. Все заморожено в природе. Казаки в своих овчинных полушубках поверх черкесок закутаны в бурки, в башлыки. Полк идет мерным шагом. И вдруг перед нами во мгле, перед самым носом, неожиданно открылся «городок» больших казарменных палаток. Кругом расчищен снег, утоптаны дорожки, из труб палаток валит дым. Командира полка встречают какие-то штатские люди с бородами, в валенках, в меховых тужурках, в треухах. Передний из них не рапортует, а запросто говорит Мигузову:

— Господин полковник, пожалуйста, остановите свой полк… Для всех господ офицеров и казаков приготовлен горячий кофе с молоком и галетами…

Мы совершенно не знаем, кто они. Но полк остановился, спешился. Офицеры вышли вперед. Наши командиры сотен шушукаются:

— Как?.. Казакам кофе?.. А что это будет стоить? И кофе ведь не полагается по казенной раскладке: как это вывести в расход по артельной книжке?.. За это — «за кофе для казаков» — командир полка еще может «выцукать» как за непредвиденный расход! И может его не признать…

Мы, молодежь-хорунжие, как всегда при всех привалах полка, кучкуемся вместе и говорим, говорим обо всем, а главное — часто критикуем начальство. Нам приятно видеть и слышать «затруднения» командиров сотен, которых мы очень уважаем, но которые, по нашему мышлению, немного отстали в своем понимании военной службы и, главное, в своих начальнических отношениях к нижним чинам, которыми являются наши же казаки, наши родные меньшие братья. Мы, молодежь, настроены либерально и стараемся учить казаков «показом и рассказом», не

одной только сухой воинской дисциплиной.

В данном случае нам приятно видеть это затруднение с «кофе для казаков», который и мы хотим выпить с жуткого холода, хотя и понимаем, каким недосягаемым лакомством будет он, горячий кофе с молоком, для промерзших казаков.

Кстати сказать, казаки в своих станицах совершенно не знали вкуса кофе. Его у них никогда не было, то есть он был совершенно неведом в станицах и считался «панским напитком». И вдруг, вот теперь на войне, да еще в полудикой Турции, в такой злющий холод казакам предлагают горячий кофе.

Старейший командир сотни есаул Калугин тихо говорит подъесаулу Маневскому, чтобы не услышал командир полка:

— Жорж, а ты по секрету спроси сестру милосердия, что это будет стоить.

Маневский мог быть и дипломатом. Отделившись от нас, он учтиво и тихо спрашивает пожилую сестру милосердия. И вдруг мы слышим ее слова, произнесенные довольно громко:

— Наша организация «Союз городов» — это русское благотворительное учреждение для армии… мы всех кормим и поим бесплатно… Ведите своих молодецких казачков, и пусть они пьют на здоровье.

Маневский уже берет инициативу и спрашивает:

— Как же можно напоить кофе казаков, которых в полку около 1000 человек?

Сестра добро улыбается и отвечает:

— Всем хватит. Вы только распределите их человек по 200 на каждую палатку-столовую.

Казаки вошли посотенно. И вот, часто голодные, в постоянном неуюте, наши всегда безропотные казаки, войдя во вместительные палатки-столовые, не сомневаюсь, диву дались, увидев и почувствовав здесь такое растворяющее душу и тело тепло, уют, чистоту, порядок.

Засели за длинные столы… Но как сели казаки. Бурки спешно ввязаны в торока. Все — в овчинных полушубках поверх черкесок. За плечами — красные суконные башлыки. Все — при шашках и кинжалах. На груди — патронташи с боевыми патронами. У многих через плечо торбы, в которых у казаков всегда есть хлеб и патроны. Винтовки между ног. Папахи под мышками.

Казаки молча пьют кофе из больших, полулитровых чашек, окуная в него вкусные сдобные галеты размером «квадрат четверти». Так же пили и мы, офицеры, сидя за отдельным столом.

Все пьют спешно, словно боясь потерять время и лишиться такого вкусного напитка, да еще на походе, на коротком привале.

Маневский, очень заботливый командир сотни, встает из-за стола и идет к своей сотне, чтобы посмотреть, убедиться, довольны ли казаки.

Родная сотня всегда тянула меня к себе, хотя я и стал полковым адъютантом. Полтора года войны в ее составе, бесконечные разъезды, опасности сильно сближают людей.

Казаки очень любили и уважали Маневского, офицера исключительной честности, справедливости и во всем достойного человека. Но с ним они не были в близких взаимоотношениях, так как должность командира сотни считалась тогда высокой. К тому же он был старше их на 10–15 лет, смотря по году присяги казаков. Иное дело, многие из нас, хорунжих, которые возрастом были моложе их и которым казаки порою вне службы открывали и свою душу…

Я иду за Маневским и дружески киваю, больше песельникам, как бы спрашивая: «Ну, как кофе? Нравится?»

— Дюжа вкусная… но мало. А можно и иш-шо, ваше благородие? — спрашивают смельчаки.

У казаков кофе, белье, дитя — все женского рода.

— Я спрошу сестрицу, — быстро отвечаю им.

— Да пусть пьют на здоровье и сколько хотят, — отвечает ласково сестра, и громадные, ведерные медные чайники с кофе поплыли по столам, только подставляй казаки свои большие кружки.

— А можно галетов взять с собой? — спрашивают другие. Вновь обращаюсь к сестре.

— Да пусть берут сколько хотят, — отвечает сестра и добро улыбается.

И казаки взяли все, что было на столе. И пожалели некоторые из них, что свои торбы оставили на передней луке седла…

И потом, много дней спустя, казаки угощали нас «своим запасом», американскими галетами, как говорили, которые для них были слаще сладких пряников.

Кто был на голодном Турецком фронте, тот поймет тогдашнее состояние казаков и их радость от подобного приема.

Мы были приятно удивлены таким гостеприимством и организованностью «Земского союза городов», но это мы ощутили только единственный раз, так как наш полк, как и другие казачьи полки, был направлен в разные трущобы, на фланги пехоты.

Начались бои, началось новое победное движение вперед, и мы снова становились «на подножный корм»…

В Эрзеруме мы встретились со своим однобригадным 1-м Таманским полком. У них был новый командир полка полковник Кравченко и новый адъютант хорунжий Лопатин, казак станицы

Расшеватской. Простояв в самом Эрзеруме несколько дней, вся дивизия втянулась в 1-ю Мемахатунскую операцию.

Конная атака полка «не по уставу»

> «По занятии Эрзерума части 1-го Кавказского армейского корпуса, преследуя турок, распространились на запад, приблизительно на 50 верст и остановились. Войскам была дана передышка. Турки же, подтянув подкрепления из Галиполи, на главном, эрзерумском направлении, наняли проявлять активность, производя почти непрерывные атаки наших войск, утомленных упорными боями длительной Эрзерумской операции», — пишет генерал Масловский.

В этой операции — 1-й Мемахатунской — участвовала полностью наша 5-я Кавказская казачья дивизия.

Выйдя из Эрзерума через «Сивасские ворота», полк свернул на юго-запад и втянулся в горы. На второй день вошел в село Бардак и остановился до распоряжения. Бардак по-турецки значит кувшин. Село лежало в долине маленькой речки Тузла-чай (Соленая река), на ее правом берегу. За речкой, на юг, — грозный массив Бегур-дага, заваленный снегом. На север — высокое плато. Все безжизненно. Никаких дорог. Никакого подвоза — ни фуража для лошадей, ни довольствия для казаков. В селе есть жители, у них, как у всех турок, бедные, скудные запасы муки и сена. С нами нет и нашего полкового обоза 1-го разряда, так как колесной дороги зимой здесь нет. В одну из ночей полку приказано продвинуться по долине вперед, до самых передовых позиций пехоты, и ждать нового распоряжения. Село маленькое. Офицерам досталась одна комната-трущоба. Не раздеваясь и не снимая оружия, все заснули вповалку на глиняном полу. Разъезд прапорщика Косульникова (терский казак), посланный немедленно же прямо на север к старшему пехотному начальнику, привез письменное приказание: «С рассветом полку двинуться на север, к селу, что в двух верстах, соединиться с пехотой и ждать ее наступления».

Рано утром полк выступил, но только показались наши головные дозорные на перевале, отделявшем нас от пехоты, как во фланг были жестоко обстреляны турками на самом близком расстоянии. Они отскочили к полку. Полк остановился, и потом мы пополувзводно, с перерывами, «в один конь», проскакали карьером это смертоносное пространство под жесточайшим огнем турок. Тут же мы воткнулись в маленькое село, где стояла наша

пехота, и взводами, разбросанными сотнями укрылись в разных неровностях местности и за селом. И только что полк остановился, как из нор-хат этого сельца стали очень быстро выскакивать наши солдаты в шинелях, бегом сразу строили боевые цепи и, не открывая огня, меся сапогами снег и грязь, спотыкаясь по каменьям, двинулись быстро вперед по горной низине, которая была чуть поката в сторону противника. За нею, может быть, в тысяче шагах, крутыми скатами поднималось плато, занятое турками. И «заскворчало» все со стороны турок сильнейшим огнем. Две цепи русских солдат продолжали идти вперед очень быстро, не открывая огня. Пули турок перелетали, ложились в нашем сельце. Было очень неприятно это ощущать в бездействии и беспомощности. Наша пехота прошла уже половину пространства, отделявшего ее от турок, как мы услышали крики солдат:

— Кавалерия — вперед!.. Кавалерия — вперед!..

Это был тот животрепещущий признак конца боя, когда пехота сбивала противника, противник снимался со своих позиций и уходил. И пехота, не могущая его догнать, со щемящей и победной радостью звала для этого свою союзницу — конницу.

— Полк, сад-дись!.. Первый дивизион, в ат-таку!.. — произвольно, вне всякого рассуждения и не получая ни от кого распоряжения, громко, зычно выкрикнул полковник Мигузов.

Впереди нас была единственная тропа «в один конь». Ни вправо, ни влево от нее нельзя было скакать.

— Первый взвод, вперед, широким наметом!.. — немедленно же выкрикнул своим густым голосом маленький ростом, тщедушный командир 1-й сотни подъесаул Алферов, казак станицы Урупской.

— Первый взвод, за мной… — как всегда скромно, словно стесняясь, произнес своим казакам хорунжий Коля Леурда и с места, широким наметом пустил вперед своего мощного тугоуздого коня…

Казаки 1-го взвода последовали за своим офицером тем же аллюром. За 1-м взводом выскочил и Алферов с остальными взводами. За 1-й сотней стала выбрасываться 2-я сотня есаула Пучкова.

130 казаков 1-й сотни скакали молча куда-то вниз, «в один конь», и впереди всех, без головных дозоров скакал хорунжий Леурда, храбрый офицер, мой друг, всегда искавший смерти в боях… Он ее и нашел, но позже и при других обстоятельствах…

За ним, не отставая ни на шаг, скакал его конный вестовой Желтухин, казак станицы Ильинской, на очень прытком сером коне в яблоках.

Полковник Мигузов всегда во время боя держал возле себя подъесаула Маневского как советника. В данный момент впереди 3-й сотни Маневского верхом шел молодой прапорщик Бабаев, ускоренного — 1915 года — курса артиллерийского училища. Умный и воспитанный офицер, он не блистал в конном строю. Мигузов, бросив взгляд на его слегка согнутую фигуру, выкрикнул мне:

— Станьте во главе 3-й сотни!

Мы проскакиваем цепи нашей пехоты, которая продолжает быстро идти вперед, и солдаты радостно кричат нам:

— Скорее, скорее, казаки!

Настоящее воинское братство познается только в бою.

Голова 1-й сотни, следуя по тропе, повернула чуть налево, обогнула отрог кряжа и скрылась от нас. И когда и 3-я сотня обогнула этот отрог, навстречу нам густой толпой скорым шагом повалила плененная турецкая пехота.

— Пленных не рубить!.. Не рубить!.. Не имеете права!.. — вдруг слышу я выкрики турецкого офицера по-русски, одетого в светлое пальто, быстро идущего в толпе пленных левее нас, скачущих им навстречу.

1-я сотня остановилась. 2-я и 3-я по инерции проскочили к голове первой сотни и также остановились. Здесь — новые толпы пленных турок, их офицеры и два крупных мула, на которых находились 2 горных орудия на вьюках.

Оказалось, турки, увидев несущихся казаков, быстро оставили свои позиции, бросились вниз к дороге, но тут им перерезал путь взвод хорунжего Леурды. И как всегда бывает в конных атаках на пехоту — когда первые ряды конницы доходят «до удара в шашки», — пехота сдается.

Так было и здесь. Сгоряча один турок хватил штыком коня Желтухина в правую лопатку. Молодецкий казак немедленно же нанес ему удар шашкой по голове, но клинок соскользнул и «отвалил» турку только щеку.

Это и была единственная потеря у турок и у нас.

Захвачено около 1000 человек пехоты и 2 горных орудия. Немедленно же прискакал полковник Мигузов с остальными тремя сотнями, взял общее командование и поздравил подъесаула Алферова с непререкаемым получением ордена Св. Георгия.

И были представлены: Алферов — к ордену Св. Георгия 4-й степени, а Леурда — к Георгиевскому оружию.

Строго говоря, надо было этих офицеров представить наоборот, так как фактически хорунжий Леурда захватил пушки, как и первый оказался под турецкими пулями. Но Георгиевская

дума Кавказской армии решила иначе: она отказала в награждении статутными орденами обоих офицеров по мотивам — «орудия были на вьюках»…

Позже, когда наш полк принял полковник Мистулов, он, выслушав доклад, возмутился и возобновил представление. Алферов месяцев через десять был награжден орденом Св. Георгия 4-й степени, хорунжему же Леурде — отказано в Георгиевском оружии, и он получил за эту атаку орден Св. Станислава с мечами 2-й степени.

Остальных офицеров даже не представляли к наградам, считая это делом обыкновенным.

В этом сказалась всегдашняя казачья скромность, и в особенности скромность нашего полка.

Конный вестовой хорунжего Леурды, казак Желтухин, вне очереди награжден Георгиевским крестом 4-й степени.

Турецкий офицер, кричавший по-русски «Пленных не рубить!», оказался русским осетином и кадетом Владикавказского корпуса. Из чувства шовинизма он бежал в Турцию, там окончил военное училище и стал турецким офицером.

Конный наскок

Переночевав в каком-то ближайшем селе, наш полк двинулся дальше — вперед по течению реки Тузла-чай и вошел в широкую долину между двух хребтов. В авангарде шли 1-я и 4-я сотни под командой есаула Калугина. Авангард наш шел в двух верстах впереди полка. Турок мы ждали спереди и справа, то есть с севера. И вдруг по авангарду был открыт огонь с юго-запада, с вершины.

Первые два разрыва ударили по хвосту колонны, которая шагом двигалась по три. Сотни сразу же бросились вперед широким наметом к последнему отрогу гор, что впереди них, может быть, в версте. Полк немедленно остановился, и офицеры с тревогой навели свои бинокли. Четыре турецких орудия открыли беглый огонь по нашему авангарду, но казаки так бешено скакали вперед за своими офицерами, что турецкие разрывы оставались позади колонны, построившейся повзводно. Хвост колонны, последний взвод, как нам казалось, напирал на предпоследний, и две сотни казаков в 250 коней неслись вперед сплошным строевым массивом, как на ученье.

Нам, за две версты расстояния, не было видно, что побудило авангард так бешено броситься именно вперед под орудийным шрапнельным огнем турок во фланг. Вдруг видим — с перевала, с севера, со стороны Мемахатуна, бежит турецкая пехота,

пересекает седловину и торопится к хребтику того отрога горы, последнего отрога, к которому скакали наши сотни.

«Пропали сотни…» — пронеслась мысль. Если турецкая пехота раньше казаков займет хребтик, она будет расстреливать наших сверху, как куропаток. А их артиллерия возьмет казаков с противоположной стороны, с тыла. И что тогда будет с коноводами — представить трудно…

Сотни, подскакав к подножию хребта, мигом спешились, и казаки — не уставными цепями, а уже по личной инициативе, как настырные муравьи, всяк сам по себе — быстро карабкались по крутому юго-восточному склону к его вершине. Турки бежали к той же вершине, но с другой стороны. Мы все в свои бинокли с замиранием сердца смотрели и гадали: кто первый займет хребтик?.. Неужели турки?!

Обе стороны отлично понимали: кто первым займет его, тот и будет победителем.

Теперь обе стороны уже не видят друг друга, но все бегут и бегут — всяк со своей стороны.

Со стороны казаков, с юга-востока, подъем был крутой, *ко* без снега, тогда как со стороны турок, с севера, места были частью со снегом и, видимо, с топкой глинистой грязью. И мы видим, насколько казаки быстро карабкаются вперед, чисто по-кошачьи. Турецкие же солдаты увязали в грязи и очень тяжело перебегали седловину и уже шагом шли-ползли к вершине.

И вдруг с левого фланга казаков, нами не видимого, послышалось несколько выстрелов: то первые из них уже заняли драгоценный для обеих сторон гребень отрога. Еще и еще несколько томительных секунд, показавшихся нам часами в наших жутких наблюдениях и переживаниях, и со стороны казаков затрещали более частые выстрелы потом заговорил жесточайший винтовочный огонь.

А турки… бедные турки! Бедные люди… такие же, как и мы, воины, у которых есть и свое отечество-государство, есть и свои святые обязанности перед ним, как и у нас, казаков. Есть у них своя отличная воинская дисциплина, и свои семьи, и свои хаты… Семьи томительно будут ждать от них вести с фронта «об их здоровье и благополучии», но… их они уже никогда не получат!

Они, турки, всегда храбрые солдаты своей Великой Турецкой империи, под казачьими выстрелами как-то сразу странно остановились. Некоторые немедленно попадали на землю и не встали, другие быстро повернули назад, устало побежали и стали падать, падать и… не вставать уже.

Из-за перевала показалась новая группа турок. Видя гибель своих, немедленно же рассыпалась в цепь и двинулась вперед, на

поддержку.

За цепью кто-то идет с конем в поводу. У этих турок совершенно нет перед ложбиной естественных укрытий. Они наступают перебежками и стреляют в казаков наспех, стоя и с колена. Идут, стреляют, падают и… не поднимаются. Вот и тот, что идет с конем в поводу, он как-то неестественно присел. Присел и… не встал. Стоит возле него лишь лошадь с поводом, закинутым за руку мертвого хозяина.

Потом огонь сразу стих, и мы уже не видим движущихся турок. Они покрыли своими телами эту небольшую ложбинку — жуткое и такое скоротечное поле боя…

Дальше мы видим, как часть казаков поднялись в цепи и спокойно идут к лежащим туркам. Идут, проходят их, около некоторых останавливаются, смотрят на них и идут дальше.

Вот какой-то казак подошел к лошади с мертво-сидячим турком, снял повод с его руки и повел коня к себе. Потом вернулся назад к убитому турку, снял с него маленькую папаху, примерил на свою голову, повернулся и с конем пошел к своей цепи.

Все это нам так хорошо видно в бинокли при ярком весеннем утреннем солнце, словно в кинематографе. Даже видно, как храбрые Алферов и Леурда «не прилегли» в цепи, а все время ходили позади нее, видимо, ободряя своих казаков. Цепь 4-й сотни нам не видна. Внизу, у самой подошвы гребня, густой темной массой выделялись коноводы.

Скоротечный бой закончился так же быстро, как и начался. От коноводов идет к нам конная группа в 7 человек. Идет почему-то шагом и совершенно не торопясь.

Мы до сих пор не получили от есаула Калугина донесения. Умный, но очень нервный командир полка полковник Мигузов, так остро со всеми нами переживавший эту неожиданно кровавую встречу своего авангарда, уже нервничал со злостью, что донесение везут шагом.

Мы смотрим в бинокли и никак не можем рассмотреть, кто эти семь казаков

— Убитых везут… — вдруг бросает фразу один из ближайших полковых ординарцев, рассматривавший с нами эти семь конных фигур без бинокля.

— Да… кажется… что-то перекинуто через седла и болтается беспомощно… — добавляет кто-то.

— Да… везут убитых, — уже ясно видим мы.

От группы отделяется младший урядник 1-й сотни, рысью приближается к командиру полка, берет под козырек и рапортует:

— Ваше высокоблагородие! С донесением от их

высокоблагородия есаула Калугина прибыл… и привез трех убитых казаков нашей 1-й сотни.

Мигузов нервно берет донесение и читает вслух:

— Арьергардная рота турок вместе с командиром роты уничтожена полностью. При этом убито три казака 1-й сотни — Боев Григорий станицы Кавказской, Кандыбин станицы Ильинской и… (забыта фамилия) станицы Ильинской.

Подошли вьюки с убитыми. Картина неприятная: в овчинных полушубках поверх черкесок, при шашках и кинжалах на поясах — убитые казаки были навьючены поперек седел своих же строевых коней животами вниз, прихвачены вьючками к седлам. Беспомощно болтались ноги, руки, головы…

Все мы, офицеры и ближайшие казаки, сняли папахи и перекрестились. Ординарцы развязали вьючки, сняли тела и положили на землю.

Все три казака убиты пулями в лоб, без выходных отверстий. Лица их бледны и окровавлены.

Мы, все офицеры, и, главное, Мигузов искренне расстроены. Ясно, что убитые первыми взобрались на гребень, в упор наткнулись на турок и убиты на самом близком расстоянии. Эти пулевые дыры в лоб всегда производят тяжелое впечатление. Человек поражен именно в голову. Значит, буквально настал конец жизни. Это есть острое психологическое размышление, тяжело действующее на воображение.

Рядом, у села, где стоял полк, течет речка Тузла-чай. Казаки в своих походных котелках принесли воды. Нежно, бережно, по-братски омыли лица погибшим, вытерли полотенцами.

Было тихо-тихо кругом. Все говорили только вполголоса, чтобы не нарушить покой погибших.

Я знал всех убитых еще в Мерве. Кандыбин иногда бывал при мне ординарецем от своей сотни. Значит, отличный был казак. Гришу Боева, станичника, знал и дружил с ним с детских лет, как только стал себя помнить.

Вот поэтому мне особенно было жаль их. Дружка же самого раннего детства, Гришу Боева, особенно остро. И вот теперь передо мной лежит он, убитый пулей прямо в лоб… А его гнедой кабардинец, купленный в долг на трудовые гроши семьи (Боевы были очень бедным семейством), освободившись от странной ноши, жадно щипал свежую поросль нежной, только что пробившейся травки на прогалине. Пять лет носил он на себе своего хозяина-друга в его царской службе своему Отечеству. И родители Гриши, и его молодая жена, и его меньший братишка, которых я отлично знаю, — никто из них никогда уже не увидит дорогого Гришутку. Час тому назад его убили «в очень успешном

бою для русского оружия», как обыкновенно пишется в казенных реляциях. Не увидят они больше и его строевого коня, почти члена семьи у казаков, так как он сегодня же будет передан безлошадному казаку, а они, семья Боева, получат, и не скоро, 250 рублей за него по казенной государственной расценке. Строевые кони были гораздо дороже.

Думал тогда я и об этом…

Казаки шанцевыми лопаточками выкопали в аршин глубиной общую могилку. Полковой священник отец Константин Образцов (автор Кубанского войскового гимна) начал служить панихиду.

Отец Константин имел дрожащий, театрально-трагический тембр голоса, тенор. А тут, после столь скоротечного боя, погребая казаков на турецкой земле безо всякой надежды перевезти тела на Кубань, в свои станицы, как это традиционно водится у казаков, он, отец Константин, пламенный патриот, славянофил, поэт, мистик, фанатик-священнослужитель, так тягостно произносил-пел слова погребальной молитвы «о погибших воинах на поле брани», что многие офицеры и казаки прослезились.

Панихида окончена. Всех убитых, не снимая полушубков, положили рядышком в только что вырытую могилку.

— Зима окончилась… куда там возить с собой эти полушубки летом, — ответили ближайшие казаки совершенно по-семейному, когда Мигузов хотел похоронить казаков в одних черкесках.

Погибших укрыли их же бурками, и командир полка, взяв горсть чужой, турецкой земли, бросил ее в могилу первым. Не считаясь с чинами, казаки и офицеры подходили, бросали горсть земли, следуя и на чужбине этому православному обычаю.

Засыпали могилку. Кое-как смастерили деревянный крестик. Каждый еще раз перекрестился, надели папахи и по команде «По коня-ам… Сад-ди-ись!» полк двинулся на северо-запад, в сторону Мемахатуна. Есаулу Калугину послано приказание двигаться на север и присоединиться к полку в селе Жолтик.

За столь исключительный подвиг, когда полностью была уничтожена арьергардная рота турок численностью до ста человек вместе со своим командиром, есаул Калугин, командир авангарда полка, который проявил исключительную инициативу и воинскую доблесть, был награжден очередным боевым орденом Св. Анны с мечами 2-й степени, так как в полку это дело считали «обыкновенным исполнением своего долга». Остальные офицеры авангарда — подъесаул Алферов, сотник Дьячевский и хорунжие Кулабухов и Леурда — даже не были представлены к наградам.

В день взятия Мемахатуна. Обстрел

В селе Жолтик — дневка. На следующий день полк выступил через кряж на юг, по пути погибшей турецкой роты, чтобы обойти Мемахатун с юга, который будет атакован в этот день нашей пехотой с фронта. Под командование полковника Мигузова приданы 1-й Таманский и 55-й Донской казачий полки.

Ночью, в полной темноте, полки прошли невысокий перевал и проходят ту ложбину, где третьего дня погибла турецкая рота. До сотни трупов в беспорядке раскиданы по всему этому небольшому пространству, как показатель, что эта рота была отрезана от своих войск, и турки гибли не в фазисе правильного боя, а там, где их достигал меткий казачий выстрел.

Боязливый храп наших лошадей, проходивших мимо трупов, еще больше усиливал острую жуть этого скоротечного боя.

На днях русские саперы выкопают общую для них могилу, оставшиеся жители-турки снесут их в нее, и, может быть, никто и никогда не узнает о трагической судьбе этой арьергардной роты, исполнившей свой долг перед своим отечеством до конца.

Маленькая деталь: турок, что вел коня в поводу и присел, подстреленный насмерть, оказался командиром роты. Его конь попал трофеем в 1-ю сотню, а его маленькую, мелкого каракуля папаху с золотыми галунами по черному бархатному верху взял себе на память командир 1-й сотни подъесаул Алферов.

1-я бригада 5-й Кавказской казачьей дивизии (1-й Таманский и 1-й Кавказский полки и 55-й Донской казачий полк 3-й очереди), спустившись с перевала, шла легким шагом по хорошей мягкой дороге в долине, по правому берегу реки Тузла-чай, на запад. Справа от нас — крутое плато, которое мы уже проходили, а слева — высокий массив с вершиной Губан-дага. Светило раннее солнышко и грело нам спины. Полки шли не торопясь, с полным спокойствием, как победители, и вдруг — пух!.. пух! — и две шрапнели с вершины Губандага разорвались над самой головой. И не успел Мигузов от неожиданности дать распоряжения, как огонь четырех турецких горных орудий «заговорил» уже над всей колонной, и весьма удачно. Сотни немедленно шарахнулись вправо и рассыпались, укрываясь, где возможно. А турки вслед по спинам казаков распыляли еще более меткие разрывы. Полки были видны им как на ладони. И в какие-нибудь пять минут от трех полков казачьей конницы не осталось никакой боевой силы. Сотни метались по равнине и искали укрытия. Но стоило его только найти и хоть немного задержаться, как огонь турецкой артиллерии снова находил их и распылял. Буквально негде было укрыться, и — как единственное спасение — надо выйти из зоны досягаемости этого огня. Так и было сделано… Донской полк 3-й очереди растерял много своих

пик, которые, кстати сказать, совершенно не нужны были на гористом турецком фронте. Наши же полки обогатились ими для сотенных значков… Старики донцы на своих крупных, мясистых лошадях русской породы вызывали улыбку у наших казаков своей беспомощностью. Хотя мы тоже были смешны, утопая в грязи. «Это турки мстят нам за свою погибшую роту», — накоротке делились мы, укрывшись от разрывов.

Наша пехота с приданными ей 3-м Линейным и 3-м Бкатеринодарским полками еще вчера заняла Мемахатун, и операция была закончена. Турки отошли за реку Кара-су (Черная река) и там остановились. Наш полк остался в селе юго-западнее Мемахатуна с задачей вести разведку на юг и юго-запад. 1-й Таманский полк был выдвинут далеко на запад по громадной долине. 2-я бригада была расквартирована в Мемахатуне.

Жуткая казачья действительность

В день взятия Мемахатуна был убит младший урядник 4-й сотни Миленин, казак станицы Тихорецкой.

По государственному закону все строевые кони и седла убитых казаков или выбывших надолго из полка по болезни и по ранениям переходили в собственность полка, а семьям, обыкновенно отцу как главе дома или жене, если казак жил самостоятельно, отсылались за них деньги по казенной расценке. С казаками, эвакуированными по разным причинам, это производится в случае, если после двух месяцев они не возвращаются в полк. Остальные вещи убитых продаются с аукционного торга у себя же, в полку.

И вот из седельных подушек убитых казаков, в которых хранится на войне «по раскладке вещей» их белье, его вынесли на аукцион с другими вещами.

Что это было?.. Это было что-то спрессованное, как жмых, так как за два года войны оно не мылось никогда теплой водой или мылось наспех, в речке и, может быть, без мыла. По положению аукционом заведовал офицер, назначенный приказом по полку, чтобы все сделать законно. На полковой аукцион пришло десятка три казаков, по большей части одностаничники убитых.

Казаки молча смотрят на грязные вещи и не покупают, хотя оценка нижней рубашки и подштанников начиналась с двух и пяти копеек, смотря «по чистоте» этих вещей.

Было жалко и стыдно обозревать все это. И это было не белье, а буквально «ходячая холера».

Подхожу к своим станичникам и друзьям детства и говорю им с укором:

— Ребята… Вы же знаете, как бедно живут Боевы?! Покупайте хоть вы!

— Да зачем ана нам… У нас свая такая же грязная… только вазить зря… када и свая астачертила ат грязи…

Да, это была сущая правда. За два года войны казаки сильно обтрепались и не только что никогда не мыли свое белье горячей водой, как следует, да еще с мылом, но и сами почти не мылись, так как негде было.

Было о чем подумать!.. И такое белье во всем своем неприглядном виде надо послать в высшие штабы как наглядный показатель, в каких страданиях своей телесной жизни воюют казаки. И тогда, может быть, вся тыловая Русь, спекулянты всех мастей устыдились бы роскошества своей жизни…

Семья казака, провожая сына на службу, справляла все это часто на свои последние трудовые гроши, и вот теперь убит казак и все это никому не нужно. Нормально — все вещи надо отправить домой, в семью.

Жуткая и оскорбительная действительность…

Представление офицеров в следующие чины

Воюя, мы, хорунжие, как-то и не думали о чинах. Мы отлично знали, что чин сотника получим только через три года. Это был государственный закон. Подъесаулы же, командиры сотен, подсчитывали, когда они получат чин есаула по вакансиям. И вдруг в полку был получен высочайший приказ «об ускоренном производстве всех в следующие чины, за выслугу лет на фронте».

Это был приказ за № 681 1915 года. По этому приказу офицеры всей русской конницы могли быть представлены в следующие чины в таких случаях:

1. Хорунжие и корнеты, выступившие на войну, с производством в сотники и поручики со старшинством 19 июля 1915 года, то есть год войны им давал следующий чин.

2. Прапорщики и хорунжие (в кавалерии корнеты), выступившие на фронт после объявления войны, производятся в следующие чины, пробыв на фронте и в строю 9 месяцев. Им старшинство в следующем чине ограничивалось также не выше 19 июля 1915 года.

3. Для получения чина подъесаула или штаб-ротмистра — надо пробыть на фронте и в строю ровно один год.

4. Для получения чина есаула или ротмистра — надо прокомандовать на фронте сотней или эскадроном 1 год и 4 месяца.

5. Для получения следующих штаб-офицерских чинов — надо

на фронте и в строю пробыть 1 год и 4 месяца.

В артиллерии срок пребывания на фронте и в строю чуть увеличивался, так как этот род оружия меньше подвергался непосредственному огню противника.

В пехоте — наоборот, срок пребывания на фронте и в строю уменьшался, так как этот род оружия нес исключительно большие потери.

6. Чтобы получить прапорщику чин хорунжего, а хорунжему чин сотника, надо было пробыть в строю и на фронте только 4 месяца.

7. Чтобы сотнику получить чин подъесаула, надо пробыть на фронте и в строю 6 месяцев.

Дальнейшее производство по срокам не помню, почему и не пишу об этом.

Во всяком случае, каждый род оружия имел свою шкалу времени пребывания на фронте и в строю, чтобы получить очередной чин.

В младших чинах полагался чин и за два ранения, чем воспользовались многие. Потом высочайшим приказом это правило было отменено как слишком щедрое.

Вот по этому высочайшему приказу все наши прапорщики, хорунжие и подъесаулы были немедленно представлены в следующие чины. Представления к производству сделаны в Мемахатуне в середине марта 1916 года, куда были оттянуты к тому времени все полки нашей дивизии.

Первые отпуска в армии

Там же, в Мемахатуне, был получен приказ по Кавказской армии, разрешающий 28-дневный отпуск офицерам и казакам. Офицерам — два на полк, а казакам — два на сотню. Это были первые отпуска с начала войны. Мы радостно крикнули «ура» в своих хатах-норах, но немедленно же всплыл вопрос — кто пойдет в первую очередь? Кому дать преимущество?

Почти ко всем семейным приезжали их жены во время короткого, двухнедельного отдыха полка под Карсом. Некоторые офицеры были в командировках по делам полка в Эриване и Тифлисе. Все прапорщики в полку недавно, почему права на отпуск не имели. Собрание офицеров нашло, что первыми должны поехать автор этих строк и старший полковой врач Капелиович.

Он — еврей по рождению, из Баку, высшее образование получил в Германии. Он очень сроднился с полком и полюбил его, держал себя со всеми и с командиром полка умно, солидно,

достойно. Мы его называли по имени и отчеству — Самуил Израилевич, а казаки — ваше высокоблагородие. Он не имел никакого чина, но по каким-то законам носил погоны врача «без просвета», и казаки приравнивали его чин к есаулу. В боях вел себя как всякий достойный мужчина и своим спокойствием внушал раненым успокоение. Он уже имел боевой орден Св. Анны 3-й степени с мечами и бантом, который носил с достоинством, и был польщен этим. Вообще, это был европейски культурный человек, гостеприимный и дружественный. Летами он был сверстник нам, сложения крупного, брюнет и носил бороду, как генерал Кутепов.

Но отпуск утверждает командир полка. И полковой адъютант, и полковой врач — должности ответственные. Можно получить и отказ.

С постановлением общества офицеров я докладываю ему, кому ехать в отпуск. Я знал, что Мигузов меня любил. Он вообще любил почти всех нас, молодых хорунжих, еще не испорченных жизнью, хотел нам добра, но это у него получалось как бы «под кислым соусом». Он и тут, после моего доклада, не устоял в своем ехидстве:

— Поезжайте, поезжайте… и покажите там свои ордена… У вас их много теперь… — растянул он, смакуя слова.

Калугин, Маневский и я имели уже все очередные боевые ордена, числом пять, до Св. Анны 2-й степени с мечами на шею, тогда как сам командир полка получил только два боевых ордена. Вот поэтому-то он и ехидничал. Доктора Капелиовича он отпустил без разговоров. К тому же последний внушил ему, что он в Тифлисе побеспокоится о медикаментах.

Отпущен в отпуск и мой денщик, Иван Ловлин, казак станицы Казанской. Конный вестовой Федот Ермолов, казак станицы Расшеватской, идет с нами: в Сарыкамыше он будет ждать нас из отпуска с нашими лошадьми.

От Мемахатуна и до Эрзерума мы скачем в один переход. От Гасан-калы до Сарыкамыша — 90 верст. На дорогу в седлах уже потрачено четыре дня. Тифлис — Кавказская — еще три дня по железной дороге. Всего семь дней, да обратно столько же, значит, дома, в станице, пробудем только 14 дней. Даже для дорогого отпуска на родину Кавказский фронт урезал время.

В Тифлисе заказал наскоро новое обмундирование и впервые надел аксельбанты. На автомобиле-такси несусь вниз, с Головинского проспекта по Верийскому спуску. Навстречу также несется кто-то, двойник по костюму, — в черной черкеске и бешмете, в маленькой белой папахе. Он махнул рукой. Остановились. Оказалось — сотник Коля Бабиев.

— Куда? — бросил он. — Садись ко мне и едем обедать в ресторан «Анона». Там меня ждут два моих урядника, и мы пообедаем вместе, — командует он, ретивый.

— Обедать с урядниками? Да еще в первоклассном ресторане? Но ведь по уставу нижним чинам запрещено даже входить в них, — предупреждаю его.

— У казаков можно! У нас казачье братство и равенство! И я отвечаю за это! — громко, весело, авторитетно произнес он. Сотник Коля Бабиев — «мой средний брат Кабарды — Хаджи-Мурат», которого должен слушаться «его меньший брат, Джембулат»…

У входа в ресторан, что на Головинском проспекте, его действительно ждали два урядника, одетые, как и он, в черные черкески и черные бешметы при небольших белых папахах. На поясе — серебряные кинжалы, но при простых строевых шашках. На газах — по два Георгиевских креста у каждого.

При нашем подходе они молодецки вытянулись, приложив руки к папахам.

И повторилась старая «бабиевская» история. Он им бросил татарское приветствие «Селям!» — и они немедленно громко ответили: «Чох саул!»

Мы все четверо едим шашлык с тархуном и запиваем его кахетинским вином. Урядники держатся скромно и почтительно, и Бабиев говорит с ними запросто, словно в станице. Мне это очень понравилось.

С Бабиевым невольно задержался в Тифлисе на два дня, он потом ехал в свое немецкое селение Еленендорф, что около Елисаветполя, где стоял их полк в мирное время, и хотел дольше побыть вместе со мной. С ним было интересно — особенно слушать его повествования о боях их 1-го Лабинского полка, об офицерах и о многом другом, что крепко связывает чувствами дружбы строевых офицеров на фронте. Оригинальный и интересный был Бабиев тогда и оставался таковым, став генералом ровно через три года.

В отпуску, на берегах Кубани…

Я в своей станице. Святая Пасха. Мы на кладбище, по обычаю — поминовение усопших. Там — вся станица. Масса родственников. Сплошное христосование до боли в губах. Казачки целуются крепко, смачно, обязательно в губы и три раза. Спросы да расспросы о мужьях. Свой офицер-станичник, да еще полковой адъютант, живой вестник полка. Он должен все знать, и он должен все рассказать — как там?

Ко мне близко-близко подходит мать и тихо говорит:

— Сыночек… к тебе хотят подойти Боевы, да стесняются. Ведь их Гриша убит в полку… Отец и жена хотят расспросить: как он погиб, но боятся к тебе подойти, сыночек-Воспоминание о гибели Гриши и то, что Боевы хотят подойти, да «боятся», — кровь ударила мне в лицо.

— Где они? — схватив руку матери, болезненно произнес я.

— А вон в сторонке, за могилами… — ответила она, указывая кивком головы.

Бросаю всех своих многочисленных родственников и через могилы, заросшие свежей травой, быстро, перескоком, приближаюсь к ним.

Я хорошо знал «дядю Боева». Он не переменился. И вот он стоит, все такой же маленький ростом, сухой, пришибленный, в серой черкеске домотканого сукна, сшитой ему, видимо, еще к службе. В черном ветхом бешмете, в обыкновенной, уже потертой временем, небольшой черной папахе, без кинжала на поясе, в шароварах, убранных в черные чулки и… «в чириках с ушками».

Бедность, непроглядная бедность во всем выпирала наружу и теперь, как и тогда, в далекие годы моего детства. Они стоят грустные, словно пришибленные — отец, мать, сноха и меньший сын.

— Дяденька, здравствуйте! Христос Воскресе! — очень почтительно и радостно говорю я, обнимая и целуя его в совершенно сухие губы — растерявшегося и убитого горем казака-старика 45 лет от роду. Жена его уже горько плачет, приговаривая:

— Гри-шут-ка на-аш па-ги-ип…

Обнимаю и целую старушку, залившуюся при виде меня еще больше горючими слезами. Все ведь они знают меня еще с пеленок, как своего родного соседа-казачонка, и вот теперь я — офицер, живой, здоровый, веселый, счастливый и прибывший с фронта, где погиб их старший сын, будущий кормилец стариков. Рядом стоит сноха, жена Гриши. Стоит, горестно потупившись, и молча плачет. Я ее раньше не знал. Она «с чужого края станицы».

— Жена Гриши? — спрашиваю ее, сам уже готовый расплакаться. А она, горемычная вдовушка в свои 22 года, вместо ответа бросилась ко мне, повисла на шее и залила слезами и мои боевые ордена, и аксельбанты, и своим неутешным горем перевернула всю мою душу. И мне стало так неловко, даже стыдно, что я так нарядно одет, когда у них большое и непоправимое семейное горе. И мои боевые офицерские ордена, честно заслуженные в должности младшего офицера сотни, меня уже смущали и давили на психику.

Успокоились. Начались расспросы, как всегда у неискушенного казачества: где? Когда? как именно погиб Гриша?

Что я им мог сказать в утешение? Сын ведь погиб, погиб безвозвратно. Я даже не мог им сказать всю правду, чтобы еще больше не усилить их горе. Что он, Гриша, убит в лоб, убит наповал, не пикнув, как цыпленок, так как такие подробности их убили бы еще больше. Ведь все хотят услышать, что «умирающий еще дышал, смотрел, вспоминал отца, мать, жену-подруженьку… и перед последним вздохом просил им кланяться…». А тут — их сын и муж убит «наповал и в лоб». И какое могло быть здесь утешение для них…

Рассказал подробно, как похоронили. Сказал, что мы умыли им лица, поставили православный крест (я не сказал, что это был маленький крестик из палочек, чтобы не огорчить их). Сказал, что могилу можно будет после войны найти и тело перевезти в станицу. Это я врал уже умышленно, желая хоть чем-нибудь, хоть как-нибудь посеять в их душах радость, утешение, успокоение.

От этого рассказа, вижу, посветлели их лица. Они уже смотрят радостно на меня, уже рассматривают мой мундир, ордена. Они уже называют меня по-станичному, по-старому — Федюшка. Но мне от всего этого стало неловко. И вот почему. Их сын, рядовой казак, погиб в бою, зарыт в чужой «распроклятой турецкой земле», а вот он, офицер, не только что жив, но и здоров, весел, приехал в отпуск, да еще к самой Святой Пасхе и — с орденами… Ну, какая же тут может быть справедливость?! Офицер, да еще полковой адъютант… Ну, конечно, сидел в тылу, в канцелярии, не воевал — вот и жив остался, продолжал я думать их горестными думами.

Были тяжкие минуты, и было такое человеческое горе, которое никакими доводами, никакой логикой не доскажешь и не докажешь.

Наговорились. Успокоились. И что же еще спросила меня эта молодая и несчастная вдовушка?

— Федюшка… а как вы мине пасаветуете — аставатца у свекровин или итить к сваим (то есть к родному отцу и матери)? Я тут как свая… миня ани жалеють (то есть любят).

— Слухьяная ана бабачка (то есть послушная), — вставила тут же свекровь.

Я посоветовал остаться у Боевых.

— А как конь и седло? — задал всегда больной у нас в казачьей службе и в семействе вопрос старик Боев.

— Дяденька, конь и седло по закону остаются в полку и за них вам будут высланы деньги, — разъясняю ему и вижу, будто успокоил их.

Теперь они уже сами обняли меня, поблагодарили, и мы расстались, убаюканные человеческими житейскими мечтаниями…

Война 1914–1917 годов, как известно, окончилась бесславно для России. Мы очистили абсолютно весь громаднейший район Турции, занятый нашими войсками в упорных и кровопролитных боях, и отдали даже часть своей территории туркам… И Гриша Боев погиб «зазря». И не только тело его не доставлено в станицу для успокоительного погребения в родной земле, но и погибло все наше Великое Отечество, и все храброе трудолюбивое и добросовестное *Казачество.* А над могилой трех казаков 1-го Кавказского полка, так геройски погибших под Мемахатуном, турок давно распахал свою небольшую скудную ниву и посеял себе пшеничку. И никто и никогда из родных не найдет того места, в котором похоронены три казака, убитые «в лоб и наповал».

И редко кто остался в живых из нашего, тогда молодого, поколения, бывшего в войне с Турцией. Все погибло…

— Как конь и седло? — спрашивает меня урядник Никита Чулюк, встретившийся со мной на улице, эвакуированный по болезни в самом начале 1915 года.

— Как конь и седло? — спрашивает меня урядник Афоня Сломов, эвакуированный по болезни в конце 1915 года.

— Как конь и седло? — спрашивает меня «дядя Лала», последний сын которого, Гриша, убит под Мемахатуном, у горы Губан-даг, когда я выехал в отпуск.

Горькие и больные вопросы у казаков, связанные именно «с конем и седлом», всегда ими остро переживаемые. И всем надо ответить, разъяснить, всех успокоить. И нужно родиться, жить, воспитываться в станице, чтобы все это тонко понимать.

Однако за годы войны появилась и зажиточность у казаков, в семьях которых были рабочие руки. Много запасного зерна в амбарах. Заметно щегольство среди парубков. Фабричного сукна черкески черного, темно-синего, темно-зеленого цвета, при серебряных кинжалах и поясах — уже не удивляли никого, чего до войны почти не было. Девчата — в дорогих, длинных до полу и широких кашемировых юбках, в шелковых косынках и полусапожках с городскими каблуками. Писаря управления отдела — одно щегольство, умные, отлично грамотные, подтянутые. У них заметно сознание своего достоинства, военно-казачьего и личного, человеческого. В нашей станице в изобилии появился местный кофе — из жареных желудей и ячменя. С каймаком он очень приятен, душист и полезен. Казачки щедро угощают им гостей.

Быть в отпуску и не побывать в Екатеринодаре, в стольном городе Кубанского войска, считалось ненормальным. Я там. По главной — Красной — улице — сплошные ленты гуляющих военных.

Черкески и папахи различных цветов и фасонов. Думалось — откуда и почему их здесь так много?

«Да вот такие же, как и хорунжий Елисеев, прибывшие сюда из многочисленных конных полков, пластунских батальонов, конных батарей, особых конных сотен и других многочисленных частей и учреждений войска — вот почему и много их, праздно и весело проводящих здесь время», — проплыла успокоительная мысль в голове.

Быть в отпуску на Кубани и не побывать за 17 верст в станице Казанской, родине моей матери, — это обида для нее. Там у меня по матери четыре дяди, три тетки и несколько десятков двоюродных братьев и сестер. Семьи у казаков ведь многочисленные!

К парадному крыльцу одного из дядей собрался целый гурт казачек, жен казаков полка. Они хотят посмотреть на меня и порасспросить о своих мужьях. Станица Казанская — особенная станица. Жители ее, безусловно, вышли когда-то на Украину из Великого Новгорода. У них певучий разговор и певучие старинные песни. В их разговоре есть слова чисто новгородские. Например: «ильмень» — это лужа воды после дождя, «любушка» — красивая девушка, «варяги» — казаки другой станицы, «калики перехожие» — нищие с сумой.

Девушки и молодые замужние женщины одеваются в однообразные цветные с крапинками юбки и передники. В данный момент они пришли в желтых широких юбках с черными крапинками и в малиновых передниках с черными, но мелкими крапинками, в белых кофточках и в белых накрахмаленных косынках.

На неделе Святой Пасхи, как во времена новгородского Гостомысла, они строят на длинных жердях «рели» (качели). На двухместное сиденье садится парубок, а его друг идет в гурт девушек и приглашает ту из них, которая намечена парубком. Расплата «за качание» — крашеными яйцами. У парубков бешметы с позументами. В станице «дерутся край на край», как и в Великом Новгороде. В «битве», для славы «своего края», принимают участие и бородатые казаки.

Казачки скромны и боязливы перед офицером, которого они считают как бы «высшим существом». Они поклонились мне в пояс. С ними прибыли и раненные 23 августа прошлого года на склонах Большого Арарата казаки. Среди них на костылях казак

Кащаев. Свинцовая курдская пуля перебила ему кости обеих ног, и теперь он калека, но с Георгиевским крестом. Расцеловался со всеми, с казаками родной 3-й сотни подъесаула Маневского.

Казачки поют песни особенно складно. Напоследок хотят меня «обыграть», то есть спеть свадебную песню мне и моей невесте, и спрашивают ее имя. Даю имя первой юнкерской любви, оренбургской казачки. Они голосисто и весело поют и рады угодить гостю с родного «Первого полка», где служат их дорогие мужья.

28-дневный («с дорогой») отпуск проходит быстро. Дома, в своей станице, в семье отца, фактически пробыл чуть больше недели. Наступают дни отъезда. Казачки-станишницы, жены мужей полка, посещают наш дом. На парадном крыльце — не протолкнуться. Чтобы их не стеснять своим офицерским положением и вести непринужденный разговор — выхожу к ним в одном бешмете. Казачки нашей станицы смелы и с офицерами. Станица Отдельская, где и в мирное время живет генерал-атаман отдела, командир 2-го полка и командир льготного батальона пластунов с кадрами своих офицеров. Они их видят часто на Красной улице. Все офицеры живут на квартирах у казаков. Близость железнодорожного узла — станции Кавказской, 40-тысячного населения при нем (теперь город Кропоткин) сказываются на жизни станицы. Летом, почти ежедневно, на станционный базар подводами отправляются казачки с виноградом, клубникой, малиной и всевозможными овощами и фруктами своих богатых садов над Кубанью. Все это, вместе взятое, дало нашим казачкам независимость в жизни и изворотливость. И вот теперь они смело ласковы, разговорчивы, шутливы и даже кокетливы со своим офицером-станичником. Все они — чуть старше меня летами, знают с детства, почему и обращаются свободно. Два года войны без мужей, да до войны два-четыре года без мужской ласки… Молодые, красивые, напомаженные — от них маняще исходил запах физически здорового женского тела. Но и теперь, как и в 1914 году после лагерей, я смотрел на них, как на своих дорогих подруженек детства, тоска и страдания которых в разлуке с мужьями так неописуемы и так мне близки и понятны, что грязные мысли и не зарождались в моем молодом существе.

Они упрашивают меня взять гостинцы своим мужьям — сдобных сладких «орехов», так любимых на всей Кубани.

— Дорогие подруженьки! — говорю им. — Больше 200 верст верхом по горам Турции придется скакать мне… это невозможно. Письма возьму все, — трактую им уже не раз.

— Да хуть немножко возьмите, Федюшка, — настаивают

некоторые. Сами они отлично знают, что и «немножко» невозможно, так как служилых казаков в станице несколько десятков, но женское кокетство… Им хочется побыть со мной своим девичьим гуртом, побалагурить, подышать воздухом 1-го полка и, может быть, в десятый раз спросить:

— Ну, как он там? Как его конь? Здоров?

Моей матери не нравится, что они отнимают драгоценные часы у нее, мешают «смотреть на своего сынка». Она выходит на парадное крыльцо и говорит им:

— Бабочки! Ну, чиво вы окружили его? Не может ведь он везти ваши гостинцы верхом на коне!

— Тетенька! Да дайте хучь наговориться с ним — как там в полку живут наши мужья, — отвечает самая смелая из них.

День отъезда настал. Писем для казаков набрался ворох. Весна в полном своем цвету. В станице не чувствовалась война. Казалось бы, в полк возвращаться не хочется. Но нет! Душа уже целиком принадлежит родному полку. Там полностью обозначился «мой дом», как и моя новая полковая семья. А здесь, в отчем доме, я только гость…

В первых числах мая я был уже в Сарыкамыше. И каково же было мое удивление, когда там я встретил квартирьеров от полка. От них я узнал, что полк идет на отдых и завтра будет здесь. И что полковник Мигузов отозван в Тифлис, в распоряжение резерва чинов армии, и временно командующим полком остался старик, полковник Ташлинцев. В полку ожидались перемены.

Тетрадь девятая

Появление полковника Мистулова

Полк прибыл на отдых в Сарыкамыш в самых последних числах апреля 1916 года из Мемахатуна и расположился по квартирам в ближайших селениях. Его привел временно командующий полком полковник Ташлинцев. Командир полка полковник Мигузов из Мемахатуна был вызван в Тифлис — якобы для назначения командиром бригады, но на самом деле для отрешения от командования полком за один опрометчивый случай, о котором мы знали. Мы жалели своего старого и придирчивого командира. Нашим полком он командовал четыре года. Стаж достаточный для продвижения по службе и производства в генералы, чего Мигузов и заслуживал, как умный и опытный начальник. Неприятный случай сломал ему карьеру, он выбыл из строя, а потом в чине полковника был расстрелян красными в 1920 году на одном из островков около Баку.

Офицеры боялись, что полковника Ташлинцева утвердят законным командиром полка.

Старый офицер еще 1-го Урупского полка, давно вышедший в отставку, маленький мясистый старик, забывший службу, он был совершенно не пригоден к строю, к войне. И какова же была наша радость, когда через три дня по прибытии полка на отдых из Тифлиса из штаба Кавказской армии пришла телеграмма о назначении его командиром 2-го Полтавского полка, на Западный фронт. На радостях старик достал «затаенную» бутылку коньяка и угостил всех командиров сотен. А мы так же «затаенно» радовались такому избавлению и тут же послали лукавую телеграмму полтавцам, поздравляя их «с доблестным командиром полка»…

Потом, в Гражданскую войну, когда я командовал Корниловским конным полком, бывшие офицеры 2-го Полтавского полка, составлявшие старый кадр этого нового полка Кубанского войска, сотники Марков, Васильев, хорунжие Литвиненко, Тюнин и другие — «сильно благодарили» меня за эту телеграмму…

Ташлинцев скоро был отрешен от командования 2-м Полтавским полком за негодностью.

А тогда мы нетерпеливо ждали и гадали: кого же назначат к нам?

Так хотелось быть под командованием своего, кубанского

маститого полковника, который понимал бы «душу полка» и дал бы ему новое и хорошее направление. Каково же было наше удивление и возмущение, когда вслед получена была телеграмма: «Командиром 1-го Кавказского полка назначен терский казак полковник Эльмурза Мистулов».

«Опять терец?! Да еще, кажется, горец?!» — была первая и неприятная мысль у всех офицеров.

Полк был задет и огорчен в своей войсковой гордости, тем более что Мистулова никто у нас не знал.

Не пробыв на отдыхе и двух недель, полк был вызван вновь в Эрзерум.

Полк вел старший командир сотни есаул Калугин, могикан полка. Нового командира ждали не раньше как через месяц, так как он ехал с Юго-Западного фронта, и мы считали, что он, конечно, по пути заедет в отпуск в свою станицу.

В три перехода были в Эрзеруме. Шли скучно по испепеленной войной Турции. В Эрзеруме — дневка. Было часа 2 ночи, когда мой конный вестовой нервно постучал в двери и доложил, что прибыл новый командир полка и вызывает к себе полкового адъютанта.

На следующий день, перед выходом полка на фронт, Мистулов *представился* своему полку. Именно — он «представился» полку, а не наоборот, предварительно вызвав к себе командиров сотен, с которыми обошелся очень по-дружески. Кстати сказать, половина из них были его сверстники. Есаул Калугин даже старше и одного Ставропольского казачьего юнкерского училища.

Стояла исключительная слякоть. Снег еще не сошел полностью. Низко висели на небе темно-серые тучи. В серых черкесках, в непрезентабельном для глаза походном виде, в резервной колонне, за стенами древнейшей крепости Эрзерума тысячеконный наш 1-й Кавказский полк, совершенно не блеща своим внешним видом, ждал нового командира. На очень прытком коне-кабардинце, в темно-синей черкеске, при дорогом кавказском оружии в массивном серебре с позолотой, в кавказском наряде, в котором он мог представиться даже самому российскому императору, вихрем подлетел Мистулов к полку. В три прыжка осадил коня, блеснул клинком своей шашки вверх и очень громко, внятно и как-то гортанно протянул:

— Здо-ро-во, слав-ный Кавказ-ский по-олк!

Это было так неожиданно и так красиво, что полк в тысячу голосов громко ответил ему с радостью в своих глазах и сердцах.

Сказав несколько приветственных слов, Мистулов шагом, молча проехал по всем рядам 24 взводов полка, опытным

взглядом боевого офицера изучая казаков, лошадей, седловку, вьюк и вообще весь строй полка. И молодецкий наш первоочередной полк, не забыв и на войне, что «фронт есть святое место», замер в строю, излучая только радость глазами, оценив и признав в Мистулове орла-командира, так необычно представившегося полку, так нарядно одетого даже здесь, в убогой Турции, на походе, на войне.

Это было 15 мая 1916 года. Мистулову тогда шел 47-й год, и по летам он считался молодым командиром полка. Он был холост.

Полк сразу же двинулся на юго-запад от Эрзерума. Стояла нудная дождевая мгла. На горах лежал еще снег, а под копытами лошадей — отвратительная слякоть.

В невеселую непогодицу с очень кратковременного отдыха под Сарыкамышем вновь на фронт, да еще по старой дороге — невеселы казаки были в строю. Как и мы, офицеры, казаки, конечно, думали — каков же будет наш новый командир полка?

Первый переход полк одолевал молча. Мистулов шел впереди на значительном расстоянии и тоже молчал. А что он думал — мы не знали.

На втором переходе полк спустился в травянистую бугорчатую долину. Было тепло и приятно. Здесь была уже настоящая весна. Радостно светило солнышко. Подозвав меня к себе, командир вежливо спросил:

— Поют ли песни в сотнях?

Удивленный таким вопросом, я ответил ему так:

— Конечно, господин полковник!

Сделав продолжительную паузу по времени и расстоянию, Мистулов свернул своего коня с дороги, и, когда с ним поравнялась головная 4-я сотня, он вдруг громко скомандовал:

— 4-я сотня, слушать мою команду!.. Песельники — вперед!..

4-я сотня, как и все остальные сотни, шедшая молча и сосредоточенно в своих думах, от такой неожиданности как-то встрепенулась. Казаки-песельники, как всегда, вяло, рысью, раздробленно выехали из своих рядов и протрусили вперед, в голову сотни. Построившись в две шеренги, они, как всегда, начали торговаться:

— Ну… какую песню?

И пока казаки торговались, к ним прытко подскочил Мистулов и весело, словно старший товарищ, сказал:

— Не так, братцы! Слушайте меня: по команде «Песельники — вперед!» вы выскакиваете из своих рядов широким наметом, лихо, весело и летите в голову сотни. Запевала при приближении к вам должен громко и растяжно уже

начать песню, а вы, хотя бы еще и не построились, должны мощно и громко подхватить ее. Поняли?

— Так точно, поняли, ваше высокоблагородие! — громко, с удивленной улыбкой на лицах ответили казаки.

— Ну, так начнем! — продолжает Мистулов. — Кто у вас запевала?

— Я, ваше высокоблагородие! — отозвался младший урядник Яков Квасников, казак станицы Тихорецкой.

— Ну, а теперь по своим местам и сделайте так, как я вам рассказал! — закончил Мистулов, поощрительно улыбаясь всем, кто его слушал. И когда песельники вошли в свои ряды, и когда Мистулов новой командой сам выкрикнул: «Песельники — вперед!» — они весело скакали в голову своей сотни под веселые же взгляды всех. А молодецкий урядник Квасников, джигит, песельник и танцор, умышленно задержавшись позади всех, а потом, обгоняя их широким наметом, огласил весь строй высоким баритоном:

С Богом, кубанцы, не робея,
Смело в бой пойдем, друзья…

И к этому времени сам, уже появившись впереди двухшереножного строя песельников, с поднятой вверх сложенной вдвое плетью, он, круто повернувшись в седле к ним, взмахнул плетью полукругом над своей головой и бросил ее вниз перед сосредоточенными лицами казаков — был громко, задорно и воинственно подхвачен ими:

Бейте, режьте, не жалея,
Басурманина-врага…

Прослушав песню, Мистулов горячо поблагодарил казаков, и после этого, казалось бы, совершенно незначительного случая нить сердечной доверенности к своему новому командиру пронизала весь полк.

Мистулов был психолог.

Мистулов в боях и на биваке

Мы — на фронте. Начались бои с турецкой пехотой. И будь то две, три, одна сотня в цепи — Мистулов обязательно проедет к ней. И идем мы верхом на лошадях позади цепи казаков — он, за ним полковой адъютант и дальше, рядом, два их конных

вестовых. Турецкие пули посвистывают над нашими головами, и так это неприятно ощущать их полет «во фланг». Казаки удобно залегли за бесчисленными каменьями, пощелкивают из винтовок, а Мистулов, проезжая их, словно и не видит. Казаки оглядываются на своего «странного» командира полка и осклабливаются во все свое лицо.

Мистулов проследует до следующего фланга цепи, остановится, спокойно сойдет с коня, сядет на камень, обязательно в профиль к противнику и скажет:

— Федор Иванович, пишите донесение.

Я сажусь на одно колено против него, а на другом под его диктовку пишу.

Пишу и думаю: ну к чему так рискует командир? Не только что пуля по прицелу турка, но даже шальная легко может сковырнуть его с камня или же пробить ему голову… И главное — без всякой пользы для дела.

Наши конные вестовые, присев на корточки, держат лошадей в стороне от нас, и лошади при каждом взвизге пуль коротко вздрагивают и нервно подбирают свои животы. Мой конный вестовой Федот Ермолов, признанно храбрый, уловив на себе мой взгляд, улыбается, крутит головой, явно говоря: «Храбрый наш командир».

«Заколдованный рыцарь», — сказали о нем сунженцы, которыми он командовал.

«Бог войны», — потом скажут кавказцы, которыми он командует теперь.

Затем Мистулов спокойно встанет с камня, сядет в седло и шагом двинется к остальным сотням, находящимся в укрытии.

С таких картинок началась блестящая боевая страда полковника Эльмурзы Мистулова в его новом полку, нашем 1-м Кавказском.

К началу июня 1916 года русские войска закрепились на новых исходных позициях перед началом 2-й Мемахатунской операции. Наш полк расположился биваком у знакомого села Бардак, что на реке Тузла-чай.

В подготовке к операции сделалось затишье. Пользуясь этим, Мистулов предложил всем офицерам организовать общее довольствие. На столбиках натянули казачьи палатки; из дощечек скрепили общий стол, и получилось «офицерское собрание»…

В противовес мнению некоторых, что «за столом о службе не говорят», Мистулов, повторяя это избитое выражение, указал, что лучше всего и легче всего, безо всякой воинской натянутости, именно за столом говорить о службе. Но добавил: мы будем говорить о службе только «за сладким блюдом». Сказал и

улыбнулся, так как «сладким блюдом» у нас был только чай.

И вот, когда заканчивался обед из казачьего же котла, он, дружески улыбаясь, начинал так:

— Господа… сейчас могут нам подать сладкое блюдо, почему давайте поговорим о нуждах полка. Говорите все, в чем нуждаются сотни…

И сотенные командиры говорили. Нужд было, конечно, много. Мистулов очень внимательно выслушивал всех, сообща обсуждали все возможности, как и что надо и можно изменить, улучшить, достать, усовершенствовать. И когда все это выкристаллизовывалось, тогда он заявлял:

— Ну, господа, значит, мы решили так-то и так-то… Хорошо… Завтра вы мне доложите, что вами сделано и какие получились результаты.

С этим он и отпускал всех. А на следующий день обязательно спрашивал: что сделано, все ли хорошо прошло и что нужно еще?

И так было всегда. А главное — всем это очень понравилось и проходило в таком непринужденном общении, какого мы никогда не испытывали. Все мы сразу полюбили своего нового командира полка, и встречаться с ним было приятно.

При этом с первого же дня он запомнил имена и отчества всех офицеров, до самого молодого прапорщика, и обращался ко всем, называя их только по имени и отчеству.

Он всегда был очень деликатен в обращении со всеми. Всегда был прекрасно одет, всегда при своем дорогом кавказском оружии, которое у него было единственное. И все это, вместе взятое, так выделяло его в суровой нашей жизни и выдвигало на первенствующую роль, где бы он ни появлялся.

К этому времени в дивизии появились новые лица высшего командного состава. Первую бригаду — 1-й Таманский, 1-й Кавказский полки и 4-ю Кубанскую батарею возглавил Терского войска полковник Иван Никифорович Колесников. Начальником штаба дивизии назначен Генерального штаба генерал-майор Певнев, бывший командир 1-го Линейного полка в мирное время, коренной кубанский казак. Колесников прибыл из Персии, где он командовал 1-м Запорожским полком нашего войска. Через несколько дней пришло производство его в чин генерал-майора.

Кроме того, перед 1-й Мемахатунской операцией этого же года наша дивизия была пополнена 6-й Кубанской батареей войскового старшины Черника.

55-й Донской казачий полк вошел в Приморский отряд, который переименовали в 5-й Кавказский армейский корпус. Наша 5-я Кавказская казачья дивизия по своему составу была чисто кубанская и в своем высшем командном составе

улучшилась. Мы этому только радовались.

С самых первых дней войны наша Закаспийская отдельная казачья бригада действовала в походах и делах нераздельно. Она почти всегда стояла квартиро-биваком в убогих и очень мелких курдских селах, где все село по площади размером самого обыкновенного казачьего двора на Кубани. Такая скученность двух конных полков и батареи в 2500 казаков и лошадей, с неизменными лишениями в жизни, в довольствии, в фураже и другими фронтовыми невзгодами, естественно сближала людей. В строевых частях войск развивался и укреплялся дух боевого товарищества и интереса к общему делу фронта — походам, боям и даже пирушкам.

Вот при таком общем состоянии наша 1-я бригада вошла в бои 2-й Мемахатунской операции.

На главном направлении на город Мемахатун действовала 39-я пехотная дивизия. На левом ее фланге — наша 1-я бригада 5-й Кавказской дивизии. Правее ее — 4-я Кубанская пластунская бригада, о которой генерал Масловский отзывается очень похвально, и Донская пластунская бригада.

Доблестная конная атака 1-го Таманского полка

Наш полк стоял биваком в котловине у села Бардак, покрытой роскошными травами. 1-й Таманский полк находился северо-западнее нас, на плоскогорье, в непосредственной близости от пехоты, ведшей бой.

> «В течение дня были минуты чрезвычайно критические, почему находившийся во время всего боя при командире 153-го пехотного Бакинского полка, командовавший 1-й бригадой 5-й Кавказской казачьей дивизии полковник Колесников подтянул свою бригаду из долины реки Тузла-чай вплотную к левому флангу полка, дабы быть готовым оказать помощь», — пишет генерал Масловский.

Было полуденное время 24 июня 1916 года. Наш полк мирно проводил свой день. Вдруг зашипел полевой телефон, и телефонист спешно передал мне запись: «Таманцы сейчас атакуют турок. Кавказцам спешно прибыть на поддержку. Полковник Колесников».

С телефонограммой бегу к палатке командира полка. Мистулов, прочитав ее, быстро вышел наружу и громко, властно, гортанным голосом прорезал мирную тишину бивака

единственным словом:

— Сед-ла-ай!

И этого единственного слова достаточно, чтобы полк, словно муравейник, разрушенный сильным неожиданным толчком, вскочил на ноги и бросился к своим местам сотен. Офицеры, выскочив из палаток, пристегивая на ходу оружие, бросились туда же. Через пять минут все сотни, словно серны, спугнутые со своих пастбищ, строясь на широких аллюрах, прыгая через всевозможные каменистые препятствия, мчались на северо-запад, к таманцам. Впереди всех сосредоточенно-молчаливый, на горячем своем коне скакал Мистулов, изредка оглядываясь назад и громко, гортанно, властно бросая команду:

— Не отстава-ать!.. Не отстава-ать!

Преодолев наметом крутой подъем на плато, полк натолкнулся на санитарный перевязочный пункт пехоты. Здесь было много раненых солдат. Убитые лежали тут же, с раздробленными от турецких шрапнелей и окровавленными черепами.

Мистулов, не ослабляя аллюра полка, молча торопился к месту боя. Но… было уже поздно. Навстречу пришло новое распоряжение полковника Колесникова: «Таманцы удачно атаковали и забрали всех турок. Кавказцам шагом следовать к месту боя».

Словно хищный ястреб, потерявший свою добычу уже в момент ее гибели, Мистулов, подняв вверх руку с плетью, минорно протянул команду: «Шаго-ом!» — и, опустив руку, стал грустным. И лицо его стало еще более бледным, каковым оно было очень часто при сильных волнениях его души.

> «Как только турки начали оставлять позиции и отходить — по требованию командира 153-го Бакинского полка, по телефону командующему 1-й бригадой 5-й Кавказской казачьей дивизии полковнику Колесникову, — бригада быстро развернулась для конной атаки и тотчас же двинулась тремя линиями в атаку. В это мгновение первые лучи солнца осветили все поле боя и сверкнули на шашках казаков, выхваченных из ножен. Конница понеслась наметом и, опережая быстро преследовавшие батальоны, вносила еще больший беспорядок в ряды отступающих турок», — пишет генерал Масловский.

Здесь ошибка: наш полк в атаке не участвовал. Ее блестяще совершил только один 1-й Таманский полк.

> «Полки дивизии, разбив значительно превосходящие их силы турок, получили большие трофеи. 153-й Бакинский полк имел пленных от всех пяти полков, бывших против него, захватив: семь штаб-офицеров, из них двух командиров полков, шестьдесят три обер-офицера, четырех врачей, более полутора тысяч аскеров, два орудия, много пулеметов, баллоны с газами, громадное количество боевых и других припасов», — отмечал генерал Масловский.

Он ничего не говорит о том, что, собственно, захватил 1-й Таманский полк. Надо полагать, что именно казаки захватили всех турок в плен, но не пехота, бывшая позади, что вполне реально по ходу боя и описания его.

Но вот что мы увидели, когда бой только что утих, но поле еще горело им.

Навстречу нам, слева, снизу, длинными лентами в колонне по четыре и с разных мест шла плененная турецкая пехота во главе со своими офицерами, приближаясь к главной дороге, по которой шел наш полк. Турецкие солдаты несли на носилках человек шесть своих тяжелораненых офицеров. Среди них один был очень пожилой и крупный, с седой бородой. Все солдаты были хорошо одеты в форму защитного цвета, в обмотках на ногах и в постолах (род кавказских чувяк без подошв, из грубой бычьей кожи, эта обувь очень удобна в горах). На головах солдат завязаны башлыки защитного цвета, как носят наши гурийцы и мингрельцы. Все офицеры одеты в серо-голубые короткие мундиры с золотыми погонами-жгутами. Все — в черных, мелкого курпея папахах, с золотыми галунами на черных бархатных верхах.

Говорили потом, что это была «константинопольская гвардия».

Турки шли молча и, как всякие пленники, сосредоточенно, но не растерянно и не пугливо. Шли с воинским достоинством. Их флегматично сопровождали одиночные конные казаки-таманцы. Из этого мы поняли, что это и есть трофеи 1-го Таманского полка. И мы были удивлены, как чисто, даже щегольски, были одеты все турецкие офицеры. Нам это понравилось.

При виде свежего казачьего полка в 800 коней, идущего правильным уставным строем, все пленные, подняв головы, с нескрываемым интересом рассматривали нас. Их офицеры, даже раненые на носилках, равняясь с Мистуловым, внимательно отдавали ему воинскую честь, беря под козырек. Нам это тоже очень понравилось.

Все месяцы войны Мистулов был неизменно блестяще одет. Высокий в талии, сухой и стройный, как всякий благородный кавказский горец, всегда в своей темно-синей черкеске, при позолоченном кинжале, шашке и газырях, в высокой коричневой папахе крупного курпея, глубоко надвинутой на лоб и уши, он всем своим видом невольно останавливал на себе внимание, кем бы они ни были, эти встречные.

Может быть, его благородная посадка и гордая осанка привлекали внимание турок, так как они с нескрываемым любопытством, провожая глазами, явно рассматривали и изучали его…

Может быть, его хищный, определенно мусульманский тип крупного лица привлекал их внимание…

Думаю, что по всему внешнему виду Мистулова они признавали в нем своего единоверца — потому-то так и рассматривали его остро и любопытно. И я уверен, что они, пленные турки, восторгались им, как, может быть, и удивлялись, что мусульманин идет против них… Но они этого ничем не выразили.

Мистулов же, чувствуя это, словно живое изваяние, только вскользь, не поворачивая головы, бросал на них свой взгляд, не желая стеснять и смущать их, своих единоверцев, этих храбрых воинов, теперь вот побежденных и… пленников.

Что же случилось у таманцев?

Напрасно по горячим следам расспрашивал я некоторых из них, друзей-офицеров, об их атаке, столь успешной и доблестной.

Я был дружен с героем дня, командиром 5-й сотни сотником Бабаевым Василием Терентьевичем. Кстати сказать, его старший брат, Иван Терентьевич, подъесаул, и его сын, прапорщик Павел Иванович, были в нашем полку, и с ними я был также очень дружен.

— Расскажите, Василий Терентьевич, как это было? — с жаром спрашиваю его, радуясь за его героическое дело. Это он шел со своей сотней в атаку впереди всего полка.

— Жарко было… — только и ответил он и, сделав паузу, добавил: — Жаль двух взводных урядников… обоих перерезало из пулеметов… убито восемь казаков, а раненых еще больше… и лошадей погибло много.

Это было все, что он мне сказал.

Его младший офицер, прапорщик Онуфрий Булах 2-й, казак станицы Славянской, бывший сверхсрочный подхорунжий этого полка, был односложен и, как черноморец, оригинален в ответах.

На мой вопрос «Как же было?» он флегматично покачал головой, потом опустил ее и медленно, с растяжкой ответил:

— Дужэ жарко було… Я думав тоди, як пишлы в отаку — проппала наша сотня… думав, усых нас туркы пэрэрижуть з пулыметив…

Мой приятель, есаул Закрепа Константин Николаевич, посмотрел на меня и произнес еще короче:

— Та… було… — и махнул рукой. А что «було», то есть было, так и не сказал.

— Расскажи ты мне, Иосиф Филиппович, как это было? — обращаюсь я к их полковому адъютанту и своему другу, хорунжему Лопатину, казаку станицы Расшеватской, не добившись толку от других. И он рассказал, так как был умен, наблюдателен и порою словоохотлив.

— Видишь, наш старик хитрый, — начал он.

Своего командира полка полковника Кравченко офицеры-таманцы за глаза называли «старик». Высокий, сухой, с черной козлиной бородой в сединах, спокойный в движениях, он действительно походил на старика, хотя ему и было лет под 60. Но они уважали своего «старика» и побаивались, как умного и строгого отца, который, если надо, «рознэсэ усых», то есть «выцукает» каждого, несмотря на его чин и положение в полку.

В термин «хитрый» Лопатин вкладывал совсем иной смысл, а именно: умный, осторожный, рассудительный.

Дальше Лопатин продолжал:

— Наша пехота не смогла сбить турок, и полку приказано конной атакой прорвать их. Но местность, ты сам знаешь какая — сплошные валуны, каменюки, где негде коню и ногой-то стать. Правда, пехота и в особенности артиллерия, видимо, поколебали турок. А тут еще местность под уклон, все же легче. Старик все это учел. Но чтобы не захлебнуться в атаке, он рассказал обстановку и свой план, который был таков: одна сотня, развернувшись в одну линию, широким наметом идет в атаку и этим навлекает на себя весь огонь турок. За ней следует весь полк в линии колонн с широкими интервалами. Головной он назначил сотню Василия Терентьевича как более исполнительного офицера и твердого начальника над своими казаками. Ему приказано «не оглядываться» назад… Полк все равно дойдет «до шашек»!

И представь, «старик» был прав: турки сосредоточили весь огонь на головной сотне, и она, видя, как за ней следует весь полк наметом, ринулась вперед во весь опор и дошла до шашечного удара… а полк, перейдя в широкий намет, окончательно сломал турок, раздавил их, — закончил он и улыбнулся.

Эта конная атака 1-го Таманского полка на пехоту турок 24 июня 1916 года была исключительно доблестная. В таком месте,

где по мирному времени никогда и никому бы не пришло в голову сделать даже и сотенное учение, не говоря уже о полковом. И когда приближался наш полк к этому месту — то вдали, может быть, в версте от нас, 1-й Таманский полк густой массой своих коней делал какие-то перестроения, видимо, только что собравшийся после атаки, в которой конница всегда бывает разрозненна. Мы искренне любовались нашими дорогими однобригадниками, переживавшими сладость конной атаки, и в душе гордились этим, словно это касалось и нас.

На войне у хороших офицеров зависти к соседу нет, а скорей дружеское сочувствие и радость за успех воинского дела. Что касается воинской чести, то это чувство должно быть еще сильнее, так как люди шли на смерть.

В нашем полку это чувство в особенности было сильно.

По статуту сотник Бабаев единогласным постановлением Георгиевской думы был награжден орденом Св. Георгия 4-й степени, а его младший офицер прапорщик Булах Онуфрий — Георгиевским оружием, не имея и одного офицерского ордена до этого. Щедро были награждены Георгиевскими крестами казаки и урядники 5-й сотни.

5-я сотня не забыла своего умного и храброго командира и преподнесла ему в подарок и сам орден. По золотому ободку этого благородного эмалированного белого крестика было выгравировано: «Герою командиру — от 5-й сотни».

Сотник Василий Бабаев — казак станицы Усть-Лабинской. В 1908 году окончил трехгодичный курс Оренбургского казачьего юнкерского училища и молодым хорунжим вышел в 1-й Таманский генерала Бескровного полк. На войну вышел старым сотником.

Конная атака Мемахатуна 1-м Кавказским полком

28 июня 1916 года 39-я пехотная дивизия вновь втянулась в жаркий бой с турками. Нашему 1-му Кавказскому полку приказано быть готовым и сосредоточиться в непосредственной близости к ней.

Полк, по каменистой и узкой проселочной дороге дойдя до резерва левофлангового 154-го Дербентского пехотного полка, спешился и оставался на дороге в своей походной колонне по три.

Бой кипел. По горным особенностям местности мы не могли видеть движение его. Мистулов молчал, и все свое внимание направил только вперед, где беспрерывно стучали пулеметы и ружья и изредка — пушки. И когда резерв пехотного полка, не свыше батальона, двинулся густой колонной, Мистулов чутьем

испытанного воина понял, что перевес в бою перешел на нашу сторону и настал тот момент, когда должна действовать конница.

— Полк сади-ись! — громко прорезал он тишину строя.

— Наметом за мно-ой! — продолжил он и, пока слова его команды дошли до слуха тех, кому они даны, он с места в намет бросился вперед по дороге.

Заскрежетали многочисленные каменья под копытами 800 коней полка. Пронесся эхом гул движения быстро несущейся конницы, и пехотный резерв, бросившись в сторону от дороги, только удивленно смотрел на нас, спрашивая глазами: куда и почему несутся казаки?

Теперь впереди Мистулова не было никого не только из наших войск, но и не было даже и головных полковых дозоров. Он скакал впереди своего полка, охваченный экзальтацией конной атаки, совершенно не оглядываясь назад на свой полк, который не только по букве воинского устава, но и по глубокой любви и вере в своего храброго командира неотступно шел и должен идти за ним.

Во главе 12 ординарцев от сотен я следовал почти «на хвост» за доблестным своим командиром, увлеченный и им лично, и сладостью конной атаки, и несокрушимой верой в мощь нашего полка.

Турецкая пехота, увидев эту конную массу, несущуюся во весь опор, открыла весь свой огонь по казакам, который бил нас во фланг слева, с юга.

В своей безумной и бешеной скачке полк вышел на шоссейную дорогу Эрзерум — Мемахатун и устремился к городу.

Город Мемахатун… Это не городок и даже не село в русском понятии. Это был маленький хуторок, раскинутый в небольшой котловине, окаймленной с трех сторон горными возвышенностями. Четвертая сторона, южная, на нет сходила к горной речке, теперь почти высохшей. Ширина этого городка в поперечнике — не более полуверсты. В нем — небольшие, дикого камня постройки без определенных улиц. Невысокая мечеть. Кругом ни деревца, ни кустика. И только большое, длинное и высокое двухэтажное здание военного интендантства как бы говорило постороннему глазу, что это есть город и военно-административный центр.

Городок лежит к северу от шоссе. К югу, параллельно речке, круто поднимается кряж гор, занятый турками.

Напротив городка этот кряж «выдавил» из себя два острых конусообразных шпица. Они так красочны своим однообразием форм и так доминируют над местностью, что не обратить на них внимание нельзя. Может, оттого город и получил свое

название — Мемахатун (Женская грудь).

Голова колонны полка под жесточайшим огнем турок с высоких кряжей, с юга, бешено ворвалась в городок и, не встретив никакого огня с фронта, не останавливаясь, устремилась по шоссе вперед. Огонь турок с гор над нашими головами рвал стены и крыши построек.

Проскочили город, и вот тут-то турки нас и ждали, словно куропаток на перелете…

Пули буквально рвали воздух. Чувствовалось, что, попади пуля в голову — она снесет ее с плеч полностью. Было страшно от беспомощности и от неизвестности — куда мы скачем?!

Шоссе, обходя последний загиб отрога, знакомый мне по 1-й Мемахатунской операции, должно приблизить нас к туркам.

Ну, думаю, вот из-за него турки сейчас же хватят нас в упор! Только бы его проскочить, а там открывается широчайшая долина реки Кара-су, где конному казачьему полку будет где развернуться!

Что было впереди нас и что происходило позади — мы не знали. Все наши мысли, несущихся впереди полка, сосредоточились на этом последнем отроге правофланговых гор: или он будет сию минуту наш, или турки нас встретят смертельным огнем.

Мистулов, видимо, почувствовал, что зарвался. Шоссе изгибом сворачивало к туркам. И он, наш доблестный командир, ища спасительного исхода, отклонился от шоссе вправо и уже во весь опор своего прыткого коня бросился под этот отрожек кряжа. За ним бросились те, кто следовал позади, в пропасть… Под сокрушительным огнем турок, с разбега воткнувшись в отрожек, Мистулов быстро сбросился с коня. Я последовал за ним. Его конный вестовой — высокий рыжебородый казак Кандыбин — тоже. И едва он сделал бросок своего большого тела вперед, чтобы подхватить повод коня командира, как я услышал рядом с собой так неприятное — чвяк!.. И Кандыбин, закрыв глаза и приложив левую руку к груди, беспомощно повалился всем телом назад. Я все же успел подхватить его за талию, как и схватить поводья трех коней. Мой вестовой — молодецкий казак Федот Ермолов — и головные ординарцы 1-й сотни, казаки-станичники Егор Крупа и Петро Кукиш, подхватили убитого, оттянули чуть назад и положили на землю, головой к туркам. Он был уже мертв: пуля угодила ему в самое сердце.

За нами карьером неслась головная 1-я сотня подъесаула Алферова, накопляясь под бугорком, и казаки мигом валились со своих седел. А в это время огонь турок бушевал над нами…

Мистулов, соскочив с коня, повалился сразу же на левый бок,

а потом на спину и… замер.

С ординарцами, убрав тело Кандыбина, я бросился к командиру.

— Господин полковник, вы ранены?! — быстро спрашиваю его.

— Не-ет… я та-ак… — как-то беспомощно и тихо ответил этот героический человек.

— Господин полковник, ваш вестовой Кандыбин убит, — докладываю ему.

— Што-о-о? — громко протянув и подняв голову, переспросил он.

— Кандыбин убит, — повторяю ему.

— А-а-а… — беспомощно протянул он, закрыл глаза и вновь повалился на спину.

Все это произошло так скоропалительно, даже быстрее по времени, чем это пишется. Нить бешено скачущих казаков к нам оборвалась, и обнаружилось, что за нами последовала только головная сотня, а остальные пять словно провалились сквозь землю.

Быстро ползу на карачках к командиру и докладываю ему об этом. Мистулов на это никак не реагирует и только коротко отвечает — «хорошо». А что означало это «хорошо», я вначале не понял. И понял только в следующие минуты.

Под этим незначительным отрогом, под его защитой, в полумертвом пространстве, сосредоточилось до 150 лошадей и казаков. Казаки свалились с коней, все залегли, кто как мог, укрывшись от жесточайшего огня турок, держа лошадей в поводу, боясь приподняться. Глубина этого мертвого пространства доходила только до половины роста лошадей. Уже валялось на земле несколько убитых и тяжелораненых. Из страха быть убитым казаки не снимали с них седел. Пули турок пчелиным роем неслись над нашими головами и жестоко рыли гребешок отрога, обдавая нас пылью и каменистыми осколками. О том, чтобы занять цепью казаков этот гребешок, не могло быть и речи: огонь турок смел бы в один момент всех, кто там показался бы.

Это наше полумертвое пространство было настолько мало, что 150 коней едва вмещались в нем. Осмотревшись, я тогда лишь понял слова командира — «хорошо». Это означало: если бы весь полк последовал сюда — полная катастрофа.

Всем было страшно, даже и самым храбрым. И казаки, скорчившись у ног своих коней, искали хоть какого-нибудь укрытия от огня турок, не имея никакой возможности им ответить.

Казачьи кони… они под несмолкаемый визг смертоносных

пуль, видя кровь убитых, как-то несчастно сгорбились, нервно вздрагивали и, опустив свои головы, сосредоточенно чего-то ждали.

1-я сотня считалась в полку лихой, дружной и храброй. Ее составляли казаки станиц Кавказской и Ильинской. И вот, несмотря на столь лестную аттестацию, сейчас казаки находились в каком-то беспомощном испуге. Они даже переговаривались между собой шепотом.

Хорунжий Коля Леурда подполз ко мне на карачках.

«Я хочу быть убитым в бою… а не убьют — сам застрелюсь», — не раз говорил он мне, разочаровавшись в жизни…

Теперь этот храбрый, умный, хорошо воспитанный и остроумный офицер подполз ко мне, стараясь ввиду крайней опасности быть ближе к своему другу.

Он молча смотрит на меня. Его красивые карие глаза, всегда блестящие и веселые, сейчас были совершенно бесцветными, потухшими и словно ничего не видящими. Умный человек, с очень чуткой душой, он понял, что мы попали в западню и спасти нас может только случай.

Чувство страха за жизнь дошло и до его смелого сердца. У моих ординарцев-станичников Крупы и Кукиша тоже были такие же глаза, как и у хорунжего Леурды. Возможно, такие же были и у меня, но я был занят, и это отвлекало от переживаний.

Все казаки примолкли, и только 36-летний подъесаул Алферов не унимался среди казаков своей сотни.

Маленького роста, сухой, тщедушный, большой кутила в молодости — теперь он совершенно остепенился, живет аскетом, очень строг с казаками, не всегда справедлив к ним.

Казаков он любил какой-то звериной любовью и требовал от них во всем беспрекословного подчинения без всяких рассуждений. И вот теперь он все время расхаживает между казаками и лошадьми, и я слышу все тот же его глухой грубый голос, но я точно улавливаю в нем и струнку личного страха, и струнку духовной нежности к своим казакам.

— Не бойтесь, братцы… если попадет пуля, то, конечно, убьет… значит — судьба… но может и не попасть. Не бойтесь, братцы… — успокаивающим голосом говорит он. И его черствое и строгое к казаку сердце теперь источает братскую нежность.

А что же наш доблестный командир полковник Эльмурза Асламбекович Мистулов?! Как он переживал и свой личный страх, и страх за свой полк?

Он лежал на спине на скате, впереди всех, головой к противнику, совершенно неподвижно, заложив кисти рук под

голову и скрестив ступни ног. Он словно спал. Но все мы отлично знали, что он не спит и переживает большую трагедию и, как мусульманин по вере, может быть, отдался на волю Аллаха.

Мы были отрезаны огнем турок от своих войск и не могли даже уйти назад. И мы все ждали, что вот-вот появятся турки из-за бугорка — и тогда…

Главное — мы не знали, куда скрылись наши остальные пять сотен.

Мистулов, не поднимаясь, изредка спрашивал меня:

— Федор Иванович, каковы потери? Что видно в городе? Где же остальные сотни?

По своей должности все это я должен знать, а не зная — должен был узнать. Поэтому я и не сидел на месте и все время рыскал на корточках, чтобы узнать, как, где и что вокруг нас делается.

Такое положение продолжалось, может быть, полчаса, час, но оно становилось совершенно нетерпимым в нашей беспомощности. Вдруг на восточной окраине города затрещал частый ружейный огонь. То подошла наша всегда доблестная пехота и открыла на юго-запад, на возвышенности, огонь по туркам. Мы уже видим эту нашу пехоту, стреляющую из-за домов городка, и на душе сразу же повеселело. Тотчас же огонь турок частично был перенесен на нашу пехоту. Мистулов, словно очнувшись от своей летаргии, быстро приподнялся и произнес:

— Федор Иванович, пишите приказание!

И диктует: «Есаулу Калугину со всеми сотнями пройти вперед и очистить от турок долину западнее Мемахатуна. Я с первой сотней нахожусь у пригорка западнее города и не могу двинуться вперед. Нужна помощь. Полковник Мистулов»

Письменное приказание я передал Алферову. Казак должен идти прямо на север от нас и там где-то искать наши пропавшие сотни.

Алферов вызвал казака Курбатова станицы Ильинской. Курбатов — видный, красивый казак и холост. Под ним дивная гнедая кобылица домашнего приплода, вполне годная: под офицерское седло. Алферов громко и твердо дает Курбатову указание:

— Видишь, вон там, на хребтине, глыбу? Езжай прямо на нее… да не сворачивай в сторону! Езжай шагом и не оглядывайся! А свернешь в сторону или двинешься рысью — сам застрелю тебя! — закончил Алферов.

— Слушаюсь, ваше благородие! — спокойно ответил казак, сел в седло и шагом двинулся на север.

Я слушаю распоряжение Алферова и возмущаюсь: почему

надо ехать казаку прямо, да еще шагом, то есть подвергаться смертельной опасности, когда надо быстро проскакать это расстояние! Но я знаю, что подъесаул Алферов строг, самолюбив, упрям — почему и молчу. А сам думаю: погиб казак вместе со своей дивной кобылицей!

Курбатов тронулся. Вся сотня вперилась в его спину и круп лошади. И только что он стал подниматься к хребту, как пули турок, вздымая пыль вправо и влево от него, заставили нас затаить дыхание в ожидании смерти этого молодца. Но Курбатов, словно не замечая их, шел прямо, шагом и не оглядываясь. И не оглянулся ни разу, достиг хребта и скрылся от нас.

Все мы легко вздохнули.

Известно, что прицел сверху — обманчив. Это и спасло молодца Курбатова. Был прав и Алферов: он действовал на психологию, что не так уж страшно и опасно.

Наша пехота постепенно заглушала *огонь* турок. Какой-то казак все же подполз в сторонке к гребешку отрога и вдруг вскрикнул радостно:

— Ваше высокоблагородие!.. Наш полк скачет!

— Где?! — вскочил Мистулов.

— А во-он… с запада!

— По коням!.. Сади-ись! — выкрикнул Мистулов, и сотня, мигом сбросив страх, вскочила на лошадей, завернула зигзагом назад и широкой рысью выскочила на шоссе. Огонь турок сразу стих. Они снялись с гор и двинулись на юг. С запада широким наметом, во взводной колонне, поднимая пыль, спешили к нам наши пять сотен полка, свыше 600 шашек. Есаул Калугин с озабоченным лицом подскакал к Мистулову и доложил, что сотни не выдержали огня турок с фланга, свернули вправо, на север, перевалили через хребтик и скакали дальше на запад. Там их нашел казак Курбатов.

Мистулов улыбается, будто с нами ничего и не случилось, как и остальные пять сотен правильно сделали, что «не выдержали флангового огня турок и не последовали за своим командиром полка»…

Мистулов, опытный воин, чутко понимал, что на войне, в боях, бывают такие положения, которые происходят вне воли человека. В данном случае это и было так; и даже вышло к лучшему, что сотни хлынули в сторону, а не последовали за головной. Сотни, перемахнув через невысокий хребтик, продолжали скакать вперед. Туркам с командных высот эта картина была видна как на ладони. Эти пять сотен казаков выбрасывались на широкую долину реки Кара-су и угрожали не только их левому флангу, но и тылу. Собственно говоря, в этом и

заключалась задача нашего полка.

Город Мемахатун

Все части остановились в Мемахатуне. На второй день к полковнику Мистулову обратился поручик, командир головной роты 154-го Дербентского полка, с написанной уже «реляцией», в которой говорилось, что он, этот поручик, первым со своей ротой ворвался в город, и просил подписать, что «командир 1-го Кавказского полка свидетель этому».

— Для чего это вам? — сухо спросил Мистулов.

— Для представления к награждению меня орденом Св. великомученика Георгия, — не смущаясь, ответил поручик.

Здесь я впервые увидел сокрушительный гнев всегда выдержанного Мистулова, который в тоне, не терпящем возражений, указал ему, кто именно первым ворвался в город Мемахатун, и приказал немедленно же ему удалиться.

> «Продолжая преследование, части 39-й пехотной дивизии все время продвигались вперед; 27 июня 154-й Дербентский полк, после боя с противником, стремившимся удержать Мемахатун, овладел последним и начал распространяться к западу от него, в долину Кара-су», — пишет в своей книге генерал Масловский, словно казаков там не было…

Героический Мистулов, участник трех войн — боксерского восстания в Китае, русско-японской войны и теперешней, — безусловно, много повидал в боях, не раз ощущал боевой огонь разной силы, но тот огонь, который он перенес под Мемахатуном 28 июня, видимо, был наисильнейшим, как и самым страшным. Потом не раз, когда мы оставались вдвоем, он спрашивал:

— А помните Мемахатун, Федор Иванович? — И мы оба улыбались. Гибель вестового, казака Кандыбина, исключительно глубоко огорчила душу Мистулова. О нем он потом часто вспоминал и сокрушался. Высокий, стройный, широкоплечий, с рыжей бородой, на крупном рыжем белоногом коне донской породы — Кандыбин был очень заметен. В особенности, когда он шел верхом за своим командиром полка. И этим Кандыбин, безусловно, гордился. Не свались Мистулов на бок, когда он быстро соскочил с седла, эта пуля попала бы в него, так как на его месте молниеносно появился его конный вестовой и был убит наповал. Мистулов — мусульманин, фаталист — видимо, переживал, что своим спасением обязан этому казаку. Вообще он

сокрушался так, словно потерял родного брата, и долго не мог забыть этого.

По императорскому закону строевые казачьи лошади и седла убитых казаков оставались собственностью полка, а семьям их высылались деньги по казенной расценке — за лошадь 250 рублей, а за седло 38. И вот благороднейший Мистулов, в противовес всем государственным и войсковым законам, приказал: коня и седло немедленно же отправить отцу казака в станицу Новопокровскую, а вдове убитого из полковых сумм переслал 200 рублей. После же — и Георгиевский посмертный крест.

Жест добрый и смелый.

2-я Мемахатунекая операция закончилась полным успехом. Приятно отметить, что к ее окончанию пришло производство в генерал-майоры нашего командира 1-й бригады полковника Ивана Никифоровича Колесникова, казака Терского войска, которого мы искренне полюбили.

Сдав Мемахатун, турки отошли прямо на юг и укрепились в своем «Орлином гнезде» на вершине горы Губах-даг. Наша 1-я бригада генерала Колесникова была придана 153-му Бакинскому и 155-му Кубанскому пехотным полкам и в ночь на 1 июля с боем заняла весь район Губах-дага.

Много казачьих голов нашей дивизии полегло под горою еще в 1-ю Мемахатунскую операцию в марте и апреле этого же года, и теперь, когда мы ее заняли, то поняли, отчего она так упорно была защищаема турками.

Вершина Губах-дага — это вулканический кратер, в поперечнике около версты. Это глубокая котловина, окаймленная со всех сторон краями древнего кратера, как крепостными стенами. Внутренняя же его сторона была благоустроена ровными рядами лагерного расположения для палаток, землянок и других необходимых удобств. И все это было оставлено турками в полной чистоте и неразрушенным. Командная высота над всей местностью на несколько десятков верст на ней — она являлась главным тактическим ключом этого района.

Несомненно, турки ее сдали в связи с общим своим отступлением на запад.

Продвигаясь в глубь Турции, мы вступили в Эрзинджанскую операцию, самую последнюю и победную.

Тетрадь десятая

Эрзинджанская операция

В войсках 1-го Кавказского корпуса Эрзинджанская операция разбивалась на две части, а именно: 2-я Мемахатунская, так как корпус наступал прямо на Мемахатун, а по занятии его корпус наступал на город Эрзинджан. И эта вторая половина военных операций в корпусе называлась уже Эрзинджанской. Так помечено и в послужных списках тех, кто участвовал в этих двух операциях.

> «Турки решили отобрать у русских Эрзерум и Трапезунд. Сосредоточенная 3-я турецкая армия Вехиб-паши 13 июня 1916 года внезапно переходит в энергичное наступление частями 5-го турецкого корпуса в стыке между нашими 5-м Кавказским и 2-м Туркестанским корпусами. Произведя прорыв, начали распространяться в направлении города Офа, расположенного на побережье Черного моря, между Трапезундом и Ризе, дней через пять подошли уже на один переход к Офу. Чтобы ликвидировать этот прорыв, командующий Кавказской армией генерал Юденич приказал 19 июня 1916 года 5-му Кавказскому, 2-му Туркестанскому и 1-му Кавказскому корпусам перейти в наступление. Началась Эрзинджанская операция» — так пишет генерал Масловский.
>
> «Далее, не занятый промежуток между 1-ми 4-м Кавказскими корпусами наблюдала конница 1-го Кавказского корпуса, 2-я бригада 5-й Кавказской казачьей дивизии (3-й Екатеринодарский и 3-й Линейный полки), и 4-го корпуса — 2-я Кавказская казачья дивизия генерала Абациева, — одновременно и поддерживая связь между обоими корпусами».

1-й Таманский, 1-й Кавказский полки и 4-я Кубанская казачья батарея были оттянуты с горы Губах-даг и расположились в пологом ущелье западнее Мемахатуна. До самой реки Кара-су (Черная вода) расстилалась широчайшая долина с дивной травой для казачьих лошадей. Войска на войне после каждой боевой и успешной операции всегда мечтают об отдыхе как о заслуженном поощрении. Мечтали и мы. Но части никогда не знали наперед о боевых задачах даже и своего штаба дивизии. Так было и здесь: нашу 1-ю бригаду первоочередных полков спешно, ночью,

бросают через горы на север в направлении города Байбурта. Шли всю ночь. Наутро новое распоряжение: оставить артиллерию и обозы, пулеметы перевести на вьюки и бригаде двинуться по тропам на запад.

К этому времени севернее нас и западнее Байбурта находились 4-я Кубанская пластунская бригада и Сибирская казачья бригада.

39-я пехотная дивизия и Донская пластунская бригада повели наступление на запад, на Эрзинджан, от Мемахатуна.

Выступили. Сплошные гряды гор, бесконечные перевалы. К полудню 7 июля, преодолев еще один перевал, мы увидели перед собой глубокую продолговатую котловину, по которой густыми линиями в несколько рядов спокойно отходила на запад турецкая пехота. Турки только что снялись со своего бивака, видимо, по заранее разработанному плану отхода. Это было так неожиданно для нас и так, казалось, заманчиво для конной атаки, но… полки, идя по тропам в колонне по одному, растянулись версты на 3–4 где-то внизу от перевала и спешно подтянуть их, построить боевой порядок и атаковать в конном строю было невозможно. И наши три командира — бригадный и два командира полков, люди похвальной боевой смелости, почесывая затылки и досадливо улыбаясь, остановились на перевале и спокойно смотрели на турецкие стройные линии пехоты, удалявшейся от нас

«Три командира»

Так прозвали мы трех своих ближайших начальников: командира бригады генерала Колесникова, командира 1-го Таманского полка полковника Кравченко и командира 1-го Кавказского полка полковника Мистулова. Они достойны полной похвалы, чтобы на них остановиться.

Генерал Иван Никифорович Колесников — казак станицы Ищорской Моздокского отдела Терского войска. На войну 1914 года вышел в должности командира 2-го Горско-Моздокского полка своего войска на Западный фронт. За боевые отличия награжден орденом Св. Георгия Победоносца 4-й степени.

По положению в Кубанском и Терском войсках, где командиры полков и батарей назначались на общие вакансии, Колесников, как достойный к продвижению по службе, назначен был командиром 1-го Запорожского полка Кубанского войска, действовавшего в Персии, в Экспедиционном корпусе генерала Баратова. Отличившись там, он был назначен командиром бригады в нашу дивизию.

Генерал Колесников был очень добрый человек, простой в

жизни, рассудительный во всем, твердый и устойчивый в боях. Одет просто и аккуратно. На нем старая, потрепанная в боях и походах черная черкеска и такой же черный бешмет, обыкновенные казачьи мягкие сапоги; простого черного курпея папаха старого фасона, кинжал и шашка в черных ножнах.

Он имел двух обыкновенных казачьих коней вороной масти, старых летами и очень спокойных. На одном из них в обыкновенных казачьих кавказских ковровых сумах он возил свои «офицерские вещи». Иногда менял лошадей, то есть строевого ставил под вьюк, а вьючного брал под седло. Но лошади были одинакового качества…

При нем был только один казак, конный вестовой, который ему служил и вестовым, и денщиком, и посыльным, и ординарцем. Казак был терец — тихий, смирный, послушный, словно сын его родной.

Колесников очень характерно говорил, как говорят наши казаки-староверы, растягивая букву «я», а буква «в» у него иногда произносилась, как буква «ф».

В походе, в голове колонны бригады, с ним всегда шли командиры полков со своими адъютантами, чтобы быть в курсе боевых событий. Он был очень дружен с Мистуловым, любил и уважал его. К тому же они вместе вышли на Западный фронт в 1914 году командирами полков 1-й Терской льготной казачьей дивизии и, кажется, до самого 1916 года были там вместе.

На переходах ли, при всех встречах на биваке, во время боя ли — они всегда говорили о своем Терском войске, о его офицерах, былых боях и других разных интересных случаях, так часто бываемых на войне. Больше говорил Колесников, почти без умолку, а Мистулов слушал, дополнял, пояснял или рассказывал скромно о своем былом. А я, полковой адъютант Мистулова, все слушал, слушал…

Колесников называл Мистулова только по имени — Эльмурза, а Мистулов Колесникова — полным именем и отчеством — Иван Никифорович.

В долгих переходах Колесников сидел иногда в седле по-чеченски, то есть бочком на одну ногу (ляжку), и при этом неизменно легко похлопывал плетью своего коня по левой лопатке через переднюю луку. Это тоже было по-чеченски.

Генерал Колесников был казак старого кавказского закала и привычек, интересовавшийся только главной сутью дела, совершенно не обращавший внимания на ее внешнюю сторону. Мы его полюбили сразу же и глубоко уважали. Став генералом, он ничего не изменил и в своей личной походно-боевой жизни. У него не было ни адъютанта, ни обер-офицера для поручений, ни

специальных ординарцев от полков. Мистулов как-то шутливо спросил его:

— Иван Никифорович! А почему у вас нет адъютанта?

— А зачем он мне?! — быстро ответил он. — Чтобы офицера отрывать от строя?.. А ежели потребуется что написать, я попрошу вот Федора Ивановича! — И при этом быстро повернулся ко мне на носках и весело спросил: — Не так ли, Федор Иванович?

— Так точно, ваше превосходительство, — без воинской натяжки ответил я, посмотрев на своего командира полка, и мы все трое весело рассмеялись.

Но я писал только иногда под его диктовку. Обыкновенно же он писал сам, имея при себе на поясе нашу обыкновенную полевую кожаную сумку.

Удивительно скромный, добрый и благородный был человек. Ему тогда было лет 55. Среднего роста, сухой, с седой подстриженной бородкой, с пожелтелыми усами — «от курева». Всем своим внешним видом он был очень приятен.

Командир 1-го Таманского полка полковник Кравченко был типичный казак-черноморец старого порядка. Высокий, сухой, стройный без натяжки (о чем и не беспокоился), с обветренным лицом жгучего брюнета, с черной козлиной бородкой, посеребренной уже сединой. Он был молчалив, а если что и говорил, то говорил только по-черноморски, то есть «балакав». Добрый и умный старик лет 55, который полком командовал-управлял по-отечески и, если нужно, разносил и 50-летних командиров сотен, старейших таманцев. И разносил их по-своему: «А дэ цэ ти стрикулысты, командыри сотен, шо нэ прыходють на уборку коний?»

Это на войне-то ходить командирам сотен на уборку лошадей, когда и в мирное время не приходили на нее даже и младшие офицеры сотен. Да этого и не нужно было. Это только стесняло казаков. И вахмистры сотен и взводные урядники были вполне надежны для этого. Да и сами казаки добросовестно смотрели за своими собственными лошадьми, даже и на войне, что вполне было естественно.

Или было так. Командир сотни оправдывается в чем-либо, и оправдывается долго. Кравченко слушает молча, а потом, когда это ему надоест, перебивает сотенного и сердито говорит:

— Та шо вы мини тэ да сэ… Дывыця як бы вам пид суд нэ пидпасты…

Под суд он, конечно, никого не отдавал, но говорил это по привычке. Заботливый о своих подчиненных начальник, в особенности по части довольствия людей и лошадей. Смелый,

спокойный в боях. Свое мнение начальству выражал коротко и определенно, не боясь последствий. Его любили и уважали в полку, так как Таманский полк был полком черноморских казаков, среди которых психология былого славного Запорожского казачества еще глубоко сидела в душах. Почему и психология их командира им всем была так близка и понятна.

Жаль, что я не знаю, какой станицы он казак, его семейное положение и судьбу. Он скоро был вызван в Персию, в корпус генерала Баратова, и там назначен командиром бригады.

Полковник Мистулов совершенно разнился от них. Родом казак-осетин, мусульманин Терского войска, убежденный холостяк — он рожден был для войны. Ему тогда было 47 лет.

Человек исключительного благородства и воинского долга, он был обаятелен и в личной жизни. Не сравним ни с кем в командовании полком и в обхождении со своими подчиненными, как с господами офицерами, так и с казаками. Фатально храбрый. При нем быть адъютантом — это значило всегда и вне очереди быть в боях. За короткое время 2-й Мемахатунской операции был убит наповал его конный вестовой, а мой — ранен.

В полк прискакал о двуконь и с одним только вестовым, двоюродным братом, младшим урядником Батарбеком Мистуловым, который являлся и его денщиком и ординарцем на биваке. На втором коне у него кавказские ковровые сумы, в которых находился весь его офицерский багаж: вторая черкеска, папаха, мягкие шевровые сапоги и белье. И в боях всех офицеров он называл только по имени и отчеству. Несмотря на это, все мы держали перед ним почтительную дистанцию воинской подчиненности, боясь хоть чем-нибудь да нарушить покой его благородной души.

Вот каковы были наши «три командира», совершенно разные по характеру и по внешности люди, храбрые и рассудительные. И вот теперь они сидели на гребне перевала и спокойно, с улыбкой смотрели на отходящую от нас турецкую пехоту в боевом порядке длинных линий-цепей, не имея возможности атаковать ее.

Полковник Вербицкий

Я стою вдали от трех командиров. Вдруг из-за соседнего кряжика, что позади нас к северо-востоку, появился какой-то старик полковник с длинной седой бородой, в длинной светло-зеленой рубахе-гимнастерке почти до колен, в темно-синих шароварах, в мягких сапогах, при длинном кинжале и револьвере и с большой полевой сумкой, сильно оттягивающейся на поясе. Голова — коротко острижена по-казачьи, и вдобавок ко всему

этому оригинальному костюму большая, крупного курпея папаха держалась им под мышкой. По виду это был подлинный дед Ерошка из повести Льва Толстого «Казаки». Но на груди, на выцветшей от солнца гимнастерке, подпоясанной стильным кавказским поясом в крупной серебряной оправе, был прикреплен знак Академии Генерального штаба.

Он появился совершенно один, даже без сопровождения казака, а откуда? Словно вынырнул из-под земли. На мое отдание воинской чести он изгибом спины в пояснице поклонился по-станичному. Но когда он подошел к «трем командирам», то и генерал Колесников, и полковник Мистулов быстро поднялись на ноги и двинулись к нему навстречу. Они с радостными приветствиями встретили его, крепко жали и трясли его руку и буквально забросали его вопросами: «Откуда вы?.. Как вы?.. Давно ли вы здесь?» При этом называли его по имени и отчеству и очень почтительно.

Видно было, что они его знали давно, знали хорошо, близко и знали только с хорошей стороны, как и он их хорошо знал. Сам же старик полковник, не спуская сияющей улыбки со своего крупного, доброго и энергичного лица, заросшего густой и длинной щетиной, весело отвечал им на все вопросы. Он словно попал в долгожданную свою казачью семью, ту, которую так долго искал, и вот — нашел.

То был Генерального штаба полковник Вербицкий, Терского войска и командир 2-го Терского батальона 4-й Кубанской пластунской бригады. Его батальон — «вот там идет за перевалом», как сказал он Колесникову и Мистулову и указал рукой к северо-востоку от нас.

Весь староказачий костюм Вербицкого, внешний вид, его манера говорить, как и то, что он, командир батальона, идет отдельно от своей части где-то по горам и впереди, словно охотник, — все это, вместе взятое, еще более усилило в моем понятии его «казачье сходство» с дедом Брошкой из повести Толстого. Хотя Вербицкий по костюму, по бороде, по широкой и длинной рубахе-гимнастерке был полный прообраз самого Льва Николаевича Толстого.

Разговаривая, Вербицкий чисто по-станичному вытирал своей папахой катящийся в изобилии пот с коротко остриженной головы.

Скоро подошел адъютант Вербицкого, хорунжий Белоусов. Мы оказались с ним одного военного училища, Оренбургского казачьего, почему и разговор наш «о боевых действиях» был прост и ненатянут.

Белоусов окончил Оренбургское училище во время войны —

ускоренные курсы — вахмистром.

Предрешив общее наступление, командиры расстались. В тот же день, когда мы остались вдвоем, я спросил своего командира о Вербицком, выразив удивление, что он очень старый офицер, Генерального штаба, и только в чине полковника и в должности командира батальона.

Мистулов подумал, потом как-то загадочно глянул мне в глаза и коротко пояснил:

— Полковник Вербицкий — ученый человек нашего войска. Умница, историк, либерал, правдист и настоящий казак… Но не всегда был сдержан на слова… Вот почему его и держали в тени. И вот только теперь, по войне, достали «из архива»… — Мистулов сказал и смолк. И потом добавил: — Но его очень любят и уважают в нашем войске.

К нашим трем командирам, очень солидным и интересным, прибавился четвертый, но еще более интересный и оригинальный.

Безумная конная атака

8 июля наша бригада, пройдя долину Лори Дараси (Долина Роз) вдоль с востока на запад, была остановлена турками, занявшими каменистые позиции на пологих возвышенностях, замыкающих долину. Атаковать турок в конном строю без артиллерийской подготовки нашли невозможным. Чтобы не маячить перед ними и не нести ненужные потери, Колесников свернул бригаду и укрыл ее в провале между двух хребтов. Здесь «три командира» решали, что же дальше делать. Донесено было по начальству. Очень скоро был получен ответ-телефонограмма от самого командующего Кавказской армией генерала Юденича с приказом: «Бригаде с боем двигаться вперед».

Генерал Колесников готов был уже исполнять это приказание, как оба командира полков энергично запротестовали. После долгих пререканий Колесников уступил, и было послано новое донесение генералу Юденичу: «До подхода нашей артиллерии и до подготовительного огня ею продвижение бригады вперед невозможно».

И вот на это донесение очень скоро получен новый приказ следующего содержания:

«Сибирская казачья бригада весь свой боевой путь проделывает по тылам турок. Сибирские казаки — наши гости здесь, на Кавказе, и они отлично применились к боевой обстановке ранее им неведомых мест, в то время как своя же, Кавказская бригада кубанских казаков идет только обыкновенным

путем в силу приказа или устава. Приказываю двигаться вперед и атаковать турок. Юденич».

Полки стояли в узком ущелье, держа лошадей в поводу, а все офицеры бригады находились около «общего штаба».

Был сильный солнцепек. Все раскалено. Все измучены и жарой, и неопределенностью положения. Телефонограмма генерала Юденича, прочитанная Колесниковым громко вслух, огорошила и задела нас всех. И Мистулов, и Кравченко в самых решительных тонах доложили своему командиру бригады, что, несмотря на этот приказ, атака на турок без артиллерийской подготовки — безумие.

В недостаточной смелости, упорстве в бою, как и личной храбрости, обоим нашим командирам никто не может бросить упрека. Все офицеры были на их стороне. Тогда генерал Колесников, нами так уважаемый, вдруг сказал, что он, как военный, должен выполнить приказ точно, и, поднявшись на ноги, уже упрямо и решительно, не глядя ни на кого, заявил:

— Господа!.. Я приказываю идти! — и скомандовал: — По коням! Мистулов, молча, с краской от возмущения на своем всегда

бледном лице, быстро поднявшись с разостланной бурки и взяв под козырек, произнес-прошипел:

— Слушаюсь, ваше превосходительство…

За все время их встречи он впервые ответил генералу Колесникову официально и по титулу, чем подчеркнул полное свое несогласие с ним, как и возмущение его распоряжением.

Полковник же Кравченко, как черноморец и летами старше самого Колесникова, молча, спокойно встал и пробурчал своим сотенным командирам: «Йдыть к сотням…»

Это было начало нашей трагической конной атаки всей бригады.

Что случилось бы, если бы генерал Колесников не исполнил приказание командующего армией генерала Юденича? Он был бы отрешен от командования, отозван в тыл и сломал бы себе военную карьеру.

Хорунжий Абашкин

— Ваше превосходительство, позвольте представиться своему командиру полка! — взяв под козырек, отрапортовал генералу Колесникову хорунжий Абашкин, полчаса тому назад прибывший в свой 1-й Таманский полк по добровольному своему откомандированию из штаба дивизии, где он был обер-офицером для поручений.

В августе 1913 года вновь испеченным хорунжим я ехал в гости в Майкоп. На станции Курганная встретил очень молодого и изящного светлого блондина, хорунжего, на погонах которого стояла литера «1 Т». Он отчетливо, чисто по-юнкерски козырнул мне, проходящему по перрону. По литере на погоне и по всему его свежему и чистенькому виду в темно-вишневой черкеске я понял, что он молодой хорунжий и мой однобригадник. Мы представились друг другу. Он в этом же году окончил Николаевское кавалерийское училище и проводил отпуск в своей станице Курганной. Эта мимолетная встреча нас очень сдружила, когда мы вторично встретились уже на фронте, в Турции.

Все «николаевцы», то есть те, кто окончил казачью сотню Николаевского кавалерийского училища в Петербурге, очень дружили между собой. В обоих полках бригады нас, молодых хорунжих, было человек 15. И вот, когда Абашкин после рапорта своему командиру полка отошел в сторону, мы целым пчелиным роем окружили его и засыпали вопросами:

— Ну, что? Как там, в штабе дивизии? Что нового? Прошли ли наши представления в следующие чины?

Это были самые обыкновенные жизненные вопросы новому лицу, только что прибывшему из тыла, из центра, из нашего не совсем любимого штаба дивизии, вершителя нашей карьеры…

Шел третий год войны, и все мы были в тех же чинах, с которыми вышли на фронт. Это задевало всех.

Абашкин[7], всегда скромный и нелюбознательный, ничего не знал, что делалось в штабе дивизии, тяготился своим положением там и все время просился в строй, в свой полк. Наконец был отпущен. Теперь он находился в своем родном полку среди друзей-сверстников, чему был рад и счастлив. Своим костюмом штабного офицера он совершенно не походил на нас В чистенькой гимнастерке с навесными серебряными погонами, в темно-синих диагоналевых офицерских бриджах с широким серебряным галуном, в мягких боксовых сапогах. Сам чистенький, беленький, абсолютно без загара на лице, он был словно комнатное растение среди нас — загорелых, обветренных, в потрепанных черкесках, небритых, спавших не раздеваясь и валявшихся на привале где и как попало.

И вот… когда генерал Колесников скомандовал «По коням!» — у меня в душе шевельнулась неприятная и жалостливая мысль «о несвоевременности прибытия в строй моего друга».

Но ведь он прибыл, чтобы стяжать боевую славу в родном полку — толкнуло меня второе чувство тут же. И вторым своим чувством я его одобрил.

Перед атакой

Тремя командирами решено: чтобы не подвергать большим потерям только один полк, линию фронта для атаки поэшелонно распределить равномерно между обоими полками.

Военная наука говорит, что в бой должна вводиться часть под командованием своего начальника и ни в коем случае нельзя «мешать части войск».

Распределено было так: в первом эшелоне от каждого полка пойдут по две сотни в одношереножном разомкнутом строю, как полагается по уставу «для атаки на пехоту», держа одну сплошную линию фронта.

За ними — по две сотни от полков в двухшереножном разомкнутом строю на дистанции 200–300 шагов. На такой же дистанции в качестве резерва пойдут остальные четыре сотни от обоих полков в двухшереножном сомкнутом строю. Со вторыми эшелонами пойдут оба командира полков, а с резервом — сам Колесников.

Во всю войну наши полки были в полном своем комплекте, по 120 шашек в сотнях, не считая разных командировочных казаков в штабы, в обозы и другие расходы людей.

В конную атаку бросалась вся бригада — около 1500 казаков.

Колесников решил атаковать турок прямо в лоб, без единого выстрела с нашей стороны и без всякого маневра. Да его и нельзя было произвести.

Условились еще так: две сотни кавказцев рысью, в колонне по одному, выдвигаются из ущелья прямо на юг. За ними идут две сотни таманцев. И когда все четыре сотни в колонне по одному пройдут на ширину своего участка — они одновременно поворачивают направо (на запад) и этим образуют сплошной разомкнутый строй, переходя немедленно же в намет, в атаку.

Следующие две сотни кавказцев под командованием полковника Мистулова выскакивают из ущелья наметом во взводной колонне, занимают фронт позади своих головных сотен, а за ними следуют две сотни таманцев. Эти четыре сотни должны образовать одну линию двухшереножного строя — второй эшелон. Так должен построиться и резерв.

В общем, все распределено так, как требует воинский устав «для атаки на пехоту» — тремя эшелонами, дистанция 200–300 шагов между ними.

Нужно было случиться так, что, когда полки готовились к атаке, в это время подошла к нам головная конная разведка от пехоты и доложила, что следом за ними, верстах в двух, движется пехота и артиллерия на усиление казачьих частей. Оба

командира полков «легко вздохнули» и обратились к генералу Колесникову с просьбой «подождать подкрепления», и, когда пехота и артиллерия втянутся в бой, тогда конница атакует турок.

И казалось, что такой рассудительный, всегда спокойный, выдержанный и сердечный человек, каким был Колесников, учтет все эти доводы, но… он и слушать ничего не хотел и твердил одно: «Мне приказано наступать… и я требую исполнения моего боевого приказа!»

— Головные сотни… справа по одному… шагом… ма-аррш! — раздались команды командиров полков, стоявших на возвышенности рядом с генералом Колесниковым.

И головные сотни обоих полков, вытягиваясь шагом, шли параллельно, держа направление на юг, где кавказцы, выходя из ущелья, двинутся по тому же направлению широкой рысью, чтобы занять свой участок.

В официальных реляциях часто пишется неправда и обязательно с украшением своего подвига и умалением достоинства противника. В информационном листке Кубанской канцелярии («Вольная Кубань». 1930, Белград) эта атака описана участником, 1-го Таманского полка есаулом Ширай, тогда прапорщиком и младшим офицером 1-й сотни, бывшей в головном эшелоне. Я приведу его описание полностью, а потом расскажу, «как это было на самом деле». Ширай атаку описывает правильно, но результат атаки им освещен совершенно неверно. Он пишет: «25 июня 1916 года 1-й Кавказский корпус генерала от кавалерии Кали-тина перешел по всему фронту в наступление. 1-я конная бригада 5-й Кавказской казачьей дивизии полковника Колесникова, входившая в группу генерал-майора Ляхова, после занятия Мемахатуна двинулась на Эрзинджан.

8 июля утром бригада заняла селение Юхоон-Лори, оставленное турками без боя, и, не задерживаясь, двинулась дальше к с. Аик, где, по данным разведки, противник занимал окопы по хребту, включая и с. Аик. Командир бригады решил немедленно же атаковать в конном строю сидящую в окопах турецкую пехоту, не ожидая подхода нашей артиллерии и пластунов, шедших в четырех верстах правее бригады.

Командирам полков приказано было выдвинуть вперед от каждого полка по две сотни и атаковать ими неприятеля. От 1-го Таманского полка были назначены 1-я и 3-я сотни, от 1-го Кавказского — 2-я и 6-я. В

назначенных в первую линию сотнях было около 120 шашек. Местность версты на две до окопов была ровная, покрытая пшеницей. Посреди, параллельно хребту, занятому турками, протекала небольшая речушка. За речушкой, на версту, местность ровно поднималась к самому селу Лик.

Было 7 часов вечера, солнце уже село за гору, но его заходящие лучи еще окрашивали небо, когда назначенные сотни по знакам своих командиров развернулись в лаву. Пошли рысью. Таманские сотни шли правее кавказских. Изредка стали посвистывать пули и сотни прибавили аллюр. Пули стали свистеть все чаще. Заклокотали до того молчавшие турецкие пулеметы; пролетели и разорвались первые снаряды гаубичной батареи. Раздалась команда: „Шашки вон!“ и „Наметом!“.

Защелкали разрывные пули, дававшие синеватые вспышки в наступавших сумерках.

Сотни были взяты в работу с трех сторон. От щелканья разрывных пуль, трескотни пулеметов, разрывов снарядов ничего не было слышно. Сотни несли крупные потери. Но лихих таманцев и кавказцев уже ничего не могло остановить. С доблестными командирами впереди они дорвались до турок и с лихвой возместили им свои потери. Аик был взят. В то же время бригада совместно с пластунами ликвидировала скопившуюся на правом фланге атаковавших сотен сильную угрозу в виде появившейся новой турецкой пехоты.

В полной уже темноте все было кончено. Казаки еще раз поддержали свою старую славу…»

Есаул Ширай жил в Виши и часто виделся со мной. Потом выступал в Париже, в группе джигитов. Я с ним говорил по этому поводу. «Писано для красоты», — ответил он. Он умер во Франции.

Теперь же продолжу — «как это было на самом деле».

От кавказцев выступили 2-я сотня есаула Пучкова и 6-я есаула Флейшера, а от таманцев — 1-я сотня сотника Василия Демяника и 3-я подъесаула Каменского (в 1918 году в Корниловском конном полку он был войсковым старшиной).

Оба штаба полка стояли на берегу обрыва и молча созерцали тихое, слегка ленивое вытягивание в колонну по одному своих сотен.

Хорунжий Абашкин шел в голове 1-го взвода 1-й сотни. Его гнедая вылощенная кобылица-полукровка, как и его очень чистый и свежий костюм штабного офицера, ярко выделялись среди линии казаков в замусоленных гимнастерках и черкесках и вытертых папахах. И на всем фоне будничного боевого строя сотен, уже два месяца кочующих под открытым небом, живущих в пыли, в грязи, в дождь и слякоть, глядя с обрыва на празднично-блестящий вид своего друга хорунжего Абашкина, я подумал: «Ну отчего он не надел другого костюма? Всякий турецкий солдат при столкновении явно будет стрелять первым делом в Абашкина».

Он шел спокойным шагом своей кобылицы благородных кровей и, глянув в нашу сторону, дружески и незаметно для других движением руки дал мне понять, как он счастлив, что наконец-то находится в строю и уже сейчас идет в атаку…

Атака

Две головные сотни кавказцев широкой рысью «в один конь», словно на учении, длинной лентой в 250 коней обогнали таманцев и прошли вперед, чтобы занять свой участок. Издали, сверху, казалось, что эти сотни кавказцев пересекают долину для того, чтобы стать скрыто на противоположной ее стороне. Все это видно туркам как на ладони. И когда все четыре головные сотни кавказцев и таманцев повернули фронтом против турок и перешли сразу же в широкую рысь, а потом — в намет, а следующие четыре сотни второго эшелона наметом выбросились из ущелья, по казакам турки сразу же открыли ружейный огонь, потом затрещали пулеметы, затем забухали пушки… От таманских головных сотен широким наметом выскочили вперед человек 20 дозорных. За головными сотнями, пересекая расстояние по диагонали, неслись две сотни кавказцев во главе со своим командиром Мистуловым и, достигнув полкового участка атаки, на широком намете развернулись в двухшереножный разомкнутый строй. Две сотни таманцев второго эшелона, выскочив из ущелья вслед за кавказцами и повернув направо, образовали общий фронт в-500 шашек. 2-й эшелон таманцев возглавил маститый 50-летний есаул Братухин.

За вторым эшелоном густой массой выскочил из ущелья общий резерв в четыре сотни под общим командованием генерала Колесникова и, построившись в двухшереножный развернутый строй, шел за своими передними эшелонами. Полковник Кравченко командовал резервом своего полка, а кавказским — есаул Калугин.

Вот тут-то все и началось…

Два полка казачьей конницы в 1500 шашек неожиданно и без единого выстрела, почти в мгновение ока, появились перед турецкими позициями и понеслись на них в атаку. Это не застало турок врасплох. Ураганный ружейный, пулеметный и артиллерийский огонь они открыли немедленно со всех мест и гнезд их позиций. Артиллерийского огня от турок мы не ждали, так как думали, что если наша артиллерия не могла продвигаться по горам, то и турки свою артиллерию отправили глубоко в тыл. Кроме того, их артиллерия открыла по нам огонь во фланг, с юга, с вершин, отделявших ее от нас глубоким ущельем.

От этого смешанного огня турок все мигом заклокотало, словно сало, брошенное на раскаленную сковородку…

Солнце было на последней точке своего дневного пути, ровно против казаков, смотрело им прямо в лицо, ослепляло глаза своими яркими лучами, и казалось, вот-вот закатится, чтобы от горя не видеть несчастную атаку казачьих конных полков и не видеть гибели многих казаков…

Мистулов молча, нервно шел шагов на двадцать впереди своего эшелона, направив все свое внимание, все свое существо вперед, только вперед. Изредка бросая взгляд в стороны и назад, думаю, он изучал реальное и психологическое состояние несущихся в атаку эшелонов.

Он что-то шептал. И я не думаю, чтобы он шептал священные слова из Корана перед смертельной схваткой с врагом… Он, безусловно, шептал слова проклятия тем, кто бросил полки в безумную атаку.

Пишущий эти строки скакал рядом с ним и левее его шагов на пять, чтобы вовремя схватить могущие быть короткие лаконичные распоряжения.

Было совсем не страшно, скорее интересно, так как это была первая атака всей нашей бригады вместе, полностью сохранившихся полков в своей боевой мощи; конная атака «по уставу» и во главе со своими старшими начальниками, храбрыми командирами. Я все время бросал взгляды во все стороны, чтобы убедиться в правильности сохранения сотнями «строя для атаки», как и для того, чтобы знать — какой полк смелее идет в столь тяжелую атаку.

Было не страшно еще и потому, что я скакал рядом с храбрейшим воином, коим являлся наш командир полка. Его высокая статная фигура благороднейшего горца Кавказа, его прыткий, как лань, кабардинец говорили мне, что такой воин не может быть убит. Мне казалось, что, если пуля врага перебьет ногу такой лошади, она все равно так же прытко будет скакать, как скачет вот сейчас на всех четырех ногах… Мне казалось, что,

если Мистулов будет ранен, он все равно дойдет до окопов противника. И мне казалось, что он упадет с коня лишь тогда, когда пуля пробьет его голову…

Кентавр…

Головные дозоры таманцев, человек двадцать, почувствовав жесточайший турецкий огонь и желая как можно скорее пройти его, перешли в полный карьер своих лошадей и, извиваясь по каменистой местности мимо многочисленных валунов, уверенно, дерзко-храбро неслись вперед, на подъем, к туркам, к Славе и… гибели.

Так, думаю, решительно и смело неслись их предки, храбрые запорожцы, в погоне за татарами в причерноморских степях, для того чтобы убить лихого татарина или захватить его живым в плен.

За ними в полном порядке неслись головные их сотни туда, где неумолимая судьба равняет всех…

Головные сотни кавказцев шли ровно, смело, но без дозоров по линии фронта, чуть ниже их.

На таманском участке турецкий огонь «заскворчал» с такой силой, что сотни, видимо, уже без слов команды, с особенной яростью устремились карьером вперед, и при ярком закате солнца был ясно виден блеск казачьих шашек, как показатель того, что они доходили уже до шашечного удара.

Второй эшелон таманцев есаула Братухина приотстал от нашего, второго же эшелона, а третий эшелон был еще ниже в глубину. Третий эшелон кавказцев есаула Калугина наседал на свой второй эшелон и был от него в 100 шагах по дистанции. Турки перенесли свой огонь и по второму эшелону. Потом у меня в глазах получилась как бы «галлюцинация»: я вижу, навстречу нам бегут пешие казаки-таманцы с седлами за спинами. То бежали те казаки, под которыми были убиты лошади.

Обе головные сотни кавказцев как-то стали отклоняться влево от своего прямого направления, а потом, повернув по одному еще налево, скрылись где-то… Одновременно головные сотни таманцев повернули назад и веером, в полном беспорядке, карьером, с нечеловеческой быстротой неслись, прямо неслись на весь второй эшелон, ища спасения…

Наступила жуткая трагическая минута, не поддающаяся описанию… И мы почувствовали самое ужасное: атака жутко сорвалась.

Вся эта картина атаки продолжалась, может быть, чуть дольше пяти минут.

Мистулов, видя полный провал атаки и боясь быть смятым несущимися на нас таманцами головного эшелона, пришпорил

коня, обогнал меня и, описав короткий полукруг, громко выкрикнул своему эшелону:

— По од-но-му-у!.. Кру-го-ом!

И взмахнув сложенной вдвое плетью, как на ученье, сам повернул своего коня назад — может быть, первый раз в своей боевой жизни…

Наш третий эшелон есаула Калугина, следовавший в непосредственной близости за своим вторым эшелоном, видя все это, сам повернул свои сотни «кругом»… А через несколько десятков шагов Мистулов, чтобы внести успокоение в ряды сотен, особенно громко, гортанно, как бы с досадой, выкрикнул:

— Ша-аг-го-ом!

И переведя в шаг своего разгоряченного коня, шел позади строя казаков — бледный, взволнованный, раздраженный и молчаливый.

Второй эшелон таманцев есаула Братухина также повернул «кругом».

Страх смерти в этом «огневе» оказался выше человеческого самообладания и страшней воинской дисциплины. И мы все видели и сознавали, что хлынувшие на нас головные сотни таманцев, спасающиеся от ураганного огня турок, еще минуту тому назад храбрые и послушные, теперь уже ничем не остановить. Они проскакали мимо нас, к своему полковому резерву. Резерв же таманского полка — две сотни, еще не достигшие сферы огня, делал какие-то перестроения, и к нему, как к матке улья, скакали казаки первого эшелона.

Огонь турок сразу же замолк, как уже ненужный… Полки немедленно были приведены в порядок и отошли в свое исходное положение — таманцы к северо-востоку, в ущелье, а кавказцы — к юго-востоку Долины Роз…

И то поле, по которому только что неслись в атаку 12 сотен конных казаков, сразу же обезлюдело. И затихло от огня…

Солнце закатилось, и сразу же наступила темная южная ночь, до утра скрывшая наши потери.

К 11 часам ночи обе головные сотни кавказцев присоединились к полку: они, как и таманцы, не выдержали огня турок и «свалились» влево, в какую-то котловину.

В глухую полночь наш полк присоединился к таманцам. Здесь мы узнали наши приблизительные потери:

— хорунжий Абашкин убит, и тело его осталось у турок;

— прапорщик Ширай контужен разрывом шрапнели;

— сотник Вася Демяник, командир 1-й сотни, нервно потрясен и отправлен на санитарный пункт;

— под всеми офицерами головных таманских сотен убиты

лошади;

— сколько убито и ранено казаков и лошадей головных сотен Таманского полка — не выяснено, они остались «где-то там»… сильно пострадала 1-я сотня;

— у кавказцев под командиром 6-й сотни есаулом Флейшером убита лошадь; сколько убито казаков и лошадей — не выяснено.

1-й Таманский полк, как больше пострадавший, был оттянут на ночлег куда-то назад, а Кавказскому полку приказано оставаться «на месте начала атаки» и нести усиленное сторожевое охранение.

Ровно в полночь в стороне турок, на южном фланге, с хребта, что за ущельем, высоко взвилась в нашу сторону ракета и осветила и поле боя, и нас, кавказцев. Мы ждали ночной контратаки турок, но то, оказалось, был их условный сигнал к общему отходу.

С раннего утра вперед высланы сильные разъезды, которые не обнаружили турок и подобрали тела убитых казаков. Среди них был и хорунжий Абашкин, в одном белье, исколотый штыками. У окопов лежала убитая его дивная гнедая кобылица…

Абашкин дошел до окопов турок…

Атака производилась на каменистый подъем с валунами, приблизительно в 10 градусов. Это — тоже безумие.

В следующие дни

9 июля, миновав вчерашнее поле боя и следующую за ним котловину, полки вошли в лесистые горы и заняли кряж.

Как гибнут казаки…

Ординарец от 5-й сотни подъесаула Авильцева был послан с приказанием в свою сотню. Шел горячий бой. Из орудий турки обстреливали и наш гребень, и все то, что было за ним. Наметом казак Рябцев (станицы Терновской) возвращался к штабу полка по главной дороге. Над «тремя командирами» прошипел снаряд, и шрапнель разорвалась над самым казаком, застлав его дымом. Послышался тот плач, которым плачет заяц, когда он бывает схвачен гончей собакой за шею. И когда разошелся дым — на дороге беспомощно барахтались и лошадь, и казак Рябцев. Потом возгласы умолкли, так как казак был уже мертв.

10 июля, преодолев еще один лесистый хребет, бригада вышла на шоссе Трапезунд — Эрзинджан. Здесь мы пропустили мимо себя наших родных пластунов 4-й Кубанской бригады, с севера шедших по шоссе в Эрзинджан.

Запыленные с ног до головы, в гимнастерках, в неизменных

своих папахах, небритые и усатые, с примкнутыми к винтовкам штыками, с уродливыми вещевыми мешками за плечами, с потрепанными грязными холщовыми сумками через плечо, в которых находились и пища, и разные походные причиндалы, они мало походили на регулярную пехоту… Но — скорым шагом и с задорным видом они двигались по пыли в раскаленный, жаркий день так молодецки, что мы, конница, пришли в восторг и шумно приветствовали их густые ряды, шедшие «не в ногу» и где кто хотел. Их офицеры в своих изношенных и потертых костюмах никак не выделялись среди своих братьев-казаков.

Наша бригада не дождалась прохода всей колонны пластунов, так нам дорогих по крови, по нашей Кубани, и двинулась куда-то на запад.

Взобрались на громаднейшее плато. Каменистая почва. Солнцем выжженная трава. Ни сел, ни кустика, ни деревца кругом, куда хватает глаз. От самого Мемахатуна никакого подвоза ни продуктов, ни фуража. Все жители ушли со всем своим скарбом. У казаков давно вышел запас сухарей. Иногда доставали мясо, оставленный одиночный скот, варили суп не только что «без ничего», но и без соли. Ну, какая там была еда?

Я заметил, что казаки на привалах, рассыпавшись, что-то искали в высохшей траве и ели.

— Што вы едите? — спрашиваю, сам голодный.

— Да ягоды, ваше благородие! — отвечают они. Попробовал я их, эти ягоды… — что-то вроде морошки, кисло-горькое, сморщенное от лучей солнца. Попробовал и… выплюнул.

— Да ведь это отрава… — говорю им.

— Э-эх, ваше благородие! — протянул один из них. — Пущай хучь отрава, но все же кисленькая… ни хлеба, ни соли нетути… адна мяса… ана уже ни лезет у рот…

И я их понял. И этак восемь дней подряд.

17 июля бригада пересекла глубокую травянистую долину, поднялась на следующий кряж, несколькими сотнями спустилась вниз и пересекла шоссе Эрзинджан — Сивас в 20 верстах западнее Эрзинджана. Цель была достигнута: своим маршем бригада все время угрожала левому флангу турок, отходивших к Эрзинджану под натиском 39-й пехотной дивизии. На второй день отходящие турецкие пехотные части оттеснили казаков назад, на кряж. Сюда пришел приказ командира 1-го Кавказского корпуса генерала Калитина, сообщавший: «Эрзинджан занят 17 июля. Бригаде генерала Колесникова свернуться и прибыть в город».

Приказ прочитан казакам в строю. Победные клики «ура» покрыли эту приятную весть и такой желанный конец двухмесячной операции — Мемахатунской и Эрзинджанской.

Бригада спустилась вниз, в долину, и здесь, к своему удивлению, мы встретили храбрую Сибирскую казачью бригаду. В резервной колонне она стояла в укрытии перед выступлением «куда-то». На фоне защитного цвета гимнастерок и фуражек густой массы конницы — вихрастые, всклокоченные чубы да полосы красных лампасов на шароварах — цвета Сибирского казачьего войска. Воинский «салют» и «ура» с обеих сторон, как соратников по крови, восторженно вылетели из многогрудых колонн четырех казачьих полков, широким эхом огласив безлюдную турецкую долину и ближайшие хребты гор. Мы со сладостью вкушали воинскую победную Славу — как вполне заслуженный финал нашего тяжелого, но победного марша.

В Эрзинджане…

Бригада двинулась к Эрзинджану. Туда должны прибыть наш штаб дивизии, артиллерия, обозы и полковая канцелярия.

Два месяца не печатались приказы по полку. Приказами надо провести потери полка. Это есть главный документ для убитых и раненых всех чинов полка для внесения в их послужные списки. Приказами по полку проводятся лошади, убитые под офицерами и казаками, как главный документ, по которому они могут получить за них денежное вознаграждение по казенной расценке.

Многое надо сделать в запущенной канцелярии. Обо всем докладываю командиру полка и прошу командировать меня вперед, «по тропам», чтобы сэкономить время. Полки пойдут кружной дорогой и только завтра.

Мистулов — удивительный человек. Что бы я у него ни попросил — никакого отказа. Даже обижается на то, что я его прошу. И у него это получается как-то особенно приятно. И здесь он мне отвечает:

— Федор Иванович, о чем вы спрашиваете?! Конечно езжайте, но… можно вас просить быть и квартирьером от полка?

Вот таков он: своего подчиненного офицера он «просит»…

Я соглашаюсь, мы оба улыбаемся, мне дают от каждой сотни по два казака-квартирьера, в помощь урядника, и я по тропам спускаюсь с гор в широкую и роскошную долину реки Кара-су и к вечеру прибываю в заветный по нашему походу город Эрзинджан, раскинувшийся по правому берегу реки.

Эрзинджан весь в садах. Прямые улицы. Европейские постройки. Масса фруктов и овощей — полное изобилие плодов земных.

Совершенно случайно натыкаемся на казачий бивак. Оказывается, это одна из сотен 3-го Екатеринодарского полка,

находящаяся при штабе корпуса, и командует ею хорунжий Миша Сменов (потом — полковник Сменов Михаил Евдокимович, проживал во Франции), мой дивный друг, младший юнкер по Оренбургскому военному училищу, я его не видел три года.

Я у него с его младшими офицерами. У него есть коньяк и отличная закуска, а мы голодны.

Есть воинское товарищество, есть товарищество по роду войск, есть военное братство, но есть еще КАЗАЧЬЕ БРАТСТВО, которое не только неизмеримо глубже и приятней вышеупомянутых воинских взаимоотношений, но оно совершенно и несравнимо. И это могут понимать и понять только казаки, настоящие казаки. И моих казаков, и меня накормили, закормили, напоили… Песни 1-го Екатеринодарского полка, так мне знакомые, полюбившиеся еще в 1910 году в самом Екатеринодаре, приятно воскресили давние первые шаги моей военной службы в этом отличном полку. Мы им ответили лезгинкой…

Наша бригада еще не подошла к городу, как прибыл в Эрзинджан главнокомандующий Кавказской армией великий князь Николай Николаевич, чтобы поблагодарить войска. Они выстроены на городской площади. Их оказалось мало, так как все были на фронте.

Стоя в автомобиле, великий князь проехал фронт, здоровался с каждой частью в отдельности, а потом, остановив автомобиль в каре частей, благодарил их за доблесть, труды и понесенные жертвы. Слова, сказанные им в честь государя императора, были подхвачены восторженным «ура».

Великий князь одет в серую черкеску, в черный бешмет и высокую серую каракулевую папаху с легким «заломом» назад.

Его правая рука неизменно лежала на рукоятке кавказской шашки. Он совершенно не улыбался и был очень задумчив. Мне показалось тогда, что он чувствовал себя сильно уставшим.

Большому военачальнику, привыкшему повелевать многомиллионными армиями, видимо, было тесно и скучно здесь, на нашем Кавказском фронте, почему он и был грустен, думал я тогда, стоя на правом фланге сотни 3-го Екатеринодарского полка. И пожалел, что не было здесь наших Кубанской и Сибирской казачьих бригад со своими храбрыми первоочередными полками. В конном строю четыре полка под командованием своих доблестных начальников, я был уверен, глубоко взволновали бы и порадовали душу этого большого русского Солдата, коим был великий князь Николай Николаевич.

Через два дня прибыла в Эрзинджан наша бригада. Полки расположились биваком в садах на западной окраине города.

Начался настоящий отдых.

Здесь было много питательной травы — люцерны — и зерна для лошадей. Казакам же — настоящий кубанский борщ из свежих овощей с мясом. Тут же рядом течет полноводная река Кара-су. У казаков — замызганное белье, не стиравшееся многими месяцами. Все бросились к реке…

Странно было видеть в Турции, да еще на фронте, как казаки купали своих коней, плавая с ними в реке, а потом «охлюпью», то есть без седла, шли на свой бивак, словно это было дома, на берегах Кубани. И лоснящиеся своей шерстью после купания кабардинские кони, отдохнув и забыв тяжелый поход, склонны были уже к своей врожденной игривости под всадником.

У таманцев утонул один казак, купая коня. Это было неприятно. Шел третий год войны, так много перенесено лишений. Он участвовал в многочисленных боях своего полка, был в 300 верстах от своей государственной границы в далекой Турции и теперь — утонул…

Мы сжились с таманцами, и я очень любил иногда разговаривать с их казаками. Они очень остроумны. Я спросил одного урядника, как утонул казак, выражая этим свою скорбь. И слышу ответ:

— Таа… одирвався од коня… а плавать нэ вмив, — и закончил флегматично свой сказ: — А нэ вмиешь часом плавать — нэ лизь в воду…

Мы с ним говорили на разных языках…

Через несколько дней приказано от нашего полка выслать две сотни казаков для занятия городка Кемах, в 40 верстах юго-западнее Эрзинджана, на левом берегу Кара-су. Выступили 1-я и 4-я сотни под начальством есаула Калугина. Сотни легко выбили турок и заняли Кемах.

Успешно проведя боевую разведку и точно выяснив силы противника, они отступили.

Это самый дальний западный пункт, где были русские войска в Турции.

В эти дни совершенно неожиданно для всей бригады получен высочайший приказ о производстве в следующие чины громаднейшего числа офицеров нашей дивизии «за выслугу лет на фронте». Есаул Калугин был произведен в чин войскового старшины и назначен помощником командира полка по строевой части. Все подъесаулы произведены в есаулы, и целая дюжина нас, хорунжих, произведены в заветный, долгожданный и такой красивый чин, которым среди нас считался чин сотника. Немногие прапорщики произведены в чин хорунжего.

Это было на третьем году войны. Все очень рады. Но это

массовое производство в нашем полку ничем не было отмечено. Не состоялся даже и общий офицерский ужин с трубачами, с песельниками, с плясками, что нередко бывало при незначительных случаях.

Большинство офицеров нашего полка тогда служили просто, честно, имея в сердце одно устремление — победней успех русского оружия.

Тетрадь одиннадцатая

В Эрзинджане. Генерал Калитин и полковник Мистулов

Прибыв в Эрзинджан, 1-й Таманский и 1-й Кавказский полки немедленно же приступили к своему «ремонту», зная, что подобный отдых скоротечен и бригаду вновь бросят куда-то в дебри. Казаки стирают белье в широкой реке Кара-су, барахтаются там, купают лошадей, чинят обмундирование, седла, чистят винтовки. На биваке шумно, весело. Офицеры не тревожат казаков, зная, что им нужен отдых даже от глаз начальников, как и зная, что казаки сами, без приказаний, будут заняты ремонтом всего своего имущества, всегда собственного у казаков, ничего не получающего из интендантства.

Полковник Мистулов расположился в брошенном турецком доме европейской постройки. Ему также нужен покой и отдых. Но на второй день прискакал полковой ординарец из штаба корпуса и доложил, что командир корпуса генерал от кавалерии Калитин сейчас выезжает верхом в наш полк и хочет посмотреть его не в строю, а на бивачном расположении.

С Мистуловым летим в полк и только что спрыгнули с коней, как между деревьями сада показалась конная группа, впереди которой генерал Калитин.

— 1-й Кавказский полк — смир-р-но!.. Господ-да оф-фицер-ры! — громко произнес команду Мистулов среди широко разбросанных палаток казаков в садах.

— Здравствуйте, славные кавказцы! — мягким, ласковым старческим голосом произнес Калитин, не останавливая своего коня, на ходу.

— З-дравия желаем, ваше высокопры-ысь!.. — ответили дружно казаки со всех мест, одетые так, как застала их команда на отдыхающем биваке: больше в бешметах и даже в рубахах, вправленных по-казачьи «за очкур».

Командира корпуса на бивак полка никто не ждал.

— А я тебе, Эльмурза, не прощу!.. — вдруг визгливо выкрикивает Калитин, остановив своего небольшого конька, и размашисто грозит пальцем Мистулову.

Я стою позади Мистулова, как и он, держа руку под козырек, и не только что не понимаю, за что именно командир корпуса угрожает нашему командиру полка, но и возмущен, что Калитин при всем полку так кричит на него, называя только по имени, да

еще на «ты».

— Чем мог заслужить немилость вашего высокопревосходительства? — смело, но почтительно спрашивает Мистулов.

— А ты почему не явился ко мне, прибыв сюда с полком?

— Не смел тревожить покой вашего высокопревосходительства, — отвечает Мистулов.

— А еще, помнишь, ты без моего разрешения выехал на японскую войну, — кричит ему издали Калитин.

— Может быть, за давностью времени я уже достоин прощения вашего высокопревосходительства? — отвечает Мистулов.

— Я т-тебе… — вновь повторяет Калитин, но, не докончив фразы, снова грозит пальцем.

Мы все слушаем этот диалог и ничего не понимаем.

И уже потом, «дома», Мистулов на мой вопрос, улыбаясь, отвечает так: «Калитин был командиром нашего 1-го Волгского полка Терского войска перед русско-японской войной. Я был тогда сотником. Он очень любил молодежь. Когда началась война, я подал ему рапорт о своем желании идти на фронт, но получил отказ. Тогда я нашел „другой выход“ и все же выехал на войну. Старик сильно рассердился на меня… но прошло много времени с тех пор, и это теперь наша первая встреча. Он очень добрый человек, видимо, любит меня… Он большой шутник, ну вот и „расцукал“ по-старому…»

Рассказал и рассмеялся Мистулов.

Позади Калитина стоял взвод Кубанской особой сотни, его конвой. Этой сотней командовал войсковой старшина Черный, наш старый кавказец, старик лет 70, в кителе и фуражке его войскового цвета. До войны он долго проживал в отставке в станице Кавказской, теперь мобилизован — и вот он на фронте.

Черный сидит на лошади неуверенно, но, видя своих кавказцев, старчески приятно улыбается старым сослуживцам-офицерам. Думаю, что войсковой старшина Черный сам напросился сопровождать генерала Калитина, чтобы повидаться с родным полком.

И добрый старик Калитин разыграл его и перед нами.

— Я его, старую перешницу, гоняю верхом в хвост и гриву… Пусть знает, что такое война! — громко, визгливо острит он. И мы уже все смеемся, слушая веселые шутки Калитина, как смеется и он сам, и старик Черный. Он все это говорит, кричит с коня, при этом ерзает в седле, словно хочет показать нам свое молодечество, приобретенное в Туркестане с «Белым генералом» Скобелевым, при котором он был мальчиком-добровольцем.

Душевный был генерал Калитин — Петр Петрович, как часто любовно его называли. И мы были очень рады и польщены, что наш героический командир полка полковник Мистулов так близок к командиру корпуса, достойно оцененный последним еще в далекие годы.

При отличных начальниках так легко было служить! И в этом на первом месте стоял Мистулов, наш командир полка. Но вот Мистулов в другом облике.

В районе расположения одного пехотного полка арестован казак нашего полка, якобы «за грабеж». Командир этого пехотного полка задержал казака и донес в штаб корпуса, прося предать его военно-полевому суду. Начальник штаба корпуса запросил — нашего ли полка казак? Казак был наш.

— Пишите, Федор Иванович, — нервно говорит мне Мистулов и диктует. И я пишу отношение на имя начальника штаба корпуса, почти дословно, следующего содержания: «Казак моего 1-го Кавказского полка не может быть грабителем. Если он был в чем-то пойман, то его надо препроводить в его же полк и передать в распоряжение своего командира полка, а не задерживать у себя и не требовать преданию военно-полевому суду. Казак находится два года на войне. С полком он исколесил почти пол-Турции, и здесь после стольких побед предавать казака военно-полевому суду недопустимо. Требую немедленно же отпустить казака в свой полк. Если же командир пехотного полка не исполнит этого, то я, командир 1-го Кавказского полка полковник Мистулов, готов лично отвечать за своего подчиненного и готов дать любое удовлетворение этому командиру. В войне против японцев — в конной схватке с их пехотинцами — на третьем ударе я сломал свой клинок шашки „гурда“, почему для защиты чести своего полка скрещу свою шашку всегда».

Словом, он предлагал дуэль, если казак не будет отпущен. В особенности он был задет фразой, что «казаки и тут продолжают грабить».

Что казак мог украсть что-то у турка — дело нормальное. На войне многие грабили, но под видом «реквизиции» — фураж для лошадей, скот для довольствия людей и прочее — такова психология войны, ведь сама война есть насилие. Но предавать казака за это военно-полевому суду, да еще случайно пойманному, было просто несправедливо.

Тон письма был вызывающий. Подписал — отправили. И каково же было мое личное удивление и радость, когда к вечеру этого же дня казака отпустили и он прибыл в полк без всяких последствий за свой проступок.

Мистулов не пожелал даже повидать и допросить этого казака. Ему, Мистулову, как я думал, надо было подчеркнуть этим, что там, где он командует, не может быть преступления. А если что случится в его полку, то он сам есть и судья, и каратель, и отец-милостивец, но никто другой.

Начальник штаба корпуса, несомненно, доложил об этом генералу Калитину, и последний, исключительно глубоко ценя и любя Мистулова, любя, как сына, с давних пор, зная его честность и гордый нрав, приказал отпустить казака.

Во всяком случае, это было характерно для Мистулова: для защиты чести полка он готов был пойти на многое.

О боевых наградах офицерам и казакам

Получено распоряжение: «щедро представить господ офицеров и казаков к боевым наградам за подвиги, совершенные в Мемахатунской и Эрзинджанской операциях».

По положению о наградах на каждого офицера и казака надо представить наградной лист с точным описанием подвига. И надо написать так, чтобы этот подвиг признали и штаб дивизии, и штаб корпуса, и штаб главнокомандующего Кавказской армией. Утверждения о награждении Георгиевскими крестами подхорунжих, урядников и казаков исходили от командиров корпусов, а награждение господ офицеров — только от главнокомандующего. На казаков наградные листы писали командиры сотен, а на офицеров обыкновенно полковой адъютант. Но как можно «отличить» в подвиге кого бы то ни было, когда весь полк ведет пеший бой или весь идет в конную атаку?

Часто наградные листы возвращались назад с резолюцией «о недостаточности подвига», и приходилось вновь переписывать, фантазировать «подвиг», а для казаков — подводить его под какой-нибудь пункт статута о георгиевских кавалерах, иначе награда не пройдет. Это была сознательная ложь, но ложь необходимая. Это была возмутительная рутина, отнимавшая так много времени в первоначальной своей работе и во всех высших штабах. Казачьи полки и дивизии часто перебрасывались в другие корпуса, там совершали подвиги, потом их бросали еще куда-то или возвращали в свой корпус, и переписка осложнялась. Награждение утверждалось тем командиром, в корпусе которого было совершено отличие, но часто было так, что корпусной штаб «забывал» о временных своих частях или ему было не интересно поощрять «чужих»… Часто бывало просто оскорбительно за все это; переписка возобновлялась, и награда выходила через

полгода, чем задерживала представление казака или офицера к следующей награде.

В высших штабах часто считались с тем, кто представляет. В данном случае были две победные операции, представлял героический и честный Мистулов, утверждал достойный и популярный командир 1-го Кавказского корпуса генерал от кавалерии Калитин, что облегчало работу штабов и обеспечивало утверждения в наградах.

К очередным наградам и были представлены все офицеры полка, находившиеся в строю в этих операциях. Имевшие все боевые ордена войсковой старшина Калугин, есаул Маневский и сотники Кулабухов и Елисеев были представлены к ордену Св. Владимира 4-й степени с мечами и бантом. Высочайшим приказом 1916 года этот орден был причислен к статутным и мог быть пожалован только «за два подвига». В данном случае — за две конные атаки.

Все награды вышли только осенью, когда дивизия была на отдыхе в районе крепости Каре.

Об офицерских чинах

Приказ по военному ведомству 1915 года за № 681 «Об ускоренном производстве в чины на фронте» имел силу со дня начала военных действий, то есть с 19 июля 1914 года, и следующие представления исчислялись «со дня старшинства» последнего чина. И так получалось, что некоторые наши командиры сотен в чине подъесаула, произведенные в есаулы по положению мирного времени, теперь выслужили на производство в чин войскового старшины. Мы же, хорунжие, получившие старшинство в чине сотника с 19 июля 1915 года (год войны), по этому же приказу 19 июля 1916 года уже выслужили право на производство в чин подъесаула.

Чтобы не оттягивать время, даю распоряжение старшему полковому писарю по строевой части, вахмистру Халанскому, казаку станицы Тихорецкой, немедленно же заготовить на всех наградные листы. Для этого требовалось заполнить пункты в них с краткими выписками из послужных списков офицеров. Работа чисто техническая.

С двумя десятками наградных листов о производстве в следующие чины прапорщиков, хорунжих и некоторых есаулов я у Мистулова. Он всегда внимательно и до конца прочитывал каждую бумагу и, расспросив, что не понимал или не знал, только тогда подписывал свою фамилию, полностью выводя все ее буквы, и вместо твердого знака в конце делал небольшую завитушку.

Подписав все бумаги, он видит у меня другую папку.

— А это что у вас, Федор Иванович? — спрашивает он.

Я ему доложил, что это наградные листы на господ офицеров для производства в следующие чины за выслугу лет на фронте, среди коих восемь листов на сотников для производства в чин подъесаула.

— Ка-ак?! — протянул он. — В подъесаулы?.. Да ведь только третьего дня, как был получен приказ о производстве в сотники? — удивленно добавляет он.

Пришлось доложить, что все сотники получили старшинство 3 своем новом чине с 19 июля 1915 года; для производства же в следующий чин требуется ровно один год пребывания на фронте, и вот 19 июля сравнялся ровно год.

Мистулов удивлен, смеется и спрашивает:

— Когда же вы, Федор Иванович, успели составить наградные листы?

— А у нас есть старший полковой писарь Халанский, — отвечаю ему.

Полковник Мистулов, при своей внутренней, скрытой от других, гордости, был добрейший человек, доброжелательный ко всем людям, ко всему человечеству, а к своим подчиненным — в первую очередь, не считаясь с чинами.

Он весело, радостно смеется и громко говорит:

— Давайте, давайте!.. Все подпишу!

Все подписано и послано в штаб дивизии. Все мы знали, что эти наградные листы должны пройти все командные инстанции. И штаб главнокомандующего Кавказской армией из Тифлиса отправит их уже непосредственно в Петроград, и только там все будет утверждено. Подобная операция всегда занимала 5–6 месяцев. Это было долго, но мы привыкли ждать…

Производство в «первый офицерский чин», как и все дальнейшее производство в следующие чины каждого офицера в императорской России, производилось только самим государем императором для всех родов оружия и объявлялось в высочайшем приказе. Это, конечно, не значит, что сам император рассматривал наградные листы и оценивал каждого офицера. Оценку, военный стаж офицера рассматривал и утверждал и хлопотал о нем вначале непосредственный штаб (бригады, дивизии и так далее). Военное министерство, рассмотрев все, утверждало в окончательной форме, составлялся приказ по военному ведомству, который подписывался императором, почему он и назывался «высочайшим».

Подобное производство в чины относилось и к военным врачам и военным чиновникам. Все это считалось правильным.

В Гражданской войне 1918–1920 гг. подобное производство в чины взяли себе главы всех белых армий на юге России, в Сибири и на других фронтах, как и войсковые атаманы. Не всегда был правильный расчет, в особенности «за боевые отличия», почему получались «фантастические скачки» в повышении, умалявшие достоинство чина. Производство же во Второй мировой войне вне отечественной территории, под иностранным командованием, надо считать еще более фантастическим, как и ненормальным.

Мистулов и его боевые награды

Старший адъютант штаба нашей дивизии есаул М. И. Удовенко в секретном порядке запросил меня как полкового адъютанта дать в штаб сведения: какие награды имеет командир 1-го Кавказского полка полковник Мистулов?

По положению все послужные списки офицеров и казаков полка хранятся в полковой канцелярии и адъютант по полковым приказам вносит в них все движение по службе каждого из них: полученные награды, производства в следующие чины, важные командировки — вообще все изменения, происходящие в службе каждого офицера, урядника и казака.

У полковника Мистулова послужной список был «целая книга». Разновременно он служил во всех четырех полках своего Терского войска. В русско-японскую войну в чинах сотника и подъесаула он награжден был всеми боевыми орденами до Св. Владимира 4-й степени с мечами и бантом, Золотого оружия (тогда так называлось официально Георгиевское оружие) и ордена Св. Георгия Победоносца 4-й степени. В Первой мировой войне на Западном фронте в должности командира 2-го Сунженско-Владикавказского полка своего Терского войска он был награжден орденом Св. Владимира 3-й степени с мечами (шейный орден) и тремя монаршими благоволениями. По своему чину полковника он уже не имел права на другие высшие ордена.

До русско-японской войны он был награжден орденом Св. Станислава 3-й степени «мирного времени», то есть без мечей и банта. Все это я изложил в своем ответе есаулу Удовенко. И каково же было и мое, и — в особенности — Мистулова удивление, когда осенью вышел приказ по Кавказской армии, что командир 1-го Кавказского полка полковник Мистулов «за боевые отличия награждается мечами и бантом к уже имеющемуся у него ордену Св. Станислава 3-й степени».

Прочитав это, я почувствовал неловкость и обиду за своего доблестного командира полка. Так он был награжден за две операции — Мемахатунскую и Эрзинджанскую.

Мистулов был смущен.

— Как это вышло, Федор Иванович? — спрашивает он меня. Я доложил, каков был секретный запрос мне из штаба дивизии.

Мистулов смеется и продолжает:

— Как это вы нашли этот мой Станислав «мирного времени», о котором я давно забыл… Хоть бы «один» его оставили мне на память, — шутит он.

Но я почувствовал, что он недоволен такой наградой, преподнесенной ему нашим штабом дивизии.

Получалось странное явление, а именно: в Русской императорской армии ордена, как боевые, так и мирного времени, распределялись «по чинам».

В данном случае полковник Мистулов проявил исключительную доблесть со своим полком в двух наступательных операциях. Он, давший возможность к щедрым наградам своим офицерам и казакам, сам фактически почти ничем не был награжден, так как уже имел все боевые ордена по своему чину и должности. Его чин полковника, да, кажется, и для генералов, ограничивался «тремя монаршими благоволениями», объявляемыми высочайшим приказом, которые вносились в послужной список, но не имели внешних отличий.

Новое перемещение казачьих частей

Потеряв Эрзинджан, турки сделали нажим в стыке 1-го и 4-го Кавказских корпусов в районе города Кига, что в ста верстах южнее города Мемахатун, имея целью дойти до Эрзерума.

> «Ввиду серьезной обстановки, слагавшейся на этом участке фронта, командующий Кавказской армией направляет на поддержку 5-й Кавказской стрелковой дивизии в середине июля Сибирскую казачью бригаду, затем — 2-ю Кубанскую пластунскую бригаду генерала Букретова. 4-я Кубанская пластунская бригада генерала Крутеня, снятая с Сиваского направления и брошенная в район Киги, форсированным маршем в 5–6 переходов прибывает к району с. Темран, что к юго-востоку от Киги», — пишет генерал Масловский.

Здесь я должен еще раз подчеркнуть, что ни одна из четырех Кубанских пластунских бригад не имела своей артиллерии, как не имела ее и Донская пластунская бригада. И эти бригады, не имея своего высшего войскового соединения — дивизии и корпуса, все время перебрасывались из одного корпуса в другой

на боевые участки, являясь как бы вспомогательной силой, но, конечно, лучшего боевого качества.

В конце июля или начале августа нашу бригаду спешно оттягивают в район Эрзерума. Здесь сосредоточивается вся 5-я Кавказская казачья дивизия, расположившись широко полковыми биваками около сел северо-западнее Эрзерума. Роскошная широкая долина. Много травы для лошадей. Регулярный подвоз продуктов и зерна. Мы находимся в резерве корпуса Калитина и на отдыхе. Наш полк стоит в селе Кара-арз, вернее — около села с деревьями, что так редко в Турции. Все офицеры и казаки живут в палатках. В семи верстах от нас на юг, у самого шоссе, бьет горячий постоянный родник. Он огорожен, имеет крышу и является купальным бассейном, круглым, имеющим в поперечнике шагов двадцать. В нем могут одновременно купаться человек тридцать. И вот приказанием по полку повзводно казаки с величайшем удовольствием купаются в нем, словно в бане. Купались с казаками не раз и офицеры-молодежь. Лямку-то тянули и они, одинаковую с казаками. И об одном лишь казаки жалели — что в этом горячем бассейне нельзя стирать их замызганное белье…

По гигиеническим соображениям это было запрещено штабом корпуса, что и было нормально.

Пикник со штабом корпуса

Генерал от кавалерии Петр Петрович Калитин, долго командовавший казачьими частями, проникнутый любовью к казачеству, сделал сюрприз: он пригласил на пикник штаб нашей 5-й Кавказской казачьей дивизии, всех командиров полков и командиров сотен. На лужайке на окраине Эрзерума накрыт стол под открытым небом. Был яркий солнечный день, но не жаркий. Хор трубачей 1-го Кавказского полка, одетый в светло-серые черкески, черные бешметы и белые косматые папахи, с красными башлыками за плечами, играл прекрасные мелодии. Для них также был накрыт стол с закусками и напитками. Из-за присутствия высшего генералитета за столом соблюдалась чинность. После нескольких рюмок вина генерал Калитин встал и произнес первый тост. Он благодарил дивизию за боевые подвиги и труды в двух последних операциях, продолжавшихся ровно два месяца. Как всегда, тихо и бесцветно ему отвечал наш начальник дивизии Генерального штаба генерал-лейтенант Николаев. Третьим говорил начальник штаба нашей дивизии Генерального штаба генерал-майор Певнев, природный кубанский казак. Он говорил о задачах армии, о наших общих обязанностях и

стремлениях. Его все слушали очень сосредоточенно. 40-летний генерал, красивый, лощеный, видимо знающий себе цену, производил на всех очень выгодное впечатление. О нем мы знали «по первым дням войны» в Алашкертской долине, где он командовал всей конницей Эриванского отряда генерала Абациева, и командовал энергично и удачно. О нем мы знали, что перед войной он командовал 1-м Линейным полком нашего войска в Киевском военном округе и поставил полк в образцовый порядок.

В конце ноября 1914 года под Дутахом, что на реке Евфрат, был разбит большим скопищем курдов 3-й Волгский полк Терского войска, входивший в состав его дивизии, потеряв два орудия и один пулемет. За это генерал Певнев был отозван в Тифлис, в штаб Кавказской армии, на фронт не вернулся и попал как бы «в небытие». Знали и мы об этом. И только летом этого, 1916 года, перед 2-й Мемахатунской операцией, он появился в нашей дивизии на должности начальника штаба.

Было заметно, что он огорчен и ему «тесно» в своей должности. Так, несчастный случай с 3-м Волгским полком «сломал» ему боевую карьеру, что могло быть и с любым высшим начальником.

Как-то случилось, что за общим столом я сидел почти против него и мог рассмотреть этого видного кубанского генерала очень близко. Он определенно скучал. Уже по тосту чувствовалось, что он обладает большой военной эрудицией и, как офицер Генерального штаба, стоит выше других.

Затем говорил наш командир бригады генерал-майор Иван Никифорович Колесников. В нем все было просто, по — казачьи типично, и тост его прост, короток и ясен. Так деловито говорят казаки-старики на своих станичных сборах. Его тост понравился всем.

Остальные присутствовавшие командиры полков — 1-го Таманского полковник Кравченко, 3-го Екатеринодарского полковник Миргородский, 3-го Линейного полковник Кучеров, а также командиры 4-й Кубанской батареи войсковой старшина Яновский и 6-й батареи войсковой старшина Черник с тостами не поднимались.

Официальный тост полковника Мистулова, очень продуманный, был устремлен только вперед. Когда он говорил — был очень бледен.

После некоторой паузы вновь встал Калитин и сказал тост уже исключительно по адресу нашего командира 1-го Кавказского полка. Слова милого, доброго и всегда веселого старика были очень лестны как для Мистулова, так и для нашего полка. И

закончил он тем, что имя Мистулова еще с русско-японской войны окружено ореолом воинского восторга.

— Тебе, Эльмурза, становится тесно в рамках полка! — без аффектации произнес он, поднял свой бокал и выпил до дна.

Трубачи полкового оркестра, внимательно слушая каждый тост, особенно восторженно заиграли туш своему выдающемуся командиру. Мистулов сидел бледный. Потом встал и выпил свой бокал до дна.

Среди нас, обер-офицеров, оказался буквально «баян тостов». То был 3-го Линейного полка есаул Лобов. Его тост был обращен к генералу Певневу. В мирное время Лобов был в 1-м Линейном полку, когда им командовал полковник Певнев.

Как уже отмечалось, Певнев поставил свой полк образцово. Подтянуть офицеров, заставить всех работать во все свои силы — было его девизом. Так вот об этом-то и говорил Лобов в своем тосте. Он говорил так хорошо, так складно, что даже весь генералитет, вначале не обративший внимания «на какого-то там есаула», примолк и начал прислушиваться. Лобов хвалил Певнева и восторгался им. Сам же генерал Певнев, скучающий за столом, стал изредка бросать испытующие взгляды на Лобова, словно спрашивая: «Правду ли ты говоришь? Или льстишь только?»

Но Лобов, по-видимому, говорил истинную правду. И дошел до признания, что «когда полковник Певнев вызывал в свой командирский кабинет кого-либо из офицеров, то у того тряслись ноги от страха, а у меня, подъесаула Лобова, — в особенности…»

Все, сидевшие до этого молча, весело расхохотались и дружно приветствовали Певнева, рассмеявшегося в унисон со всеми.

Производство в подъесаулы

С командиром полка я был по делам в Эрзеруме. Он остался там в гостях у своего друга, войскового старшины Антонова Терского войска, теперь коменданта Эрзерума, я же вернулся в полк перед заходом солнца.

Идя по биваку к канцелярии, из одной офицерской палатки слышу слова сотника Дьячевского:

— Эй, ты, подъесаул!.. Иди сюда!

— Не подъесаул, а господин сотник, — шутейно отвечаю ему дружески.

— Ну, ошибаешься… пойди и спроси у своего Халанского, — продолжил он.

Не обратив на это никакого внимания, подхожу к канцелярской палатке. У входа в нее меня встречает Халанский и

радостно говорит:

— Ваше благородие! Поздравляю вас с производством в подъесаулы. Сегодня получен приказ по Кавказской армии о производстве в следующие чины всех, на кого были поданы наградные листы в Эрзинджане.

Столь быстрый ответ о производстве из далекого Петрограда меня удивил. Халанский подает приказ, читаю — истинная правда. Его надо сегодня же перепечатать «приказом по полку», что и делается. На радостях, как и с удивлением, спешу к Дьячевскому, где уже идет «обмывка погон».

Было немного странным нам, недавним хорунжим, стать 23–24-летними подъесаулами и иметь «самый красивый погон офицера с четырьмя золотыми звездочками», который в мирное время достигался только к 30-летнему возрасту.

В общем, у нас в полку идет сплошное веселье, затянувшееся глубоко за полночь. А после полуночи в радостном угаре веселья мы решаем поздравить, и поздравить сегодня же, своих сверстников-таманцев с производством в чин «самого красивого погона подъесаула с четырьмя звездочками».

Сказано — сделано. Поздравить новых подъесаулов-таманцев надо с помпой. Все мы и полковой хор трубачей — «на взводе». Приказано немедленно же седлать лошадей, чтобы скакать к таманцам за 10 верст. Все старшие офицеры остаются здесь, а мы, восемь новых подъесаулов — Дьячевский, Кулабухов, Елисеев, Некрасов, Леурда, Поволоцкий, Мацак, Винников, новые сотники Бабаев, Фендриков и Щербаков (все поставлены в порядке старшинства) с хором трубачей и своими конными вестовыми, всего свыше 50 человек, наметом, изредка переводя в шаг, скачем в 1-й Таманский полк по направлению к Эрзеруму…

Кроме подъесаула Дьячевского, все мы холосты, бесшабашны и всегда веселы и дружны между собой.

Вот и их село. Но… все темно у них, у таманцев все спит — как село, так и весь полк в палатках.

Выстроившись развернутым фронтом, остановились.

— Встречный марш 1-го Таманского полка! — бросаю команду трубачам.

По положению полковой хор трубачей подчиняется непосредственно полковому адъютанту, который имеет над ними права командира сотни и которому они должны отдавать воинскую честь, «становясь во фронт».

И в полной темноте и тишине, далеко за полночь, прослушали его весь до конца, благозвучный и нежный их полковой марш, в котором мелодии корнетов так мягко переливаются между собой.

Трубачи исполнили его полностью для того, чтобы показать таманцам, что это относится исключительно к их полку и они должны об этом знать.

А чтобы они узнали, кто именно их вызывает, последовало исполнение нашего полкового марша, но его первой, эстакатной половины.

К нашему удивлению, тишина и темнота продолжали оставаться на биваке таманцев.

— Сигнал «намет»! — раздается новая команда, и после исполнения его всем хором трубачей мы шумно врываемся в их расположение.

Наконец офицерские палатки пробудились. В некоторых из них зажглись свечи. Первым взволнованно выскочил их полковой адъютант сотник Лопатин, с которым мы все очень дружили.

— Што вы, господа!.. Да тише!.. Полк же спит! — урезонивал он нас, видя наше «повышенное настроение».

— Што-о!.. Полк спит?.. Когда подъесаулы кутят — никто не должен спать! — несется веселое ему в ответ.

— Какие подъесаулы? — спрашивает он.

— А те, что сегодня произведены высочайшим приказом!.. Вот и прискакали, чтобы поздравить и вас! — несется ему в ответ.

Оказывается, в их полк еще не дошло производство, так как они запоздали с представлениями.

— Ну… так тогда о чем же с ними разговаривать! — бросаем мы нашему общему и любимому другу Лопатину. И уже сами, без приглашения, соскочили с седел, желая продолжать веселиться и здесь.

Уже выскочили к нам в недоумении другие друзья-таманцы, сотники Вася Демяник, Шура Зекрач, Миша Васильев. Я врываюсь в палатку к есаулу Константину Николаевичу Закрепе, и хотя он летами годен мне в отцы, мы дружны и на «ты». Прошу его «учтиво» подняться с постели и повеселиться с нами, зная, какой он любитель подобного времяпровождения…

Лопатин вновь старается успокоить нас, и главное, чтобы мы вели себя тише. Но куда там «тише», когда мы скакали сюда затем, чтобы сделать здесь именно «громче», так как это кутят не какие-то там молососы-хорунжие или даже сотники, вот как, например, он, Лопатин, а настоящие подъесаулы, у которых на погонах четыре звездочки и которые произведены высочайшим приказом.

Наши друзья-таманцы видят, что никакие резоны с их стороны нас успокоить не могут. Они ведь отлично понимают причину нашего настроения. Они уже дружески улыбаются нам. Они поняли, что если мы скакали 10 верст к ним с трубачами, то

скакали не для того, чтобы побыть у них 5, 10, 20 минут и вернуться обратно. Мы же знали, что у таманцев кутежи бывали всегда шумливее, чем у нас, кавказцев.

Уже 50-летний седоусый запорожец есаул Закрепа и Лопатин согласились с мотивами нашего настроения, но они не знают — чем же нас угостить? Угостить в этакую глухую пору ночи?

— Мы прискакали со своим угощением!.. Какие могут быть разговоры об этом?.. Мы — подъесаулы!.. Что за счеты?.. А потом — к чему эта тишина?!.. И кто это может спать в эти счастливые часы нашей жизни? — взываем мы к ним и цукаем младшего в чине — «сотника» Лопатина, так как мы подъесаулы!..

— Да с кем ты говоришь, сотник!.. Стань «смирно» перед подъесаулами! — кто-то кричит ему, обнимает и целует нашего дорогого друга, по своей натуре очень милого человека. А пока что несется новая команда трубачам-кавказцам:

— Полковой марш славному 1-му Таманскому генерала Бескровного полку!

И наши трубачи немедленно же открыли дивную мелодию их полкового марша, при исполнении которого надо взять под козырек. За маршем несется восторженное «ура» всех, которое как бы фиксирует, что теперь уж отказаться от приема гостей никак нельзя. Но просят вести себя «чуть потише, чтобы не разбудить командира полка».

По воинскому уставу, а главное — по воинской этике, прибывая в другую часть, надо представиться ее начальнику, доложить о причинах прибытия и спросить разрешения о действиях.

За два месяца операций полковник Кравченко хорошо узнал меня, так как полковые адъютанты все дни находились в непосредственном общении с нашими «тремя командирами». И как инициатор всему этому, иду к нему, докладываю все и прошу посетить нас. И милый старик, переворачиваясь с бока на бок в своей узкой походной кроватке, извиняется, что он по старости лёт не может принять участия в веселье, но разрешает это делать нам. И веселье началось — долгое и шумное…

И потом офицеры-таманцы говорили нам, что их командир полка, ворочаясь в кровати, произносил не раз:

— Оцэ бисовы кавказци… приихалы сюды ноччю и нэ дають спаты…

Быль молодцу не в укор. И пишется это не для того, чтобы показать новому поколению, как веселились их отцы. И так веселились, как они уже не могут веселиться никогда, так как структура старой воинской дисциплины в Русской армии тогда это позволяла. И не была осуждаема. А попробуй в любой армии

без ведома командира полка полковому адъютанту взять хор трубачей, да еще ночью, поседлать лошадей и скакать за 10 верст из расположения полка! Да еще на фронте и… для молодецкого кутежа. И это не считалось проступком, нарушающим дисциплину, нарушающим воинский порядок или ущемляющим душу казака по прихоти офицеров.

Да и казаки-песельники, как и трубачи, бывали только рады такому случаю. Во-первых, этим они «встряхивались» от своей серой, скудной повседневной жизни, а во-вторых, от братски настроенных к ним офицеров всегда шло щедрое тут же угощение и попадал не один дарственный рубль каждому в карман, что и давало каждому казаку только приятное удовольствие, честь и гордость перед другими казаками. Такова голая истина.

Деве-бойнские позиции…

Отдыхом под Эрзерумом мы были очень довольны. Стоял дивный сухой солнечный август. Эрзерумская долина — широкая котловина в поперечнике верст 15–20, окаймленная со всех сторон высокими горными хребтами. Она — вся в траве. Масса фуража. Кони наши сыты, что бывало редко. Вдруг получено распоряжение: «Всей 5-й Кавказской казачьей дивизии выступить через Эрзерум, Хасан-калу, Сарыкамыш на отдых в район крепости Каре».

С отдыха из-под Карса в самом конце декабря 1915 года один раз нас уже сорвали, поэтому как-то не верилось в прочность этого распоряжения.

Полки выступили. И в последний раз они переночевали в историческом «нашем» Эрзеруме… и в последний раз оглянулись мы на так памятную нам Эрзерумскую долину со склона гор и двинулись вверх, к историческим валам, к Эрзерумским фортам, замыкающим, защищающим Эрзерум с востока, со стороны России.

Шоссе достаточно укатанное. По нему беспрерывное движение: идут обозы, транспорты, снабжающие Русскую армию в Турции. Крутыми зигзагами дорога поднимается все вверх и вверх, к главным турецким фортам на Деве-бойнские позиции.

Так вот они, те знаменитые позиции, которые брал в 1877 году, 23 октября наш родной и славный 1-й Кавказский полк! За который был награжден Георгиевским штандартом и который держит в «бушлате», в седле, бравый молодецкий штандартный урядник Иван Маслов, казак станицы Дмитриевской.

Стоит о чем призадуматься!.. Есть о чем вспомнить!.. Стоит за что преклониться перед прахом наших предков!.. Стоит за что

высоко поднять голову и выпрямить стан!

В нашем полку не была написана «история полка». Не было даже и краткой памятки.

Полковник Мистулов, как всегда, идет в голове полка шагов на двадцать, изредка поворачивая голову в стороны, рассматривая турецкие твердыни. Я же верчусь в седле, чтобы не пропустить, чтобы рассмотреть все извилины, по которым шли в атаку на турок наши деды, чтобы запечатлеть «их следы».

И вот именно здесь зародилась у меня мысль — написать о действиях нашего полка в войне против турок, начавшейся 19 октября 1914 года.

На отдых, в Россию. Незабываемые встречи

Наш полк в Хасан-кале. Ему дана дневка. На другой день сюда подошла Сибирская отдельная казачья бригада. Такая приятная встреча…

На санитарном пункте устроен бал. Как не пойти туда?.. И не потанцевать, помаяться с сестрами милосердия?!

Вся наша молодежь там. Офицеры-сибирцы держатся скромно и отдельно. Крупные, кряжистые, в красных лампасах на бриджах, со шпорами — они чувствовали себя здесь гостями из далекой своей Сибири, с берегов Иртыша, почему и держались скромно, как бы замкнуто. Сверстники же, как и все сверстники всех военных училищ, конечно были общительны между собой, веселы и радостны.

Вот и крутые горы Караургана. Быстрая речка, извиваясь по ущелью, сечет границу своим течением между Россией и Турцией. Теперь это глубокий тыл. Фронт же — за 300 верст отсюда.

Прощай, Турция! Прощай, жестокий, холодный, голодный и каменисто-гористый этот край, который, как оказалось, мы больше не увидим…

Прощайте, братья-казаки 1-го Кавказского полка, погибшие геройской смертью в этих далеких трущобах и похороненные навеки там…

Прощайте… не увидят вас, родных, сгорбленные от семейного горя старушки матери, с вечно заплаканными глазами… как не увидят вас суровые седобородые отцы казаки, пославшие вас умирать за свое Великое Отечество…

Прощайте… Умрут все — и ваши жены-вдовицы, и ваши матери-старушки, и ваши отцы-бородачи, как умрем и мы, ваши соратники и командиры.

И только скрижали истории родного вам 1-го Кавказского полка сохранят о вас память всему войсковому потомству…

Вот и Сарыкамыш. Это уже Россия. Русский далекий городок. Вокзал. Самый далекий железнодорожный вокзал России на Кавказе, а от него идет единственная ветка на Каре, Александрополь, дальше на Тифлис, а через него — и на нашу Кубань…

На ночлег полк стал биваком за городом. Сделав все распоряжения по полку, по сотням, дав полную волю отдыха казакам, все офицеры полка на лошадях двинулись в гостиницу «Москва» на общий дружеский обед.

Всевозможная овощная закуска, водка, борщ… Самый настоящий наш казачий борщ с помидорами был главным блюдом нашего стола.

К концу обеда совершенно неожиданно вошел к нам подъесаул Коля Бабиев. В нашем полку все его очень любили и считали как бы «своим». Он возвращался в свой 1-й Лабинский полк из Карса и был особенно весел, возбужденно весел и чем-то счастлив (тогда никто из нас не знал, что он по суду разжалован в рядовые и потом помилован; вот почему он и был возбужденно весел).

Офицерский обед закончен. Все есаулы и войсковые старшины с командиром полка «отбыли отдыхать», а мы, молодежь, сплошные подъесаулы и сотники, с веселым и молодецким Колей Бабиевым остались «продолжать»…

Вдруг открывается дверь и входит большая группа офицеров Сибирской казачьей бригады пообедать. Впереди есаулы — кряжистые, спокойные, но с сознанием своей боевой и войсковой ценности.

По воинскому уставу и воинской этике мы встали и отдали честь. Когда ушли наши старшие офицеры, мы, как поклонники наших кавказских горцев, надели папахи, хотя и продолжали еще есть и пить. Это тогда считалось «очень по-кавказски», что особенно всегда любил Бабиев.

Офицеры Сибирской бригады обедают с водкой. Тихо говорят между собой. Постепенно они начинают «веселеть». Столовая гостиницы небольшая, и наши столы находятся один от другого лишь в нескольких шагах.

Присутствие за столом у сибирцев маститых есаулов стесняет нас в «нашем веселии». Всегда горячий «на все» Бабиев в особенности это чувствует. И хотя он среди нас «старший подъесаул», но он — наш гость и не он распоряжается за столом. Он тихо говорит мне: «Как бы это соединиться с сибиряками?»

Но мне уже подмаргивали сибиряки, сверстники по училищу, которым, видимо, очень хотелось поближе познакомиться с характером кубанских казаков, а для этого «надо быть вместе, за

одним столом».

Полковой адъютант всегда имеет право инициативы. И она проявлена.

— Господа офицеры! Гора с горой не сходятся, но казаки… казаки всегда должны быть вместе! — сказал я громко, встав на ноги. — А посему оба казачьих стола — Сибирский и Кавказский — должны быть вместе! — уже громко произнес я, обращаясь лицом к сибирским казакам-офицерам.

И едва произнеслись эти слова, как оба стола, один — занятый казаками в черкесках, а другой — казаками в широких красных лампасах на темно-синих бриджах, шумно приподнялись и… слились воедино — живо, весело, дружески. Вот тут-то все и началось… Да и как было не начаться… Мы ведь были одинаковы единым казачьим духом, помыслами, единым бытом, психологией, что определяется словами — Казачье Братство.

Вино лилось… шли тост за тостом. Казалось, им не будет конца! Бабиев стал тяготиться и тостами, и вином, и бездеятельностью. Без песен и без лезгинки веселье не было для него весельем. В таких случаях он должен двигаться, петь песни строевые, танцевать лезгинку. Но он отлично знает, что он здесь гость и распоряжаться не может. Мы сидим с ним рядом. Толкая меня в бок, он тихо говорит:

— Давай, Джембулат, вдарим лезгинку с тобой, чтобы показать ее сибирякам… Но ты выскакивай первым, а потом приглашай меня… и мы пойдем на пару.

— Якши-йол, мой старший брат Хаджи-Мурат, — отвечаю ему и тут же выкрикиваю единственное слово нашим полковым трубачам: — Лезгинку!

Не буду описывать, как мы провели ее с Бабиевым. Хлопанье в ладоши, выкрики, дикий «бум» заразили сибирских казаков.

— Казачка-а!.. Казачка-а! — закричали сибиряки.

И понеслись они по очереди по два в свой танец, выбивая такт, притопывая и переходя вприсядку. Некоторые из них танцевали хорошо, но, одетые в бриджи, в сапогах, при шпорах, они не дали впечатления разгульного, широкого казачьего танца.

Ревнивый, самолюбивый, задорный Бабиев не утерпел… Он уже подоткнул полы черкески за пояс, бросил свою небольшую папаху на затылок, засучил рукава черкески и своим вызывающим видом и красными широкими диагоналевыми бриджами с серебряным галуном просился «в бой казачьих танцев»…

Незабываемая встреча. Жаль, что подобных не было раньше — до боев или в боях. Это сильно сближает людей и толкает их на подвиги, на жертвы, на взаимную выручку, на поддержку и… на смерть.

С сибирскими казаками-офицерами мы расстались исключительно сердечно. Расстались — и больше уже с ними не встречались никогда. И так было жаль, что это случилось так поздно и так коротко.

Прощай навсегда, Сибирская отдельная казачья бригада, возглавляемая тогда редкостно храбрым воином генералом Раддацем.

На отдыхе под Карсом

В конце августа дивизия прибыла в район Карса и расположилась на отдых в молоканских селах: 1-й Таманский полк недалеко от Сарыкамыша, 1-й Кавказский полк в селе Владикарс, в 7 верстах южнее Карса, 3-й Екатеринодарский и 3-й Линейный — севернее Карса.

Штаб дивизии — в самом Карее. Где расквартировались 4-я и б-я Кубанские батареи — не помню.

Полки сразу же приступили к своему ремонту.

Полковник Мистулов удивительно тонко понимал свое высокое положение командира полка. Чуть ли не на второй день прибытия он диктует мне телеграмму на имя Наказного атамана Кубанского войска, которую привожу почти дословно: «Счастлив донести вашему превосходительству, что 15 мая сего года я принял в командование 1-й Кавказский полк славного Кубанского казачьего войска и теперь, прибыв с полком на отдых под Каре, доношу, что полку необходим основательный ремонт. В первую очередь необходимо приобрести 200 казачьих седел. Прошу отпустить из войсковых сумм (столько-то) рублей».

Деньги были отпущены. Из Кутаиси вызваны грузины-седельники. Открылись разные полковые мастерские. Ключом бьет жизнь. И над всеми нами, словно дирижируя волшебной палочкой, стоял наш полковой бог — полковник Эльмурза Мистулов.

Учебная команда в 120 урядников, произведенных за боевые отличия, занимается учениями только до обеда — усердная, удалая и певучая.

Трубаческая команда, всегда нарядная, ежедневно услаждает игрой на инструментах слух казаков и жителей — наших добрых молокан.

Нечасто, но основательно полк встряхивается полковым конным учением, и, заливаясь песнями, на разгоряченных и взмыленных лошадях сотни, словно рисуясь своей сбитостью и красотой конного строя, медленно разъезжаются по своим квартирам, на отдых.

К мужьям прибыли почти все жены офицеров. Из далекой Кубани приехало много десятков жен урядников и казаков. Старшие года присяги, прибывшие в полк в начале 1911-го, не видели своих жен шесть лет. По вечерам в стройных военных казачьих песнях можно услышать дивный женский подголосок, и рыдающий, и веселящийся, смотря по напеву и по содержанию песни.

Прибытие сюда, в такую даль, жен простых казаков указывало и на зажиточность казачьих семейств, могущих потратить несколько десятков рублей на столь дальнюю дорогу, оторвав незаменимую работницу от многочисленных дел в казачьем хозяйстве, и на безысходную тоску молодых жен, не видевших своих мужей многие годы… В хорошую погоду у квартиры полкового адъютанта под духовой хор трубачей эти жены-казачки с мужьями наперебой танцевали «станичный казачок», сходный с кавказской лезгинкой, вызывая радость и зависть у одиноких казаков. И если в станицах на семейных пирушках всякий казак мог пойти в танец с женой любого казака, то здесь это считалось совершенно недопустимым. Исключение составлял полковой адъютант — и только по просьбе мужа. Таков казачий патриархат, а на чужой сторонушке — в особенности.

К войсковому празднику упражняется в джигитовке команда наездников, человек в 30. Как всегда, в нее идут только охотники. Приезд офицерских жен и жен казаков саму призовую джигитовку особенно воодушевил. Воодушевили и призы. Каре под боком, в нем кавказские «серебряки», то есть мастера кавказского холодного оружия под серебром. Мистулов щедрый, так как он сам наездник. «Первому джигиту» предназначалась офицерская шашка в массивной серебряной оправе.

Прибытие походного атамана

Во время войны высочайшим приказом была учреждена должность Походного атамана всех Казачьих войск. Походным атаманом назначен великий князь Борис Владимирович. Мы, строевые офицеры, тогда ничего не знали о цели этого учреждения, которое потом признано было ненужным, но оно нам импонировало. И вот совершенно неожиданно появился приказ по дивизии, что Походный атаман великий князь Борис Владимирович объезжает казачьи части Кавказского фронта и такого-то числа полкам и батареям в конном строю прибыть в Каре на смотр атамана-князя.

Стоял ноябрь месяц. Снега не было, но очень морозно. Резервными колоннами полков в конном строю, построенных в

одну линию, дивизия долго ждала прибытия специального поезда Походного атамана. Наконец поезд прибыл. Штабу атамана под их седла поданы казачьи лошади. Уже смеркалось, а день был и без того сумрачный и холодный, когда показался великий князь со своим небольшим штабом. В защитного цвета офицерской шинели, в фуражке (как и его штаб), не торопясь, шагом, буднично проехал он между полками в глубину, потом выехал вперед и коротко сказал о России, об императоре и о будущей нашей победе.

Казаки кричали «ура», а полковые оркестры трубачей играли Русский национальный гимн.

Этот смотр дивизии закончился уже в вечерней темноте. А мы ведь ждали гораздо большего. И наш полковой хор трубачей, умышленно весь посаженный на серых лошадей, служил наглядным огорчением нам, все тогда воспринимавшим со святостью в душе в военной службе. Мы ведь ждали полковых учений, детального осмотра полков, опросов их нужд, желаний… Но смотр оказался «казенным».

Начальник штаба Походного атамана полковник Богаевский (будущий Войсковой атаман Донского войска с 1919 года) от имени князя пригласил всех офицеров дивизии, начиная от командиров сотен, пожаловать в их салон-вагоны на ужин.

Полки двинулись в свои села под командой младших офицеров, а все старшие на лошадях к станции Каре. Штаб дивизии, 2 бригадных командира, 4 командира полка со своими адъютантами, 2 командира батареи с адъютантами и своими старшими офицерами, 24 командира сотен полков дивизии, начальники разных полковых команд… Всего гостей было до 50 человек, но в салон-вагонах для всех хватило мест.

Штаб Походного атамана принял нас, как своих родных казаков, очень внимательно и очень разумно рассадил за столики. С князем — наши генералы и начальники частей, где-то там, далеко от нас. Остальных же рассадили за отдельные столики, на четыре человека каждый. Причем за каждым таким столиком сидело три гостя, а четвертым — один из офицеров Походного штаба, как хозяин, который угощал и занимал своих гостей. Это было умно устроено и проведено, так как все мы, строевые офицеры, люди неискушенные, считали, что в штабе Походного атамана всех Казачьих войск есть секрет нашей победы, как и удовлетворения всех наших нужд.

Разговоры за столиками, спросы да расспросы, как и щедрое угощение хозяев, лились рекой. У широких окон салон-вагонов исполнял разные увертюры оркестр трубачей кавказцев, чередуясь с песельниками нашей 3-й сотни. Им также было дано

щедрое угощение и закуска. Все хрустальные бокалы имели гравировкой букву «Б» (Борис) с короной. Наш столик не воздержался и похитил на память по одному бокалу…

На второй день все полки дивизии и гарнизон крепости Каре давали великому князю ответный ужин в гарнизонном собрании. За столы сели до 250 офицеров. Во время ужина на сцене играл хор трубачей 1-го Таманского полка. Но когда подали сладкое и кофе, выступил хор песельников кавказцев, составленный из лучших голосов всех сотен полка, до 40 человек, почти сплошь урядников. Чтобы придать силу и эластичность в исполнении некоторых концертных песен, в хор влились офицеры: подъесаулы — Кулабухов, Елисеев, Некрасов, Леурда, Поволоцкий, Вин-ников, сотник Бабаев (сын). Офицеры перечислены в порядке старшинства своего чина.

Мистулов

Об этом доблестном офицере Терского казачьего войска, о его благородстве, его военной службе и боевых подвигах надо писать книгу… Я же, заканчивая описание пребывания на Турецком фронте, приведу факты, мало возможные для других начальников высшего ранга.

Для ремонта полка рапортом начальнику дивизии генералу Николаеву Мистулов запросил разрешения израсходовать из полковых экономических сумм 5 тысяч рублей. По воинским законам до этой цифры командир полка сам может произвести расход, но на эту сумму и выше — только с разрешения начальника дивизии. Старшим делопроизводителем дивизии по хозяйственной части был старик чиновник Завалишин, умный, но строгий законник. Он имел штаб-офицерские погоны своего ранга. И вот по его докладу получен отказ. Прочитав это, Мистулов побледнел и крикнул ординарцу единственное слово: «Экипаж!»

Через полчаса мы были в Карее и остановились перед домом штаба дивизии.

— Подождите меня в экипаже, Федор Иванович, — только и сказал он за всю дорогу и быстро вошел в подъезд.

Минут через 15 он вышел, и мы тронулись назад, в свое село Владикарс. Мы оба молчали. Тогда по воинской этике подчиненному офицеру совершенно не допускалось первому начать разговор со своим начальником, а тем более расспрашивать, зачем он, командир полка, ездил в штаб дивизии, вот почему я и молчал.

— Почему вы не спрашиваете, Федор Иванович, зачем мы

ездили в штаб дивизии? — говорит он.

— Не могу знать, господин полковник… Вы мне ничего об этом не сказали, — отвечаю ему.

— Хо-хо-хо! — как всегда гортанно рассмеялся он. — Да ездил за разрешением на пять тысяч рублей!.. И получил его, — закончил он.

Через несколько дней начальник дивизии со своим штабом прибыл к нам в гости, на обед. Добрый старик генерал Николаев любезно здоровается за руку с Мистуловым, за ним начальник штаба дивизии и третьим подходит чиновник Завалишин. И Мистулов в присутствии всего штаба дивизии и офицеров своего полка не подает ему руки…

Из штаба дивизии получена телефонограмма, что «генерал Николаев сдал должность и выезжает в Тифлис. Его поезд отходит в 2 часа дня». В нашем распоряжении осталось только полчаса, чтобы быть в Карее и проводить своего генерала.

Железнодорожный вокзал находится на восточной окраине Карса. Чтобы поспеть к отходу поезда, все офицеры полка и хор трубачей широким наметом, кто как попало, скачут «по диагонали» из своего села по молоканским полям, по рытвинам и — успевают к отходу поезда за две минуты. Под полковой марш — короткое прощание. Поезд тронулся, и мы свободны.

Стоял очень холодный, морозный день, хотя и не было снега. Мы все в обильном поту от бешеной скачки. Все — только в черкесках. К тому же мы голодны.

— Господа! Зайдемте в ресторан на горячую солянку с сосисками! — предлагает Мистулов.

Мы сразу же соглашаемся, так как очень приятно поесть горячей солянки, выпить по рюмке водки и побывать нам, «сельским жителям», в городе, да еще всей полковой офицерской семьей пообедать в ресторане.

Мы в «погребке», подвальном грузинском ресторане, где так уютно. Промерзшие после пота, все с жадностью набросились на острую вкусную горячую солянку с сосисками, развивая свой аппетит несколькими рюмками водки. Возле тротуара на улице держат наших лошадей человек 20 конных вестовых. Трубачи сразу же были отправлены в полк. Добросердечный Мистулов распорядился дать солянку и водку и для вестовых.

Легкий завтрак быстро закончился. Мистулов спросил счет. Лакей принес его и положил перед командиром полка. Последний полез в карман за кошельком.

Всегда у нас в полку было так: расплачивался полностью полковой казначей, а потом удерживал автоматически из жалованья офицеров. Следуя этому принципу, все наши штаб-

офицеры бросились к Мистулову, и старший из них, Калугин, доложил:

— Господин полковник! Это вас не касается!

Мистулов быстро схватил счет, скомкал его в руке и твердо сказал:

— Я здесь старший и я за все отвечаю! Вы же — мои гости!

— Эльмурза! Ты этого не сделаешь! Мы этого тебе не позволим! — лаконично и твердо заявил войсковой старшина Константин Семенович Лотиев, казак-осетин, терец, его лучший друг.

Дело приняло щекотливый характер. Все мы щедро заказывали всяк себе, кто что хотел, зная, что за все будем платить сами, и вдруг получился такой финал. Все ложилось на одного человека, как и угощение наших конных вестовых, на карман нашего командира полка, который, как мы отлично знали, жил только на свое жалованье.

Калугин, сверстник Мистулова, обнял его и хотел силой отобрать счет…

— Раз я среди вас, своих офицеров, я сам, один, всегда и за все отвечаю! — твердо заявил он и решительно приказал всем занять свои места за столом. А потом развернул счет, посмотрел сумму, быстро вынул кошелек, заплатил 500 рублей и тут же счет разорвал.

Эта сумма составляла его месячное жалованье.

В 5-й сотне в одну из ночей с коновязи пропало восемь мешков ячменя. Сотенный командир есаул Авильцев сам принес рапорт об этом командиру полка и спросил, что делать.

Надо признаться, что во всех полках каптенармусы сотен (старшие урядники) иногда позволяли себе негласно продавать на сторону экономическое зерно сотен. Поэтому-то они и были всегда при кинжалах, оправленных в серебро, чего не имели не только что казаки, но и строевые урядники.

— Вечером, перед уборкой лошадей, построить сотню на коновязи, — спокойно сказал Мистулов Авильцеву.

Сотня выстроена. Мистулов молча идет от правого фланга, доходит до середины строя, поворачивается лицом к казакам и громко выкрикивает:

— …Вашу мать!.. Воры!.. Разбойники!.. Чтобы завтра же на этом месте лежало восемь мешков ячменя! — и пальцем указывает место для мешков.

Сказал, повернулся налево и молча пошел вдоль строя сотни, не поздоровавшись и не попрощавшись с казаками.

На утро следующего дня есаул Авильцев явился к Мистулову и доложил, что восемь мешков ячменя лежат на старом месте… и

как быть — производить ли дознание?

— Не надо, Владимир Николаевич, — отвечает Мистулов и улыбается. Вот оно — обаяние личности и непререкаемого авторитета полковника Эльмурзы Мистулова!

Я впервые услышал из уст Мистулова эту грубую солдатскую ругань. Я даже обомлел от неожиданности. К тому же эта ругань так странно и неумело была произнесена им, что мне стало смешно. Вообще же он никогда не возмущался, не ругался и только бледностью своего лица показывал, кто его близко знал, как он волнуется и переживает всякие неприятности в самом себе.

Мистулов был очень добрый, общительный, веселый и даже остроумный человек. Но когда он садился в седло, выезжал перед полком — становился вождем-командиром.

Тетрадь двенадцатая

Казачьи лошади

В конце августа 1916 года из самого далекого пункта Турции, куда проникли победно наши войска, из-под города Эрзин-джана, вся дивизия была оттянута к Эрзеруму, потом на российскую территорию и расположилась на отдых в районе крепости Каре, по молоканским селам. Штаб дивизии расположился в самом Карее.

Приступили немедленно же к «ремонту» полков, так как за два года войны полки сильно износились, в особенности конский состав.

Командир нашего полка полковник Мистулов сам лично с командирами сотен и с полковым ветеринарным доктором стал осматривать лошадей, их физическое состояние.

Из восьмисот строевых казачьих лошадей было выделено двести с лишним, у которых от постоянной фуражировки на холках образовались затверделые желваки, величиною в детскую голову. Они, эти желваки, возникли оттого, что казаки тюки сена или соломы, навязав «на вьючки» и перекинув их поперек седла позади передней луки, доставляли в свои сотни за несколько верст от бивака. При этом, выезжая на фуражировку, казак имел при себе полный свой походный вьюк в больших кавказских ковровых сумах, перекинутых через заднюю луку.

В общей сложности кабардинский строевой конь казака, ростом два аршина и два вершка, носил на своей спине с седоком большую тяжесть. Вот откуда и получились эти желваки на холках. Что делать с ними и как лечить этих лошадей — никто не знал.

К этому времени прибыл в полк очень молодой ветеринарный доктор, зауряд-лекарь Борисов, терский казак из офицерской семьи, в котором было много и заметно грузинской крови. Мистулов принял «своего терца» очень любезно, как сына, тем более он хорошо знал по Тереку это семейство. Борисов же оказался приятным человеком, веселым, общительным и вел себя как строевой офицер.

— Как быть? — обращается Мистулов к Борисову, называя его, как всех офицеров своего полка, по имени и отчеству.

— Надо сделать операцию всем — вырезать эти желваки, — отвечает ветеринарный врач Борисов.

Здесь произошел интересный диалог между ними,

интересный до комичности. Мистулов никак не мог понять доводов Борисова, что это есть единственный способ. Он уверял, что через два месяца лошади будут здоровы и холки их нормальны.

Доказал. Мистулов развел руками, сделал комичную позу и, приятно улыбаясь, согласился с Борисовым. Он ему поверил.

Все эти двести с лишним лошадей были выделены, образовали «свою сотню», назначен офицер заведовать ими, и экзекуция началась. И когда вырезали эти бугры, то образовалась у каждой лошади яма на холке, которую не закроешь и большой казачьей папахой.

Началось лечение. Ежедневно раны промывали раствором карболки и присыпали нафталином. На биваке этой сотни — отвратительная вонь лекарств и гниения тел. Мистулов ежедневно посещает лошадей. И — о чудо! — через два месяца холки лошадей пришли в нормальное состояние. Мистулов не знал, как благодарить Борисова. Но благодарность пришла сама. Получен запрос из Петрограда: «Не имеется ли препятствий от командира полка отпустить ветеринарного доктора, зауряд-врача Борисова, для зачисления на службу в Конвой его императорского величества?»

Это была полная неожиданность для всех нас и для Мистулова; и он, дав доктору отличную аттестацию, с удовольствием благословил его на новую службу в самой почетной части войск.

Войсковой праздник

Безвылазно два года по турецким горам и весям, по разным «чертовым мостам» — теперь полк на отдыхе под Карсом. Через два месяца — войсковой праздник, установленный 5 октября старого стиля, в день тезоименитства наследника цесаревича Алексея Николаевича, августейшего Атамана всех Казачьих войск. Как можно пропустить этот день и не отметить его после столь долгих лишений на фронте?

Мы, ставшие подъесаулами и опытными боевыми офицерами, подняли этот вопрос. Чуткий Мистулов дал согласие: «отпраздновать его отменно». И главное — сделать полковую призовую джигитовку.

Полусотня добровольцев-джигитов ежедневно рубит лозу, колет шары, схватывает папахи с земли, берет ряд барьеров, скачет стоя на седле, скачет вниз головой, делают казаки прыжки и разные пирамиды.

Начальником наезднической команды назначен автор этих

строк. Имея в полковой канцелярии таких умных, грамотных и расторопных писарей, как Халанский, Белокопытов, Кошевой, Ягодкин, Козлов, Шарапов, работая до обеда в седле, можно было с полным доверием подписывать приготовленные бумаги. Эти незаметные труженики полка верхом, с бумагами в сумках через плечо следовали за полком по всем турецким трущобам и успевали делать свое дело в обстановке лишений и неудобств. Как редкое исключение, у нас в полку во времена Мистулова полковая канцелярия являлась весьма доступным учреждением. И если что он не знал из старых полковых дел, расспросив главное, верил, фиксировал, подписывал. Но… посмел бы кто его обмануть! Или воспользоваться его добротой! Или нарушить слово! Этого ни у кого и в мыслях не было.

Работа писарей была вознаграждена. Одни имели по три медали «За усердие», из коих одна серебряная, а две золотые. Большая золотая — для ношения на шее. Другие — по две.

Наступил день 5 октября. За селом, на мягком поле — широкий плац для состязаний. На нем наряду с офицерами до сотни урядников, сплошь георгиевских кавалеров, и сотни казаков. Дамские шляпки офицерских жен, накрахмаленные косынки дорогих и милых наших казачек. Все это приятно волновало джигитов. И полковая призовая джигитовка в этот день пронеслась, промелькнула перед тысячной толпой казаков незабываемой удалью, которую ничем, никогда и нигде нельзя остановить и… забыть.

1-й приз — офицерская шашка, отделанная серебром — присужден взводному уряднику 2-й сотни Копаневу, казаку станицы Дмитриевской.

2-й приз — массивные серебряные часы с цепочкой — старшему уряднику Трофиму Наумову из команды связи, казаку станицы Кавказской.

3-й приз — менее массивные серебряные часы с цепочкой — старшему уряднику Ивану Назарову, казаку станицы Кавказской. Это был пожилой урядник Конвоя его величества, прибывший в полк на пополнение и теперь ассистент при полковом Штандарте.

Начальнику наезднической команды от офицеров полка был преподнесен золотой жетон в виде сплошной подковы с надписью: «1-й офицерский приз за рубку и джигитовку, 1-й Кавказский полк, 5.X.1916.»

Новые штаб-офицеры полка

Был обыкновенный ежедневный ужин без дам в нашем офицерском собрании, после которого всегда обсуждалось, что

сделано в сотнях за истекший день по «ремонту» полка и что надо еще сделать.

Вдруг приносят телеграмму. Мистулов вскрывает и читает. Прочитал — и лицо его приняло какое-то особенно приятное выражение. Мы молча смотрим на него и ждем, что он скажет.

— Господа! Такое приятное уведомление… Наши доблестные есаулы, командиры сотен Пучков, Алферов, Бабаев и Маневский высочайшим приказом за выслугу лет на фронте произведены в войсковые старшины. Ур-ра им! — закончил он.

Все вскочили со своих мест и заалкали безудержное «ура», бросившись их поздравлять.

Мистулов немедленно же посылает за дамами на общий ужин, который должен начаться снова.

Его помощник войсковой старшина Калугин тут же снимает свою черкеску и насильно облачает в нее Маневского, которого очень любил. Облачает для того, чтобы вот-вот прибывающая его супруга, Лидия Павловна, увидела «своего Жоржа» уже в штаб-офицерском чине. Сам же послал вестового за своей второй черкеской. Благородный Маневский, смущенный производством в столь высокий чин в свои 34 года от рождения, в мешковатой чужой черкеске, кажется немножко смешным. Его, которого любили и уважали как лучшего офицера полка, умного, корректного и хорошо воспитанного, осаждают буквально все с поздравлениями. А он, весь пунцовый от смущения, словно обороняясь от всех, беспомощно прижался к стенке и… не защищался.

Взволнованные радостью, к нам впорхнули все наши дамы. Впереди всех сияющая счастьем за своего мужа, красивая, высокая, стройная, немного властная 25-летняя Лидия Павловна, моя былая командирша. Она, не считаясь с этикетом, прорезала толпу офицеров, бросилась на шею мужу и начала целовать, целовать его… А потом, видя, что он в чужой широкой черкеске, наставительно произносит:

— Сними черкеску, Жоржик! Ты так в ней мешковат!

— Но нет, Лидия Павловна! — протестует Калугин. — Сегодня он наш герой и штаб-офицер… и без штаб-офицерских погон потеряется вся острота дня.

Лидия Павловна уступила, но от мужа не отходит ни на шаг. Так и лепится к нему бочком, словно желая показать всем: «Смотрите, смотрите, это я, его жена, такого молодого, 34-летнего, штаб-офицера!»

Немедленно был вызван полковой хор трубачей. Хозяину собрания, хорунжему Суворову, казаку станицы Темижбекской, бывшему уряднику 3-го Кавказского полка, приказано достать

«все запасы», и открылся «пир горой». И полковая семья кавказцев — дружная, добрая, чистая, честная, со своим выдающимся командиром Эльмурзой Мистуловым погрузилась в сердечное веселье на несколько часов…

Полковая учебная сотня

В полку образовалось свыше сотни казаков, получивших звание младшего урядника за боевые отличия и по статуту о георгиевских кавалерах.

По этому статуту казак, награжденный Георгиевским крестом 4-й степени, автоматически переименовывался в звание «приказного» (ефрейтор в пехоте). Награжденный крестом 3-й степени так же автоматически переименовывался в звание младшего урядника. Награжденный же золотым Георгиевским крестом 2-й степени переименовывался в подхорунжие (подпрапорщики в пехоте, кавалерии и артиллерии).

Эти отличные урядники в бою и в строю все же не имели достаточных уставных знаний. Кроме того, рядовая масса казаков относилась к ним с недостаточным вниманием, как к ненастоящим урядникам военного времени, не окончившим курс полковой учебной команды. И так как эти урядники вышли из их рядов, к ним была зависть, а в частной беседе им «тыкали» такими словами: «Да ты урядник без учебной команды, значит — такой же, как и я, по знанию».

Были случаи, когда сами эти урядники жаловались своим сотенным командирам, прося совета, как реагировать на это.

На одном из ужинов об этом было доложено Мистулову. Последний, не долго думая, решил образовать учебную сотню для них и пройти курс знаний.

Подобных урядников и приказных набралось около 120 человек. Командиром этой учебной сотни назначен войсковой старшина Маневский и командирами взводов — подъесаулы Елисеев и Леурда, сотник Павел Бабаев и хорунжий Косульников.

Все назначенные офицеры оставались на своих прежних должностях. На конные занятия утром и на послеобеденные по уставам собирались вместе.

Испытанные бойцы, все георгиевские кавалеры, подтянутые, собранные, когда они возвращались с учения в конном строю, и обязательно с песнями, они взбудораживали не только что жителей молоканского селения Владикарс, но и своих же казаков полка. И пройдя с песнями квартиру командира полка — только тогда распускались по своим сотням.

Изредка Мистулов встряхивал полк строевыми учениями

накоротке.

Под огнем турок, по разным буеракам, по каменьям и среди валунов, с тяжелым казачьим вьюком два года полк скакал по Турции… И здесь, на ровной мягкой жниве, одетый только в черкески, без вьюка и уже на отдохнувших своих лошадях полк скакал, летал, словно играя и резвясь. А после учения тысячная масса конных казаков, разбитая на шесть сотен, на взмыленных конях весело шла с молодецкими песнями — бодрая, довольная, дисциплинированная.

Полк цвел, гордился собой и своим выдающимся командиром и мечтал о новых походах по Турции.

Концерт Походному атаману

Выше было описано прибытие в Каре Походного атамана всех Казачьих войск великого князя Бориса Владимировича. На второй день после смотра все офицеры гарнизона Карса и нашей дивизии дали ему ответный ужин с концертной программой казаков.

После официальных тостов, коротких и патриотических, когда подали кофе и ликеры на столы, на большую сцену в гарнизонном собрании вышел хор песенников от 1-го Таманского полка.

Таманцы и здесь, при высоком госте, отличились своим всегда спокойным безразличием.

Как всегда, пели они отлично, но пели так, как и на своем биваке, словно сами для себя. Такое их безразличие к высокому гостю и спокойствие были очень даже занимательны. Здесь у них, как и во всем, сказывалась потомственная кровь Запорожского казачества.

Таманцы одеты в обыкновенные строевые темно-серые черкески, при черных бешметах и в высокие черные папахи крупного курпея, обязательно с «заломом», даже чуть-чуть набекрень. Это было по-староказачьему.

Исполнив несколько очень благозвучных песен, своих черноморских, они отодвинулись назад, и под свой полковой хор трубачей несколько казаков пронеслись в гопаке. Их хор трубачей был отличный, большего состава и в музыкальном отношении стоял выше нашего, кавказского.

В своем танце, в таких папахах, с подоткнутыми за пояс как-то вызывающе полами черкесок, один лучше другого, со многими «присядками» до виртуозности, они показали большой класс казачьего самобытного танца. Им громко и восторженно аплодировали все присутствующие на банкете офицеры, числом до 250 человек.

Мы, кавказский хор, стоя за сценой, любовались ими и восхищались.

Но они пели и танцевали так, как хотели и как умели. И со сцены ушли «по-станичному» — табунком.

— Ну… выходи! — произнес я за кулисами, когда таманцы очистили сцену.

И вот, по выражению самого Мистулова, «сорок белоголовых кавказцев, неслышно скользя в мягких чувяках, быстро вышли из-за всех декораций сцены и сразу же приняли горделивую позу Шамиля, положив обе кисти рук на рукоятки кинжалов и чуть выставив одну ногу вперед».

Походного атамана великого князя Бориса Владимировича официально чествовала наша дивизия, но штабом дивизии были приглашены все старшие офицеры крепости Каре.

За столом, по бокам князя, сидели наши командиры полков, а Мистулов — рядом с ним и правее. И князь больше разговаривал с Мистуловым, чем с другими казачьими старшими начальниками. Может, потому, что они оба были участники русско-японской войны?

Накануне Мистулов спросил меня:

— Можно ли приготовить хор песенников? И вообще, чем можно будет порадовать князя во время ужина?

Офицеры полка пели хорошо. Молодежь же — в особенности. Собрав подъесаулов-сверстников Кулабухова, Некрасова, Леурду, Винникова, Поволоцкого и сотника Бабаева, я передал им пожелание командира полка.

Решили: от всех сотен и команд набрать хор и танцоров человек сорок. В тот же день сделать спевку и распределить места и роли. Одеть всех однообразно, а именно — серые черкески, черные бешметы, белые папахи и красные башлыки за плечами.

Перед войной распоряжением командира полка полковника Мигузова абсолютно всем казакам пошили однообразные светло-серые черкески, серые папахи и красные башлыки. Сукно выписали совершенно одного цвета, добротного качества, шили же все полковые мастера. Черкески сохранились в приличном виде до самого конца войны.

К тому времени полковой хор трубачей был уже одет в белые папахи. Мы, все семь офицеров, были в черных черкесках, но также в белых небольших папахах.

Когда вышли на сцену кавказцы в таком однообразном виде, мы почувствовали, что зал замер. Должен подчеркнуть, что ядро хора было от 3-й и 4-й сотен, где младшие офицеры (Елисеев и Кулабухов) достаточно уделили времени и разучили с казаками многие нотные песни, как привели и старые в музыкальный

порядок. К ним влили лучшие голоса ото всех сотен. Хор получился величественный. И он грянул во все свои сорок голосов:

Да вскипит фиал заздравный
Во привет стране родной —
Нашей Руси православной,
Броненосице стальной!

И потом тихо, речитативом, зашептали казаки:

Широка она, родная,
Ростом миру по плечо…

И, постепенно усиливая голоса, продолжали:

Вся одежда ледяная,
Только сердце горячо…

А потом громко, растяжно, словно чтобы всему миру было слышно, протянули последнюю строку:

Только серд-це го-ря-чо-о!

Эту концертную песню мы юнкерами пели на сцене на своем училищном празднике.

На предварительном собрании со сверстниками мы решили начать наше выступление именно этой песней, как бы делая салют от казаков своей Великой России. По ходу долгой и кровопролитной войны это явилось большим сюрпризом для слушателей.

Чуть узнает пир кровавый —
И рассыпались враги!
Землю кроют русской Славой
Наши храбрые полки! —

прогремел хор высокому гостю и многолюдному офицерскому обществу.

Не стоит описывать, каков был успех! Аплодировали за многое: и за внешний вид, и за сноровку, и за исполнение

нотного пения, и за горделивое содержание песни.

Отдав дань своему великому отечеству, хор спел несколько популярных песен, вначале линейцев, а потом черноморского казачества.

Все песни были подобраны заранее, взвешенны в своей музыкальности. Офицеры-участники, как ведущие голоса, стояли в гуще казаков своих партий. Это давало красоту, мощь и уверенность хористам, почти сплошь урядникам.

Пение окончено. Как условились, наш полковой хор трубачей немедленно же рванул «казачок», и, одна пара сменяя другую, понеслись казаки в свой станичный пляс.

Танец «казачок» линейных станиц на Кубани похож на кавказскую лезгинку, но имеет резкие отличия в своих па. Он лихой, танцуется на носочках, и редко кто делает «присядки». На Кубани, в станицах, его танцуют почти все казаки и обязательно с казачками, девушками или замужними.

Мы, два офицера, танцевали его поодиночке и со многими «присядками». Владимир Николаевич Кулабухов в особенности хорошо, легко и стильно делал «присядки».

Но… и этот танец считался второстепенным. Кавказская лезгинка должна стать главным гвоздем концерта кавказцев. В полку было несколько отличных танцоров. Допущены к выступлению только те, кто «ходит и прыгает на когтях», то есть на пуантах. Все они в чувяках без подошв, словно в перчатках на ногах. Все в черных суконных ноговицах и в красных чувяках, как это принято среди благородной молодежи всех кавказских горцев.

После танца «казачок» под громкие аплодисменты всего зала хор кавказцев, пятясь назад и мало обращая внимания на тех, кто их приветствует, расположился биваком перед декорациями сцены — лежа, стоя, сидя, кто как хотел.

Это была сцена «Кавказские горцы на биваке». И когда зал стих, сотник Павел Бабаев из-за сцены — тихо, грустно, словно издали — затянул своим густым баритоном протяжно:

Го-о-ре нам… Фе-е-зи к нам…

И хор так же тихо, грустно вступил:

С во-ой-ском стреми-ит-ся…
Где-е бы нам, ка-ак бы нам,
Бра-ат-цы, укры-ыть-ся?..

Я не буду передавать содержание всей этой песни-лезгинки,

так принятой в Кубанском и Терском войсках. По окончании ее все сорок пружинно вскочили на ноги, загикали, заалкали: «Дэл-ла-дэл-ла»! — и громко, сноровисто захлопали в ладоши… И под этот дикий воинственный гул сорока голосов, хлопков, визга, крика-выкрика «Урса»! выскакивали пара за парой молодецких урядников первоочередного полка.

Условились, что в танце не должно быть никакого перерыва. И вот, как только предыдущая пара делала несколько вариантов лезгинки, с диким криком выскакивала следующая — беспрерывно чередующиеся, как звенья одной стальной цепи. Восторг был исключительный.

Надо полагать, что великий князь Борис Владимирович не раз видел в столичных театрах оперу «Демон» и кавказскую лезгинку в ней, но я сомневаюсь, чтобы он там увидел более образный и захватывающий этот классический танец кавказских горцев, что дали тогда казаки 1-го Кавказского полка. В опере танцевали артисты, тогда как здесь представлен был самый настоящий Кавказ в своем танце. И как только оборвался танец, все казаки, находившиеся на сцене в поэтическом беспорядке по ходу лезгинки, мигом приняли воинскую стойку «смирно» и взяли руку «под козырек», чем сказали гостям, что представление кавказцев закончено.

Гром восторженных аплодисментов оглушил весь просторный зал офицерского гарнизонного собрания, и… занавес закрылся.

На второй день, как всегда, я пришел с бумагами на доклад к командиру полка в его квартиру. Подав руку и не принимая бумаг, он вдруг говорит мне с какой-то лукавой улыбкой:

— Знаете, Федор Иванович, ваш концерт едва не стоил мне очень дорого… И я вас спас вчера.

Я слушаю и не понимаю. Молниеносно пронеслось в голове, что великий князь, видимо, сделал строгое замечание ему, что «в его полку офицеры выступили на сцене как простые казаки».

В императорский период времени это строго запрещалось по уставу. Все воинские чины не имеют права выступать в общественных местах с речами, на сцене и прочее…

И вдруг в 1-м Кавказском полку, да еще на банкете в честь Походного атамана и великого князя офицеры поют и танцуют на сцене, да еще в кругу своих же нижних чинов.

Такие нездоровые мысли пронеслись в моей голове. К тому же ведь все это организовал его адъютант. «И как это мы, молодежь-подъесаулы, советуясь предварительно, не подумали об этом?» — несется в моей голове. И мне стало немного не по себе, что я так подвел своего командира.

Он увидел мое смущение и уже весело продолжал:

— Но не бойтесь… все прошло хорошо. А спас я вас вот от чего. Великий князь спросил меня: «Это ваш адъютант?» Я ответил утвердительно. И вдруг князь спрашивает: «А не уступите ли вы его в мой штаб?»

Не успел я еще отойти от страха, как Мистулов, мягко улыбаясь и не ожидая моего ответа, продолжает:

— Ну, как вам это нравится? И я его высочеству отказал… Вот что вы наделали своим концертом, — уже смеется он. Смеется и его помощник, войсковой старшина Лотиев, зная все это. — Но, право… я этого всего никак не ожидал! — продолжает он. — И как вы могли сделать этот экспромт? Когда вы разучили хор? Откуда такие голоса? А танцоры?

Теперь, отойдя душой, я стоял и улыбался. А Мистулов, видимо, желая испытать меня, спрашивает:

— А может быть, Федор Иванович, вы хотели бы поступить в походный штаб великого князя? Я не хочу портить вам карьеры… И отпущу, если вы пожелаете.

Все это было для меня больше чем неожиданно. Конечно, быть в штабе Походного атамана, великого князя, ближайшего родственника самого русского императора, — это честь не для всех офицеров возможная. И чтобы в него попасть, надо иметь протекцию.

На миг, на один лишь миг, я подумал об этом… И потом сразу же перечеркнул эти мысли в своей голове. Что мне даст по службе штаб Походного атамана, хотя бы и великого князя? Этот штаб, разъезжающий в собственном поезде из классных вагонов для инспектирования казачьих частей, дающий офицерам обеды и принимающий их? Это есть скучное и неживое дело. А дальше что?

А дальше надо бросить свой родной полк, с которым так любовно и дорого связан по своему рождению! Надо бросить друзей-офицеров! Надо бросить казаков, соратников по войне! Надо расстаться со своими тремя верховыми лошадьми…

В штабе Походного атамана только офицеры Донского войска. Все — крупные ростом, неторопливые в движениях, немного важные и как бы скучающие… Эта их «скучаемость» не понравилась мне за столом, в их салон-вагоне, когда мы были гостями у князя третьего дня.

Что же я? О чем же я с ними буду говорить? Я, для которого конь, седло, прибор к нему с серебряным набором, чувяки, казачьи песни, изредка полковой кутеж… и вообще, живая жизнь полка составляли главное стремление всей жизни и военной службы.

Конечно, личная жизнь, может быть, будет и интересна.

Увидишь многих великих людей России. Ну, а дальше что? А наш выдающийся командир полка? С ним ведь надо будет расстаться? При нем и с ним так всем приятно служилось в полку!

Кроме того, самый старший из нас, подъесаулов, Володя Кулабухов, принял в командование и «на законном основании» сотню. Следующий по старшинству в чине — это я. В полку три штаб-офицера командуют сотнями. Естественно, они должны получить высшее назначение, и я, как самый старший подъесаул, буду назначен командиром сотни «на законном основании», как заносится в послужные списки офицеров. Это ведь высшее достижение и стремление большинства строевого казачьего офицерства! И быть командиром сотни в 24 года от рождения — это ведь карьера!

С ранней весной нашу дивизию, безусловно, бросят вновь в Турцию. И вновь с доблестным своим командиром полка мы в боях… И я — командир сотни, то есть глава 135 строевых казаков… И вот из-за «теплого» и уютного высокопоставленного гнездышка покинуть все это, а главное — родной наш полк?

Все мое существо сразу же сказало — нет! И я тут же доложил об этом Мистулову.

В 1917 году, в месяцы революции, когда Временное правительство предложило генералу Каледину, будущему Донскому атаману, занять пост Походного атамана всех Казачьих войск, он наотрез отказался, заявив: «Должность эта совершенно ненужная. Она и в прежнее время существовала только для того, чтобы посадить кого-нибудь из великих князей. Чины штаба проводили время в поездках, в тылу, держась в почтительном расстоянии от армии, ее нужд и горестей».

Но… это посещение нас Походным атаманом великим князем было очень приятно. Этим как бы объединялись воедино все строевые казачьи части на фронте, каждая из которых имеет что-то свое и совсем разное от всех частей многомиллионной Русской армии.

И во всех полках, как мы потом узнали, князя и его штаб чествовали очень помпезно и с большим удовольствием. Как известно, и казаки, и князь любили повеселиться…

В первые месяцы революции в Петрограде состоялся съезд делегатов от всех Казачьих войск, который создал Совет Союза казачьих войск во главе с войсковым старшиной Дутовым, академиком, будущим знаменитым Войсковым атаманом Оренбургского казачьего войска.

Наша дивизия, к маю переброшенная в Финляндию, была близко знакома с работой этого Союза. Так вот одним из вопросов Союза было — свести казачьи части в свои собственные казачьи

корпуса, доказывая Временному правительству, что это будет полезно и для всей России как наглядный образец неразложившихся частей. Поднимался вопрос даже об Казачьей отдельной армии, конечно, полностью подчинявшейся в оперативном отношении Верховному главнокомандующему.

Ходатайство не было удовлетворено. Думается теперь, что, будь Походным атаманом в эти месяцы генерал Каледин, военный авторитет, офицер Генерального штаба и немного старший летами и по выпуску из академии Генерального штаба тех, кто стоял тогда во главе Русской армии, ему удалось бы свести части в казачьи корпуса. И если не оздоровить всю армию, то безболезненно и своевременно отправить эти корпуса на свои казачьи земли и начать борьбу против красных. Но этого не случилось.

Чистота полка

В полку господствовала чистота взаимоотношений, сбитость и дружность офицерской семьи, а отсюда — чистота и сбитость всего полка. Конечно, офицеры и казаки были такими же людьми и казаками, как и все Кубанское войско.

Казалось бы, внутренняя жизнь нашего полка не очень отличалась от жизни других полков войска, но — она была. Причины к этому следующие.

Наш полк свыше 30 лет нес службу в далекой Закаспийской области, отдельными сотнями разбросанный по афганской и персидской границам. В этих далеких и пустынных местах, совершенно безлюдных, каждая сотня жила своей самостоятельной жизнью, больше на патриархальных началах, чем на букве воинской дисциплины. Но вместе с тем каждый командир сотни являлся бесконтрольным начальником и своей сотни, и редкого туземного населения своего района. Такое положение развивало и крепило добрые и сердечные взаимоотношения и младших офицеров и казаков и отношение к своему командиру сотни.

Штаб полка, две сотни казаков и все остальные полковые команды, находившиеся в городе Мерве, занимали в гарнизоне какое-то изолированное и привилегированное положение среди русских частей. Офицеры полка не любили бывать в гарнизонном собрании, которое, кстати сказать, было далеко от расположения полка. Все празднества они справляли в своем полку — весело, интимно, где все знали друг друга много лет. Эти факторы развили среди офицеров свое собственное полковое «я», и радости и горести переживались всеми вместе, только в своей

полковой семье.

Офицеры служили в полку долго, и громадное их большинство, выйдя в полк по окончании военных и юнкерских училищ, оставались в полку до тех пор, пока их есаулами не переводили в другой полк «для уравнения», как это требовалось по законам войска. Иные же, достигнув «предельного возраста» по своему чину, уходили в отставку.

Можно сказать так: офицер, выходя из училища в полк, становился собственностью полка. И редко кто искал другого места службы.

1-й Кавказский полк для большинства офицеров был основным домом, из которого никто не хотел никуда уходить. И весь интерес офицеров сосредоточивался только в своем полку, и вся жизнь их складывалась только в обществе своих офицеров и их семейств. Отсюда и развилась полковая дружба, где дороже офицера-однополчанина других людей не было.

Период командования полком Кияшко (после был начальником Кубанского войскового штаба) и Чауна особенно объединил полк. О том времени остались только восторженные воспоминания как среди офицеров, так и среди казаков. Оба они создали и по психологии и по внешнему виду особый тип казака-закаспийца. Длинные черкески, белые бешметы, высокие косматые папахи, наподобие туркменских, черного и белого курпея, носимые «с заломом», широкие шаровары из голубого, красного и зеленого восточного сатина «с напуском» на мягкие козловые сапоги украшали всех.

В эти цветные шаровары казак обязательно вшивал белый кант. Так было принято.

Придя из полка на льготу и живя в своей станице, он неизменно одевался только так во все праздники. И когда он шел по улице, то неизменно слышалось вслед: идет закаспиец! А если взять урядника при серебряном кинжале, с призовыми часами на груди, с галунами по верху высокой косматой папахи, то как ему почтительно не уступить дорогу!

Полковая офицерская молодежь

На отдыхе под Карсом наш полк квартировал отдаленно от остальных частей дивизии. Мы, молодежь, близко соприкасались со сверстниками-офицерами 4-й и 6-й Кубанских батарей только в Карее, на субботних вечерах в общественном собрании, где бывали концерты и потом танцы.

Батарейцы держали себя скромно, всегда отлично и стильно одетые в черные черкески, дружные между собой, они больше

подходили к нам, кавказцам, чем остальная молодежь офицеров дивизии, которых мы и не встречали на этих вечерах.

Мы были молоды, получали хорошее жалованье и после полудикой Турции, естественно, хотели веселиться хоть один раз в неделю. Да и показать себя.

Условились: на вечера одеваться однообразно — черные черкески, белые бешметы и обязательно «при тесьмах». Или — все в черкесках разного цвета.

В обоих случаях мы представляли нарядную группу казачьих офицеров — живую, дружную, всегда веселую. Обязательно общий ужин. Напитками не увлекались. За столом — все общее. Платил один — казначей подъесаул Володя Поволоцкий, а расчет «дома» и поровну. Жены офицеров — наши гостьи. Муж платит только за себя.

На вечер мы скачем на лошадях из своего села Владикарс, которое отстояло от Карса в 7 верстах. Лошадей и вестовых оставляли в своем полковом обозе 2-го разряда, квартировавшем в Карее. После двух часов ночи — вновь в седла и скачем домой. Это было очень неудобно во всех отношениях и в особенности относительно наших конных вестовых. Жаль их было. К тому же было очень холодно.

Самыми разговорчивыми на вольные темы были Кулабухов, Некрасов, Леурда и Винников. Как-то они пристали ко мне: «Попроси полковой экипаж полковника Мистулова». Просьба была совершенно не уместная. Долго отказывался, но потом решился — доложил командиру от лица всех и… «на один раз».

— Федор Иванович, — удивленно отвечает он, — экипаж в вашем полном распоряжении и когда хотите…

Добрый, благожелательный ко всем Мистулов, сам холостяк, вполне понимал нас, молодежь.

В общественном собрании часто появлялись наши бригадные командиры — генерал Иван Никифорович Колесников и полковник Филиппов. Оба — терские казаки.

Колесников — всегда в черной черкеске и бешмете, при шашке. На груди у него офицерский крест Св. Георгия 4-й степени, полученный им на Западном фронте, когда он командовал 2-м Горско-Моздокским полком своего войска. Свою большую «старинную» черную папаху он неизменно держал под мышкой левой рукой. Это было так странно видеть на балу.

— Ваше превосходительство! Почему вы не сдадите свою папаху в вешалку? — как-то спросил я его, будучи довольно близок к нему по походам в Турции.

— А зачем? Мне она не мешает! — быстро отвечает он и мило улыбается. Улыбаюсь и я.

Генерал Колесников был типичный линейный казак в манерах и разговоре. И свою папаху он держал под мышкой по-староказачьи.

Милый старик с седой прокуренной до желтизны бородкой. А этому «старику» тогда не было и 55 лет.

И Колесников, и Филиппов на наше приглашение всегда с удовольствием подсаживались за наш холостяцкий стол и, выпив одну-две рюмки водки, благодарили и уходили.

Мистулов никогда не бывал на этих спектаклях-вечерах, а почему — не знаю. Да и вообще все старшие офицеры частей не бывали на них.

К осени 1916 года, то есть когда полк прибыл на отдых, в нем образовалась очень крупная группа холостяцкой молодежи в 15 человек. Перечислю ее по старшинству чинов.

Подъесаулы: Кулабухов Владимир Николаевич, Елисаветградского кавалерийского училища выпуска 1912 года; Елисеев Федор Иванович, Оренбургского казачьего училища выпуска 1913 года. Из казачьей сотни Николаевского кавалерийского училища: Некрасов Александр Семенович выпуска 1913 года, Маглиновский Иван Васильевич выпуска 1913 года, Леурда Николай Васильевич, Мацак Гавриил Гавриилович, Винников Александр Аполлонович, Поволоцкий Владимир Алексеевич; все выпуска 1914 года.

Сотники: Бабаев Павел Иванович, ускоренного выпуска Константиновского артиллерийского училища начала 1915 года, владикавказский кадет; Фендриков Филипп, майкопский реалист, ускоренного выпуска Оренбургского казачьего училища (он погиб в отряде генерала Геймана под Майкопом).

Хорунжие: Щербаков Иван, екатеринодарский реалист, ускоренного курса сотни Николаевского кавалерийского училища конца 1915 года; Косульников Алексей Андреевич, терский казак, петроградский гимназист, выпуска Екатеринодарской школы прапорщиков 1916 года.

Кроме этого: корнет Кантемиров, осетин; Капелиович Самуил Израилевич, старший медицинский врач полка, из Баку; Борисов, ветеринарный врач полка, терский казак.

Самому старшему из нас было 26 лет. Жили очень дружно. Никогда не было не только что ссор, но и недоразумений. Всяк знал свое место. Все были на «вы», кроме «николаевцев», которые окончили вместе Владикавказский кадетский корпус, и только Некрасов окончил Воронежский.

Психологически и костюмами мы отличались от многих старших офицеров полка. Кроме подъесаула Дьячевского Диамида Алексеевича, выпуска 1907 года из пехотного военного

училища, все остальные офицеры были из военных училищ еще до русско-японской войны, и самый младший из них — Маневский, выпуска Николаевского училища 1902 года. Калугин, Успенский, Пучков, Бабаев (отец) и Авильцев были Ставропольского юнкерского казачьего училища, когда оканчивающих его выпускали в полки подхорунжими и потом уже, после шести месяцев пребывания в строю, производили в чин хорунжего. Это чисто казачье училище было закрыто в 1898 году. Войсковой старшина Степан Егорович Калугин окончил его еще при императоре Александре III. Разница во многих понятиях была вплоть до того, что некоторые доказывали, что, когда берешь барьер — «корпус надо отклонять назад, чтобы облегчить перед лошади»… Наука же говорит обратное. Есаулы Авильцев и Алферов имели трубчатые бинокли и уверяли нас, что они лучше биноклей «Цейс»…

Как известно, после русско-японской войны в военных училищах потребовались новые знания. В 1909 году все юнкерские училища были по курсу наук приравнены к военным. Вот откуда и происходила разность психологии и взгляда на военное дело.

Старшие офицеры относились к нам хорошо, порою по-отечески, любили нас и смотрели на нас как на своих заместителей в деле сохранения дружной полковой офицерской семьи.

Женитьба подъесаула Некрасова

«Прошу разрешения вступить в первый законный брак с девицей Зоей Александровной Смирнитской», — прислал рапорт на имя командира полка подъесаул Некрасов.

Это было так неожиданно для нас, молодежи!

Немного черствый, немного скрытный, совершенно не сентиментальный, большой любитель поухаживать за податливыми девицами. И вдруг — он женится… да еще первый из нас, веселых и дружных, которых в полку было десять человек и среди которых никогда не поднимался вопрос о женитьбе кого бы то ни было.

Мы немедленно же приступили к нему с допросом: как?., кто она?..

И оказалось: когда он был в Александрополе для изучения службы связи, то познакомился, влюбился, сделал предложение, получил согласие и стал женихом.

Она — дочь полковника крепостной артиллерии. Отец ее умер. Мать — 35-летняя вдова, рожденная де Полиньи, имеет

двух дочерей, институток. Невесте 17 лет, она только что окончила институт.

Некоторым образом виновником того события являлся и я, поэтому опишу, как Некрасов попал в Александрополь.

В марте 1916 года успешно развивалась 1-я Мемахатунская операция в Турции. Полк совершил две дивные конные атаки. В первой атаке захватили свыше тысячи турецкой пехоты с двумя горными орудиями, а во второй двумя авангардными сотнями полностью уничтожена арьергардная рота турок.

До городка Мемахатун оставался лишь один переход. После вчерашнего «конного наскока» полку дана дневка в селе Жовтик. На горах лежал еще снег, а в долинах — слякоть, грязь. Мы, тогда хорунжие, расположились в одной турецкой хижине.

Пришла почта. Распоряжением начальника дивизии приказано немедленно командировать от каждого полка в Александрополь по одному офицеру, не выше чина хорунжего, и по одному грамотному казаку — для изучения службы связи и искровой станции. Командировка — что-то около шести месяцев.

До доклада командиру полка полковнику Мигузову спешу в нашу общую хижину, собираю хорунжих, читаю им распоряжение и спрашиваю: кто хочет получить эту командировку?

В нашем полку многие «тыла» не любили. Все молчат, а Кулабухов и Леурда, как самые активные, сострили, что «ехать в тыл в разгар столь удачной военной операции — нас не обманешь…» И вдруг Шура Некрасов сам назвался. Это было столь неожиданно, что все рассмеялись, думая, что он шутит. Но он не шутил.

Иду с докладом к Мигузову. Прочитав это распоряжение, он, как всегда, небрежно спрашивает меня:

— Опрашивали ли вы, хорунжий, желающих получить столь завидную командировку?

Докладываю осторожно, что самый подходящий был бы хорунжий Некрасов, как один из старших в этом чине.

Некрасов отличный офицер, окончил Воронежский кадетский корпус и Николаевское кавалерийское училище в Петербурге в 1913 году по первому разряду, но он не особенно напрягал себя в службе, как не любил напрягать службой и казаков. Мигузов, умный и наблюдательный, конечно, это хорошо знал.

— Нек-рас-сов… Нек-рас-сов… — злобно протянул он. — Почему Некрасов?! А вот я не хочу! — вдруг выкрикнул он.

Докладываю, что Некрасов серьезный офицер, третий год в полку, следующие хорунжие моложе и моральное право на его стороне.

Выслушав и подумав, Мигузов уже спокойно спрашивает:

— А Некрасов-то сам хочет ехать?

— Я его не спрашивал, господин полковник, — умышленно вру я своему командиру полка.

— Ну, если он согласится, то и пишите документы, — фиксирует Мигузов.

Некрасов был очень рад. Мы все смеялись над ним, подтрунивали, что он изменяет нашему полковому товариществу хорунжих. Он также смеялся и просил меня как можно скорее приготовить документы, боясь, что командир полка переменит свое решение. Я его понимал. В тот же день он поскакал в направлении Эрзерума на мощной своей красавице кобылице английских кровей, лучшей офицерской лошади во всей нашей дивизии.

Маленькая деталь: и мы, хорунжие, и командир полка невольно и не сговариваясь тогда же спросили Шуру Некрасова: где он оставит свою кобылицу на месяцы командировки?

— Да оставлю в тылу, в обозе 2-го разряда, — как-то легкомысленно ответил он.

И оставил. Вестовой недоглядел, ее покрыл упряжной обозный жеребец, и она принесла Некрасову «приплод» отца… Жалко было смотреть на результат-Дивизия в Финляндии. В дождь он привязал ее к телеграфному столбу. Ударила гроза. Она упала. Думали, что ее убило. Отлежалась, но был атрофирован зад и уши. Она стала калекой. И в декабре 1917 года, вернувшись на Кубань, он отдал ее вместе с жеребенком за гроши своему вестовому.

По имперскому закону офицер может вступить в брак, достигнув 23 лет. Его невеста, девица или вдова, должна быть благонравного поведения и иметь образование не меньше четырех классов гимназии. Все это с предоставленными документами рассматривается обществом офицеров полка по принципу: достойна ли эта особа быть принята в полковую семью офицеров и их жен?

Разрешение дано. Некрасов справил «мальчишник» и пригласил быть у него шаферами на свадьбе меня, Леурду, Винникова и Поволоцкого.

Встреча с полковником Мигузовым

Мы, четыре шафера, поездом едем в Алёксандрополь. В поле неожиданно остановился наш поезд. Многие пассажиры вышли из вагонов узнать, в чем дело.

Вышли и мы и идем в направлении паровоза. Был поздний вечер. В темноте столкнулись с идущей навстречу нам маленькой

фигурой в кителе, в фуражке, с тросточкой. То оказался наш бывший командир полка полковник Дмитрий Александрович Мигузов. От такой неожиданности мы даже испугались. Ведь он так всех нас, офицеров, «жал» в полку.

— Здравия желаем, господин полковник! — произнес кто-то из нас, и мы, остановившись, взяли под козырек.

Удивился и он столь неожиданной встрече и, подавая каждому руку, ответил:

— Здравствуйте, здравствуйте! — а потом спросил: — Куда это вы едете? — видя, что мы празднично одеты и некоторые из нас при боевых орденах.

Мы пояснили, что едем на свадьбу к подъесаулу Некрасову, в Алёксандрополь.

— Так, значит, Некрасов женится? — И немного подумав, он продолжил: — Хорошо делает, — и, не находя больше слов, за руку прощаясь с нами, добавил: — Ну, поезжайте, поезжайте. И повеселитесь.

— А где же вы теперь, господин полковник? — неудачно спросил Леурда, бывший у него полковым адъютантом до меня восемь месяцев.

— А вам не все ли равно?.. Много будете знать — скоро состаритесь, — ответил он и пошел от нас в темноту. Нам стало жаль его, и мы искренне выцукали Леурду за его неуместный вопрос.

Нашим полком он командовал с 1912 года. Умный и опытный офицер, но, разочаровавшись в людях, стал человеконенавистником, так о нем говорили. Полком он не совсем удачно командовал, но генералом был бы отличным. И вот один случай погубил его карьеру. Пишу для истории.

В 1915 году войсковой праздник офицеры полка справляли в Турции, в селении Санжан, что возле городка Дутаха на реке Евфрат. Мигузов в обществе своих офицеров мог выпить несколько рюмок водки и мог участвовать в пении песен, которые он любил и знал. Нас было немного, так как четыре сотни казаков находились в дальних селах как охрана к главному участку фронта. Ужин был в большой палатке командира полка, довольно скромный. Потом все вышли на воздух. Некоторые офицеры ушли в свои палатки. Мигузов стоял и с кем-то разговаривал. К нему подошел полковой капельмейстер, коллежский регистратор, пьяница и ничтожество, и с трубкою во рту обратился с чем-то. Это так возмутило Мигузова, что он ладонью щелкнул его по трубке, но чуть зацепил и его щеку, выкрикнув при этом:

— Как ты смеешь разговаривать с командиром полка, имея трубку в зубах!

Они были кумовья — Мигузов крестил его дочку.

Трубка, описав довольно большую дугу, упала на землю. Неустроен, часто хорошо пивший, бросился искать ее в темноте. А Мигузов, видимо, спохватившись, коротко бросил окружающим его немногим офицерам:

— Господа, идите по домам…

Было неприятно. Спать не хотелось. Сели играть в преферанс. Скоро к нам зашел Неустроев и с плачем пожаловался, как его оскорбил командир полка. Под одним глазом у него был незначительный синяк. Полковой лекарь Капилеович дал ему медицинское свидетельство, но откуда получился этот синяк — не указал. Делу был дан ход — до Тифлиса включительно, то есть до штаба главнокомандующего Кавказской армии. Что писалось, в полку никто ничего не знал. В апреле 1916 года полковник Мигузов был отозван в Тифлис для получения высшего назначения, но… назначен начальником какого-то санитарного транспорта[8].

Вот почему был очень неуместен вопрос подъесаула Николая Леурды к полковнику Мигузову: «А где вы теперь?» — и вот почему он ему так ответил и немедленно же ушел от нас, которых как неиспорченную молодежь, безусловно, любил.

В Александрополе

Некрасов встретил нас на вокзале, сообщил, что свадьба завтра, поэтому едем прямо в дом к теще, где уже ждут.

На второй день все мы — пять подъесаулов — в открытом большом автомобиле выехали в крепостную церковь. Жених был в полной парадной форме офицера Кубанского войска, в галунах, эполетах, а вокруг него четыре шафера — в черных черкесках, белых небольших папахах, белых бешметах с тесьмами через плечо. Даже теща не выдержала и радостно сказала: «Ну просто цветник какой-то!»

Через месяц Некрасов вернулся к нам во Владикарс с женой, тещей и ее младшей дочкой — красавицей Нелли, потом нашим общим кумиром. Полк дал им роскошный вечер. Мы все искренне полюбили нашу новую полковую даму Зою Александровну Некрасову, называя ее иногда «Заинька».

На этой вечеринке-бале не устоял и наш 48-летний командир полка полковник Эльмурза Асламбекович Мистулов, убежденный холостяк. И он прошелся в классической мазурке с 35-летней изящной и обаятельной тещей Некрасова.

Мистулов отлично, правильно и по-настоящему танцевал мазурку. И мы, молодежь, под шумок веселья перебрасывались

между собой: «Не ждет ли нас новая свадьба нашего выдающегося командира с вдовою Смирнитской?»

Но Мистулов, верный своему принципу, ровно через два года в чине генерал-майора погиб трагической смертью, будучи все тем же холостяком, как и прежде.

Великой и гордой души был человек.

После бала гостьи вернулись в свой Александрополь. Молоденькая наша полковая дама, как и все другие дамы полка, со своим мужем поселилась в простой крестьянской комнате молоканского семейства без всяких удобств.

Такова уж судьба всех офицерских жен — постоянный поход, а с ним и постоянные походные неудобства.

Не отпраздновать в полку Рождественские Святки 1916 года считалось недопустимым явлением. Офицеры решили устроить для всех казаков вечер-спектакль, а после него — ужин и бал для офицеров.

Этим балом-маскарадом закончился 1916 год, последний год императорской России. Абсолютно ничего плохого мы не ожидали.

Отъезд полковника Мистулова

Из Тифлиса, из штаба Кавказской армии, совершенно неожиданно для нас, да думаю и для самого Мистулова, получена телеграмма: «Полковнику Мистулову сдать 1-й Кавказский полк и явиться в Тифлис, в штаб главнокомандующего, для получения нового назначения».

Полк готовился к печальным проводам своего полкового бога, коим для всех нас был полковник Мистулов.

От офицеров полка уже заказан массивный серебряный сервиз — поднос и на нем высокий фигурный графин и 12 рюмок. На подносе — факсимиле всех офицеров полка.

И вот последний день настал. За столом — все офицеры и дамы полка. Но обед шел не как всегда. Не чувствовалось веселья, вернее, не было никакого веселья. Сам Мистулов грустил. Через весь стол он уже два-три раза обращался к нам, молодежи: «Почему невесел левый фланг?»

Подали сладкое, кофе, ликеры. Старший в чине и его помощник и заместитель войсковой старшина Калугин встал. Все мы насторожились.

— Господин полковник, дорогой и глубокоуважаемый Эльмурза Асламбекович! — начал он. — Силой высочайшего приказа вас отнимают от нас, кавказцев. Мы очень рады вашему повышению по службе[9] и будем всегда радоваться вашим

успехам на поле брани. Но одновременно с этим мы глубоко опечалены тем, что вы нас покидаете, нас, кавказцев, так вас полюбивших.

От сильного волнения Калугин сделал паузу. Потом взял в руки подарок, снял с него покрывало и продолжал:

— Примите от нас, кавказцев, этот скромный подарок, который будет напоминать наш 1-й Кавказский полк.

Хотя речь Калугина и не была блестяща, но все знали, как знал и сам Мистулов, что она сказана от чистого сердца.

Мистулов, видимо, удивился блестящему и дорогому подарку, он обнял Калугина, и оба немного прослезились.

Все сидели молча. Молчал и Мистулов. Потом он встал, печальными глазами обвел всех и начал так:

— Господа, я терский казак. До этого служил только в терских строевых частях. До вас командовал 2-м Сунженско-Владикавказским полком. Стаж требовал опыта в командовании первоочередным полком. Мне предложили освободившийся ваш 1-й Кавказский полк неведомого мне Кубанского войска. Я согласился. И не скрою, что, когда ехал в полк, я не знал, каков он. Каковы кубанские казаки? А главное, каков офицерский состав полка?..

Не скрою и того, что я предпочел бы любой полк своего Терского войска любому Кубанскому… Прошу меня простить и не осудить за это… Думаю', вам мои чувства понятны… И вот теперь, после девятимесячного командования 1-м Кавказским полком, уезжая от вас, хочу подчеркнуть, что то, что я нашел в полку, нашел среди вас, господа офицеры, мои дорогие соратники, я редко где встречал в других полках. Такой чистоты жизни, такой дружной и честной офицерской семьи трудно где сыскать.

Я полюбил 1-й Кавказский полк так, как не любил еще ни один полк в своей жизни. Я вас никогда не забуду. И воспоминания о вас всегда будут наполнять мое сердце только любовью к вам, мои дорогие кавказцы — родной и милый моему сердцу 1-й Кавказский полк…

Как слова Калугина, так и слова Мистулова все слушали стоя. Закончив тост, Мистулов обошел и расцеловался со всеми.

С его отъездом на душе стало совершенно пусто, ничего не хотелось делать. Что-то оборвалось в душе…

Тетрадь тринадцатая

Казачьи силы на 1 января 1917 года

К этому времени Кавказская армия имела 6 армейских корпусов и один кавалерийский. Последний действовал в Персии. Фронт тянулся от южного берега Черного моря, западнее Трапезунда, падая прямо на юг, на Эрзинджан, и дальше шел на юго-восток, южнее Ванского озера, спускаясь еще ниже к персидско-турецкой границе. В этой части фронта отдельный кавалерийский корпус генерала Баратова с приданными к нему пехотными частями действовал в направлении на Месопотамию — на Моссул и Багдад.

Следуя линии фронта от Черного моря, перечислю казачьи дивизии, полки, пластунские бригады и артиллерию.

1. 5-й Кавказский корпус генерал-лейтенанта Яблочкина. В него входили: 3-й Кавказский полк Кубанского войска полковника Ефремова (старый кавказец), 55-й Донской казачий полк (4 сотни) полковника Дубенцова.

2. 2-й Туркестанский корпус генерал-лейтенанта Пржевальского (кубанский казак, на войну выступил начальником 1-й Кубанской пластунской бригады. Умер в Югославии). В него входили: 3-я Кубанская пластунская бригада — 13, 14, 15, 16, 17 и 18-й батальоны — полковника Каменского, Сибирская казачья бригада генерал-майора Левандовского, 1-й и 2-й Сибирские казачьи полки (полковников Белова и Борисевича), 2-я Оренбургская казачья батарея (6 орудий) войскового старшины Лебедева, 3-й Горско-Моздокский полк Терского войска полковника Лепилкина, 14-я и 18-я Кубанские особые конные сотни.

3. 1-й Кавказский корпус генерала от кавалерии Калитина. В него входили: 4-я Кубанская пластунская бригада — 19, 20, 21 и 22-й Кубанские и 1-й и 2-й Терские батальоны — генерал-майора Крутеня (приписной кубанский казак), Донская пластунская бригада (4 батальона) полковника Полухина (начальник штаба бригады Генерального штаба подполковник Бояринов), 5-я Кавказская казачья дивизия генерал-лейтенанта Томашевского.

В 1-ю бригаду генерал-майора Колесникова (терский казак) входили: 1-й Таманский полк войскового старшины Белого, казака станицы Уманской (там он и застрелился после неудачного восстания казаков против большевиков весной 1918 года), 1-й Кавказский полк полковника Эльмурзы Мистулова.

2-й бригадой командовал генерал-майор Филиппов (терский казак). В бригаду входили: 3-й Екатеринодарский полк полковника Миргородского (старейший кавказец станицы Брюховецкой Кавказского отдела); 3-й Линейный полк полковника Кучерова (зарублен красными в своей станице в 1918 году); 4-й Кавказский казачий конно-артиллерийский дивизион (12 орудий), в который входили 4-я и 6-я Кубанские казачьи батареи, с середины апреля дивизион переброшен в Финляндию; 10-я и 30-я Кубанские отдельные конные сотни и 83-я Донская особая казачья сотня.

4. 6-й Кавказский корпус генерал-лейтенанта Абациева (терский казак-осетин, умер в Югославии). В него входили: 2-я Кубанская пластунская бригада генерала Букретова — 7, 8, 9, 10, 11 и 12-й батальоны (Букретов — потом кубанский Войсковой атаман, умер в Нью-Йорке); 3-й Черноморский полк Кубанского войска полковника Галушки; 28-я Кубанская отдельная конная сотня и 82-я Донская особая казачья сотня.

5. 4-й Кавказский корпус генерал-лейтенанта де Витта. В него входили: 2-я Кавказская казачья дивизия генерал-лейтенанта Кулебякина (терский казак); 1-я бригада генерал-майора Нальгиева (ингуш Терской области, зарублен красными в 1918 году в своем ауле); 2-я бригада генерал-майора Афросимова и 13-я Кубанская особая конная сотня.

1-ю бригаду составляли 1-й Лабинский полк Кубанского войска полковника Блазнова (терский казак, умер в Харбине), 1-й Черноморский полк Кубанского войска Генерального штаба полковника Шатилова (жил в Париже, дослужился до генерала от кавалерии).

2-ю бригаду составляли 3-й Волгский полк Терского войска полковника Вдовенко (потом был Войсковым атаманом Терского войска, вывезен из Югославии в Москву после Второй мировой войны), 3-й Кизляро-Гребенской полк Терского войска полковника Аландера (в 1919 году командовал 2-м Екатеринодарским полком на Маныче, где зарублен красными), 2-й Кавказский казачий конно-артиллерийский дивизион (12 орудий) полковника Флегонта Урчукина (терский казак), 3-й Сунженско-Владикавказский полк Терского войска полковника Гладилина.

6. 7-й Кавказский корпус генерал-лейтенанта Чернозубова (донской казак). В него входили: 4-я Кавказская казачья дивизия генерал-лейтенанта Филимонова (казак станицы Григорополисской, родной брат Кубанского Войскового атамана генерала А. П. Филимонова, умер в Югославии), 2-я Забайкальская казачья бригада генерал-майора Назарова, 3-я

Забайкальская казачья бригада генерал-майора Семенова, родственника атамана Г. Семенова.

Полки 4-й Кавказской казачьей дивизии: 1-й Полтавский Кубанского войска полковника Белого, 1-й Сунженско-Владикавказский Терского войска полковника М. И. Земцева (кубанский казак с академическим образованием, в 1920 году остался с капитулировавшей Кубанской армией, был сослан на Урал и умер), 3-й Таманский полк Кубанского войска полковника графа Граббе, 3-й Кубанский полк полковника Захарова (казак станицы Прочноокопской, в 1920 году остался на черноморском побережье с Кубанской армией и сослан на Урал, в Екатеринбург).

Части 2-й Забайкальской казачьей бригады: 2-й Читинский казачий полк полковника Васильева, 2-й Нерчинский казачий полк полковника Канцевича, 4-я Забайкальская казачья батарея (6 орудий).

Полки 3-й Забайкальской казачьей бригады: 3-й Верхнеудинский полковника Оглоблина (впоследствии Войсковой атаман Уссурийского войска, проживавший в эмиграции в Шанхае), 2-й Аргунский полковника Бутакова, 2-я Забайкальская казачья батарея (6 орудий) полковника Кислицкого.

7. Армейский резерв. В него входили: 1-я Кубанская пластунская бригада (1, 2, 3, 4, 5 и 6-й батальоны) Генерального штаба генерал-лейтенанта Гулыги (кубанский казак станицы Незамаевской, умер в Югославии), 3-й Лабинский полк Кубанского войска полковника Щелокова, 3-й Запорожский полк Кубанского войска и 25-я Кубанская особая конная сотня.

8. Кавказский кавалерийский корпус генерала от кавалерии Баратова. В него входила 1-я Кавказская казачья дивизия генерал-лейтенанта Раддаца. Он родом эстонец, на войну вышел командиром 1-го Сибирского атамана Ермака Тимофеевича полка. В начале 1915 года принял Сибирскую казачью бригаду и за отличие в командовании ею в июле 1916 года назначен начальником 1-й Кавказской казачьей дивизии. Весной 1918 года вел свою дивизию на Кубань, где она была полностью захвачена красными. В Армавире арестовали всех офицеров дивизии, они были посажены в тюрьму и в июне расстреляны вместе с генералом Раддацем, всего 68 человек.

1-й бригадой командовал генерал Перепеловский, бывший офицер Конвоя его величества, ранее командовавший 1-м Таманским полком. Расстрелян вместе с генералом Раддацем.

В 1-ю бригаду входили полки: 1-й Уманский полковника Лещенко (во время Гражданской войны был начальником штаба Кубанского войска, умер в Югославии в генеральском чине), 1-й

Запорожский полковника Урчукина (терский казак).

2-й бригадой командовал генерал-майор Федюшкин (терский казак). В бригаду входили полки: 1-й Кубанский полковника Суржикова (казак станицы Николаевской, расстрелян вместе с Раддацем); 1-й Горско-Моздокский Терского войска полковника Найденова (казак станицы Ханской Кубанского войска); 1-й Кавказский казачий конно-артиллерийский дивизион (12 орудий), в который входили 2-я Кубанская и 1-я Терская казачьи батареи (их командиры — войсковые старшины Федюшкин и Кочергин).

1-й Хоперский полк входил в состав Кавказской кавалерийской дивизии генерал-лейтенанта князя Белосельского-Белозерского. Командиром полка был Генерального штаба полковник Успенский, казак станицы Каладжинской. В Гражданскую войну стал генералом и Кубанским Войсковым атаманом, умер в 1919 году от тифа.

В 3-ю Кубанскую казачью дивизию генерал-майора Рафаловича (умер в Брюсселе) входила 1-я бригада генерал-майора Золотарева, состоявшая из полков: 1-го Сводно-Кубанского полковника Титуса (таманец), 2-го Сводно-Кубанского полковника Горбачева.

2-й бригадой командовал генерал-майор Кравченко (таманец). В бригаду входили полки: 3-й Сводно-Кубанский полковника Адлерберга и 4-й Сводно-Кубанский полковника Беломестнова.

3-я Кубанская казачья дивизия была сформирована на Кубани в начале 1915 года и называлась Сводно-Кубанской, так как ее полки формировались не по отделам, а каждый примерно из двух отделов. В Кубанском войске — 7 отделов, то есть войско разбито на семь военно-административных единиц, и эти отделы выставляли в мирное время 11 конных полков и б пластунских батальонов. В 1916 году этим сводным полкам были даны названия старых полков, давно упраздненных. Вот имена этих полков в порядке нумерации: Ставропольский, Екатеринославский, Ейский и Адагумо-Азовский.

В Ставропольском полку командирами сотен были старые и доблестные лабинцы Венков и Фостиков, в Гражданскую войну ставшие генералами.

Все эти сведения взяты из книги генерала Е. М. Масловского «Мировая война на Кавказском фронте 1914–1917 гг.» и дополнены мной.

Кавказская действующая армия к 1 января 1917 года имела 247 батальонов пехоты, 236 сотен конницы и 546 орудий. Из этого числа казачьи силы составляли: 24 батальона из четырех

кубанских бригад и четыре батальона из Донской пластунской бригады. В состав 236 сотен конницы входило только 18 эскадронов Кавказской кавалерийской дивизии и три конных полка пограничной стражи четырехсотенного состава. Казачьи и драгунские полки имели шестисотенный состав. Батальоны военного времени — около 1000 штыков.

По перечисленным частям видно, что казачьи силы в Кавказской действующей армии на 1 января 1917 года составляли 33 конных полка, 28 пластунских батальонов и 9 конных батарей (54 орудия).

4-я Кавказская и 3-я Кубанская казачьи дивизии не имели своей казачьей артиллерии. Не имели ее и все четыре Кубанские пластунские бригады и Донская пластунская.

Численный состав конных полков со всеми командами — около 1000 человек.

> В книге генерала Масловского указано, что в Кавказской действующей армии находились 10, 11, 13, 14, 18, 25, 26, 28 и 30-я Кубанские отдельные конные сотни и 82-я и 83-я Донские. Однако в Карской крепости находились еще 31-я и 32-я Кубанские отдельные сотни и 48-я Донская, а в крепости Александрополь — 72-я Донская сотня.
>
> В приложении «Охрана тыла войсками» указаны следующие части: 2, 3, 4, 5, 7, 8, 15 и 16-я Кубанские особые конные сотни.
>
> В пограничную стражу входили: 56-й и 57-й Донские казачьи полки и 12, 22, 23, 27 и 29-я Кубанские отдельные конные сотни и 61, 73 и 78-я Донские.
>
> Все эти Кубанские и Донские особые конные сотни, числом 31, и Донская казачья бригада, 56-й и 57-й полки не считались входящими в численный состав казачьих сил действующей Кавказской армии. А ведь 31 сотня составляла 5 полков шестисотенного формирования. Таким образом, всего воевало 267 сотен.

Небезынтересно отметить, что из семи корпусных командиров Кавказской армии к 1 января 1917 года пять были казаки. Это генералы Калитин, Пржевальский, Баратов, Абациев и Чернозубов.

Офицеры-казаки — георгиевские кавалеры Кавказской армии

Генерал Масловский пишет:

> «За взятие крепости Эрзерума государь император Николай II по-царски наградил победителя, генерала Юденича, прислав с фельдъегерем крест и звезду ордена Св. Георгия 2-й степени».

Высочайшим приказом от 17 мая 1915 года командир 1-го Кавказского армейского корпуса генерал от кавалерии Петр Калитин за начальствование Сибирской отдельной казачьей бригадой в боях с 14 декабря 1914 года по 13 января 1915 года награждался орденом Св. Георгия 3-й степени.

Орден Св. Георгия 4-й степени Калитин получил за Ахал-Текинскую экспедицию 1880 года, будучи молодым офицером в отряде генерала Скобелева. За взятие Эрзерума награжден бриллиантовой шашкой.

Высочайшим приказом от 17 мая 1917 года орденом Св. Георгия 4-й степени награждены следующие лица:

1. Командир 1-го Уманского бригадира Головатого полка Кубанского войска Михаил Фесенко — за временное командование 1-й Кавказской казачьей дивизией в боях 29–30 октября 1914 года. Терский казак.

2. Николай Бояринов, офицер 13-го Туркестанского стрелкового полка, — за временное командование 14-м Туркестанским полком в боях 20–25 декабря 1914 года. Донской казак.

3. 4-го Кубанского пластунского батальона подъесаул Матвей Дубина за то, что, командуя сотней казаков, 19 декабря 1914 года захватил на Бардусском перевале турецкую действующую батарею.

4. Иван Фирсов, хорунжий того же батальона, — за тот же подвиг.

5. 1-го Лабинского генерала Засса полка хорунжий Феодор Кофанов — за дело 19 октября 1914 года у селения Мысун, где он погиб. (Здесь вкралась ошибка: Кофанов был убит 23 октября западнее Баязета, по дороге на Диадин, о чем писал генерал Фостиков, тогда сотник и полковой адъютант, и чему был свидетелем автор этих строк.).

6. Высочайшим приказом от 26 апреля 1915 года награжден войсковой старшина Кубанской пластунской бригады Петр Романенко за то, что, командуя в бою 19 декабря 1914 года тремя сотнями казаков на Бардусском перевале, взял с боем 6 турецких горных орудий.

Высочайшим приказом от 7 января 1916 года утверждены награды главнокомандующего Кавказской армией, согласованные

с местной Георгиевской думой, — Георгиевское оружие:

7. Бывшему командиру 1-го Сибирского атамана Ермака Тимофеевича казачьего полка, командующему Сибирской отдельной казачьей бригадой генералу Эрнесту Раддацу.

8. Бывшему начальнику 2-й Кубанской пластунской бригады, начальнику 1-й Кубанской пластунской бригады генералу Ивану Гулыге.

9. Командующему бригадой Сводно-Кубанской дивизии полковнику Эльберту Нальгиеву за командование 1-м Полтавским полком Кубанского войска.

10. Бывшему командиру 1-го Запорожского Екатерины Великой полка Кубанского войска, убитому в бою в Сарыкамыше, полковнику Антону Кравченко.

11. Командиру 1-го Горско-Моздокского генерала Круковского полка Терского войска полковнику Владимиру Стопчанскому.

12. Командиру 2-го Сибирского казачьего полка полковнику Ивану Борисевичу.

13. Бывшему командиру Кубанского пластунского батальона, состоящему из-за ран в резерве чинов при штабе Кавказского военного округа, полковнику Ивану Третьякову.

14. Бывшему командиру 11-го Кубанского пластунского батальона, состоящему по болезни в резерве чинов Кавказского военного округа, полковнику Алексею Чеботареву.

15. 2-го Сибирского казачьего полка полковнику Владимиру Шмонину.

16. Командующему 3-м Черноморским полком Кубанского войска войсковому старшине Галушке.

17. Командиру 1-й Терской казачьей батареи войсковому старшине Петру Кочергину.

18. Обер-офицеру для поручений при штабе 1-го Кавказского корпуса Генерального штаба капитану Матвею Медведеву.

19. Обер-офицеру для поручений при штабе 4-го Кавказского армейского корпуса Генерального штаба капитану Георгию Хутиеву.

20. 1-го Кубанского великого князя Михаила Николаевича полка Кубанского войска есаулу Ивану Есаулову,

21. Сводно-Кубанского полка Кубанского войска есаулу Ивану Бобряшеву.

22. 1-го Сибирского атамана Ермака Тимофеевича полка Сибирского казачьего войска есаулу Вячеславу Волкову (в Сибири, в своем войске, во время Гражданской войны был генералом и сыграл видную роль при перевороте в Омске; отец казачьей поэтессы Марии Волковой; убит красными партизанами

при отступлении).

23. 2-й Кубанской казачьей батареи подъесаулу Константину Жаркову и орден Св. Георгия 4-й степени.

24. 1-го Уманского бригадира Головатого полка Кубанского войска сотнику Льву Дейнеге.

25. Того же полка сотнику Илье Раздеришину.

26. Того же полка сотнику Василию Гамалию (казак станицы Переяславской Кавказского отдела; после установления живой связи с английскими войсками в Месопотамии от имени короля Англии Георга V главнокомандующий войсками генерал Лек наградил Гамалия орденом «Милитери Кросс» (Военный крест); по возвращении из похода награжден орденом Св. Георгия 4-й степени).

27. 3-го Екатеринодарского полка хорунжему Константину Чащевому. — Георгиевское оружие за бой 17 января 1915 года.

28. 1-го Хоперского полка командиру 5-й сотни сотнику Михаилу Соломахину, казаку станицы Некрасовской Майкопского отдела, — орден Св. Георгия 4-й степени за успешную конную атаку на турок у города Ханекен (Персия) в направлении на Моссул 21 мая 1916 года.

29. Командиру 6-й сотни 1-го Кубанского полка есаулу Дмитрию Репникову, казаку станицы Расшеватской Кавказского отдела — орден Св. Георгия 4-й степени за конную атаку на пехоту турок в первый день войны, 19 октября 1914 года (в Гражданской войне начальник Кубанской дивизии, генерал. Проживал в

Югославии и перед приходом туда советских войск во время Второй мировой войны застрелился).

30. Генерал-майору Михаилу Пржевальскому, начальнику 1-й Кубанской пластунской бригады в боях под Сарыкамышем в конце декабря 1914 года и начальнику всех русских войск в этом районе, успешно отбившему все атаки турок, — орден Св. Георгия 4-й степени. В Эрзерумской операции в январе и феврале 1916 года в чине генерал-лейтенанта командовал 2-м Туркестанским армейским корпусом — награжден орденом Св. Георгия 3-й степени.

Выписки из высочайших приказов мне прислал В. И. Бастунов. Далее перечисляю тех георгиевских кавалеров, которых знаю и о которых мне точно известно:

31. Начальник 2-й Кубанской пластунской бригады Генерального штаба генерал-майор Букретов — награжден орденом Св. Георгия 4-й степени за исключительную инициативу, проявленную в Сарыкамышских боях. (В конце 1919 и начале 1920 года — Кубанский Войсковой атаман… Умер в Нью-Йорке.).

32. Генерального штаба полковник Термен, начальник штаба 1-й Кубанской пластунской бригады, заменявший в Сарыкамышской операции своего начальника, генерала Пржевальского, в должности начальника этой бригады, — награжден орденом Св. Георгия 4-й степени.

33. Генерального штаба капитан Караулов, терский казак, брат атамана Караулова. В должности начальника штаба Сарыкамышского отряда генерала Пржевальского награжден орденом Св. Георгия 4-й степени.

34. 1-го Запорожского полка Кубанского войска хорунжий Беляевский, казак станицы Рязанской Екатеринодарского отдела. За ночную вылазку на пехоту турок и захват их орудий награжден орденом Св. Георгия 4-й степени.

35. Командир 1-й сотни 1-го Кавказского полка подъесаул Феодор Алферов. В конной атаке трех сотен полка, увлекая головную сотню, захватил около 1000 пехоты турок и два горных орудия на подступах к Мемахатуну в марте 1916 года. Награжден орденом Св. Георгия 4-й степени. В чине войскового старшины в конной атаке на пехоту красных под Армавиром убит наповал летом 1918 года.

36. 1-го Хоперского полка подъесаул Илья Гречкин награжден орденом Св. Георгия 4-й степени. В 1919 году на Маныче в 3-й Кубанской казачьей дивизии генерала Бабиева командовал 1-м Таманским полком.

37. Сотник Леонид Артифексов за бой у Дутаха на реке Евфрат 6 ноября 1914 года награжден орденом Св. Георгия 4-й степени. Генерал Фостиков, сослуживец Артифексова по 2-й Кавказской казачьей дивизии, пишет о нем: казак Терского войска, окончил гимназию в Тифлисе, где его отец был преподавателем. В 1909 году окончил Московское Алексеевское пехотное училище и вышел хорунжим в 1-й Сибирский атамана Ермака Тимофеевича казачий полк. В 1913 году перевелся в 1-й Запорожский полк Кубанского войска и назначен в дивизионную пулеметную команду, которой командовал подъесаул И. В. Борисенко, офицер 1-го Полтавского полка. В 1918 году он прибыл в Корниловский полк полковником вместе с новым командиром полка полковником Бабиевым и был его помощником. Через несколько дней в бою против красных был тяжело ранен и эвакуирован. По выздоровлении назначен командиром 1-го Линейного полка после гибели полковника Мурзаева, вновь тяжело ранен и в строй больше не вернулся. С лета 1919 года — штаб-офицер для поручений при командующем Кавказской армией генерале Врангеле, при котором был в Крыму в 1920 году. Молодым генералом умер в Югославии.

38. Сотник 1-го Таманского генерала Бескровного полка Василий Терентьевич Бабаев, казак станицы Усть-Лабинской Екатеринодарского отдела. Награжден орденом Св. Георгия 4-й степени за доблестную атаку на турок 24 июня 1916 года на подступах к Мемахатуну во главе своей 5-й сотни. В 1908 году Бабаев окончил трехгодичный курс Оренбургского казачьего юнкерского училища и вышел в 1-й Таманский полк, в котором и оставался до конца 1917 года, будучи в чине есаула. В Гражданской войне оставался в Екатеринодаре. Летом 1920 года в числе 6000 кубанских офицеров и чиновников всех рангов, до отставных включительно, арестован и сослан на Соловки. Дальнейшая судьба его неизвестна.

39. Младший офицер 5-й сотни прапорщик Онуфрий Булах, казак станицы Славянской, награжден за конную атаку Георгиевским оружием. Онуфрий Булах 2-й был сверхсрочной службы подхорунжий 1-го Таманского полка. По окончании школы прапорщиков вернулся офицером в свой полк.

Нет официальных данных о награждении орденом Св. Георгия 4-й степени и Георгиевским оружием знаменитого и популярного на Кубани и Тереке генерала от кавалерии Н. Н. Баратова. Как нет никаких данных и еще о многих георгиевских кавалерах доблестного казачьего офицерства, почему и скорбно осознавать, что память о них улетучивается в сердцах.

О статутных офицерских орденах

Орден Св. Георгия и Георгиевское оружие назывались «статутными орденами». Это означает, что ими награждались только за те подвиги, которые перечислялись в книге «Статут о Георгиевских кавалерах» (название точно не помню).

Награждение строевого офицера орденом Св. Георгия производилось после совершения следующих подвигов: захвата в бою неприятельского знамени; вражеского пулемета или орудия; неприятельского офицера высшего ранга, не ниже штаб-офицерского чина и др.

Для награждения Георгиевским оружием подвиг требовался меньший. Один из случаев: начальник разъезда захватывает в плен неприятельских солдат в количестве, превышающем численность его разъезда или равном ему.

Это — в строевых частях кавалерии и пехоты. В специальных же войсках — артиллерии, у саперов, в авиации и для офицеров корпуса Генерального штаба — требовались «свои условия», но более легкие, чем в кавалерии и пехоте. В артиллерии офицер-

наблюдатель, находящийся в цепях пехоты и корректирующий стрельбу своих орудий, уже заслуживал награждения его «статутным орденом».

Офицеры Генерального штаба могли получить орден за разработку плана боя или удачное расположение своих войск на позиции, что способствовало успеху.

При представлении по команде требовались письменные показания свидетелей-участников в офицерских чинах, видевших этот подвиг. Все это представлялось в иерархической последовательности в Георгиевскую думу, которая учреждалась при главнокомандующих армиями, и потом уже утверждалось высочайшим приказом.

Труднее всего было получить «статутный орден» строевому офицеру в младших чинах. Подвиг отдельно действующей сотни или полка давал первенство на получение высшей награды командиру сотни или командиру полка как главным и ответственным руководителям боя. Подчиненные же младшие офицеры обыкновенно награждались меньшими наградами. Или им нужно было совершить воочию подвиг в составе своей сотни или полка, то есть силами своих подчиненных казаков.

Кроме того, «статутные ордена» давались в успешных и крупных военных операциях, какими были на Кавказском фронте Сарыкамышская и Эрзерумекая. В меньших же операциях требовалось только статутное совершение подвига.

На Кавказском фронте из-за малого количества у турок пулеметов и орудий мечтать о захвате их почти не приходилось.

Командир молодецкой 3-й сотни 1-го Лабинского полка Коля Бабиев прокомандовал этой сотней всю войну на Кавказе и совершил много разных подвигов, он мечтал заслужить «белый офицерский крестик». Но так его и не получил, хотя и был представлен. И уже в Гражданскую войну, в конце 1918-го или самом начале 1919 года, распоряжением генерала Деникина, главнокомандующего войсками юга России, была образована в

Екатеринодаре Георгиевская дума, которая, рассмотрев былые представления, утвердила и наградила многих офицеров «статутными орденами». В числе награжденных по Кубанскому войску были:

1. Орден Св. Георгия 3-й степени генералу Шатилову, бывшему в чине полковника командиром 1-го Черноморского полка.

2. Орден Св. Георгия 4-й степени генералу Бабиеву, бывшему подъесаулу и командиру 3-й сотни 1-го Лабинского полка.

3. Подъесаулу Петру Кадушкину, бывшему командиру 5-й сотни 1-го Черноморского полка, казаку станицы Усть-Лабинской.

Казачий полк

Сила такого полка исчислялась в 1000 казаков и чуть более 1000 лошадей, включая обозы 1-го и 2-го разрядов. В мирное время каждая сотня имела в строю 120 человек, а на время войны — 135. Ее составляли:

вахмистры……..1 сотенные трубачи…….1
взводные урядники…….4 сотенные фельдшеры…..1
младшие урядники…….8 строевые казаки…….. 120
Итого — 135
А всего в шести сотнях — 810.

Кроме того, в каждом полку были следующие команды: трубаческая, команда связи, обозная, писарская, чины полкового околотка — медицинского и ветеринарного, полковые кузнецы, полковой каптенармус. В них числилось около 100 казаков разных званий и рангов.

В полках было около 25 офицеров, 2–3 врача, 2–3 военных чиновника, полковой священник. Каждому из них по закону полагался один конный вестовой и один денщик. Итого одних вестовых и денщиков свыше 60 казаков.

Каждая дивизия имела пулеметную (8 пулеметов) и конно-саперную команды, которые формировались казаками из всех четырех полков дивизии.

Писари, конные вестовые и денщики для всех офицеров и чиновников штаба дивизии набирались также из полков.

По закону, изданному с началом войны, семьи офицеров могли также иметь при себе денщика из полка. Кроме тех казаков, которые полагались по штату штабу дивизии, все остальные числились по спискам полка и составляли на полк около 1000 казаков.

О казачьей силе и переживаниях на фронте

В начале этой тетради-брошюры мной поименно перечислены все казачьи полки, конные батареи, пластунские батальоны и отдельные конные сотни. Эти казачьи силы на Кавказском фронте на 1 января 1917 года составляли:

Кубанские пластунские батальоны……22 около 22 тыс. человек;
Терские пластунские батальоны…..2 около 2 тысяч;
Кубанские конные полки……20 около 20 тысяч;
Терские конные полки……6 около 6 тысяч;
Забайкальские конные полки……..4 около 4 тысяч;

Сибирские конные полки……..2 около 2 тысяч;
Донские полки четырехсотенного состава……..3 около 1,5 тысячи;
Донские пластунские батальоны — 4 около 4 тыс. человек;
Донские особые конные сотни……..7 около 900 казаков;
Кубанские особые конные сотни — 24 более 3000 казаков;
Кубанские конные батареи……5 около 1250 казаков;
Забайкальские конные батареи……2 около 500 казаков;
Терская конная батарея……1 около 250 казаков;
Оренбургская конная батарея……..1 около 250 казаков.

Всего же:
28 пластунских батальонов… около 28 тысяч пеших казаков.
35 конных полков…… около 33 тысяч казаков.
31 конная сотня…… около 4 тысяч казаков.
9 конных батарей…… более 2 тысяч казаков.

Считая, что не все полки и батальоны были полностью укомплектованы, остановимся на цифре 65 000 человек.

Все эти казачьи силы были на своих лошадях, при собственных седлах и холодном оружии и в своем обмундировании, до белья включительно. Казаки получали от государства только орудия, пулеметы, винтовки, подковы для лошадей, питание и фураж. Пластуны также имели собственное обмундирование и кинжалы и только винтовки получали от государства.

Как казаки питались на Кавказском театре военных действий, на занятой турецкой территории и в Персии, когда линия фронта проходила порой за две — три сотни верст от государственной границы, и чем они кормили своих лошадей — лучше умолчать… Сплошные горы, трущобы и бездорожье, бедность и редкость населения, абсолютное отсутствие деревьев на топливо в жуткую зимнюю стужу… Мрачные, вшивые, вонючие каменные норы курдских жилищ и их полная примитивности жизнь… И — никакого ропота среди послушного казачества. И никакого отпуска до лета 1915 года, а потом — два казака на сотню, процент небольшой… И только редкие письма из станицы, от семьи — вся радость, единственная радость для души…

Чтобы не быть голословным, приведу выдержки из книги генерала Масловского. Он приводит воспоминания начальника 66-й пехотной дивизии генерала Савицкого, который со своей дивизией занимал позиции за Шайтан-даг (Чертова гора) в районе Огнота с осени 1916-го и до весны 1917 года.

«Положение частей на позициях, на высоте от 2400 до 3000

метров над уровнем моря, становилось все более и более тяжелым. На топливо были разобраны все брошенные жителями деревни. Доставка продуктов и фуража вследствие глубоких снегов была очень затруднительна. К весне положение ухудшилось. Начались заболевания возвратным тифом. Из-за начавшегося весной 1917 года таяния снегов доставка продуктов ухудшилась. По долинам с большим трудом, но все же можно было подвозить продукты на подводах. Далее, на горы, продукты везли на вьюках и складывали в тылу позиции юрты, а отсюда продукты переносились пешими командами, так как лошади с вьюками проваливались в глубокий снег».

Начальник штаба 4-й Кавказской стрелковой дивизии генерал Квинитадзе пишет:

> «Одновременно с постройкой окопов и землянок строили дороги на Эрзерум. Но это была просто детская игра с природой. В начале декабря 1916 года солнце спряталось и повалил снег. Увидели солнце лишь на два дня в конце декабря, но затем недели две-три шел непрерывно снег. Все дороги завалило им. Расчищать их было невозможно, так как расчищаемый участок сейчас же снова заносило… Снег стоял стеной до 3–4 саженей, ветер страшный, метель. В 20 шагах ничего не видно; стоят люди и чистят дорогу, заметаемые снегом и замерзая.
>
> На позициях, где мы находились до ухода в Эрзерум, было что-то трудноописуемое. Часто утром нельзя было открыть землянку, так как вся она, до верха, оказывалась засыпанной снегом… Зимой поели ишаков, кошек и собак. Иной раз солдаты варили бульон из хвостов и ели его. Лошади отъедали друг у друга хвосты и гривы… Обозы стояли на перевалах, занесенные снегом».

Перемещение Кубанских казачьих полков в 1917 году

По мобилизационному плану следующие полки Кубанского казачьего войска были приданы корпусам Западного фронта в качестве корпусной конницы: 2-й Черноморский — 9-му, 2-й Екатеринодарский — 11-му, 2-й Линейный — 12-му, 3-й Уманский — 12-му, 3-й Полтавский — 10-му и 3-й Хоперский — 3-му Кавказскому армейским корпусам.

В 1916 году из четырех полков была сформирована новая 4-я Кубанская казачья дивизия, которую возглавил генерал Рыбальченко, кубанский казак, вышедший на войну во главе 1-го

Кизляро-Гребенского генерала Ермолова полка Терского войска. В нее вошли следующие полки: 2-й Екатеринодарский, 2-й Черноморский, 3-й Полтавский и 3-й Запорожский.

2-й Линейный и 3-й Хоперский полки образовали Кубанскую отдельную казачью бригаду, а 3-й Уманский так и не вошел в свою войсковую организацию.

В середине февраля 1917 года я был командирован в Петроград для представления на службу в Конвой его величества. В

Екатеринодаре я узнал, что 4-я Кубанская дивизия находится на отдыхе, на Кубани. Революция застала меня в Петрограде. Возвращаясь обратно в свой 1-й Кавказский полк, я застал эту дивизию на станции Акстафа, где она разгрузилась для следования походным порядком на Джульфу и далее в Персию, в Экспедиционный Кавказский кавалерийский корпус генерала Баратова. Это было в самых первых числах марта, когда в дивизию поступил манифест императора Николая II об отречении. Я гостил у офицеров 2-го Екатеринодарского полка, почему мне и памятны эти дни.

Начальником штаба дивизии был Генерального штаба полковник Успенский, бывший командир 1-го Хоперского полка, в 1919 году ставший Кубанским Войсковым атаманом после разгрома Краевой рады. Командиром 1-й бригады был полковник Вдовенко, терский казак, ставший Терским Войсковым атаманом, и командиром 2-й бригады — полковник Туроверов (кубанец). Дивизия не имела своей артиллерии.

В середине апреля 1917 года 5-я Кавказская казачья дивизия генерала Томашевского была переброшена из-под Карса в Финляндию. При следовании эшелонов 1-го Кавказского полка от Тихорецкой на Царицын мы встретили партизанский отряд войскового старшины А. Г. Шкуро, который перебрасывался в Персию. Он состоял из двух сотен казаков.

В это же время в Персии действовал еще один казачий партизанский отряд войскового старшины Лазаря Бичерахова (терский казак-осетин).

В партизанском отряде А. Г. Шкуро командирами сотен были подъесаулы Я. Прощенко и Ю. Ассиер, выпуска 1912 года Оренбургского казачьего училища.

Первый расстрелян на станции Кавказской в марте 1918 года, а второй погиб под Осколом в ноябре 1919 года в чине полковника и должности командира 1-го Хоперского полка.

В 1917 году из видных казачьих офицеров Кавказского фронта следующие лица занимали заметные должности не в казачьих частях:

1. Бывший командир 1-го Кубанского пластунского батальона полковник Расторгуев — генерал-майор и командир бригады 6-й Кавказской стрелковой дивизии. Умер в Югославии.

2. Полковник Демяник — командир 154-го Дербентского пехотного полка. Погиб в Кубанском конном отряде полковника Кузнецова в горах за Туапсе в 1918 году.

3. Генерального штаба подполковник Караулов, терский казак — начальник штаба 7-й Кавказской стрелковой дивизии.

Генерал от кавалерии Петр Петрович Калитин

Среди героев Кавказской армии генерал Калитин занимал видное место после командующего армией генерала Юденича и равных ему по должности генералов — Баратова и Пржевальского. Его считали все милым, добрым, отзывчивым и веселым стариком. Своими летами он был старше всех. Довольно крупный, полный, осанистый, с седой коротко подстриженной бородкой, он отечески привлекал всех к себе и вызывал почтение и уважение.

Ни тогда, ни теперь редко кто из нас знал биографии своих начальников. Пожалуй, такие сведения имел полковник Терского казачьего войска К. С. Лотиев, живший во Франции. От него я получил интересные сведения о Калитине. Вот они:

«Генерал от кавалерии Петр Петрович Калитин происходил из дворян Смоленской или Псковской губернии. Родился между 1845–1850 годами. Он был двоюродным братом военного министра генерала Куропаткина. Учился в Нижегородском (Аракчеевском) кадетском корпусе и, как он сам говорил, за „громкое поведение“ исключен из 4-го или 5-го класса. После этого поступил добровольцем в отряд генерала Скобелева и участвовал в Ахал-Текинской экспедиции. За боевые отличия награжден офицерским чином, а за взятие крепости Геок-Тепе получил офицерский Георгиевский крест 4-й степени. Это было в 1880 году.

Служба его до лета 1899 года протекала в Туркестане. Там он командовал Туркменским конным дивизионом, а в мае 1899 года назначен командиром 1-го Волгского полка Терского войска. Командовал полком блестяще, проявляя исключительную заботливость. Все смотры при нем, включая и смотр инспектора кавалерии великого князя Николая Николаевича (грозы кавалерии), проходили отлично. В 1902 году, во время Курских маневров, на которых присутствовал император Николай II, полк особенно отличился разведывательной службой и маневрированием „лавой“, что было отмечено приказом по

войскам, которыми командовал военный министр генерал Куропаткин. Вскоре после этого, весной 1903 года, Калитин был произведен в генералы и назначен бригадным командиром 1-го Волгского и 1-го Линейного Кубанского войска полков. В 1905 или 1906 году он получил Забайкальскую отдельную казачью бригаду, а вскоре — Сибирскую отдельную казачью бригаду, с которой и вышел на войну, на Кавказский фронт в 1914 году. Утвердительно могу сказать, что он приписан в казаки Ессентукской станицы Терского войска».

Последние годы жизни Калитин провел Париже. В 1925 году там выступала громадная группа казаков-джигитов: 80 наездников, 40 человек хора трубачей, 100 человек хора песенников и 20 танцоров. С хозяйственными чинами всего было 250 человек. Все это возглавлял генерал Шкуро. Иногда на представление приходил генерал Калитин. Его казаки всегда звали на обед. В штатском костюме, слегка грузный и, как всегда, веселый, подвижный, он был приятен.

В 1928 или 1929 он умер в Париже. Французские газеты посвятили ему похвальные статьи как герою, отличившемуся при взятии крепости Эрзерум в 1916 году, и поместили его портрет в походной форме тех лет войны. Умер он в возрасте около 80 лет.

Генерал-майор Эльмурза Мистулов

О родословной Мистулова дал сведения тот же полковник Лотиев, его сослуживец и ближайший друг.

Отец Эльмурзы, Асламбек, был ротмистр. За отличие в Турецкой войне 1877–1878 годов имел два солдатских Георгиевских креста и чин офицера. Офицером служил в 1-м Горско-Моздокском полку Терского войска, а потом переведен в Дагестанский конный полк.

Эльмурза родился в 1869 или 1870 году. В 1890 году окончил Ставропольское казачье юнкерское училище и вышел подхорунжим в 1-й Волгский полк (тогда таким чином выпускали из юнкерских училищ). Как окончивший по 1-му разряду — через полгода он был произведен в чин хорунжего, со старшинством года окончания училища. В 1899 году, прибыв молодым хорунжим после окончания казачьей сотни Николаевского кавалерийского училища, я застал его «старым сотником». Мистулов пробыл в этом чине не менее 6 лет (тогда из сотников в подъесаулы производили «на вакансии», и были сотники, которые сидели в этом чине по 15 лет и дольше). Застал его в полку начальником учебной команды. В 1900 году, во время боксерского восстания в Китае, он уехал на Дальний Восток, где

получил на Маньчжурской железной дороге «охранную роту». В июне 1902 года, перед царскими маневрами под Курском, вернулся обратно в полк. В 1904 году с Терско-Кубанским горским полком выступил на русско-японскую войну. За выдающиеся подвиги был награжден всеми боевыми наградами по его обер-офицерскому чину: до Св. Владимира 4-й степени с мечами и бантом, Золотым оружием, орденом Св. Георгия 4-й степени и чином есаула.

В 1906 году вернулся в войско и был командиром сотни 2-го Волгского полка. В 1908 году переведен в 1-й Горско-Моздокский полк. В 1911 году произведен в войсковые старшины и назначен помощником по строевой части командира 1-го Волгского полка. В 1913 году назначен в 1-й Кизляро-Гребенской полк и участвовал в Шахсевенской экспедиции в Персии. В начале 1914 года назначен командиром 2-го Сунженско-Владикавказского льготного полка, с которым и вышел на войну. Остальное вам известно и описано в ваших брошюрах. Он имел пять братьев. От третьего брата, есаула Дзанчека, выданного в Лиенце, остался сын, Эльмурза.

В. Бастунов прислал мне копию высочайшего приказа от 25 февраля 1907 года о награждении Мистулова орденом Св. Георгия 4-й степени, которую и помещаю в память о храбрейшем из храбрых.

> «1-го Волгского полка Терского казачьего войска Эльмурзе Мистулову за выдающийся подвиг, мужество и храбрость, оказанные им 12 декабря 1904 года у деревни Бедагоу, когда, узнав, что сотник князь Эльдаров, налетевший на неприятельские окопы, занятые пехотной заставой в 30 человек, пал смертельно раненный, он с 13-ю всадниками и ординарцами бросился в атаку в конном строю и, несмотря на бешеный огонь японцев, первым доскакал до окопов, лично зарубил несколько человек, а остальных обратил в бегство и, будучи ранен дважды пулями и штыковым ударом в живот, до конца схватки оставался в строю и спас тело князя Эльдарова».

Приложение

Офицеры 1-го Кавказского генерал-фельдмаршала князя Потемкина-Таврического полка, изображенные на фото, опубликованном на последней странице вкладки.

Верхний ряд слева направо: полковой казначей, военный чиновник (в фуражке, не казак); хорунжий Трубицын (из

урядников), казак станицы Расшеватской, умер в 1919 году; есаул Ламанов, казак станицы Кавказской, командир полкового обоза, в 1920 году сослан в Кострому и расстрелян в Пензе в 1921 году; хорунжий Кабища, казак станицы Архангельской, в чине войскового старшины убит в бою с «зелеными» в 1920 году в районе Сочи; хорунжий Катасонов* казак станицы Новопокровской, убит в бою с «зелеными» под Туапсе в 1919 году; сотник Павел Бабаев (сын), казак станицы Усть-Лабинской, проживал в Югославии; войсковой старшина Г. К. Маневский, казак станицы Царской, в чине полковника смертельно ранен в бою на Маныче в апреле 1919 года, приказ о производстве в генералы застал его в гробу, похоронен в Майкопе в ограде церкви; хорунжий Иван Щербаков; хорунжий Козьмин (из урядников), казак станицы Темижбекской; помощник делопроизводителя, не казак.

Сидят на скамьях: полковой врач Самуил Капелиович, из Баку; подъесаул Дьячевский, казак станицы Уманской, умер на Соловках, сосланный в 1920 году; войсковой старшина Иван Терентьевич Бабаев (отец), казак станицы Усть-Лабинской, подполковником умер в Греции; войсковой старшина Калугин, казак станицы Ладожской, убит красными на Кубани в 30-х годах; командир полка Эльмурза Мистулов, терский казак-осетин станицы Черноярской, застрелился в ноябре 1918 года; войсковой старшина А. П. Пучков, из Майкопа, рядом — его сын; войсковой старшина Алферов, казак станицы Урупской, убит в конной атаке на пехоту красных под Армавиром летом 1918 года; полковой делопроизводитель Е. Т. Чирсков, терский казак, зверски замучен красными после Кавказского восстания казаков 24 марта 1918 года в станице Темижбекской; хорунжий Субботин (из студентов), казак станицы Ильинской, умер в Париже; младший медицинский врач зауряд-лекарь В. Жуков, казак станицы Лабинской.

Сидят на бурках: подъесаул Г. Г. Мацак, казак станицы Баталпашинской; хорунжий Уваров (из урядников), казак станицы Новопокровской, убит в бою с красными в 1918 году; подъесаул Владимир Поволоцкий, казак станицы Нефтяной, в 1920 году сослан на Соловки; хорунжий А. А. Косульников, терский казак; подъесаул Николай Леурда, казак станицы Горячий Ключ, застрелился в Екатеринодаре в начале 1918 года; подъесаул Владимир Николаевич Кулабухов, казак станицы Новопокровской, умер от тифа в 1919 году; полковой адъютант подъесаул Федор Иванович Елисеев, казак станицы Кавказской, полковник, жил в Нью-Йорке; подъесаул А. А. Винников, казак станицы Славянской, зверски замучен красными в феврале 1918 года у станицы Ловдинской; подъесаул А. С. Некрасов, казак

станицы Николаевской, в чине войскового старшины умер в Германии в 1950 году; корнет Кантемиров, из осетин Карса; хорунжий Суворов (из урядников), казак станицы Темижбекской.

Москва
Военное издательство
2001
ББК 63.3(2)524 Е51
Елисеев Ф. И.
Е51 Казаки на Кавказском фронте. 1914–1917: Записки полковника Кубанского казачьего войска в тринадцати брошюрах-тетрадях. — М.: Воениздат, 2001.- 292 с, илл. — (Редкая книга).
ISBN 5–203–01901–0.
ISBN 5–203–01901–0 ББК 63.3(2)524
© Составление, предисловие, иллюстрации Стрелянов (Кулабухов) ГШ., 2001
Федор Иванович Елисеев
КАЗАКИ НА КАВКАЗСКОМ ФРОНТЕ. 1914–1917
Главный редактор редакции Н. П. Синицын Редактор В. В. Амельченко Художник Ю. В. Кроткий Художественный редактор Л. Е. Кривокобылъская
Технический редактор Н. Я. Богданова
Корректор Г. В. Казнина
Компьютерная верстка О. С. Михеева
Лицензия ЛР № 020872 от 8 июля 1999 г.
Сдано в набор 08.08.2000.
Подписано в печать 00.03.2001. Формат 60x88/16.
Гарнитура Школьная. Печать офсетная.
Бумага офсетная. Печ. л. 18,25 + 1 вкл. 1 печ. л.
Усл. печ. л. 18,86. Уч. — изд. л. 20,86.
Изд. № С/00/385.
Тираж 5000 экз.
Заказ № 2582
Воениздат, 103160, К—160
Типография ОАО, «Внешторгиздат», 127576, Москва, 576, Илимская ул., 7

Фотографии

Боевое движение 1-го Кавказского полка на Турецком фронте в 1914-1917 гг.

Секретно.

Приложеніе къ ст. 4.
Къ прик. по В. В. 1906 г. № 701

АТТЕСТАЦІЯ за 1912 годъ

№.....

(составленный въ Главномъ Штабѣ).

Чинъ, имя и фамилія	Есаулъ Петръ Семеновъ Абашкинъ
Часть или должность и съ какого времени	1-го Лабинскаго полка Кубанскаго Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Михаила Александровича казачьяго полка съ 2 Іюня 1911 года
Въ послѣднемъ чинѣ съ	Іюня 1909 г. Полковой адъютантъ съ Января 1910 года.
Родился	19 Января 1888 года.
Вѣроисповѣданія	Православнаго.
Семейное положеніе	Женатъ; Дѣтей: 1896, 1898, 1904 и 1910 г.г.
Общее образованіе	Въ Александровскомъ реальномъ училищѣ 6 классовъ.
Военное	Въ Сновскомъ военномъ училищѣ по 2 разряду и Императорскомъ Николаевскомъ кавалерійскомъ училищѣ, откуда выпущенъ въ Январѣ 1912 года.
Боевая служба (Здѣсь кратко обозначается участіе въ походахъ и дѣлахъ и ордена за боевыя отличія, а также раны и увѣчья, полученныя въ дѣлахъ съ непріятелемъ)	Не было.
Командный цензъ (Для лицъ, не командовавшихъ отдѣльными частями, указывается продолжительность командованія ротой (эскадономъ) и батальономъ. (Ротой 10 лѣтъ. 6 мѣсяцевъ. батальономъ 4 года 3 мѣсяца)	Командовалъ сотнею 1 Іюня 1912 г. Старшій 1-го Іюня 1912 г. Старшій Н. Штаба Его Имп. Вел. Конво Его Имп. Вел. Ея.
Если аттестуемый представляется въ кандидаты, то на какую должность	

Примѣчаніе: Всѣ свѣдѣнія на этой страницѣ вносятся изъ послужного списка въ канцеляріи, кромѣ послѣдней рубрики, которую заполняетъ утверждающій аттестацію начальникъ

Аттестация на есаула 1-го Лабинского полка П. С. Абашкина, подписанная генералами Абациевым, Фидаровым, Мышлаевским

Командующий войсками Туркестанского военного округа генерал от кавалерии А. В. Самсонов (в мундире Ахтырского гусарского полка). 1914 г.

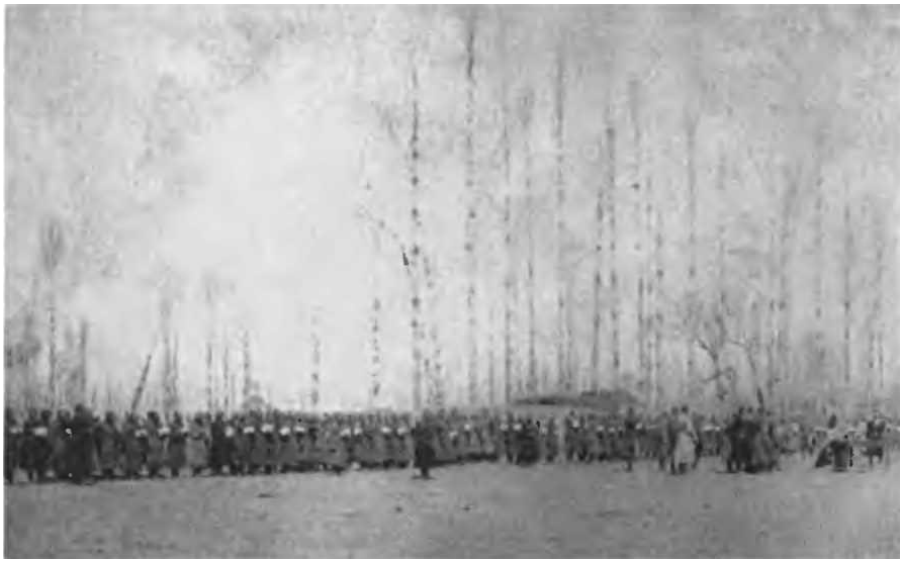
Георгиевские кавалеры конно-пулеметной команды 2-й Кавказской казачьей дивизии. Турецкий фронт

В штабной землянке, В центре (под лампой) войсковой старшина П. С. Абашкин. 1915 г.

Доставка боеприпаса и провианта на верблюдах в Кавказскую армию

Казачий офицер. Кавказский фронт. 1914

Командир 3-й сотни 1-го Лабинского полка подъесаул Н. Г. Бабиев. 1916 г.



Молебен в 1-м Лабинском полку. 1915 г.

Казаки 1-го Лабинского полка в разведке, «в один конь». 1915 г.

Казачий офицер 3-го Кубанского пластунского батальона. 1915 г.

Офицер 3-го Черноморского полка. 1916 г.

Казаки у сотенного значка. Кавказский фронт

Фронтовой пункт Красного Креста. Кавказская армия.

Адъютант 1-го Кавказского полка хорунжий Ф. И. Елисеев (в центре) с однополчанами. 1915 г.

Казаки Сибирской отдельной бригады на Турецком фронте. 1915 г.

Офицеры 1-го Лабинского полка. 1916 г.

Командир 1-го Кавказского полка полковник Эльмурза Мистулов

1-й Лабинский полк на построении. Каре. 1915 г.

Лошади казачьего полка. 1915 г.

Ванская (апрель — май) и Еефратская (июнь — июль) операции Кавказской армии. (Схемы даны в авторском исполнении)

Казачий разъезд. 1915 г.

Командир 1-го Лабинского полка полковник П. С. Абашкин с семьей. 1917 г.

Хорунжий 1-го Таманского полка Б. Н. Абашкин. Погиб в атаке на турок 8 июля 1916 г.

Казак И. Г. Елисеев (второй слева) с сыновьями. Слева хорунжий 3-го Кавказского полка Андрей, справа прапорщик 2-го Черноморского полка Георгий и подъесаул 1-го Кавказского полка Федор. 1917 г.

Офицеры и казаки 1-го Лабинского полка. 1915 г.

Обоз казачьего полка. Турецкий фронт

Турецкая крепость Эрзерум после падения. Февраль 1916 г.

Казаки на бивуаке в горах Турции

Командир сотни 1-го Кавказского полка подъесаул В. Н. Кулабухов. 1916 г.

Фуражировка в горах

Штаб офицеры 2-й Кавказской казачьей дивизии. Слева — командир 1-го Лабинского полка П. С. Абашкин. 1917 г.

Офицеры 1-го Кавказского генерал-фельдмаршала князя Потемкина-Таври (Поименный список см. в приложении).

notes

Примечания

1

В фамилиях Калабухов и Кулабухов буквы *а* и *у* взаимозаменяемы. В высочайших приказах мой дед писался Калабуховым.

2

Генерал-майор П. С. Абашкин, мой прадед, после лагерей умер в Ростове-на-Дону в 1934 году. *(Прим. сост.)*.

3

За отличия в боях зимне-весенней кампании 1915 г. войсковой старшина Абашкин и подъесаул Бабиев были награждены орденами Св. Равноапостольного князя Владимира 4-й степени с мечами и бантом. *(Прим. сост.)*.

4

Крестовый поход во имя правды // Русская жизнь. Сан-Франциско. 1956. 25 октября.

5

«Журнал боевых действий 1-го Лабинского генерала Засса полка. 1916 г., 9 января… Курды неотступно следовали по горам параллельно движению колонны. Перевал оказался занятым гамидийцами числом 300 человек и многочисленными курдами — до 1000. Для занятия перевала были назначены 2-я и 4-я сотни, подкрепленные затем 1-й сотней и пулеметной командой под общим начальством войскового старшины Абашкина. Наши цепи сблизились с противником до 200 шагов. Дозорами были замечены подходящие на помощь туркам две роты пехоты. Занимая хорошую позицию и укрывшись за камнями, противник держался весьма стойко и делал попытки перейти в наступление. Тем не менее к вечеру перевал был в наших руках…»

Штаб Походного атамана Казачьих войск при государе императоре. РГВИА, ф.2007, оп.1, д.57. *(Прим. сост.)*.

6

«Из рапорта командующего 1-го Лабинского генерала Засса полка войскового старшины Абашкина. 1916 г., 13 января. Вверенная мне колонна в составе всех 6 сотен полка совместно с конно-пулеметной командой 2-й Кавказской казачьей дивизии и 2-й армянской дружиной выступила в 8.00 утра из села Кара-Кепри… Бои с противником посотенно… продолжались весь день. В авангарде находилась 3-я сотня подъесаула Бабиева… Противник имел 4 роты пехоты, эскадрон сувари (кавалерия турок) и свыше 500 курдов… Взят город Хныс, артиллерийский склад, зарублено 327 аскеров».

Штаб Походного атамана Казачьих войск при государе императоре. РГВИА, ф.2007, оп.1, д.57. *(Прим. сост.)*.

7

Хорунжий Борис Абашкин в 1915 г., 22 лет. Награжден орденами Св. Анны 4-й степени. «За храбрость» и Св. Станислава 3-й степени с мечами и бантом. Список офицеров 1-го Таманского генерала Бескровного полка. ГАКК, ф.396, оп.1, д. 10870. *(Прим. сост.)*.

8

Д. А. Мигузову был все же присвоен чин генерал-майора, и он был назначен командиром 1-й бригады 2-й Кубанской казачьей дивизии.

9

Э. А. Мистулову был присвоен чин генерал-майора, и он назначен командиром 2-й бригады 2-й Кубанской казачьей дивизии.